

Михаил Липарк

Столкновение стихий  
**ОБЛИК ОГНЯ**

Волшебников больше не существует... Каждый, кто еще мог творить магию, скрывается и молит Богов о пощаде. Шансы спастись ничтожны. Инквизиция найдет любого чародея и искоренит мерзопакостную сущность раз и навсегда. Если вы думаете, что Сарвилл Кхолд избранный, которому предначертано освободить магов, то вы глупцы! Уже завтра его казнят на главной площади Дастгарда. Придите и узрите, как гаснет ваша последняя надежда.

---

---



# Предисловие

*«Дорогой друг. Рукопись, что ты сейчас держишь в своих руках, является частью одной необъятной головоломки, истории и целой вселенной, которая, подобно вырванной из книги странице, скрывает за собой самые важные события, без которых было бы невозможно представить картину целиком, а наше существование таким, каким оно является сейчас. Кто я? Я никто. Зови меня чужеземец. Чужеземец, который объял необъятное в поисках истины, странствуя по свету и собирая по крупицам детали и факты произошедших событий. Твой покорный слуга преодолел бесчисленное количество верст в поисках людей, которые хотя бы отдаленно были причастны к случившемуся и могли что-то поведать. Я записывал каждый случайно произнесенный звук оных на бумагу, дабы ничего не упустить и постоянно прокручивал в своей голове те слова, которые звучали из их уст и навсегда лишили меня покоя. Случай или судьба заносили меня к тем самым местам на земле, на просторах которой все происходило и мне довелось узреть курганы, на которых плясали вороны, запечатлеть в памяти все цвета радуги, размазанные по небесам в некоем бесформенном отчаянии, вдыхать тяжелый воздух, наполненный серой и горячим песком. Черновики навсегда останутся черновиками, потому что мне не суждено сохранить работу всей моей жизни, если я буду таскать у себя на горбу кипы бумаг с заметками по этому поводу. По этой причине я принял решение, оставлять часть истории в том или ином месте, а когда люди поймут, насколько незаурядными, сверхъестественными и ошеломительными были события тех лет, то кого-нибудь обязательно тронет эта история, и он, несомненно, возложит на себя бремя подарить миру это чудо, собрав все части моих пристрастных записей воедино и придать их огласке».*

*Заметки чужеземца, найденные на Расколотых Островах вместе с частью карты Неймерии.*

В комнате было тихо и спокойно. Свечи, расставленные по разным углам комнаты, плакали восковыми слезами. Тусклый лунный свет пробирался в помещение, словно подглядывая за тенями, отплясывающими какой-то мистический танец.

Женщине, сидящей у кровати с большой книгой в руках, на вид было около сорока лет. Ее густые черные волосы, собранные на затылке в пучок, уже теряли свой здоровый вид, местами покрывая голову сединой.

— Когда герой нанес последний, решающий удар, голова короля упала на пол, закончив битву глухим звуком — череп ударился о мраморный пол, а плитка раскрасилась цветом алой зари, — читала вслух женщина. Ее лицо украшали ранние морщины, а пальцы, которыми она перевернула страницу, были покрыты несмываемой золой.

В кровати лежал маленький мальчик, сжимающий одеяло пальцами и усердно прижимающий его к подбородку.

Читая, женщина теребила уголок ветхой страницы.

— Когда принцесса вошла в зал, — ее мягкий материнский голос перебивал тишину и потрескивание в очаге, — она увидела своего возлюбленного, с мечом в руках, с лезвия которого стекали капли густой крови, оставляя мрачные пятна на спокойном мраморе. Девушка плакала, но не могла понять почему. Ее любимый убил ее отца, тем самым закончив страдания тысяч людей, но все же — это ее плоть и кровь была обезглавлена этой ночью. «Я плачу, потому что все кончилось! Не потому, что мой отец мертв! Он был тираном и убийцей, я не могу позволить себе печалиться о нем!» — убеждала она себя, не понимая, что именно наполняет ее грудь тоской. Отважный герой выпустил меч из рук. «Белая измена» упала, разнося стальное эхо по залу. Мы победили», — сказал он еле слышно, когда она утонула в его объятиях.

Мальчик с большими зелеными глазами, равнодушно хлопая ресницами, шмыгнул носом.

— Не интересно! — капризно отозвался он на паузу, которую сделала мать, чтобы плотнеть уже остывший чай. Чайные листья остались на стенках кружки, когда жидкость приняла прежнее положение.

Женщина ответила ему тонкой уставшей улыбкой.

— Матушка, я хочу другую историю! Правдивую! — мальчик жалостливо скривил лицо.

— Правдивую историю? — женщина положила свою руку на его запястье.

— Да! Правдивую! Во всех тех сказках, что ты читаешь мне, герои всегда побеждают, заводят себе жен, детей и живут долго и счастливо! Такого не бывает! — он шмыгнул носом и обиженно отвернулся к стене. — Все истории неправдивые. Не бывает приключений, которые происходят с ними! Не бывает красивых принцесс! Не бывает злых королей и волшебства! Все это выдумка!

— Почему ты так думаешь, родной? — она погладила его по длинным каштановым волосам.

— Потому что я вижу это своими глазами, — он повернул голову к матери. — Король сидит у себя в замке, его дочь ни капельки некрасивая — я видел ее в прошлом месяце на рынке. А все люди — наши соседи, дядя, отец и ты — каждый день занимаются одними и теми же делами, а вечером ложатся спать! И так каждый день!

За окном кто-то закашлялся, а потом наградил округу журчанием.

— В этих историях, — не успокаивался ребенок, — приключения происходят с героями друг за другом. Такого не бывает! Не бывает! Скучно и неправдоподобно!

— Ты прав, сынок, — женщина положила книгу на тумбочку страницами вниз, чтобы не потерять место, на котором она прекратила читать, — так и есть. Большинство людей живут обычной жизнью, и если что-то интересное происходит с ними, то чаще всего этот момент они вспоминают до конца своих дней при первом удобном случае, и, конечно, этой истории не хватит и на одну страницу в такой книге.

На улице грянул гром, мальчик обернулся, испуганно уставившись в небольшое окно.

— Тем, кого ты перечислил, никогда не стать героями романов, потому что они выбрали свой путь в жизни — спокойный и размеренный, но это не значит, что все люди выбирают эту дорогу. Иные — те, кого тебе еще не довелось встретить, потому что они от зари до зари заняты приключениями, выбирают то, что ты считаешь правдивой историей, и попадают в книги. Кто знает, что выберешь ты...

— А почему не бывает историй про обычных людей с одним приключением?

Женщина взяла сына за руку.

— Потому что история следит только за героями.

За окном пошел сильный дождь, ветер спрятался от него под крышей дома, где мать разговаривала со своим сыном, и игриво задул все свечи. Женщина закрыла ставни, зажгла одну свечу рядом с кроватью и продолжила читать.

# Глава I

День в столице королевства Дордония, Дастгарде, начинался не хуже и не лучше любых других дней в этом под завязку заселенном и пыльном городе. Засидевшиеся до утра в городских корчмах пьяницы встречали рассвет, нехотя волоча свои ноги по узким улочкам в стороны своих домов, проходя мимо бодрых горожан, каждый из которых уже занимался своим нелегким трудом. Кто-то усердно вычищал лошадиные стойла, а кто-то таскал ведра, наполненные до краев водой из ближайшего колодца, по пути расплескивая ее так, что каждый желающий легко мог отследить путь водоноса и посмотреть в глаза тому, кто зачем-то набирал полную тару, зная, что все-равно донесет только треть. Третьи сочли необходимым что-то непременно отремонтировать в столь ранний час и отстукивали молотком какой-то ломаный ритм, то и дело прерываясь на антракт для того, чтобы проверить качество своей работы. Были и четвертые, очередь которых была встать не стой ноги и браниться в столь ранний час из-за очередной неудачи на себя или на того, кто, по их мнению, был повинен в этой самой неудаче. Были и пятые, и шестые, и многие-многие другие, но все они, занимаясь каким-то полезным для себя делом, в общей картине зачастую лишь создавали утреннюю сумятицу.

Пятьдесят шестой день Расцветания оказался первым по-настоящему жарким днем в этом году. Хотя иные предсказывали, будто уже нынче море замерзнет, а оттаяв лишь спустя девятнадцать лет, обрушит сильные шторма и наводнения на всю Дордонию. Почти никто не верил в эти рассказы, а те, кто верил, сегодня могли воочию убедиться в абсурдности и пустословии «иных». Воздух был раскален, духота заставляла горожан расстегивать последние пуговицы на туниках и рубахах, а других и вовсе нырять в Солнечное Море, не дожидаясь официального королевского разрешения на купание в естественных водоемах.

Всех жителей Дастгарда, которых обычно объединяло до неприличия мало общего, сегодня все же связывало кое-что: тысячи людей торопились скорее закончить свои дела, в этот раз не для того, чтобы весь остальной день отлынивать от работы, а для того, чтобы к полудню подоспеть на площадь, где должны были казнить вора и распутника, мошенника, своими деяниями признанного изменником государства, странника и медведя из бедняцкого квартала, Сарвиллом именуемого.

Каждый, от мала до велика, знал имя странника наизусть, устав от постоянных объявлений, которые выкрикивали в переулках начинающие герольды и обычные скучающие пьяницы и барды — часто последние напоминали вторых и наоборот. Странниками же во всей Неймерии называли отнюдь не тех, чьи дела и убеждения постоянно тянули их на чужбину, а людей, рожденных с глазами разного цвета. Серый и зеленый, голубой и черный — какое бы сочетание цвета глаз ни проявилось у человека — это казалось странным для любого разумного существа, населяющего материк, будь то скупой гном, падший эльф, самый обычный человек или кровожадный гоблин. И, конечно же, все эти разумные существа сторонились странников так, как принято сторониться всего, что хоть на малую толику отличается от привычных стереотипов и несет в себе загадку, которые общество давным-давно обленилось разгадывать или, по крайней мере, доносить эту отгадку до обывателей.

В глубине Купеческого квартала, между храмом великой и щедрой Касандры и лавкой торговца тууринскими коврами стоял старый сиротский приют под покровительством того

же храма, названного в честь Богини Плодородия, в котором маленькая Кристи лежала в кровати и изучала увесистую книгу.

Девочка все утро, то и дело, поднимала книгу все выше, пытаясь загородить глаза от навязчивого солнца, которое по своему существу, как и всегда сегодня восходило, заглядывая и согревая каждый темный уголок во всей Неймерии. Кристи была пострижена почти наголо и, если бы не ее синие как Солнечное Море глаза и не исключительно смазливые черты лица — ее легко можно было бы принять за мальчишку.

Сегодня она проснулась раньше обычного и уже успела выучить родословную Бивина Стонкина — первого императора Туурина, что являлось обязательным к изучению, как и все, что было описано в немногочисленных книгах, которые находились в распоряжении приюта с незапамятных времен и которые наизусть знал каждый воспитанник оного.

— Кристи, собирайся! — выкрикнула запыхавшаяся девчонка, только что вбежавшая в комнату, вырвав из утреннего полусна тех, кто еще спал.

— Тише, Мидэя! — ответила девочка, поднимаясь с кровати. — Куда собираться?

— Ты что, забыла? — Мидэя на секунду отвлеклась, достав из носа неприятную на вид массу, и пустила ее в сторону ёрзающего на одной из кроватей. — Сегодня будут казнить странника из Медвежьего квартала!

— Ну и что? — Кристи закрыла книгу, оставив указательный палец между страницами и села. Расправив плечи и выгнув занемевшую спину, девочка блаженно простонала.

— Как это ну и что? — Мидэя снова громко проскрипела детским ломающимся голоском, заставив какого-то соню показательно откашляться, и выпучила свои большие карие глаза. — Казнь говорю смотреть пойдем, дурочка! Видела когда-нибудь, как человека вешают?

— Нет, — задумалась Кристи. — А зачем на это смотреть?

— А затем, что если сегодня не посмотришь, то никогда больше и не получится посмотреть! Вот тебе сейчас уже двенадцать лет, а ты еще никогда ничего подобного не видела. А в следующий раз, когда выпадет такая возможность, тебе будет уже... — Мидэя затупила взгляд на одной из своих рук, пытаясь на пяти пальцах пересчитать сколько подруге будет лет еще через двенадцать зим и после двух неудачных попыток — сдалась, — Тебе будет уже... больше! Поэтому ты вообще никогда можешь не увидеть, как... бээ! — она высунула язык, изобразив будто болтается в петле.

Удивительно, но аргумент Мидэи подействовал отменно.

— Тогда побежали! Мы еще успеем. — Кристи натянула на льняную рубаху не первой свежести мятые, вытащенные из-под подушки, штаны и, как две капли воды, стала походить на свою подругу.

Девочки выбежали из приюта и тут же наткнулись на совсем маленького мальчишку, играющего с деревянной палкой и видимо, воображающего себя дастгардским королевским паладином или странствующим Рыцарем Доблести из Тоддена.

— Тамин, давай с нами на площадь. Мы бежим смотреть казнь! — крикнула Кристи, пробегая рядом с мальчишкой, и игриво толкнула его в плечо. Мальчик отбросил деревяшку и помчался следом, отреагировав вовсе не на невероятный интерес к казни, а на задиру, которая посмела толкнуть его — самого достойнейшего из достойнейших — и непременно должна была поплатиться за эту дерзость.

Купеческий квартал был вторым по величине кварталом после Медвежьего и предназначался для проживания, конечно же, совсем иных сословий нежели

вышеупомянутый бедняцкий и насчитывал несколько тысяч голов аристократии. Старый обшарпанный приют Касандры среди домов знатных дам и мужей был ничем иным, как доказательством самим себе того, что милосердие и сострадание все еще занимает свое место в их давно расчетливых и холодных сердцах.

С запада на высокий утес, на котором располагался Купеческий квартал, задувал влажный соленый морской воздух и разносился по Последнему Гарнизону и Портовому кварталу, что располагались с севера и юга, соответственно. И если второй квартал носил незатейливое название и доказывал свою примитивность высочайшим маяком у самого берега, то о том, чем отличается Последний Гарнизон от остальных районов, нездешним приходилось ломать голову. Но вся интрига рассеивалась, как и полагается любой интриге при малейшем более глубоком рассмотрении — от самого рассвета и до сумерек королевские военные легионы утаптывали здесь землю в постоянных репетициях походного шага, военных учениях и других не менее важных для армии дел. Казармы и все военные академии находились тоже здесь. Почти все.

Дальше на востоке, если миновать аллею Яблонь и Небесную аллею, пройти мимо Садов Знаний, где обеспеченное подрастающее поколение имело возможность получить образование сначала в местной начальной школе, а потом Высшей, можно было уткнуться в Небесный квартал — место, где размещались, обучались, тренировались и даже покоились самые достойные из королевских паладинов. Небесная академия выпускала не больше сотни воинов в год, прошедших все испытания и наученных бороться с любыми, даже самыми извращенными, проявлениями магии. Помимо всего прочего Дастгард не мог не похвастаться аллеей Ремесленников, где лучшие мастера демонстрировали и продавали свои вновь выкованные, слепленные или выструганные диковинки; Церемониальным кварталом с самой большой концентрацией священных мест на одну квадратную сажень — монастырей, храмов, обелисков и алтарей всех до единого посвященных Всемогущей Касандре; кварталом Нелюдей, где по понятным причинам приходилось уживаться бок о бок эльфам и гномам. К исторической части города относились разве что Руины Эльфов, которые ныне не пользовались популярностью и больше напоминали городскую кладовку, куда местные жители заходили только за тем, чтобы отрыть какую-нибудь внезапно понадобившуюся древность.

Но особого внимания в столице Дордонии заслуживал непременно Шаарвиль — замок, напоминавший крепость и наоборот. Место, где весь род, советники и приближённая стража нынешнего короля Рогара Вековечного коротали свои будни, прогуливаясь по Красному саду, плетя интриги и задумывая перевороты против власти оного, изредка принимая гостей — послов и претендентов на руку молодой принцессы Лианы. Сам замок с двух сторон омывался волнами Солнечного моря, а со стороны города был окружен широким рвом, до краев наполненным соленой водой из того же водоема. Помимо воды Шаарвиль был огорожен стеной из белого камня, высотой в три сажени что означало, что без приглашения попасть туда было просто невозможно.

Дети шли по Купеческому кварталу, тяжело дыша, изнемогая от душного воздуха, и шаркали дырявыми подошвами по вымощенному камню.

— Давайте в догонялки! — вдруг гаркнул Тамин, шлепнув ладонью Кристи по плечу, и рванул вперед, врезавшись в прохожего так, что тот рассыпал кучу монет и покрыл всеми мыслимыми и немыслимыми проклятиями сорванца, у которого пятки теперь засверкали еще пуще прежнего.

Спутницы Тамина звонко захохотали и побежали следом, ловко подобрав на ходу по упавшей монете, уже раздумывая, на что потратить неожиданную прибыль.

Вариантов было много, Купеческий квартал изобиловал различными лавками. Торговцы продавали оружие, доспехи, одежду; товары для дома: свечи, занавески, тумбы и табуреты; банные принадлежности: веники, мыло, рукавицы и ковши. Под навесами цирюльники и чистильщики обуви ждали своих клиентов, горланя о следующем посещении в подарок, но девочек больше интересовало что-нибудь съестное. Так в лавке с хлебом они оставили ситем Кристи в обмен на четыре горячих пирога с курятиной и отобедали прямо на бегу за Таминим, который до последнего думал, что они играют в догонялки, а не спешат на казнь.

Дети подросли как раз вовремя, заключенного только что вывели на площадь.

Штурмплац была стеснена другими районами Дастварда в самый центр города, но от этого не становилась меньше, а скорее наоборот — представляла собой самую лакомую цель, если бы развернутая карта столицы Дордонии вдруг стала бы мишенью на ежегодном турнире стрелков.

Кристи забралась на невысокую статую в виде коня с растопыренными в разные стороны крыльями и поторопила друзей присоединиться к ней.

— Так ему и надо! — доносилось из толпы, расположенной так, чтобы она образовывала живой коридор. — Не жалеете камней! Пусть это будет уроком для остальных!

На площадь, словно нарочно выпустили самых кровожадных и бессердечных представителей столицы. Они, точно вурдалаки, потеряли голову лишь учуяв запах крови. Маленькая Кристи не могла понять, отчего люди так извращены, что устроили праздник из казни человека. Даже месть не может быть сладкой, если тебе приходится наблюдать, как глаза умирающего человека наполняются тоской по угасающему для него миру, подумала она, не осознавая, что в глазах смертника она всего лишь часть той самой беснующейся толпы.

Девочка попыталась поудобнее устроиться на спине крылатого коня, обхватив его за могучую каменную шею, а Мидэя с Таминим уселись на крыльях выдуманного животного, игриво свесив ноги вниз. Кристи было приятно, что она нашла самые выигрышные места. Здесь легкий ветерок обдувал ее, успевшее запотеть, пока они бежали, лицо, чего были лишены люди там — внизу. Все утро девочку не покидало какое-то тревожное ощущение, которое постоянно погружало ее в мысли, посторонние от происходящего.

По освященной ярким солнцем центральной площади Дастварда уже несколько минут городская стража вела высокого, обросшего молодого человека, по щетине которого было понятно, что несколько недель он просидел в городской тюрьме. Из одежды на нем были только испачканные невесть чем штаны, а железные браслеты ограничивали движения рук человека. Те, кто стоял ближе и имел возможность поймать взгляд странника, неловко отводили свои глаза, завидев голубой, как ясное чистое небо один глаз и янтарный, как жерло вулкана второй.

— Сарвилл! Сар...! — Из мыслей о своем Кристи выдернула бьющаяся в истерике престарелая женщина. Она пыталась прорваться меж королевских паладинов, которые стояли вплотную друг к другу, образуя массивный железный забор, отгораживающий тропу к виселице от толпы.

Заключенный вырвался из рук потерявших бдительность стражников, уткнулся в панцирь одного из паладинов и тут же почувствовал острую боль чуть ниже колена.

— Бурлящая бездна! Уведите ее отсюда! — прорычал он, когда стражники вновь

вцепились в руки странника, поднимая его с колен. Теперь их хватка была такой, какой принято цепляться, когда делаешь последний в жизни выдох. Каждое действие толпа сопровождала то подбадривающими криками, то разочарованными стенаниями. Двое из стражников, те, которые поддерживали порядок среди горожан, увели женщину прочь. Не для того, чтобы угодить приговоренному и исполнить его последнее желание, а для того, чтобы не портить остальным жителям города зрелище, которое бывало в Дастгарде реже ежегодного празднования Дня Петуха.

К смерти приговаривались только особо опасные преступники, признанные виновными всеми членами Совета Тринадцати. Если хоть кто-то из дюжины членов совета голосовал «против» — король, его правая рука — Хранитель Порядка, Хранитель Ситемов, Хранители Легионов или избранный Хранитель любого квартала города — казни не было. Именно поэтому купцы и ремесленники, воры и бандиты, актеры и королевские шуты — все, кто хоть как-то рисковал оказаться в петле, наслышанные о местном вето на смертную казнь, съезжались в южное королевство отовсюду. Так, благодаря развитой торговле, высокому населению и переезду самых талантливых мастеров во владения Его Величества короля Рогара Вековечного стекалось неслыханное количество золота, которое также ловко отчеканивали в местные сетимы и ситемы все те же поселившиеся здесь лучшие мастера, а королевство считалось самым заселенным и экономически развитым на всем материке. В последний раз на очередном собрании Совета Тринадцати все знатные господа на вопрос Хранителя Порядка о проведении казни над Сарвиллом, странником из Медвежьего квартала, уверенно и равнодушно подняли пятерню на уровень своих глаз, чем заставили нечистых на руку жителей Дордонии на какое-то время залечь на дно.

Под аплодисменты местных жителей на эшафот поднялся Хранитель Порядка. Витиеватый вычурный костюм рыцаря сделал бы для всех из него мальчишку и заставил бы разразиться хохотом бесчисленную толпу, если бы каждый житель этого города не знал об истинной мужественности, жестокости и хладнокровии Дориана Орегха.

Недолго повозившись с кожаным свитком в руке, он побежал по пергаменту своим нахмуренным внимательным взглядом.

— Сарвилл Кхолд, странник из Дастгарда. Признан виновным в хищении имущества короля, незаконном проникновении на территорию замка Шаарвиль, освобождении из-под стражи принцессы Лианы и использовании ее магических способностей в своих корыстных целях. — Выкинул в толпу хранитель со своеобразной подачей, после которой сделал паузу, будто ожидал аплодисментов за своевременный, трогательный и правдивый тост на свадьбе. Так и не дождавшись оваций, он свернул пергамент и махнул рукой, давая стражникам понять, что наступило время виновника торжества.

Человека подвели к петле.

— Скажешь что-нибудь напоследок? — Дориан Орегх не смог сдержать паршивой ухмылки.

— К чему этот спектакль? — ответил медведь. — Могли бы просто положить мне двойную порцию тюремной жратвы.

Толпа зарычала, отреагировав на колкое заявление. Сарказм — качество, без которого ни один хорошо знающий странника человек не мог себе его представить. Сарвилл и сам никогда бы не подумал, что не сможет сдержаться в столь «ответственный» момент.

Тень, стоявшего позади храма, падала прямо на эшафот. Создавалось впечатление, что здание строилось специально на этом месте, чтобы полуденное солнце не мешало зрителям

в первых рядах наблюдать за казнью.

Хранитель Порядка приказал палачу надеть обвиняемому петлю на шею — веревка, служившая проводником на тот свет, туго затянулась.

— До полудня осталась ровно минута, — заявил Дориан Орегх и бросил взгляд на смертника. Его бледно-серые глаза с презрением глядели на обвиняемого и, словно, шептали ему, что через минуту они получат неизгладимое удовольствие.

Стало так тихо, что младенец где-то в толпе испугался этого умиротворения и закапризничал. Мать быстро вынула грудь из платья и уgomонила ребенка. Над площадью повисла оглушающая тишина. В голове Сарвилла, одно за другим, понеслись воспоминания.

Он видел, как рыбачит с отцом у реки. Всем телом ощущал прикосновение того влажного ветра, слышал журчание воды, щебет птиц из леса за спиной и совсем родной и незабываемый голос отца.

— Сарвилл, ты опять все забыл! В этот момент надо подсекать, — поучал отец, выхватывая удочку, и небрежно, но ласково тербил каштановые волосы мальчишки, — давай я покажу тебе, как это правильно делать. Если мы вернемся домой, хотя бы без пары окуней, мама выгонит нас на улицу.

Перед глазами мелькнуло, как отец, уходя на охоту и, словно чувствуя, что больше не вернется, говорит мальчику слова, которые никогда не выйдут у него из головы.

— Помни, когда я уйду из дома, ты защитник и глава семьи. Береги маму и Диодору, слышишь? Что мы сделаем с теми, кто посмеет обидеть наших девочек?

— Скормим рыбкам? — ответил Сарвилл, и родители зашлись хохотом.

В этот момент у любого другого смертника слезы бы подступили к глазам, но странник был другой. Он лишь смотрел прямо в гущу толпы, будто бы ее здесь и не было вовсе. Сплошная и непроглядная пустота. Теперь мать и сестра сами за себя. Я, как и ты, отец, ушел и не вернулся, подумал он.

Он вспоминал, как отчим не приходил домой, оставаясь в корчмах и борделях Медвежьего квартала до самого утра, и как он клялся, что будет совсем другим. Сарвилл снова переживал те моменты, когда грустила и ревела его мать, не имеющая представления, что отдать за еду, которой можно будет накормить детей завтра. Он вновь чувствовал тепло Лего — старого пса, который приходил каждую ночь к замерзшему мальчику, чтобы согреть его и быть согретым. В своих воспоминаниях Сарвилл заново впервые украл на одной ярмарке у купца с востока связку овощей и умело убежал от преследователей, забираясь на каменные здания и прыгая по крышам точно обезьяна, а изумленные прохожие ахали и хлопали. Тогда он потерял свой первый железный меч, собственноручно выкованный во времена работы подмастерьем у лучшего кузнеца Медвежьего квартала.

Но дольше всего, в ту — самую длительную минуту своей короткой жизни, он думал о Лиане. О том, как впервые увидел ее — перевозимую королевскими палачами принцессу. Её взгляд. Её загадочный и полный магии взгляд. Её печаль. Из-за своих магических способностей и убеждений она постоянно под стражей. Король боится, что она нанесет непоправимый вред государству. Что она попытается изменить мир... «Как жаль, что мне не удалось освободить, спрятать ее».

Перед глазами пронёсся образ смертельно больной сестры, ради которой Сарвилл взял треклятые драгоценности из зала короля. «Надеюсь, теперь Диодора вылечится, и будет жить. Надеюсь, Лиана сможет когда-нибудь сбежать из замка и узнать, что такое свобода. Надеюсь... я не почувствую боли», — подумал он и закрыл глаза.

Кристи зажмурилась вместе со смертником, словно полагала, что это у нее из-под ног вот-вот уйдет земля.

Время не спешило. Оно медленно расплзлось по площади. Неторопливые секунды извивались среди горожан, заставляя их затаивать дыхание. Любопытный зритель на Штурмплац боялся спугнуть смерть или, еще хуже, привлечь ее внимание на себя.

Вдруг послышался такой звон, что голуби, облепившие все вокруг карнизы за неимением свободного места на привычных серых камнях внизу, сорвались с места, возбужденно затрепетав крыльями. На высокой башне, стоявшей в центре площади, гремел колокол. Люди отвлеклись от казни и стали оглядываться по сторонам, переговариваясь друг с другом и поднимая на Штурмплац галдеж и суматоху.

Мало кто сейчас знал назначение звящего колокола. Последнюю сотню лет башню реставрировали и теперь даже старики в первый раз за всю жизнь слышали этот звон, разносящийся на несколько верст вокруг — пронзающий, раздражительный и тревожный.

Светлый низкорослый парнишка из толпы вдруг начал вспоминать, как не мог уснуть на лекции в Высшей школе, где «бородавочник», так называли профессора истории Тувина Якина первокурсники, рассказывал что-то об истории этого колокола. «Иркарайцы... Набег... Война трех веков» — обрывки памяти врывались из закоулков прошлого в память настоящего.

— Началась война! — вспомнил диким криком первокурсник и бросился бежать наутек, по дороге выбросив охапку камней, набранных для того, чтобы как следует потренироваться в точности на смертнике, но не использованных по назначению из-за слишком большой дистанции между жертвой и собой.

— Война, война! — тут же подхватила толпа так, как обычно схватывает на лету плохие слова ребенок.

На площади воцарился хаос. Все тут же забыли о том, из-за чего собрались сегодня здесь и больше не смотрели в сторону эшафота. Кто-то бросился к своим домам прятать имущество или просто как можно лучше забаррикадироваться в четырех стенах на случай, если городские стены не сдержали атаку неведомого противника; кто-то в суете искал тех, с кем пришел сегодня на площадь, бранясь и проталкиваясь среди потерявших строй королевских паладинов, а кто-то вовсе остолбенел, пытаясь сначала понять, что происходит, и только потом начать повторять за первыми или за вторыми.

Кристи спрыгнула с каменного коня, увидела Мидэю, летящую с крыла статуи и побежала в сторону родного квартала, ловко скользя между ног стражников, паладинов и редких людей, все еще стоящих на месте и вообще не поддавшихся панике.

Дети из приюта совсем забыли про своего друга, который должен был бежать следом. Когда Кристи обернулась, то увидела, как мальчика сбивает с ног какой-то знатный господин. Люди, бегущие следом, не замечали ребенка. Мальчик не мог кричать, он лишь издал глухой звук и через мгновение после того, как в очередной раз, на его грудную клетку наступил какой-то здоровяк — он навсегда потерял сознание.

Чуть переведя дыхание, девочки осмотрелись. Тамин был не единственной жертвой давки — тут и там можно было разглядеть тела детей, женщин и даже мужчин.

— Кристи! Пора уходить! Мы уже не сможем ему помочь! — кричала более зрелая приютская девчонка и потянула за руку подружку, которая уже была готова разрыдаться.

Не до конца поверив своим глазам и постоянно оглядываясь в надежде увидеть бегущего следом друга, они покинули залитую кровью площадь.

Странник открыл глаза, вырванный из небытия истошным женским криком. Он увидел, как толпа несется прямо на женщину, которой было не суждено родить. Его взору открылась картина хаотичная и жуткая — некоторые горожане впадали в истерику, замечая на своем пути мертвые тела. Тех из них, чей шаг сбивался при виде этого ужаса, бегущие следом сбивали с ног, и многих настигала та же участь. На мгновение медведю показалось, что его уже повесили, и он попал напрямиком в ад.

Сарвилл огляделся. Вороны кружили над площадью и вещали о надвигающейся пирушке своим сородичам — нужно было успеть воспользоваться подвернувшимся случаем, пока люди не пришли в чувства и не разогнали их; королевские паладины со всей силой пытались восстановить строй, чтобы сдержать сумасшедшую толпу, но тщетно — люди, несмотря на выставленные вперед острия мечей, то и дело лезли на рожон, расцепляя руки воинов и пуская в ход кулаки с зажатými в них бульжниками, от которых у рыцарей и стражников на шлемах оставались щедрые вмятины. Странник бросил взгляд в сторону — Дориан Орегх никак не мог отбиться от нескольких прорвавшихся на эшафот нищих, жаждущих за что-то отомстить ему. Хранитель Порядка достал меч, который тут же принялся хладнокровно пускать кровь из нападавших.

Кажется, момент казни остался в прошлом, а будущее стало настолько непредсказуемым, что медведь встал в ступор. Во всем этом гуле он едва сумел расслышать скрип рычага и почувствовать, как земля уходит из-под ног...

Странник летел вниз, молясь только о том, чтобы потерять сознание еще до того, как начнет задыхаться, но к своему удивлению уже через мгновение ударился о холодную, соскучившуюся по солнцу, отсыревшую землю.

— Что ты на меня уставился, как монах на старую шляху? У нас мало времени! Бежим! — сказала темноволосая девушка, сильно нервничая, потому что упавший сверху мужчина, явно был в трансе и всем своим видом показывал, что ему нужна пара минут на размышление. — Я сказала, беги за мной, остолоп!

Медведь подскочил так, словно сразу десять петухов клюнули его в зад. Незнакомка кинула ему куртку и, воспользовавшись тем, что толпа на площади уже добилась того, что королевские паладины оставили всякие попытки восстановить стройные ряды, два только что вылезших из-под эшафота человека в капюшонах растаяли в воцарившемся беспорядке, словно снег в воде.

\*\*\*

С тех пор, как смертник улизнул, прошло совсем немного времени и светило все еще беспощадно раскаляло воздух в столице Дордонии. Огромная Штурмплац была усеяна трупами и заляпана кровавыми пятнами. Небольшие схватившиеся в бою группы, которые не поделили между собой невесть что, расталкивали королевских паладинов и городских стражников, сохраняя хаос на площади. Некоторые горожане старались помочь тем, кто истекал кровью, другие оплакивали тех, для кого сезон Расцветания нынче закончился слишком рано и навсегда.

И вот когда всем могло показаться, что очаги беспорядков вот-вот начнут угасать на площади появились нелюди. Они растеклись по Штурмплац, словно масло из разбитой лампы.

Гномы, вооруженные молотами и топорами размером с них самих, набросились на людей в доспехах, расшвыривая по сторонам наиболее худощавых из стражников. Эльфы подкрадывались сзади к людям короля, вонзая тупые кинжалы в прорехи в броне воинов. На

площади началась жестокая битва между людьми и нелюдьми, каких свет не видел со времен Великой Войны за Сушу, когда люди пошли войной на другие расы, впоследствии завоевав всю Неймерию и «благородно» оттеснив гномов в Призрачные Горы, а эльфов в Изумрудный лес, взяв в рабы самых слабых из них.

— Виновный бежал! — вдруг заорал Дориан Орегх, добывая одного из напавших на него эльфов, непонятно откуда взявшимся камнем. — Схватить странника! — вопил он, будто не замечая восстания нелюдей. Но голос Хранителя Порядка лишь нагромождался на воцарившийся на площади шум и только усиливал панику.

*«Чем глубже я погружался в эти события, тем сильнее и чаще сжималась ладонь сопереживания, обхватившая мое трепетавшее в груди сердце. Побег от неминуемой гибели прямоком из-под занесенной косы смерти... Человеку, коих тысячи гибли в обычные дни, каким-то чудом удалось спастись и бежать прочь. Меня всегда трогала эта история и побуждала внутри огромное количество вопросов, на которые я до сих пор не могу найти ответа. Стоила ли одна жизнь сотни жизней людей, эльфов и гномов, унесенных тогда на Штормплац? Не запустило ли то спасение череду событий плавно приведших нас с вами именно сюда? И это действительно то, чего мы хотели и добивались или, испустив тогда свой дух, странник оказал бы нам великую услугу? Какими бы вопросами ни было бы окутано сейчас мое нутро, все случилось так, как должно было случиться. Каждая жертва, будь то мальчишка из приюта или примерный семьянин гном, вынужденный взяться за топор и падший от клинка более ловкого паладина, сыграли свою роль и оставили свой отпечаток на будущем города и тех, кто в конечном итоге превратил его в заселенные руины. Одно я знаю наверняка — две судьбы, подобно бурлящим водам ниспадающей с горы реки, текшие параллельно и обреченные никогда не пересечься, именно в тот день, вопреки всем писаным и неписаным законам, впали в одно русло. Удару, образовавшемуся от столкновения судеб чародейки и странника, было суждено отозваться по всей измученной войнами Неймерии. Как оказалось ему по силам аукнуться не только в пространстве, но и во времени. Сколько лет прошло? Никто так и не смог назвать мне точной даты несостоявшейся казни, но даже сегодня я чувствую здесь фантомы падших тогда на площади людей и нелюдей. Берсеркеры, разрубающие своих противников — паладинов, на куски лишь несколькими взмахами топора, эльфы с алыми от ярости глазами, выпускающие град стрел, обрушающихся на противников сверху словно самый что ни на есть истинный небесный гнев, королевские рыцари безжалостно вонзающие свои мечи в тела неверных... Все они обречены отныне, под покровом „настоящего“, сражаться на этой площади на смерть до окончания времен. И даже сейчас, стоя тут, напротив того самого пресловутого разрушенного храма Святой Касандры и закрывая глаза посреди густой, окутанной тьмой ночи, я слышу лязг мечей и топоров, крики поверженных, я вдыхаю запах соленого моря, пота и запекающихся на солнце трупов, навсегда ставшего для меня запахом смерти. Я начинаю видеть перед собой эти застывшие в ужасе лица. Закрой глаза и ты. Ты тоже слышишь? Чувствуешь? Тогда смотри».*

*Заметки чужеземца, найденные в окрестностях Дастгарда.*

Шаарвиль. Перепелиное гнездо. Последний оплот. Святой остров. D'lanesvelle. Замок за все время своего существования сменил великое множество названий, и это лишь некоторые из них. Все в Дастгарде в свое время подверглось изменениям, кроме древнейшего дворца, на совесть выстроенного гномами в стиле далеко не присущем для этой расы — вместо грубых угловатых очертаний Шаарвиль имел округлые формы, но все же с высоты птичьего полета замок являл собой идеальный квадрат, а четыре шпиля белоснежных башен были расположены точно по углам здания. И все это было отнюдь не так, что Первые Люди нанимали гномов для постройки столь величайшего не просто замка, а произведения искусства, где бородатые братья отдавали концы и хоронились прямо в фундаменте, чтобы творение стояло крепче. Нет. Люди пришли на ту землю, что сейчас именовалась Дордонией, когда в Шаарвиле уже заседали первые короли гномов.

Никакого дерева. Все на территории замка было сделано из камня, вплоть до скамеек в Красном Саду. По величественным колоннам ныне королевского тронного зала любой чуть соображающий в строительстве простолюдин мог сразу понять, что белые столпы были построены гораздо позже возведения самого Шаарвиля и не имели никакого практического назначения. Мраморные плиты на полу, только что начищенные до блеска служанками, играючи отражали солнечные лучи, попадавшие в зал через окна, размером со взрослого человека. На столе для гостей, усыпанном разнообразными фруктами, сидела синица — птица время от времени щеголяла из стороны в сторону, недоверчиво поглядывая на застывших у входа паладинов, охраняющих вход в помещение, словно на котов, которые уже не раз таким образом пытались ввести в заблуждение, чтобы потом внезапно наброситься и перекусить её насквозь.

В конце зала рядом с тронном, на котором восседал король, стояла высокая женщина в синем платье, лежащемся прямо на пол, и громко что-то пыталась доказать своему владыке.

— Ты не можешь так поступить, Рогар! Ты мне обещал... Нарушать обещания не достойно короля! — восклицала она.

— Откуда тебе знать, как я могу поступить, а как нет?! — перебивал король, — Лиана едет в Башню Стихий. И это мое последнее слово!

Женщина побледнела и от отчаянья прикусила нижнюю губу, струйки крови начали сочиться наружу.

— Прошу, отнесись к девочке по-отцовски, Рогар, — через некоторое время вновь заговорила она уже более спокойным тоном, — ее вины в этом деле не больше нашей.

Она помялась еще несколько мгновений и продолжила.

— Ответь мне, кто должен взять на себя вину, если ребенок напроказничал? Если натворил что-то запретное?

— Обойдемся без намеков и давления на мои отцовские инстинкты, Антина. Если ты хочешь справедливости, я могу приказать выпороть тебя за то, что не уследила за своей легкомысленной дочерью! — сидя в своем троне, Рогар наклонился вперед, внимательно глядя в глаза супруги. — Но... это будет лишним. Твои глаза уже намокли. Боюсь представить, что будет, когда возница тронет поводья, тем самым положив начало пути Лианы в башню для треклятых магов.

Монарх неприятно ухмыльнулся. Королева была оскорблена, но даже не думала

прекращать спор. Она уже собиралась бросить следующий аргумент, но король равнодушно поднял руку, приказывая ей замолчать. Одна лишь синица, до сих пор перепрыгивающая с гроздей винограда на наливные яблоки и обратно, не знающая запретов и не имеющая представления о повиновении, нарушала тишину в зале.

Седая борода Рогара Вековечного добавляла ему мудрости, но своими повадками он скорее смахивал на кузнеца, которому совершенно случайно в наследство досталась корона. Даже сейчас, во время серьезного разговора, он старательно пытался выковырять изо рта на редкость плотно застрявшую между зубов пищу. Король был в бирюзовом шелковом костюме, который благодаря перекрестной шнуровке хорошо подчеркивал его фигуру — для своих лет Рогар был в хорошей форме, а на его шее красовался кулон с единственной женщиной, которую он когда-либо любил. Ремесленник Данаил очень кропотливо выгравировал мать короля под верхней крышкой кулона, за что был удостоен чести нарисовать герб королевской семьи в тронном зале — лев вцеплялся в горло дракону прямо за спиной восседавшего на троне владыки Дордонии.

Стук множества каблуков на другом конце зала эхом заставил королеву утереть выступившие из глаз слезы. В тронный зал вошел Хранитель Порядка со свитой королевских паладинов. Доспехи рыцарей являли собой кровавую схватку: заляпанные кровью панцири, смесь пота и грязи на их лицах, кровоточащие раны, которым требовалась безотлагательная обработка. Но в этот час визит к королю, по-видимому, был важнее всего прочего.

Дориан Орегх ударил себя правой рукой в грудь и преклонил колена. Сопровождавшие его воины последовали примеру командующего.

— Бурлящая бездна! Дориан, я жду твоих разъяснений! — король стукнул кулаками по подлокотникам трона и пробежался взглядом по каждому воину в зале. — Антина, оставь нас, наш с тобой разговор окончен.

Рогар, заметно нервничая, облокотился на спинку сидалища и нахмурился в ожидании объяснений вестей, добравшихся до замка незадолго до прихода Хранителя Порядка.

— Казнь странника уже должна была состояться, но неожиданно зазвонил Колокол Войны, Ваше Величество. Это посеяло панику на площади... — Начал оправдываться, опережая вопрос, Орегх и проводил взглядом идущую к выходу королеву.

— А я, по-твоему, оглох? Я хочу знать подробности восстания нелюдей. — выпалил король. — Да, не смотри на меня так, естественно я уже осведомлен о том, что нелюди напали на Штормплац. Каким образом зазвонил в колокол? Мы едва успели повесить его там!

— Остроухие тайно проникли в башню и воспользовались им...

— Остроухие? — Рогар прошипел, словно взъерепенившийся кот. — Я-то был уверен, что нелюди подкупили дозорных, а тут оказывается вон оно как! Объясни мне, хранитель, что нелюди делали в самом стратегически важном месте Дастгарда? Где была стража? Выходит, если бы вчера на нас напали, к примеру, дикари из Сумеречной Пустоши, мы бы уже давно лежали в собственном дерьме, а они трахали бы наших баб?

Хранитель Порядка на некоторое время потупил взгляд.

— Ваше Величество...

Глаза Дориана Орегха были наполнены злостью на самого себя и, если бы перед ним был не сам король, он бы уже дал волю эмоциям и кого-нибудь прирезал, что, кстати, случалось довольно часто. Каждый поживший дастгардец знал, что Хранитель Порядка был неуравновешенным человеком. Говаривали, что однажды он подчистую проиграл в бландж и

со злости перебил всех, кто находился тогда за столом и естественно, это были лишь слухи, потому что все свидетели тогда оказались потерпевшими.

— В бездну! Продолжай, — бросил король и сделал небрежное движение рукой.

— Вся стража в башне была мертва, когда мы туда подоспели. Их тела лежали вперемешку с трупами эльфов. Я предполагаю, что группа нелюдей именно планировала бунт, а не начинала его спонтанно. Помимо этого, их целью был не переворот, так как наши силы многократно превосходили их, а поддержки из Города Гор или Изумрудного леса не было, и нет до сих пор.

— Довольно вещать мне о том, чего ты не знаешь или о том, что ты пытаешься предположить! Мне нужны факты! На кой черт нелюдям понадобилось так безрассудно и напрасно кончать с собой? Есть множество способов сделать это и куда более изощренных, чем легкомысленно совать голую руку в пчелиный улей. Есть явные доказательства на мой вопрос, почему они напали?

Хранитель положил ладонь на эфес своего меча.

— Об истинных причинах остается только догадываться, Ваше Величество... После того как мы разбили нелюдей на Штурмплац, оставшиеся в живых эльфы и гномы кончали с собой, лишая нас любых шансов допросить их.

Король положил руку на свой подбородок, прячущийся в гуще седых жестких волос, и принялся старательно разминать его.

— А нелюди в башне? Как они погибли? — спокойным тоном поинтересовался владыка.

— Предположительно тоже покончили с собой. Что также интересно, учитывая то, что они могли, по крайней мере, лечь в бою, что делало бы им больше чести, не говоря уже о том, чтобы унести с собой в могилу пару наших воинов.

— Сколько всего нелюдей погибло?

— Добрая сотня, не меньше.

Король с возбужденным и задумчивым видом откинулся на белоснежную спинку своего трона — вырезанная из камня пасть дракона упиралась ему прямо в затылок. Престол был скорее красивым, чем удобным.

— Подытожим. Сотня нелюдей поднимает восстание, заранее сознавая свою неминуемую гибель... На что они рассчитывали? Не могу понять их мотив... Да, тактически мы всегда превосходили другие расы, но ни эльфов, ни гномов не назовешь глупцами. В конце концов когда-то им хватило ума остановить войну с нами, приняв власть узурпатора Уйлетана...

— Ваше Величество, есть еще кое-что... — Дориан Орегх вклинился в размышления короля. — Во всей этой суматохе Кхолд бежал, — хранитель сказал это так, будто считал, что если скажет на тон громче, то завтра в полдень будет висеть в петле вместо беглеца.

— Что? — король закипел в тот же миг, — Я тебе говорил, что за исход казни ты отвечаешь собственной головой, Дориан!

Хранитель Порядка опустил голову и преклонил колена. Этому примеру последовали и сопровождающие его паладины. В Дордонии было принято поступать именно так, если вам довелось стать тем, кто принес плохие вести или оказаться рядом с королем в такой момент. Рыцари, что несли дозор при входе в тронный зал, также упали на одно колена.

— Мне бы следовало казнить тебя на месте, хранитель. Выпустить из тебя кишки и показать на собственном примере, как следует выполнять подобные приказы. Но сначала я

тебя дослушаю. Вещай.

Всем своим поведением Рогар Вековечный напоминал море во время прилива. Он то взрывался, накатывая всей своей мощью, то успокаивался, оседая в своем могущественном троне.

— Бунт на Штурмплац и побег странника связаны, Ваше Величество. Все это восстание — часть чьего-то хитроумного замысла. — Дориан скрипел зубами, каждое мгновение продолжая бороться со злостью на самого себя. — Мы схватили свидетеля.

Лицо короля стало каменным, а его взгляд был направлен куда-то в сторону и сосредоточен на одной точке, словно его сознание на какое-то время покинуло тело, но Хранитель Порядка точно знал, что король слышит его.

— С Вашего позволения. Занести предателя! — Дориан Орегх жестом послал за пленником. — Мы узнали, что одним из стражников, ведущих Кхолда на казнь, оказался переодетый союзник медведя.

Последние слова вырвали короля из задумчивости и привели в чувства. Два королевских паладина под руки затащили в тронный зал избитого мужчину — портки на голое тело, те, что обычно надевают под доспехи, из последних сил цеплялись за бедра человека, а кровь стекала с его лица и каплями падала на пол.

— Рассказывай! То же, что и мне! — приказал избитому рыцарь, переходя на злой шепот. — Да помни, предатель, что перед тобой сам король и нет греха больше, чем ложь владыке государства. А коли грех для тебя нипочем, то я и другими методами тебя наказать сумею. Ясно?

— Меня зовут... Даст... — еле выдавил из себя новоиспеченный Даст.

— Быстро помогите ему внятно заговорить! — приказал король. — Это не званый ужин — обмениваться любезностями. Каждая минута на вес золота.

Один паладин взял под локти пленника, а второй сильно въехал ему железной перчаткой под дых. Даст закашлялся и отхаркнул кровью.

— Ну? Говори! — вновь завелся Рогар. — Чего ты мнешься как куртизанка, увидевшая клиента не по размеру? Пстой-ка, да ты на ногах еле стоишь.

Король подошел к бедолаге, встав лицом к его лицу на расстоянии ладони, и уставился, внимательно изучая каждый дюйм на физиономии предателя. Затем резко развернулся и пошел в сторону своего трона, достав из-за спинки полуторный меч и через минуту вернувшись обратно.

— Знаешь что, Даст? Никто не смеет трогать моих людей без моего позволения...

Все знали, если король начинал говорить поучительным тоном и невпопад, значит, кто-то из его подданных допустил серьезную ошибку и грядет расплата.

— Как думаешь почему? Давай возьмем, к примеру, яблоки, — Рогар выпрямил руку, в которой томился меч так, что острие указывало прямо на красный сочный фрукт, лежащий недалеко на столе. — У тебя есть жена, Даст?

— Да, Ваше Величество.

— Давай представим, что твоя жена набрала целый мешок сочных яблок. И ты каждое утро встаешь и ешь по такому яблоку, при этом думая о том, какой у тебя замечательный сад. И вдруг к тебе в гости пришел твой хороший знакомый. Тебя огорчит, если он без твоего позволения откусит от одного из твоих яблок? Пусть даже от того, которое зачервивело? Возьми во внимание тот факт, что ты не приглашал его к столу, он просто взял яблоко, словно у себя дома.

Никто не успел понять, как лезвие королевского меча оказалось приставлено к горлу Хранителя Порядка. Дориан Орегх отличался железной выдержкой, но даже он сейчас не смог сдержать тревожного выдоха. Маленькие зеленые глаза короля суматошно бегали в глубоких глазницах.

— Мой король...

— Молчи, Дориан! Сейчас я желаю говорить с Дастом. — У Рогара на лице засияла странная улыбка. — Ну так как?

— Я бы пожелал, чтобы это было с моего позволения.

— Слышали? — король обратился ко всем вокруг, разведя руки в стороны, словно его окружала бесчисленная толпа. — Человек отлично понимает меня! И все остальные теперь, надеюсь, тоже. Спокойные времена и отсутствие подобных ситуаций совсем распоясали тебя, Дориан. Только попробуй тронуть хоть кого-нибудь из моих подданных без моего позволения еще раз. Второго раза я не прощу. Слышишь? А теперь заканчивай свою историю, Даст.

— Восемь лет я отдал службе стражником в городской тюрьме. Верой и правдой служил Вашему Величеству...

Король бросил многозначительный взгляд на хранителя, которым пользовался, конечно, не в первый раз, и тот мгновенно уловил суть.

— К делу! — приказал рыцарь, и один из паладинов вновь ударил бедолагу, на этот раз в солнечное сплетение.

— Сегодня я должен был сопровождать, — Даст чуть отдышался, — странника на казнь. Согласно кодексу я проверил заключенного с первыми петухами, потом через час...

— Даст, — король вмешался, вновь размякнув в своем седалище, — рассказывай все в мельчайших подробностях, не упуская не единой детали. Это важно для твоего государства.

— Согласно кодексу тюремщиков я проверил заключенного с первыми петухами, — начал заново тюремщик. — Я заглянул в темницу. Странник еще спал. Чтобы разбудить я вылил на него ведро помоев — это традиция среди тюремщиков на Расколотых Островах. Там принято обливать смертника с утра в день казни помоями, и тогда его дух будет защищать тебя, став твоим хранителем. Так сказать, прилипнет к тебе...

Король с отвращением скривил лицо и поднял руку в привычном жесте.

— Я понял. В такие подробности можешь не углубляться.

— Хорошо, Ваше Величество. Я могу продолжать? Хорошо. Так вот, после всего этого он крепко выругался в мою сторону, ну а я со спокойной душой оставил его. Спустя час я навел медведя, подав последний завтрак. Он не изъявлял желания в чем-то особенном, поэтому я принес то же, что и всем.

— Значит ничего необычного?

— Абсолютно. Еще через час я должен был вернуться в последний раз, чтобы увести его на казнь.

— Почему ты говоришь так, будто не сопровождал Кхолда? Насколько я знаю — странник оказался на Штормплац вовремя? — король выпрямился в своем троне.

— Оказался. Но туда его сопровождал не я...

Даст подождал вопроса от короля, но вопроса не последовало.

— Последнее, что я помню — как выглянул наружу посмотреть, ожидает ли конвой для сопровождения и, убедившись, что все рыцари на месте спустился за странником.

— А потом?

— А потом очнулся уже в присутствии господина Орегха под ливнем ударов этих... паладинов.

Король провел пальцами по лезвию меча, до сих пор лежащего у него на коленях.

— И благодаря вашему вмешательству, — Рогар бросил взгляд на свиту хранителя, — теперь мы не можем узнать, лжет он или говорит правду! Если на его деревянной голове до вашего самосуда можно было обнаружить следы оглушения, пусть даже он нанес бы их сам, мы, во всяком случае, смогли бы вывести его на чистую воду. А теперь что? Теперь нам нужно проверить два возможных варианта — в сговоре наш тюремщик с медведем и его освободителями или невинная жертва обрушившихся на него обстоятельств!

Он ненадолго впал в раздумья, дав тем самым и всем остальным поразмыслить над случившимся.

— В темницу его, — приказал король железным голосом после того, как лязг вернувшегося королевского меча в ножны разнесся по залу. — Кто-то обвел нас вокруг пальца, как последних олухов!

Все хранили молчание, никто не осмеливался перебивать владыку Дордонии.

— Дориан, ты понимаешь, чем это может закончиться? Слова Люции для тебя пустой звон в ушах? Немедленно снаряжай отряд и выдвигайся на поиски медведя! Странник должен умереть. Казнить на месте при задержании — это приказ короля! Совет Тринадцати я беру на себя.

— Ваше Величество, — ответил Хранитель Порядка и ударил себя в грудь синхронно с позади стоящими паладинами, словно перед этим они отрепетировали это движение тысячу раз.

— И, Дориан... — король заговорил шепотом, но от этого его стало еще лучше слышно, — если ты вернешься в Даствард без головы Кхолда, я оставлю себе твою! А теперь ступайте.

Свита паладинов во главе с командующим покинула зал, а на их месте тут же появилась служанка и принялась старательно стирать кровь с запачканного мрамора.

\*\*\*

Посреди густого леса виляла очень плохо вытоптанная тропа. Этот путь выбирали явно редко — он был либо очень опасен для купцов и других путников, либо о нем просто напросто мало кто знал. Луна лениво окутывала своим тусклым светом открытую поляну, в которую упиралась тропинка, как бы намекая путникам, что здесь самое место для привала. Птицы гоготали и щебетали наперебой, словно это раннее солнце освещало невысокую траву, а не таинственный заляпанный диск.

Два жеребца остановились посреди округлой поляны по приказу своих наездников.

— Брррр. Может быть, начнем говорить? Ну, знаешь, трепаться о том, о сем? — Сарвилл развернул коня на месте лицом к девушке. — За полдня ты не произнесла ни слова. Скажешь, как тебя зовут?

Девушка спрыгнула с лошади и принялась делать странные движения, видимо для того, чтобы помочь затекшим частям тела обрести былую гибкость.

— Ноэми, — отнюдь не застенчиво и сухо произнесла темноволосая незнакомка, скидывая все необходимое для ночлега со своего гнедого коня.

На вид этой невысокой и стройной девушке было около двадцати лет. Иссиня-черный цвет не слишком длинных волос добавлял васильковым глазам особой пикантности. Даже немного грубоватые черты ее лица становились совсем незаметными при сочетании всех ее

достоинств с ультрамариновыми гвоздиками, неподвижно зафиксированными в аккуратных ушках. Короткое не сильно облегающее черно-синее платье, заканчивающееся гораздо выше колена с высокой горловиной, с виду, казалось максимально удобным для образа жизни странствующей девушки. Медведь готов был смотреть бесконечно на сочетание всех этих деталей с высокими сапогами. Все в ее наряде было продумано настолько, что даже рукава одевались отдельно на руки, оставляя большую часть плеч открытыми, чтобы не сковывать движения в пути или в бою.

— Вести диалог не так уж и сложно, правда, Ноэ? Меня зовут Сар...

— За кого ты меня принимаешь? Я знаю, как тебя зовут, Сарвилл Кхолд. В конце концов, я не имею привычки спасать от смерти первых попавшихся смертников, — перебила Ноэми, — а теперь разожги костер. Того хвороста, что я оставила здесь вчера, должно хватить.

Девушка говорила властным тоном, абсолютно исключая какой-либо интерес к персоне спасенного ею же пленника.

— Как я, по-твоему, должен разжечь костер? Щелчком пальцев? — медведь не торопился слезать с коня, упрямо вопрошая.

— Именно, — Ноэми нарочно смотрела прямо в глаза собеседнику, ей было интересно, как он отреагирует на то, что она знает о его даре.

Пауза затянулась.

— Не прикидывайся, я знаю, что ты уже когда-то применял магию, — отмахнулась она в конце концов и продолжила копать во вьюках.

— Откуда? — странник удивился и прищурил свои разноцветные глаза. — О моих способностях не знает никто за пределами моей семьи. А раз ты знаешь, то почему мы еще не едем в Башню Стихий? Постой! Выходит, мы направляемся напрямик туда? Ну, тогда тебе понадобятся аргументы посерьезнее простых «от этого зависит моя жизнь» или «я сделаю все, что ты пожелаешь», чтобы я отправился с тобой по своей воле.

— Успокойся. Никому кроме короля не станет лучше, если ты или твоя мать загремите в Башню Стихий.

— Выходит и о моих родителях ты хорошо осведомлена? — медведь наклонился в седле, но не торопился спешиваться.

Ноэми похлопала своего коня по шее.

— Твои родители были магами огня. Никто. Если точнее — абсолютно никто, даже они друг о друге, не знали этого факта, пока не появился малыш с точно такими же способностями. Способностями обращать в пепел соломенных кукол и прочие игрушки, легко поддающиеся воспламенению. Если честно, я была удивлена, когда впервые увидела тебя — хоть бы один крошечный ожог за всю жизнь...

— Забавно, что твои осведомители забыли тебя уведомить, что подобным мальчикам огонь не наносит абсолютно никакого вреда. Ну разве что слегка в жар бросает... Именно поэтому я и не погиб в огне будучи ребенком, когда за отцом охотилась инквизиция.

Первую Инквизицию основал отец действующего правителя Дордонии короля Рогара Рагор Свирепый, и истинное призвание ордена было в защите мирного населения от магии, волшбы, ворожбы и прочих проявлений мерзопакостной сверхъестественной сущности. Орден Защитников, так по-другому называли Инквизицию, обладал самыми обширными знаниями в сфере разного рода чар и научился останавливать даже самые мощные заклинания, направленные против них или тех, кого инквизиторы защищали. Впоследствии

созидания Инквизиции стало недостаточно, и Защитники принялись разрушать.

Война между магами и Инквизицией сжигала поприща лесов, целые деревни задыхались под высокими волнами морских вод, землетрясения разрушали древние города, а величайшие смерчи сносили кровлю с домов горожан, оказавшихся на пути Последней Войны, опрометчиво названной именно так потому, что никто не верил в победу ни первых, ни вторых, а скорее был уверен в том, что вся Неймерия уйдет под Вечные Воды нежели чья-нибудь возьмет.

После десяти лет непрерывных схваток маги стали уступать. Волшебников становилось все меньше, и они все реже выходили на открытый бой. В конце концов, война рассеялась подобно непроглядной тьме, которая рано или поздно все равно уступает место свету, а инквизиторы приобрели статус простых охотников за головами. Тогда-то Инквизиция и начала превращаться в ту Инквизицию, какой ныне все на материке ее знали.

Незакаленные диким севером дордонийцы всегда считали, что держать в своей армии магов неразумно — в любой момент чародеи могут обернуться против своих. Бездушному же оружию, как минимум понадобится рука, которую можно будет отрубить в случае, если она рискнет направить острие не в ту сторону. Теперь Орден Защитников выискивал магов по всей Неймерии и передавал в Башню Стихий, где над волшебниками проводили эксперименты, пытаясь отделить магическую энергию от физического тела. Целью этих экспериментов было создание уникального оружия массового или точечного поражения и как следствие абсолютная власть короля Дордонии над всем миром. Естественно большинство этих опытов заканчивалось неудачно, а тела даже не трудились возвращать родственникам. Поэтому живущие свободно чародеи тщательно скрывали свои таланты — даже не помышляя о том, чтобы развивать их — и чаще всего до самой гробовой доски.

Так время превратило банальную благородную защиту человеческого рода от мерзопакостного колдовства и чародейства в не менее банальную корыстную жажду власти и могущества.

— Я знаю о тебе все, Сарвилл Кхолд, — девушка перекинула поводья через голову лошади, чтобы накинуть их на торчащий из дерева сук.

— Мне это совсем не нравится... Рассказывай, кто ты? Зачем меня спасла? И куда мы направляемся? Иначе я немедленно уезжаю!

— Ты никуда не уедешь, — приказным тоном выпалила Ноэми и сверкнула своими васильковыми глазами.

— Может, проверим? — ухмыльнулся странник и слегка прищпорил своего коня.

Он уже собирался послать жеребца в галоп, но в следующее мгновение произошло то, что еще долго не выходило у него из головы. Ноэми сделала слегка заметное движение ладонью и на уровень ее руки в воздух со скоростью, почти незаметной глазу, потянулись мириады едва видимых капель, которые тут же преобразовались в небольшую волну — водяная струя, словно управляемый и наделенный необычайной силой воздушный змей, подхватила лежащий недалеко обгоревший ствол дерева, по-видимому, не выдержавший когда-то удара молнии, и бросила его прямо к лошади своего спутника. Девушка использовала этот ствол вместо трамплина, юрко подскочив на нем, и сшибла с коня неудавшегося беглеца.

— Чародейка, — сделал вывод Сарвилл. Он взял за талию оказавшуюся сверху спасительницу и тут же получил хлесткую пощечину. — А бьешь воистину, как стряпуха.

Волшебница закрепила свое неодобрение сомнительного комплимента вторым

тяжелым ударом.

Молчание продлилось недолго. Ровно столько времени, сколько понадобилось Ноэми на то, чтобы встать на ноги, отряхнуться и расправить одну из лежанок.

— Я расскажу тебе все, по порядку, — Она села возле хвороста, обложенного камнями, подогнув ноги под себя, — только сначала разожги костер. Становится прохладно, и я не хочу окочуриться здесь от холода.

Когда Сарвилл поднялся, все для ночлега уже находилось на своих местах. Он был готов биться об заклад с самим собой, что волшебница наколдовала это за считанные секунды по подобию проделанного фокуса с неоткуда взявшейся волной.

— Ну что ж... — Сарвилл одним щелчком пальцев превратил спящий хворост в бушующий огонь и сел ближе к костру. — Можешь начинать прямо сейчас...

— Меня прислал один из членов Совета Тринадцати, Хранитель квартала Нелюдей Вастерас, — начала Ноэми.

— Мне уже не нравится твоя история, чародейка, — перебил медведь спокойным голосом. — Все члены это проклятого совета проголосовали за мою смерть!

— Это было частью плана по твоему освобождению, — не менее спокойным тоном ответила Ноэми. — Если бы тебя оставили гнить в тюрьме, шансов выжить у тебя было бы ровно столько, сколько у меня сейчас провести ночь в удобной постели. Что Вастерасу нужно от тебя, спросишь у него сам — я лишь пешка во всей этой игре.

— Пешка? Не слишком самолюбиво для тебя.

— Ты меня не знаешь, странник. Будь избирательнее в выражениях. Благодаря твоим несвоевременным и колким замечаниям, весь наш план чуть не полетел к коту под хвост — до сих пор в голове не укладывается, как Хранитель Порядка выдержал и не повесил тебя немедленно, сразу после того, как ты ослабился. Во истину чудо, не иначе.

— Давай по порядку. Я хочу знать, как тебе удалось вытащить меня из этой передраги. — Сарвилл даже не стал слушать пожеланий собеседницы, — Признаться, в какой-то момент я был уверен, что без минуты мертвец.

Ноэми легла и растянулась на слегка влажной лежанке, уставившись в фиолетовое небо. Звезды падали одна за другой, и чародейка не могла отделаться от мысли, что какой-нибудь мечтатель отдал бы все, чтобы сейчас оказаться здесь и уж точно не оставил бы без загаданного желания ни одного умирающего небесного тела.

— Ясно. Короткой истории тебе будет недостаточно. Ну что ж, хотя бы скоротаем время. С самого начала? — спросила волшебница и, не дожидаясь ответа, продолжила. — Не знаю почему, но ты очень важен для Вастераса. Как только до него добрались вести о том, что тебя заключили под стражу, он погрузился в мысли касательно твоего освобождения. Основных вариантов было несколько. Первый — собрать армию и атаковать Последний Гарнизон. Идея не самая удачная и скорее пришедшая в голову от отчаянья в ту же минуту, когда гонец доставил письмо с этим печальным для него известием. Вытащить тебя из тюрьмы без кровопролития было невозможно, да и лишнее внимание нам ни к чему. Второй вариант заключался в том, чтобы кто-то тайно пробрался в городскую тюрьму и вывел тебя оттуда. Отказались от него в последний момент — буквально за день до твоего теоретического освобождения медвежатник, которому было поручено дело, оказался прирезанным в одной из уличных драк, после чего, по странному стечению обстоятельств, стражу вокруг тюрьмы, в которой ты сидел, увеличили втрое. Поэтому было решено, во что бы то ни стало, сделать так, чтобы тебя приговорили к смерти и тогда во время казни у нас

мог появиться шанс вывезти тебя из Дастгарда — несмотря на то, что вариант казался самым рискованным, он одновременно имел больше всего шансов на успех. Собственно, он и сработал.

Чародейка залезла рукой в дорожный мешок и вытащила несколько кусков хлеба и сыра.

— Продолжай, — нетерпеливо попросил Сарвилл, не обращая никакого внимания на запах жареного хлеба.

— В момент твоей казни я должна была оказаться под эшафотом, а для этого мне нужно было либо достать доспехи паладина, коих выкованных на меня, не сыщешь во всей Неймерии, либо традиционные парадные доспехи тюремщика, которые, кстати, легли в самую пору — благо тюремщик оказался не велик. А помочь нам уйти, должна была суматоха на Штурмплац. Внезапно зазвонивший Колокол Войны и эффектное восстание нелюдей неплохо справились со своей задачей.

— Постой. Восстание нелюдей? Сколько же жизней унесло это подстроенное восстание?

— Сотню или две. Порядка этого.

— Старейшина нелюдей, бросающий на верную смерть своих собратьев ради спасения человека? Звучит подозрительно. Боюсь представить, сколько я ему задолжал.

— Когда речь заходила о цене, которую мы можем заплатить, Вастерас убеждал нас в крайней необходимости, апеллируя фактами, с которыми невозможно было не согласиться.

— А если бы это не сработало? — нахмурился медведь. — Я имею в виду, если бы у тебя не получилось проникнуть под эшафот?

— Ты хочешь узнать, был ли риск того, что ты не дожил бы до Дня Петуха? Нет. Все было продумано до мельчайших деталей. — Первая партия жареного хлеба уже была готова, и чародейка протянула добротный кусок своему спутнику, от которого он не отказался, хотя после насыщенного дня до сих пор взбудораженный странник не мог себе представить, чтобы хоть что-нибудь, кроме воды, полезло ему в горло. — Самым сложным было прокрасться на площадь ночью и перерезать веревку виселицы так, чтобы она все-таки оборвалась от твоего веса, но при этом никто не заметил порчи, — сказала Ноэми, насадив еще один кусочек хлеба на палку и поднеся его к костру. — Было бы очень неприятно ошибиться и наблюдать за твоей, болтающейся в петле, тушей. О, милостивая Касандра, ты же мог обделаться прямо на меня...

Ноэми состроила отвратительную гримасу и на несколько секунд отпрянула от еды.

— Об этой детали ты не подумала, верно? — заметил Сарвилл и широко улыбнулся. — Знаешь, оказывается, ты приятный собеседник. Не скажешь, куда мы направляемся?

— В Туурин. Там мы должны встретиться с Вастерасом.

— Туурин? Никогда там не был. А куда именно?

— В Старгорд. Тебе там понравится. Северо-восток Неймерии прекрасен, — чародейка перевернула хлеб другой стороной.

— Даже если бы мне пришлось выбирать между виселицей и долгой дорогой на Призрачные Горы, я бы выбрал второе, — странник, наконец, откусил кусок от уже остывшей корки. — А у тебя есть что-нибудь посущественнее хлеба, сыра и воды? — поинтересовался он с надеждой в голосе и принялся рыться в мешке и не найдя там ничего кроме нескольких яблок, сморщенных временем, вопросительно поднял брови.

Волшебница развела руками, даже не стараясь выразить хоть капельку сочувствия.

— Доверь мне лук, и я смогу добыть нам что-то посущественнее лошадиной жратвы.

— Смотри, не поранься.

Чародейка изящным движением кинула спутнику оружие и колчан стрел, достав их из небольшой кучи хлама, сваленного с лошади. Сарвилл закинул колчан за спину и медленно заступал к деревьям.

— И не потрать все стрелы! — чуть громче нужного окликнула его Ноэми, когда тот уже направлялся в сторону леса.

— Тсс! — резко откликнулся медведь и зашептал, — они тебе не понадобятся, если от голода я оставлю здесь свою бездыханную тушу...

Странник не дождался ответа и побрел вглубь леса. Свет от луны и костра, хорошо освещавший опушку, таял с каждым шагом охотника, не в силах противиться лесным теням. Сарвилл подождал, пока глаза привыкнут к мраку, застыв на месте, и прислушался. Лес дышал шорохами, отстукиванием древесной коры одним заработавшимся дятлом, криками нескольких сов, которые упорно пытались в чем-то переспорить одну кукушку, а странное не то шипение, не то обычное звериное дыхание постоянно сбивало с толку незваного лесного гостя.

Когда совсем рядом вдруг зашелестела трава, странник ловко и бесшумно выудил стрелу из колчана и натянул тетиву. Острый наконечник, жаждущий крови и ищущий свою жертву, медленно следовал за взглядом своего хозяина и через какое-то время замер подобно хищнику, готовому наброситься на свою жертву. Сарвилл развел пальцы в стороны и услышал глухой звук — силуэт небольшого зверька сорвался с места и убежал в прочь.

— Бурлящая бездна! — выругался странник еле слышно и достал вторую стрелу.

Через некоторое время он оказался так далеко от лагеря, что уже не слышал скакунов, которые то и дело ржали, били копытами о землю и недовольно выдыхали влажный ночной воздух. Сарвилл ждал следующего шанса, осознавая его неизбежность. Он вновь затаил дыхание, потом резко натянул тетиву и выстрелил без подготовки. В двадцати саженьях от него к земле пригвоздило небольшую тушку.

— Мне понадобилось всего две стрелы, чтобы сегодня не умереть с голода! — радостно завопил он, выбегая на опушку, где уже успела задремать Ноэми.

Чародейка в один миг подняла голову и хлестким движением руки направила водяной шар в сторону нарушившего тишину. Странник в рывке увернулся от летящего в него снаряда, пропустив его над головой, но несколько капель все же попали ему на лицо.

— Не стоило так кричать, — Ноэми положила голову обратно. — Я не спала несколько дней.

— Ты всегда на чеку, да? — медведь бросил к ногам чародейки тушку кролика.

— Что я должна с ним делать?

— Его надо освежевать. И потом мы с тобой вкусно поужинаем.

— Ты поймал — ты и готовь, — гордо ответила чародейка, брезгливо взяв тушку животного и вернув её к ногам охотника.

Странник пожал плечами и протянул руку в немой просьбе передать ему кинжал.

— Готовка совсем не для тебя, верно, Ноэ? — проронил он и сделал надрез вдоль туловища кролика.

— Ты действительно хочешь услышать, почему я не берусь за готовку ужина? Или этот пустой разговор просто попытка чем-то занять неловкую паузу между двумя малознакомыми людьми, вынужденными провести ночь вместе?

— Скажем, и то, и другое, — последовал ответ, и исподлобья засверкали два разных

глаза, — Разве пустые разговоры существуют для чего-то другого?

Ноэми улыбнулась кончиками губ и перевернулась на живот, вложив подбородок в ладони.

— Дело в том, что пока другие девочки учились вкусно и правильно готовить, я развивала свой дар. — задумчиво произнесла она словно вернувшись в прошлое и исследуя лабиринты памяти, — Когда мои сверстницы радовались тому, что у них получился годный не пригоревший омлет, я радовалась тому, что у меня получилось извергнуть из земли несколько капель воды. Это было необычайно красиво... А заблуждаться, будто у тебя есть власть над стихией хоть и глупо, но приятно до дрожи в коленках.

Волшебница, не меняя позы, отстраненно водила указательным пальцем в воздухе, а небольшая водяная сфера, образовавшаяся за несколько мгновений, повторяла движение в любое направление, в которое бы ни последовал изящный женский пальчик.

— Позже, когда меня впервые назвали женщиной, а мои ровесницы начали обзаводиться семьями и рожать детишек, я научилась применять безобидные фонтанчики в бою, овладев способностью призывать из недр земли гораздо большее количество воды, чем прежде. Тем самым у меня хорошо получалось приводить в чувства тех, кто внезапно решил, что не прочь прожить со мной до конца своих дней. Я могла сбить с ног самого здорового мужлана, которого ты только можешь себе вообразить. — Чародейка возвела очи горе и задумчиво произнесла. — Надо же, нынче я совсем забыла про эту способность...

Она задумалась, а Сарвилл тем временем натянул разделанную тушку на только что заточенную крепкую палку и улыбнулся.

— Я так понимаю, это была не самая популярная способность среди твоих вероятных женихов?

— Ты прав, не самая популярная, — ответила чародейка, слегка улыбнувшись, — тем не менее, я уверена, ты бы не слишком обрадовался, если бы вместо того, чтобы спасти твою шкуру в Дастгарде вчера днем я бы готовила очередной ужин для своего мужа и своры детей.

Сарвилл не ответил. Он носом приблизился к уже прожаренному с одной стороны мясу. Вдохнул аромат и перевернул тушку. Жир капал на угли, издавая своеобразный звук, в полной тишине дремлющего леса.

Какое-то время путники молчали, бросая взгляды от костра к ночному звездному небу, от непроглядной темноты зарослей к лошадям, дергающим хвостами, от останков освежеванного кролика к сучку, лучше всего сгодившемуся для того, чтобы двигать поленья, когда костер начинал затухать. Единственным местом, куда не падали их взгляды этим вечером, были глаза друг друга.

— Ну-ка, — Сарвилл с довольным выражением лица протянул готового кролика чародейке.

Ноэми оторвала небольшой кусок от тушки и осторожно понюхала его. Медведь наблюдал за ней с лицом зазнавшегося повара, ожидающего похвалы за свое творение. Чародейка попробовала мясо, скривилась и выплюнула его в траву. Странник с удивлением принялся к еде.

— Не обращай внимания. Мясо наверняка то, что надо. Просто обычно я не ем ничего подобного и сейчас в очередной раз убедилась, что поступаю правильно, — опередила вопрос спутника волшебница и сделала несколько больших глотков воды.

Странник вздохнул с облегчением и принялся жевать.

— Расскажи мне о магах?

— Магах?

— Ага, о магах. Раз уж так вышло, что отроду меня окружают одни волшебники.

— Ну, хорошо. Существует четыре известных вида. Маги Воды, Огня, Воздуха...

— И Земли.

— Ответ правильный. Рада, что ты осведомлен о стихиях, царящих в нашем мире.

— Мне интересно, как инквизиция отыскивала и узнавала их среди простого люда?

— Очень просто. Инквизиция создала себе репутацию, да такую репутацию, что у каждого человека, хоть настолько обладающего способностями, душа уходила в пятки от одной мысли о встрече с Защитниками. Понять, волшебник ли перед тобой стоит, можно в том случае, если он достаточно возбужден. Тут репутация Инквизиции и играла на руку. Так, присмотревшись, ты увидишь в глазах мага Воздуха смерчи, цунами — если перед тобой маг Воды, пламя — если маг Огня и извержение вулканов, если ты встретился с магом Земли. Цвета глаз соответствующие — серые, голубые, янтарные и зеленые.

— Я решил, что просто устал, когда увидел в твоих глазах нечто подобное, — странник бросил в костер косточку, тщательно обглодав ее перед этим. — А мои глаза? Почему никто никогда не замечал в них ничего подобного?

— Если волшебники не будут развивать свой дар, то их способности так и останутся на уровне «разжигания костров», — уколола собеседника чародейка. — С другой стороны, никто и никогда не сможет разглядеть в таком человеке мага, и он сможет жить спокойной жизнью. Может, это и к лучшему... а что касается твоих глаз, — Ноэми вернулась в беседу после очередной долгой паузы, — тут все сложнее. Можно только догадываться. Ты либо один из немногих, что может овладеть двумя стихиями, либо просто напросто у тебя есть выбор — раздувать огонь или подчинять воду.

— Неужели не бывало таких случаев?

— По крайней мере, они не распространены. Во времена Последней Войны детей с разными глазами убивали, не разбираясь в том, есть у них склонность к магии или нет. Но есть предположения, что убивали Защитники таких детей именно из страха к будущему могуществу подобных магов.

— Эльфы могут что-то знать об этом? — Спросил Сарвилл, вытирая руки о штаны, после того как бросил в костер последнюю косточку.

— Скорее всего. Ведь их магия самая древняя. И, да, чуть не забыла. Возьми это кольцо. Вастерас просил ни в коем случае не забыть тебе его передать.

В ладони у чародейки засверкал перстень, на котором медведь разевал свою пасть и оголял свои белоснежные клыки. Между челюстей у него пульсировала маленькая магическая сфера, которая тут же исчезла, когда странник попытался дотронуться до нее, и появилась вновь, когда он бросил эту затею.

— А теперь пора спать, медведь. Завтра рано выдвигаться в путь, — чародейка отвернулась к лесу и уснула.

*«Похоже, это произошло здесь. О, да. Несомненно. Пусть поляна и успела с тех пор прорасти новым зеленым ковром и покрыться белоснежным одеялом несчетное количество раз, но я до сих пор могу представить себе их первый разговор. Именно во время него они и зачали свой нерушимый союз и позволили через какое-то время ему появиться на свет. Я настолько взбудоражен этим, что даже чувствуя под спиной холодную кору стоящего позади дерева и улавливая звуки какого-то дикого животного в глуши недалеко отсюда, не могу перестать писать, хотя прекрасно понимаю, что свет — это то, что, несомненно,*

*накликет на меня беду. Обиднее всего бы было оставить вас без продолжения этой истории и на растерзание вашим же мыслям, но я буду снисходителен и не позволю ни чему на этом свете лишить вас удовольствия. Сегодня я удостоверился, что мои источники осведомлены корректной и актуальной информацией и пусть древко стрелы сгнило столько же раз, сколько на небе звезд, но заржавевший наконечник все-таки подтверждает каждое слово моих информаторов. Я не могу остановить свой смех и слезы, льющиеся из глаз. Подумать только, это ж могла в голову прийти идея накормить мага воды крольчатинной. А она? Тоже хороша. Никогда в жизни ее желудок не справлялся с пищей подобного рода и тут должен был начать? Нет-нет. Ее дыхание в присутствии странника изначально было неровным и робким, пусть и сама она этого так никогда и не признала».*

*Заметки чужеземца, найденные в окрестностях Дастгарда.*

Аард был вторым по величине городом в Дордонии после Дастгарда. Также, как и столица южного королевства, Аард имел порт, выходящий напрямик в Солнечное Море, откуда торговые суда возили в Творс — соседнюю империю, расположенную на западе, на полуострове — вино, фрукты, пряности, мебель, но чаще всего предметы текстильной промышленности — постельное белье, предметы одежды, парусину, шелк, хлопок, парчу и другой материал, из которого в Броосе, Тирэсе, Опанэсе, Якосе и Палатонесе шили все от занавесок до шатров. Взамен же, кроме трюмов, набитых золотом, аардские купцы привозили в Аард другие металлы, которыми была богата западная империя — медь, железо, свинец и олово. Удачно наладив торговлю с Творсом, за спиной у короля Дордонии, несмотря на непрекращающиеся политические конфликты между югом и западом севера Неймерии, Аард впоследствии перепродавал имперские ресурсы в три, в лучшем случае, в два раза дороже по всему северу материка, оставляя значительную и самую качественную часть себе и даже Рогар Вековечный, не мог повлиять на сложившуюся ситуацию, боясь вовсе потерять источник полезных ископаемых.

— Аард, неофициально, самый богатый город Дордонии, причем за счет личных ресурсов, а не королевской казны, в которой, наверняка, не осталось и ломаного сетима, — гордо заявил купец в синей раскроенной замысловатыми узорами длинной шелковой тунике, пока Ноэми и Сарвилл разглядывали странные безделушки, расставленные на прилавке. — Отличный выбор, госпожа. Черепаха, что вы держите в руках, была найдена в желудке пойманной рыбаками черной акулы. Эксперты заключили, что эта черепашка окаменела на дне Солнечного Моря во время последней долгой зимы несколько сотен лет назад от тоски по теплу и солнечному свету. Она, несомненно, принесет вам удачу, семейное благополучие и здоровых детишек. Если вы приложите ее к уху, то непременно услышите те же звуки, что слышало это прекрасное создание в последние часы пребывания в этом жестоком мире.

Чародейка поморщила нос.

— И, конечно же, у вас есть бумага с заключением этих, как вы выразились, «экспертов», господин купец? — с ухмылкой спросила Ноэми.

— Конечно, дайте мне пару минут, и я непременно ее найду, — ответил он и начал неспеша рыться в баулах с товаром, показательно перекладывая диковинные предметы из одного мешка в другой. — Вы уже побывали в нашем знаменитом цирке? Готов поклясться, такого величественного сооружения вы не увидите больше нигде во всей Неймерии! Говорят, это здание было построено эльфами еще до вторжения людей на материк. Остроухие поклонялись там какой-то из своих богинь. По самым скромным подсчетам под куполом может вместиться тысяча триста двадцать один человек!

— Интересно, — Сарвилл потряс миниатюру белого единорога, внутри которого звенело так, будто несколько бусинок случайно попало внутрь, когда скульптор лепил очередного «белого единорога, который только родился и сразу окоченел, потому что увидел людей с жестокими и холодными сердцами», — из каких соображений кто-то решил посчитать точное количество мест вокруг манежа?

— Что, простите? — купец поднял брови, неуверенно натянув кончики губ.

— Я говорю, наверняка тот, кто считал количество мест в цирке, страдал бессонницей и делал это только для того, чтобы скорее заснуть.

Купец поправил громоздкий медный медальон, висевший у него на шее, растягивающий широкую серебряную цепь до предела и в жалком подобии искренней улыбки скривил лицо, не поняв юмора своего вероятного покупателя.

— Ну, так как? — наконец произнес он. — Будете брать только черепаху или что-то еще?

— Мы вернемся за ней позже. — Ноэми положила фигурку на место, и они со спутником двинулись вдоль рынка под выкрикивание обещаний купца сделать немислимую скидку, если они сдержат свое обещание.

Рынок находился столь недалеко от берега, что даже ночью, когда все купцы замолкали, давая передохнуть голосовым связкам перед следующим насыщенным днем, а запах тухнувшей рыбы разносился по городу, рыночную площадь накрывал беспокойный шум прибоа. Отсюда можно было увидеть купол цирка, который так красочно описывал купец, верхушку очередного храма Касандры, полуразрушенные башни замка Тольд, в котором сменялись правители Дордонии за несколько поколений до правления короля Рогара и до переезда королевской семьи в Дастгард. Ныне же в замке Тольд селился барон Ноген и его братья — Намус и Чариз. Над двухэтажными каменными домами, плотно пристроенными друг к другу по всему Аарду, чуть в стороне от берега, возвышался старый маяк, который светил ярче солнца и ночью, и днем — свет явно поддерживался с помощью магии.

Сегодня на рынке воняло хуже прежнего, словно кто-то сделал это на спор — даже горожане, привыкшие к любому букету запахов в нижней части города, в этот день иной раз в недоумении, прикладывали к носам платки, рукава туник и рубах так же, как и любую другую ткань, что только попадалась под руку.

— Возьми эти деньги, — чародейка отсыпала медведю половину того, что было у нее в кожаном мешочке. — Купи одежду и все, что тебе понадобится в пути. Я сниму комнату в корчме «Телячьи рога и бычьи копыта».

— Чем займешься сейчас? — Сарвилл засунул монеты в карман плаща.

— Сначала отдохну. Мне безумно хочется принять горячую ванну. — Ответила чародейка и двинулась по одной из узких улочек, ведущих с рынка. Она ступала грациозно, бесшумно и очень медленно до тех пор, пока не слилась с бесчисленной толпой, подражающей муравейнику в самый разгар его строительства.

— Господин, я совершенно случайно услышал ваш разговор, — высоким голосом заговорил кто-то изнутри шатра, рядом с которым стоял странник, провожающий спутницу взглядом, — вы оказались в нужном месте в нужное время! Удача сопутствует вам в ваших приключениях! Я услышал, что вам нужна новая одежда. О туниках, куртках, плащах и головных уборах купца Вонна по всей Дордонии ходят легенды!

Сарвилл заглянул в шатер и увидел полного мужчину, щеки которого были покрыты румянцем, словно у молодой девы, к которой приехал свататься какой-нибудь знатный муж. У купца Вонна на шее висел тот же медальон, что и у того, что продавал безделушки в первом ряду. Странник догадался, что этот медальон выдается каждому, кто официально вступит в гильдию купцов Аарда. На родине странника купцы тоже использовали эту традицию, грамотно позаимствованную у гномов. На медальоне была изображена лодка, качающаяся на волнах, над которой палило огромное солнце, а волнистые лучи плавно становились отражением на воде.

— В одной из таких же курток, — купец разложил кожаную клепаную куртку на прилавке, — господин Ноген со своими братьями ходил на кабана. Потом сам барон

рассказывал, что если бы куртка купца Вонна была столь удобной и легкой, то ему не удалось бы увернуться и кабан, наверняка, посадил бы его на клык.

На лице Сарвилла промелькнула уставшая улыбка.

— Вы хотите одеть меня в то, в чем ходит уже половина Аарда, господин Вонн? Если так, то вы ошиблись с выбором покупателя.

— Пойдите, господин! — остановил купец, уже собиравшегося уйти гостя и покрылся пунцовой краской. — Вероятно, мы с вами друг друга неправильно поняли. Предлагаю начать все с начала. Какую одежду вы хотели бы приобрести? Что-то элегантное на выход? Если так, то эти туники и рубахи отлично подойдут для похода на бал, свадьбу и любое другое торжество. Совершенно новое поступление. — Купец говорил протяжным тонким голосом и расторопно раскладывал на прилавке пестрые туники, шелковые рубахи, синие, оранжевые и даже красные штаны. — Вижу по взгляду, вы хотите что-то более универсальное? Одно мгновение! Одно мгновение, господин!

Вонн завел странника в шатер и предложил примерить более подходящий вариант.

— Коричневые штаны не будут столь маркими, что позволит вам реже обращаться к стирке. — Сарвилл стоял перед зеркалом размером в полный рост и выслушивал господина Вонна. — Согласитесь, тот факт, что они нестандартной модели несколько не доставляет дискомфорта, вам также удобно будет сидеть в седле, как и очаровывать свою леди. Сапоги из слоновьей кожи с застежками на икрах будут верными друзьями, даже если ноги отекут с долгой дороги. Можно оставить эту синюю рубаху, а можно заменить на белую. А кожаная куртка без рукавов смотрится очень достойно в совокупности с перчатками из той же партии кожи. Вы заметили, что из этих клепок вырисовывается медвежья морда? словно сам медведь стоит на защите вашего сердца. И, кстати, сами клепки...

— Отливали слепые гномы в невероятно полную луну, какая бывает раз в тысячу лет. Таковую, что сами Призрачные Горы впервые начали таять под лунным светом... — Сарвилл дал понять, как относится ко всем высосанным из пальца легендам, столь популярным на рыночной площади Аарда. — Мне нравится. Сколько я должен за весь комплект?

— Пятьдесят ситемов, — купец засверкал глазами словно кот, учуявший свежую рыбу.

— Пятьдесят ситемов? За такие деньги я могу купить коня! Двадцать или сделки не состоится. — странник начал расшнуровывать куртку.

— Помилуйте вашего слугу, господин, — купец неловко склонил голову. — Сойдемся на тридцати?

— Идет, — Сарвилл, явно довольный выгодной сделкой, достал из плаща монеты, отсчитал нужное количество и передал Вонну. — Еще мне нужен меч. На этом рынке я смогу найти что-нибудь подходящее?

— Здесь вы не найдете достойного меча, господин. — Вонн резко понизил до того писклявый голос. — Мой братец занимается кузнечным делом. Тут недалеко. Он то и подберет вам вариант во истину достойный такого великого воина, как вы! — И купец подробно описал путь до кузницы. Сарвилл еще раз посмотрелся в высокое зеркало, поправил воротник и попрощался.

Улочки Аарда были настолько узкими, что все рассказы о них, которые странник слышал до сегодняшнего дня, казалось, были многократно преувеличены. Чем выше он поднимался от берега, тем сильнее в воздухе чувствовался запах сена и навоза, качественно перебивающий рыбью вонь. Люди то и дело выплескивали из окон непонятную жидкость, предварительно оповещая об этом прохожих, в некоторых случаях чуть позднее, чем это

было необходимо.

По пути в кузницу Сарвилл несколько раз сворачивал не туда — направо вместо налево, хотя точно помнил, что купец советовал повернуть именно к детскому приюту, а не в противоположную сторону. Никто из людей не знал кузницы Вонна, но, в конце концов, он нашел внешне совсем не похожее на кузницу место, рядом с фонтаном «судьбы», как и обещал купец.

— Есть кто? — спросил Сарвилл, войдя в помещение без вывески, внутри которого в солнечных лучах хорошо заметно опускалась пыль. — Меня прислал ваш брат.

В соседней комнате кто-то зашуршал, и из нее появился человек один в один похожий на купца Вонна, но в заляпанном грязном фартуке, а его лицо в нескольких местах было испачкано золой и покрыто потом.

— Вы, должно быть, хотите что-то приобрести? — спросил человек, вытирая ладони о повывавший разного рода грязи фартук.

— Знаете, у вас с вашим братом поразительное сходство. — заметил Сарвилл, слегка опешив.

— Это неудивительно, — отозвался тот, широко улыбаясь, — мы родились с разницей всего в несколько минут. Что, вы говорите, привело вас ко мне?

И даже голос кузнеца продолжал также бляеть, сливая все слова в еле различимый бубнёж. Сарвилл огляделся, таких своеобразных кузниц он не видел никогда. Было все, наковальня, клещи, молот, выложенные на прилавке мечи... Вот только не было печи.

— А где печь? — удивленно спросил он и подозрительно осмотрелся еще раз.

— Что? — кузнец оглянулся вокруг. — Печь? Это магазин «Сталь и молот», многоуважаемый господин. Это место отнюдь не для кузницы. Ха-ха. Если я начну тут ковать, меня выгонят отсюда взашей, как только по осени соседские детишки подхватят первый бронхит. Так что конкретно вы хотите приобрести?

— Мне нужен меч. Хороший меч, — Сарвилл переключился и принялся рассматривать клинки, разложенные на оружейных полках, взяв один из них в руку. — Сколько стоит этот? — он рассек им воздух, разрубив воображаемого врага пополам.

— Хороший выбор! — восторженно произнес кузнец. — Это мое последнее, не побоюсь этого слова, произведение искусства! Рукоять обернута кожей крокодила, навершие украшено Морским Камнем, а лезвие покрыто гномьими рунами. Руны я взял из старинной Морозной книги. В описании к этим рунам указано, что они помогают в бою против драконов, и даже если вы не планируете встретиться с выдуманным существом лицом к лицу — они вполне эстетично выглядят, и уж точно это один из немногих мечей, который совершенно точно будет внушать страх в сердца и умы ваших врагов.

Странник уже перестал обращать внимание на льющуюся из уст всех купцов Аарда лезть — у него было чувство, что это он не успел увернуться из-под летящей со второго этажа жидкости по пути сюда, а не какой-то не расторопный горожанин.

— И сколько стоит это... произведение искусства, мастер Вонн? — Рука медведя уже привыкла к мечу и приятно ныла от тяжести клинка. — У меня есть только сорок ситемов.

— Хм... — Кузнец сделал разочарованное выражение лица и задумался. — Знаете, что, господин? Забирайте его за тридцать пять! Вы хороший человек! Установленная цена, конечно, значительно выше озвученной и были господа, которые предлагали по шестьдесят ситемов за товар более низкого качества, но, я уверен, мы с вами когда-нибудь обязательно сочтемся! Ведь так?

Сарвилл заулыбался, не веря своим ушам, и крепко пожал руку кузнецу, рука оказалась мягкой и на удивление гладкой для кузнеца.

— Знаете, мастер Вонн. Вы с вашим братом абсолютно разные люди! Я не забуду вашу щедрость и обязательно найду возможность вас отблагодарить! — Сарвилл похлопал кузнеца свободной рукой по плечу.

— Что ж, — ответил мастер Вонн, — время покажет, господин. А сейчас, если вы не против, я бы хотел вернуться к делам.

— Конечно! — Сарвилл выложил на наковальню тридцать пять ситемов, закрепил ножны на бедре и ловко вложил в них меч.

Вечерело. Корчма «Телячьи рога и бычьи копыта» встречала путников, висящими над входной дверью предметами, свойственными названию заведения. Войдя внутрь, Сарвилл учуял резкий запах солонины и перегара. Народу было совсем мало, настолько, что можно было отчетливо расслышать шарканье половой тряпки о пол, который старательно издавала одна из служанок, тщательно стирая засохшее пиво с почерневших от старости досок. Тем не менее, местные пьяницы хорошо справлялись с созданием нужной атмосферы в корчме в отсутствии аншлага.

Странник осторожно обошел служанку, стараясь не ступить в места, где было еще влажно после уборки.

— К вам сегодня заселилась девушка, черноволосая, говорящая тоном, достойным королевского и отнюдь не королевскими манерами. В какую комнату мне последовать за ней? — спросил он у корчмаря, очень молодого на вид для своей профессии и чуть ли не моложе его самого.

— Вверх по лестнице, вторая дверь направо, — ответил корчмарь, закинув полотенце на плечо, и важно облокотился на прилавок по ходу, вероятно, вспоминая все движения, которые делал в этих случаях тот, от которого по наследству ему и достались «Рога и копыта».

Сарвилл оставил монету за помощь и поднялся наверх.

— Ну? — важно спросил он, встав перед ванной, в которой с закрытыми глазами расслаблялась волшебница. — Как я тебе? Купец сказал, что в этих штанах я очарую любую леди...

Ноэми лениво приоткрыла глаза. Мыльная пена смешно расположилась у нее на лице.

— Если ты покупаешь одежду для того, чтобы очаровывать каких-нибудь, как выразился твой купец, леди, штаны тебе вовсе не нужны. Мог бы сэкономить несколько ситемов, — проурчала она и закрыла глаза.

— Ха! — наигранно усмехнулся медведь. — Как-нибудь я обязательно воспользуюсь твоим советом. Но ты посмотри на этот меч. На лезвие нанесены гномьи руны. Я чувствую себя превосходно!

— Ты меня удивляешь, Сарвилл. Как ты можешь чувствовать себя превосходно, если от тебя до сих пор таранит дорогой? Я надеялась, что ты додумаешься посетить бани. В Аарде, говорят, бани лучшие в Дордонии. — чародейка даже не подумала хотя бы на секунду открыть глаза, чтобы оценить новый меч спутника.

— Ты начала говорить, как все эти задаваки с рыночной площади, — он убрал меч обратно в ножны.

В углу комнаты стоял табурет, на который и уселся странник в ожидании, пока чародейка закончит свое долгожданное отпаривание в горячей воде, пар от которой

расползся по комнате, словно бесформенный джин, выпущенный из бездонной лампы. Сейчас свет играл со странником, и свечи, освещавшие все вокруг, хитроумно прятали в темноте бадью, в которой нежилась волшебница. Он навалился спиной на стену позади себя, широко растопырив ноги, и взял со стола стакан с водой, жадно пригубив его. Впервые за весь день воздух вокруг был наполнен смесью приятных ароматов — цветов, фруктов и воска.

Вдруг Ноэми открыла глаза и сверкнула ими в сторону странника.

— Я чувствую магию, — встревоженно отозвалась она из темноты. Всплеск воды столь же тревожно отозвался вслед за ее голосом. — Не может быть, чтобы ты обладал магией такой силы. Еще несколько часов назад я не чувствовала ничего подобного. Тут что-то не так.

Мимолетная тревога, которой странник поддался несколько секунд назад, безвозвратно улетучилась, как только волшебница поднялась на ноги — пусть свет от огня и не открывал всех тайн ее тела, но этого было достаточно для того, чтобы любой здравомыслящий мужчина сиюминутно отодвинул на задний план все свои дела. Она обернулась в полотенце и ступила на свет. Несколько капель почти незаметно стекали по розовой коже волшебницы, которая уже покрылась мурашками. К букету ароматов, отзывающемуся в воздухе, добавился мягкий запах мёда.

— *Davoin'te lana fial'h!* — Ноэми воспользовалась старо-эльфийским наречием. Она бросила заклинание холодно, бездушно и, казалось, без единого намека на акцент, словно старо-эльфийский был ее родным языком.

В комнате стало холоднее. Сарвиллу показалось, что он слышит не похожий ни на что треск, который прыгал сейчас по небольшой гостиной комнате «Рогов и копыт» из угла в угол, отзываясь то в одном ухе, то в другом и творя что-то за пределами его понимания. Пламя изворотливо прыгало на свечах, уклоняясь от выпадов задувающего в комнату морозного ветра. Мурашки теперь добрались до спины медведя. Его руки покрылись холодным потом, а только что наполнявший комнату пар вступил в схватку с ледяным холодом, оседая инеем на большом овальном зеркале у входной двери.

В следующую секунду все, что Сарвилл купил на рынке, буквально на глазах начало менять свою форму подобно увядающим бутонам цветов, чье время пребывания в этом мире было ограничено несколькими мгновениями. Кожаные сапоги превратились в старые разношенные тряпочные тапки, штаны упали лохмотьями на пол, а куртка и рубаха повисли на его плечах ветхой тряпкой, сейчас сгодившейся лишь подавальнице для того, чтобы подтереть за очередным перебравшим забулдыгой этажом ниже. Из ножен же теперь гордо выглядывала деревянная тупая палка, которую поленились даже очистить от зазубрин.

— Ноэми, Бурлящая бездна, какого черта ты делаешь? — Сарвилл в мгновение ока приобрел самый жалкий вид, который только можно было себе представить.

Чародейка звонко рассмеялась.

— О чем я только думала, отпуская тебя одного на рыночную площадь в Аарде? — она облегченно плюхнулась обратно в воду и вновь утонула в тени.

— Я не услышал ничего вразумительного, волшебница, — совсем не разделяя эмоций волшебницы проскрежетал Сарвилл.

— Похоже, ты недооценил того, кто, наверняка, сделал тебе умопомрачительную скидку. Уловка из учебников для первокурсников, медведь — не думала, что кто-то во всей Неймерии еще способен попасться на нее. Или ты просто воспринял мои слова про девушек

и отсутствие штанов слишком серьезно? — Она вновь захихикала и утонула в воде. Острота не нашла своего признания в лице не первого обманутого аардцами дастгардца.

Жители прежней столицы Дордонии всегда волком смотрели на горожан Дастгарда. С тех самых пор как дед Рогара Вековечного решил, что самый южный город больше достоин стать столицей королевства, нежели Аард, из стратегических соображений. Но эти стратегические соображения мало кого волновали. Для коренных жителей Аарда, любящих свой город больше собственного семейного имени эта причина значила не больше, чем капля для моря.

Странник стоял в гордом молчании, грузно выдыхая воздух из легких.

— Не надо на меня так смотреть, — не выдержала чародейка, ощущая тяжелый взгляд, хотя и была уверена в том, что собеседник не видит ее лица. — Я же объяснила, не я явилась причиной превращения твоей кареты в тыкву, Сарвилл. Я произнесла заклинание, которое обнаруживает магию, а не создает ее. Тебя надули. Единственное в чем я виновата перед тобой — это в том, что развеяла чары слишком рано и не позволила тебе вдоволь насладиться своим ощущением превосходства над теми, кто никогда не удостоится разить своих противников столь искусно сделанным куском дерева.

— А еще говорят, мол, остерегаться надо Вольных Городов. Можно смело присоединять Аард к городам ворюг и бандитов. — Сарвилл с особым усердием попытался достать палку из ножен, которые, к удивлению, оказались настоящими в отличие от всего остального, но все усилия были тщетны — сук плотно засел в узкой прогалине.

— Купец, у которого ты оставил добрую часть наших последних денег, — волшебница осторожно уколола Сарвилла, — обладает самой примитивной магией, которая только известна людям. Волшбой, находящейся на самой низшей ступени — магией создания иллюзий. Ты не первый кто попался на эту удочку, медведь, и точно не последний, если только не думаешь отныне заделаться Защитником Инквизиции и выпотрошить всех оставшихся иллюзионистов Дордонии.

Странник, смирившись с неудачей, обессиленно рухнул на стоящий позади табурет.

— А что, если не развеивать? Не снимать чары? Был хоть один шанс оставить все как есть?

— Если бы я не избавилась от иллюзии сегодня, она бы сама рассеялась завтра, в крайнем случае, послезавтра. — Чародейка на какое-то время задумалась, перекладывая пену из одной руки в другую. — Мне всегда было интересно, каково обладать магией такого типа... Она жутко не долгосрочная и ни разу не боевая, но редкая и, как мы видим, прибыльная... — она снова улыбнулась и откинула голову назад, позволив рукам исчезнуть в теплой воде.

— И зачем только существует эта бесполезная способность... — проскрежетал Сарвилл, всматриваясь в узоры, нанесенные на единственную вещь, которая не оказалась подделкой — ножны.

— Эта магия примитивна, не осязаема и безобидна в отличие, например, от жгущего огня, способного лишить любое живое существо жизни. Безоговорочно. Но она ни в коем случае не бесполезна. Подобные иллюзии бесчисленное количество раз спасали жизни и товар купцов на большаках — я говорю о тех купцах, которые привыкли скупиться на охрану своих драгоценных караванов. Знаешь что? — Волшебница скрылась в воде, оставив на поверхности уголки губ и аккуратный маленький носик. — Иной раз великие короли, императоры и князи обращались к иллюзионистам за помощью. Например, когда

неприступные крепости владык брали в осаду. От безысходности ты уже готов просунуть голову в петлю, сдаться, осознавая, что твое измученное тело склюют вороны, но решаешь использовать последний шанс и вот — завоеватели уже в страхе отступают перед видом стотысячной армии, явившейся из неоткуда. Единственная в своем роде магия, которая созидает.

— Бред, — заключил Сарвилл, — что мешает отправить разведчика и удостовериться в том, что на деле все это не более чем хорошо замаскированная пустышка?

— Сейчас? Ничего. Не забывай, что прежде никому и в голову не могло прийти, что могучие, внушающие ужас легионы, всего лишь проделки примитивного волшебника и своих собственных глаз.

Ноэми уловила момент, когда странник уже перестал ее слушать. Он поднялся на ноги и замаячил по комнате из стороны в сторону, напоминая внезапно ожившее пугало.

— Я чувствовал, что с этим Вонном что-то не так. Глупец! — Сарвилл ударил себя по лбу. — Я должен найти его!

— Куда ты собрался? Сарвилл, ты ни за что не найдешь иллюзиониста, если только... — Ноэми прервалась, озадачившись какой-то идеей. — Дождись, пока я закончу свои дела. У меня появился план.

\*\*\*

— Это все, что мне удалось отыскать, — равнодушно бросила престарелая служанка, разложившая мятую и скверно пахнущую мужскую одежду на кровати. — Есть две рубашки, разные по размеру, штаны и одни сапоги.

Сарвилл внимательно осмотрел то, что женщина назвала рубашкой. Она пахла речной водой и затхлостью.

— Эти рубашки на людей, которые в полтора, а то и в два раза больше меня! Неужели у вас нет ничего, что было бы в пору не только бурому медведю?

— Господин, — служанка уперлась руками в бока, — постояльцы не часто забывают у нас свою одежду и чаще всего она не подлежит стирке и сразу летит в огонь. Можете довольствоваться этим, а можете ходить, в чем мать родила. Ну, так как?

— Мы благодарим вас! Вы и так сделали для нас больше, чем мы рассчитывали, — вмешалась в разговор волшебница и положила на край стола блестящую монету. Женщина кивнула в ответ и покинула комнату. — Тебе стоит быть немного вежливее, если не хочешь разгуливать по городу в одних портках.

Странник не ответил. Разве что показательно скривил лицо, чтобы как можно явнее обозначить, что пропустил совет мимо ушей и принялся примерять «обновки».

— На чем я остановилась? Ах, да. Любой иллюзионист зарабатывает деньги с помощью и благодаря своей способности — в этом ты смог убедиться на собственной шкуре — но такие чародеи, в первую очередь, актеры, а любому актеру, как мы знаем, нужна сцена. — Ноэми глядела в окно, погружившись в мысли и наблюдая за тем, как солнце катится к закату, заливая алым светом песчаное побережье. — Твой купец Вонн, наверняка, ограничился бы уличными выступлениями, если бы мы были в любом другом городе, но Аард... Аард славится лучшим и поистине великим цирком во всей Неймерии. Бьюсь об заклад, что мы найдем его на манеже.

Штаны сели на странника как влитые, но даже самая маленькая рубашка из двух, висела на нем словно конская попона на осле.

— Меня очень радует твой оптимизм, ровно как огорчает твоя наивность, — он закатал

рукава выше локтя. — Если бы у него не хватало здесь, — Сарвилл дотронулся пальцем до виска, — то я бы сейчас стоял в рубахе, которая была бы мне по размеру.

— Иллюзионист может накладывать иллюзию внешности. И тот купец, которого ты узнал сегодня, на деле может оказаться совсем другим. Он может изменить цвет волос, глаз, добавить татуировки. Но он никогда не сможет изменить физических свойств тела. Например, если бы на его настоящем лице был шрам, то никакая иллюзия не скрыла бы этот факт. Благодаря этим параметрам нам и следует сегодня отыскать твоего обидчика. Если, конечно, ты уверен в том, что это был один и тот же человек. — Сарвилл положительно закивал. Ноэми скрестила руки на груди и внимательно осмотрела странника. — Чудно выглядишь. Итак, вот наш план. Сегодня вечером мы в качестве зрителей посетим величайший цирк Неймерии.

\*\*\*

Цирк оказался, действительно, великолепным наследием эльфийского народа, и это был единственный факт, который купцы с рыночной площади, при всем желании, никак могли преувеличить. Купол величественно возвышался над остальными двухэтажными строениями в Аарде, острым наконечником врезаюсь в небосвод. Само здание было полностью отделано голубовато-зеленым гранитом, а архитектура строения состояла из семи животных, похожих на слонов, вставших на дыбы спинами друг к другу и возводящих свои огромные загнутые бивни к небесам, которые и удерживали купол цирка над манежем.

Всего к манежу было семь выходов, и все они вели между ног у гигантских слоноподобных животных. У каждого прохода — хоть до начала представления еще и оставалось время — уже выступали жонглеры, акробаты, люди-змеи и огненные люди. Они ежеминутно напоминали зрителям, что надобно положить несколько сетимов в специально отведенное место, чтобы артистам была выгода и впредь приезжать в славный и наидостойнейший город Дордонии. Карлик из труппы в смешном пестром костюме бегал вокруг цирка и складывал в мешочек уже пожертвованные артистам монеты, пока какой-нибудь бездомный не соблазнился легкой наживой.

— Когда солнце катится к закату, в этом городе становится вполне сносно, — Сарвилл стер капельки пота со лба. Ноэми кинула в причудливую шапочку одного из жонглеров несколько сетимов и приветливо улыбнулась.

— Туда! — она указала пальцем на еще свободные места, когда они зашли под купол.

Странник покорно следовал за чародейкой, пробираясь через столпотворение людей, неторопливо осматривающихся и выбирающих себе места получше. Большая часть зрителей уже приняла удобное положение и, затаив дыхание, ожидала торжественного сигнала, возвещающего о начале представления.

Прежде чем добраться до примеченных мест Сарвиллу и Ноэми пришлось пройти мимо нескольких десятков горожан. Тут была и семья с целой свитой чумазных детей, родители которых раз за разом, ловко хватая каждое свое чадо за шею, словно новорожденных котят, пытались усмирить свой выводок, когда кто-нибудь из них пытался сорваться с места и напраказничать. В толпе было легко вычислить тех, кому впервые удалось попасть на подобное представление — один полный мужчина с жабым лицом весь истек потом и через очень короткие промежутки времени нервно почесывал мокрые ладони в предвкушении представления. Здесь была и влюбленная парочка, которую и вовсе не интересовало, что будет происходить мгновениями позже — рыжий веснушчатый паренек не давал своей даме передохнуть, затискивая ее что есть силы и расцеловывая так словно под ними была не

каменная скамья, а под завязку забитая клопами кровать в придорожной корчме. Места странника и чародейки располагались прямо между старухой с жутко недовольным лицом и торчащим наружу передним зубом с одной стороны и гномом с другой, перебравшим пива и изрыгающим своеобразный звук во всю глотку с той же периодичностью, с которой сидящий по соседству одноглазый бородатый мужчина икал, перебивая свою же какую-то старую рыбацкую песню.

— Бывал когда-нибудь в цирке, медведь?

— Первый раз. Были заботы важнее.

— Наслаждайся. Здесь действительно есть на что посмотреть, но помни, зачем мы сюда пришли.

— Слишком глубокий вырез на моей рубаше не даст мне об этом позабыть, поверь.

Улыбка в очередной раз за день всплыла на лице волшебницы.

Когда они заняли свои места, представление еще не началось. На манеже выступал местный мальчишка, жаждущий проявить себя для того, чтобы его пригласили в труппу странствующие циркачи. Он вытворял со своим телом такие вещи, что зрители, не озабоченные поиском свободных мест, взрывались аплодисментами. Сначала он сцепил руки над головой и принялся вертеть их вокруг себя, размеренно перешагивая через них до тех пор, пока толпа не стала реагировать тише, показательно демонстрируя, что прием ей наскучил. Тогда парнишка взял две здоровенных на вид гири, и, как только поднял их над головой, его руки согнулись в обратную сторону, точно не имели локтей, а когда локти все же вернулись на свои места, с кистями его рук стало происходить нечто подобное — внешняя сторона ладоней прижималась к кистям не хуже того, как прижимается страница к странице в любой книге в той форме, в какой мы привыкли ее видеть. В один момент он попросил плотно заковать свои руки в кандалы и, будто его тело было вылеплено из пластилина, освободился от оков — цепи рухнули на пол, а взбудораженная толпа взорвалась овациями.

Загудели волынки, наигрывая динамичную торжественную мелодию, ознаменовывающую начало представления. Мальчишка, удивляющийся возможностями своего тела, своевременно сошел с манежа, почувствовав ту самую грань, через которую не стоило переступать. Люди зааплодировали в предвкушении появления состоявшихся артистов. На манеж друг за другом выходили музыканты — волынщики, барабанщики, лютнисты, молодые девушки, ждавшие своей вокальной партии и мужчины, удивившие всех своим тенором. Вслед за музыкантами шли артисты — дрессировщики, акробаты, канатоходцы, клоуны и жонглеры, все как на подбор — дрессировщики статные, акробаты гибкие, канатоходцы — низкорослые, клоуны среднего роста и с выпяченными животами, а все жонглеры были худощавые с длинными тонкими руками.

— На манеже сейчас все, кто будет принимать участие в сегодняшнем представлении. Смотри внимательно, медведь, ты узнаешь купца? — Ноэми проговорила страннику на ухо, не сводя глаз с циркачей.

Сарвилл сосредоточено осмотрел артистов.

— Он может быть кем угодно.

— Смотри внимательно. Человек пять подходят под твое описание. Больше не насчитала.

— Слишком далеко, — медведь слегка прищурился. — Отсюда не разглядеть.

— Привычка? — чародейка спросила, как бы у самой себя и тут же ответила на свой

вопрос. — Точно. Может, у него была какая-то привычка, которую не скрыть за маской иллюзии? Может, он слишком сильно жмурит глаза, когда моргает или облизывает губы с чрезмерным постоянством? Что угодно...

— Многоуважаемые жители и гости славного Аарда, — заговорил цирковой вестник не самым красивым для своей профессии тембром, волынщики уступили звучной и более спокойной мелодии лютнистов, чтобы все могли расслышать приветствие, — мы рады видеть каждого из вас на самом зрелищном цирковом представлении этого года в Дордонии под названием «Луна и солнце Лаэты и Дориала»!

Волынки вновь заиграли свою партию.

— Это необычайно красивая история любви двух эльфов, которые выбирали между короткой жизнью под солнцем и вечной жизнью под холодной луной, — пытаюсь перекричать музыку, пояснила Ноэми Сарвиллу.

— Сегодня для вас будут выступать братья Фовеллы! — вперед выбежали акробаты, поклонились, сделали круг по манежу, выполнили впечатляющее сальто и вернулись на свои места. — Канатоходцы с Призрачных гор — Эргз Дон, Велли Сногс и Тили Норл! Танцовщики из Асаи! Эрика Нолин, Мэга Ронна, Тофа Ланг и Канни Боол! А также единственный в своем роде неподражаемый иллюзионист — Яр из Афгаарда!

Артисты выбегали один за другим, в знак приветствия, выполняя какой-нибудь заготовленный прием, характеризующий их специализацию. Иллюзионист выпустил в небо больше дюжины голубей, взявшихся из неоткуда всего лишь после короткого взмаха руки.

— Это он? — Сарвилл прочитал по губам чародейки.

— Не пойму. Не припомню никаких привычек, которые помогли бы мне сейчас опознать его. — пробормотал странник себе под нос.

Вестник продолжал представлять артистов — дрессировщиков, жонглеров, эквилибристов, мимов и каждого музыканта по отдельности. Все широко улыбались, выпячивая красивые зубы наружу, когда над манежем звучало их имя, и получали свою порцию приветственных аплодисментов. Когда все участники были представлены, музыканты продолжили играть никак не наскучивавшую музыку и, пританцовывая, расположились по краям манежа, отпустив остальных артистов готовиться к своим номерам.

— Я остановился на трех вариантах, — начал Сарвилл, вытирая о штаны вспотевшие ладони, — это либо иллюзионист, что все-таки логичнее всего, либо жонглер, тот, что выше остальных, либо дрессировщик тигров, с такой же неприятной физиономией, что была у тех двух выдуманных братцев. Знаю, что ты скажешь. Не надо. Давай доверимся моей интуиции.

— Ты помнишь, о чем мы с тобой говорили?

— Конечно, буду импровизировать.

\*\*\*

— В самом начале по традиции будет представление всех артистов и тебе нужно успеть выбрать кого-то одного. Если среди них будет иллюзионист, то, скорее всего, он и окажется тем, кто нам нужен. Тем не менее, надо быть готовыми ко всему, его истинное лицо может скрываться под личиной кого угодно.

— А что, если я выберу нескольких? — Сарвилл наполнил кружку водой из кувшина.

— Тогда мы не вернем наши деньги и задержимся в этом городе до тех пор, пока не найдем возможность заработать, а подобный расклад для нас смерти подобен. Рогар не сидит сложа руки пока мы тут развлекаемся. К тому же в Туурине мы должны появиться не позднее, чем через месяц. — чародейка взяла стакан странника, когда тот поставил его на

стол, и медленно осушила до дна. Все это время Сарвилл пытался найти объект внимания, лишь бы только в полной тишине не пялиться на волшебницу, — во время выступления нашего «друга» я произнесу заклинание снятия иллюзии, что позволит нам разоблачить его и увидеть истинное лицо паршивца. Но если мы ошибемся, и используем заклинание, когда тот, кто нам нужен будет скрыт от наших глаз...

— Мы спугнем птичку и потеряем всякие шансы найти его в этой помойке. — Странник сделал вывод, бормоча себе под нос, и снова наполнил кружку водой.

— Осторожнее, медведь, — чародейка улыбнулась, — ты начал говорить про этот город как все дастгардцы. Рано или поздно это может нас выдать.

— Значит у нас лишь один шанс, — пробубнил он в ответ, не отклоняясь от темы.

— Не факт, — чародейка села на кровать и положила ногу на ногу, — но то, что он станет осторожнее — ясно как день.

— Значит, выберем одного...

\*\*\*

Акробаты синхронно поклонились и убежали под аплодисменты восторженных зрителей. На манеже появился вестник и тут же завопил во все горло сорванным голосом. Именно завопил, потому что по-другому извержение высокого запыхавшегося охрипшего тенора из пропитой глотки назвать было нельзя.

— А сейчас вашему вниманию предстанет самый великий и непревзойденный иллюзионист всех северных королевств — господин Яр из Афгаарда! Встречайте бурными и беспощадными аплодисментами!

Толпа отзывалась несмолкающим ликованием в ответ на каждый словестный выпад с манежа. Какими бы прилагательными к слову «аплодисменты» в этот вечер не раскидывался цирковой вестник, все они, как один, находили отклик у зрителей, а, быть может, голодным до представлений аардцам, и вовсе было неинтересно слушать его, и они реагировали лишь на вопли друг друга, не обращая никакого внимания на содержимое предложений вестника.

На улице уже смеркалось, и луна покорно заняла свое место на небе, вбрасывая толику мягкого света сквозь каменные бивни животных. Музыканты заиграли тревожный мотив. Все факелы погасли на несколько секунд, погрузив амфитеатр в кромешную тьму. Народ еще не успел запаниковать, как огонь вновь разгорелся и в центре манежа уже стоял высокий мужчина в черной мантии. Зрители охнули. Факелы снова погасли и вновь загорелись, когда Яр из Афгаарда пропал с места, а на пол, где он только что стоял, опускалась его легкая словно птичье перо мантия.

Девушка, сидевшая на противоположной от Сарвилла и Ноэми стороне, вскрикнула — пронзающая волна ужаса накрыла зрителей и заставила присутствующих утонуть в безмолвной тишине. Все обратили внимание на силуэт иллюзиониста, возникший возле испуганной девчушки и исчезнувший мгновенно после очередной игры со светом. Пространство под куполом наполнилось светом и овациями, когда иллюзионист вновь оказался в центре арены, сидя на троне, с королевским плащом на плечах, короной на голове и лицом короля Дордонии Рогара Вековечного.

Манеж на глазах у всех покрылся черно-белыми мраморными плитами. Плиты ложились одна за другой то ли в самом деле, то ли в сознании каждого присутствующего, стирая границы между явью и вымыслом, реальностью и сном, манежем и зрителями. Жаль, никому и в голову не пришло обратить внимание на стены цирка внутри перед началом представления, потому как сейчас они оказались увешены картинами королевской семьи,

королевским гербом, на котором лев вцеплялся в шею огромному дракону, а по краям красной ковровой дорожки, ведущей к трону, неподвижно стояли королевские паладины, доспехи которых вздымались в такт их — настоящему или нет — дыханию. Трудно было поверить в то, что теперь яркий солнечный свет освещал королевский тронный зал через большие окна замка Шаарвиль.

Сарвилл сплотнул. Иллюзия оказалась настолько реальной, что он забыл, зачем они сюда пришли и поймал себя на мысли, что судорожно думает, как незаметно покинуть помещение — ускользнуть в окно, провалиться под землю. Что угодно, лишь бы не пробыть здесь ни минуты.

— Сарвилл! — Ноэми вырвала его из мыслей.

— Я не уверен... — произнес он хриплым голосом — во рту было сухо.

В зал зашла королевская чародейка. Да, это была Люция. Она предстала перед всеми — или только перед странником — точно такой, какой ее всегда ему описывали — высокая, худая пепельноволосая бестия с осиной талией, острыми чертами лица, в черном платье, визуальном делающем ее еще тоньше и серебряным узором диадемы в идеально прямых длинных волосах. Выразительно, ступая шаг за шагом и отбивая каблук не только о мраморный пол, но и о взбудораженное сердце странника, она приблизилась к королю Дордонии и получила какие-то указания, которых было заведомо не расслышать. Она пошла между рядов, стреляя взглядом в разные стороны, внимательно выискивая кого-то определенного.

Ищет добровольца для фокуса? Почему бы не спросить такового с манежа? — пронеслось в голове медведя. Именно эта мысль не позволила ему заметить того, как королевская чародейка оказалась совсем рядом и, обхватив ледяной ладонью запястье, потянула его за собой. Странник повиновался и вслед за ней вышел в самый центр тронного зала.

Навязчивая идея, будто он стоит абсолютно нагой перед всеми ненавистными горожанами Аарда не покидала его до тех пор, пока он не ощупал загнутые рукава рубахи, которая была обречена висеть на нем, а не быть одетой. С облегчением поняв, что вся одежда на месте странник поднял глаза и обнаружил вокруг себя давящие стены Шаарвиля, за которыми, по всей видимости, и остались другие посетители цирка.

Когда Люция подвела медведя к трону — седалище уже лишилось спинки и подлокотников, а недалеко от него играл бликами солнца длинный двуручный меч. Чародейка завязала страннику глаза и поставила на колени, ударив холодом своей ладони ему в затылок и положив его голову на то, что осталось от трона. Зрители вновь ахнули, когда король взял в руки «Львиную доблесть» — именно так назывался фамильный меч Рогара. Четким и равнодушным движением владыка обезглавил странника. Если бы зрителей от него не скрывала стена иллюзии и абсолютно черная ткань, он бы увидел, как каждый из горожан с испуганными глазами хватается за лицо.

В тронном зале повисла гробовая тишина. Король за волосы поднял отрубленную голову так высоко, как только мог, ожидая восторженных оваций зрителей, но никто даже не думал менять позу с того момента, как сталь нашла дерево. Если у страха и были глаза, то именно такие — огромные, вылупившиеся зенки тысячей пар глядящие на бьющееся в предсмертной корче тело. Кровь с плахи живо разливалась из тела, обезглавленного и лежащего в густой алой луже под помостом, и ниспадала щедрыми каплями из лишившейся туловища головы.

Рогар и чародейка не спешили продолжать выступление, играя на чувствах аардцев.

Ноэми никак не могла ожидать такого поворота событий, а когда «Львиная доблесть» уже неслась к своей цели, было слишком поздно что-либо предпринимать. Теперь она всеми силами пыталась сосредоточиться на своих логических размышлениях. На том, что все это первоклассная иллюзия и король не мог оказаться в Аарде так быстро, да и откуда он мог знать обо всех их передвижениях? На них мог кто-то донести? Навряд ли весть могла так быстро добраться до этого города. Но все эти рассуждения рано или поздно все равно заводили ее в тупик одним простым словом — магия. Магии подвластно все. Да и кто знает, что Рогару удалось вывести в Башне Стихий. Быть может теперь на всей Неймерии они со странником у него как на ладони.

Наконец Люция оттаяла, словно ледяная фигура, обретшая способность двигаться. Невидимой силой она подняла обезглавленное тело с колен, а король приложил к нему голову. Из зала слышались редкие недовольные выкрики слабонервных и мольбы тех, кто просил похоронить невинного по-человечески. Не обращая внимания на поднимающийся галдёж и накрыв все это кощунство мантией, которая с самого начала представления так и лежала посреди зала, король несколько раз хлопнул в ладоши, после чего сорвал накидку, показав всем зрителям живого, но ошеломленного странника.

Народ восторженно зааплодировал, а королевская чародейка отвела гостя на свое место, приняв облик совершенно обычной рыжеволосой девушки. Факелы снова погасли и зажглись, на этот раз, переместив фантазию людей обратно на арену аардского цирка. Вонь, которой тянуло со стороны порта, никуда не девалась и настигала даже в стенах Шаарвиля, но только сейчас она сделалась родной, знакомой и на какой-то момент медведь даже полюбил северную столицу. Музыканты снова наиграли торжественный и динамичный мотив, когда Яр из Афгаарда вышел на поклон.

— Это не он. — Сарвилл почувствовал сырость руки волшебницы на тыльной стороне своей ладони. — Не думал, что тебе так дорога моя жизнь. — Он улыбнулся. Ноэми резко убрала свою руку, но на ее бледном лице не появилось и капли смущения.

— Как ты понял, что это не он? — спросила она, когда человек в вычурном синем костюме пытался перекрыть галдевшую толпу, объявляя следующий номер.

— Он держал мою голову в руках, Ноэ. Иллюзия — это иллюзия, правда? Ты сама сказала, что физические свойства тела не изменить. У этого руки были шершавыми, словно у заматерелого кузнеца.

Чародейка бросила на него постыдный взгляд.

— И все? Это все на чем ты основываешься?

— Почему же? — он попытался сыграть удивление. — Конечно, помимо прочего я прислушиваюсь к своей интуиции.

— Ладно, — отозвалась волшебница. — Честно я тоже считаю, что это не он. Вся иллюзия создавалась из вне. Для такой магии нужно приложить много сил и манипуляций всем телом, а этот Яр из Афгаарда стоял как истукан.

\*\*\*

— Что это? — Ноэми подняла брови. На ее лице сохранился суровый отпечаток, перенесшийся из мыслей.

— Это тебе, — Сарвилл держал в руках бирюзовый медальон в форме солнца с волнистыми лучами, отбрасываемыми во все стороны от сферы, наполовину заполненной прозрачной водой. — Внутри вода из древнего озера Антакриэль, что посреди Изумрудного леса. Так мне сказали. И это были не купцы, поэтому я склонен верить, что эта вода точно

никогда не вытекала из самых недр Неймерии в тот самый момент, когда засох последний Аруиллиз.

— Действительно, — чародейка взяла медальон в руки и нежно прошлась большим пальцем по миниатюре солнца, — я чувствую магию. А ты в тех же штанах, в которых и уходил. — подметила она и улыбнулась. — Где ты раздобыл этот артефакт? Такое не купишь на пять ситемов и вообще вряд ли найдешь в продаже.

— Я не потратил и сетима, Ноэ, — Сарвилл плюхнулся на кровать, довольно улыбаясь. — Я просто выжидал вечера коротая время внизу... В общем, в корчму забрело несколько чудаков, жаждущих проиграть в бландж. Чудесно, что тебе понравился подарок.

Чародейка тяжело выдохнула и неуверенно заговорила, не поднимая глаз.

— Это мило с твоей стороны, Сарвилл... Мы даже не представляем какой силой обладает этот амулет, и я счастлива, что он попал в руки именно ко мне, но... — она ненадолго прервалась, бросив взгляд на новое украшение, мирно лежащее в ее ладонях, — Я знаю, чего ты добиваешься. Прошу, не рассчитывай на взаимность. Как только мы окажемся в Туурине, наши пути разойдутся. Навсегда.

\*\*\*

Канатоходцы подкидывали палки высоко вверх, разворачиваясь на канате, и ловили их, уже повернувшись в другую сторону. Ложились на канат, словно на просторную и комфортную кровать, беззаботно болтая ногами. Взбирались друг другу на плечи и ходили туда и обратно, сильно раскачивая не прочную на вид веревку и заставляя сердца зрителей замирать кого в страхе, а кого в предвкушении несчастного случая.

— Я хочу... — начала Ноэми, но гул толпы перебил ее, приставив к горлу нож безмолвия.

Сарвилл, не отрывая взгляда с манежа, переспросил.

— Я хотела сказать, мне жаль, что сегодня я оказалась слишком прямолинейной, неблагодарной и... неподобающе грубой. Еще не поздно сказать тебе спасибо за подарок?

Один из артистов сделал сальто и получил свою порцию аплодисментов.

— Не бери в голову, Ноэ, — ответил Сарвилл, не отрывая глаз от манежа, и похлопал очередному прыжку, — ты была права. В сложившейся ситуации последнее, чем стоит заниматься — это затевать какие-либо отношения.

Чародейка поколебалась несколько минут и заговорила.

— Дело не в ситуации...

— Что?

— Я сказала, что дело не в сложившейся ситуации. Все гораздо сложнее. О, Святая Касандра, ты словно ребенок, который только начал постигать этот мир.

— Мне обижаться? — Сарвилл посмотрел на волшебницу впервые за последние несколько минут. — Если дело не в том, что на меня идет травля, а тебе кто-то непонятно зачем поручил сначала спасти меня, а затем доставить из одного королевства в другое, заставив рисковать собственной шкурой — тогда в чем? В чем тогда дело?

— В том, что даже если бы я ответила тебе взаимностью, из этого ничего бы не вышло, потому что...

Чародейке не удалось закончить фразу — в разговор вмешался вездесущий цирковой вестник, мельтешащий по манежу, словно загнанная лисица и пытающийся докричаться до зрителей, сидящих аж в самых последних рядах.

— А теперь перед вами предстанет, — он, наконец, остановился на одном месте и

расставил руки в стороны, — самый смелый, самый опытный и самый непревзойденный дрессировщик белых тигров во всей Неймерии! — он показательно стал издавать звонкие хлопки, заводя публику и заставляя её подражать себе.

На манеж вывалился полный мужчина с аккуратной прической и красиво подстриженными усами, в руке у него была небольшая палка, глядя на которую, следом, грациозно переваливаясь с лапы на лапу, шли два белых тигра, размерами с самого дрессировщика, если бы тот встал на четвереньки. Животные, привыкшие к публике, никак не реагировали на зрителей — они лениво зевали и виляли длинными хвостами, ожидая очередного приказа от своего хозяина.

Тигры менялись местами на специально подготовленных пьедесталах по приказу дрессировщика; лениво, но безотказно перепрыгивали через палку в его пухлых руках; лежа перекатывались по полу, когда он в специальном движении поднимал свой жезл над их мордами; вставая на задние лапы, они неуклюже обнимали его, опуская огромные кошачьи лапы прямо на плечи хозяина. Народ вновь поделился на тех, кто замирал в ужасе от мыслей, что животные могут броситься на любого из них, если им вздумается и на тех, кто жаждал того, чтобы произошло нечто из ряда вон выходящее. Выступление близилось к своему завершению.

— Решай, — прошептала Ноэми, стараясь не перебивать висевшую под куполом тишину. Люди усердно пытались не издавать звуков, своим большинством опасаясь диких животных. Странник в исступлении хранил молчание.

В конце выступления укротитель заставил тигров поклониться и сам следуя их примеру поблагодарил зрителей за внимание. Самец по приказу своего хозяина тут же побрел к выходу, самка же двигалась более упрямо, постоянно останавливаясь на месте и окидывая пришедших на представление диким и суровым взглядом, но дождавшись удара по белоснежному мясистому бедру, тут же начинала двигаться вперед. Мужчина, шедший следом за животными, размахивал открытыми ладонями и улыбался публике, явно довольный проделанной работой. Музыканты стали играть чуть тише, доигрывая последние аккорды, леденящей душу музыки, специально подготовленной для выступления дрессировщика.

Все, включая чародейку и странника, уже начали приходить в себя и благодарить артиста осторожными аплодисментами, как вдруг на манеж вернулась тигрица и сделала еще один круг. Следом за ней выбежал укротитель, расставив руки в стороны и перегораживая собой путь к сидящим в первых рядах зрителям. Зверь внимательно осматривал людей, бесшумно открывая пасть. Музыкантам пришлось начать играть музыку по кругу.

— Эй! — дрессировщик мягко ударил животного по бедру, но самка не отреагировала, она продолжала страшить людей взглядом.

Цирковой вестник, осторожно выглянувший из-за кулис, кинул на пол перед непослушной тигрицей кусок мяса и тут же исчез. Мясо не осталось не тронутым — зверь проглотил кусок, не отрывая взгляда с бесчисленной толпы, но даже и не подумал пойти прочь. Тогда уже терявший терпение дрессировщик приложился еще сильнее к бедру самки. Зверь агрессивно развернулся, продолжая беззвучно разевать пасть и демонстрировать огромные белые, как снег, клыки.

Теперь толпа засуетилась. Озабоченное выражение лица укротителя и полные страха глаза слишком явно демонстрировали то, что ситуация вышла из-под контроля, а решение

этой непростой задачи — загнать непослушное животное обратно в клетку — ранее никто не придумывал и ответ еще только предстояло найти. Народ поделился на тех, кто бросился к выходу, на тех, кто посчитал эту ситуацию запланированной концовкой выступления и в улыбке растянул губы, на тех, кто поступил так, как поступили первые и вторые, в нежелании думать своей головой, а в желании просто довериться интуиции, а такие, которые были как Сарвилл и Ноэми в силах постоять за себя, просто ждали дальнейшего развития событий. Теперь под нависшим сверху куполом никто не сдерживал эмоций. Женщины кричали, мужчины аплодировали, одни дети смеялись, другие плакали, а музыканты наигрывали одну и ту же мелодию снова и снова, пытаясь превратить этот бардак в нечто заранее запланированное.

Тигрица прыгнула на дрессировщика также лениво как делала это несколькими минутами ранее, но теперь не через деревянный жезл, а на него. Мужчина отскочил вправо довольно ловко для своей комплекции, не позволив хотя бы одному когтю остаться в своем теле. Самка, грациозно переставляя лапы, развернулась в его сторону и снова накинута на хозяина, на этот раз сбивая дрессировщика с ног. Зрители загудели, когда зверь разорвал артисту тунику на груди, а кровь хлынула на арену.

— Снимай иллюзию! — Сарвилл словно внезапно проснулся, проспав на какую-то серьезную встречу. — У нас мало времени! Снимай иллюзию, Ноэ!

— Davoin'te lana fial'h! — произнесла чародейка, когда клыки тигрицы неслись к шее укротителя.

Странник вновь почувствовал холод, окутавший на этот раз не только его, но и всех, кто окружал злосчастный манеж, заставляя оставшихся в цирке в недоумении обхватывать себя руками и оглядываться. Мурашки снова пробежали по его коже, забравшись под рубашу они пронеслись по спине, оставляя за собой частокол из волос. Когда магия прекратила свое действие и вернула воздух вокруг привычную температуру, странник бросил взгляд на арену, где и сейчас, тяжело дыша, лежал дрессировщик. Однако его усы более не красовались на все том же пухлом лице, но с бороздами глубоких морщин, длинные до плеч волосы грязными седыми прядями ложились на пол, а с его окровавленной груди соскочила белая худая кошка, которая тут же, поджав уши, убежала прочь.

\*\*\*

— Если мы снимем иллюзию и узнаем его истинное лицо, что тогда?

— Оставим это на волю случая, — чародейка выругалась, когда пробегающий мимо мальчишка сильно врезался в нее. — Тут есть несколько вариантов. Мы либо подкараулим его сразу после представления, либо выследим, где он остановился, и навестим шарлатана прямо в месте, которое он выбрал для ночлега.

Сарвиллу приходилось идти медленнее и постоянно сбивать шаг, потому что чародейка не особо торопилась и шла медленной походкой.

— А что, если у него уже вовсе нет наших денег и вся эта затея обречена на неудачу?

— Поверь мне, он найдет деньги за пазухой у самого дьявола, если мы пригрозим рассказать обо всех его деяниях местному барону. — Чародейка остановилась внутри узкой арки и сорвала со стены плакат, сунув его под нос страннику. — Ты не первый, кто оказался слишком доверчивым к махинациям подобного рода. Награда в тысячу ситемов, Сарвилл. Кажется, в Дордонии у тебя появился достойный конкурент. А вот и цирк...

\*\*\*

— Воды, прошу... — прохрипел мужчина с тугой окровавленной повязкой на груди,

очнувшись в комнате с плохим освещением. Сарвилл не пошевелился, его руки были скрещены на груди, а в глазах можно было увидеть нехороший блеск.

— Приятно снова встретить вас, господин Вонн... Или лучше сказать мастер Вонн? — Странник изобразил что-то очень непохожее на улыбку. — А быть может самый непревзойденный дрессировщик белых тигров во всей Неймерии? А вернее всего самый разыскиваемый в Аарде мошенник. — Он постучал указательным пальцем по объявлению с изображением иллюзиониста, которое держал в другой руке.

Мужчина закашлялся после того, как чародейка подала ему воды, и тяжело задышал, опустив морщинистые веки на глаза. В одном человеке довольно ловко уживались и молодость, и старость одновременно. Его настоящая кожа оказалась белой, как шерсть его заколдованных кошек, и была покрыта старческими пятнами. Глаза иллюзиониста были наполнены жизнью и блестели ярко-синим цветом, но волосы проросли сплошной сединой на голове и в то же время отдавали густую темную щетину в бороду, а некоторые части его тела, такие, как руки, вообще оказались нетронуты старостью. Когда он открыл рот, выпучив вперед идеально ровные белые зубы.

— Ронар Инстад... — заговорил иллюзионист хриплым голосом, — к вашим услугам, господа.

С первого этажа доносился галдеж уже подвыпивших постояльцев «рог и копыт», но громче всего, нарушая всяческие законы сольного пения, рвал глотку какой-то начинающий певун. Вся отдыхающая братия поделилась на два лагеря, один из которых извергал брань, размерами с самую высокую достопримечательность Аарда лишь бы только тот заткнулся, а другие поощряли его подбадривающими выкриками и редкими аплодисментами, убеждая того еще громче и усерднее затягивать мотивы «Развратной озорницы».

— Итак, Ронар Инстад, — Ноэми села на невысокий табурет рядом с кроватью, закинув ногу на ногу, — Уж не знаю, каким Богам вы поклоняетесь, но, стало быть, Боги сильно любят вас, раз послали меня и моего друга прямиком вам на выручку.

Иллюзионист едва заметно поднял густые брови. Из корчмы послышался женский визг, сопровождаемый диким хохотом.

— Вы обвели нас вокруг пальца, — продолжила чародейка, — а мы в ответ оказали вам услугу, которой вы недостойны — спасли вашу жизнь. Не отвечайте. Не утруждайтесь, вы еще слабы. Всю цирковую труппу после происшествия, словно ветром сдуло, но вы не удивлены, так? Ведь вы знаете, что с людьми вашей профессии часто происходят несчастные случаи, а цирковым бродягам не нужны проблемы с законом и прерывание гастролей на время расследования... Вы бросаете тех, с кем росли, делили обед и даже согревали одну постель... Прямо на арене, в крови, с переломанными костями и даже не удосуживаетесь достойно похоронить своих близких. Как говорить, цирк уехал...

Маг как будто сначала решил не отвечать, но потом почему-то передумал.

— Не мы придумывали кодекс, как вы выразились, бродяг, госпожа, — иллюзионист ответил вполне дружелюбно и высокопарно, сплюнув сгусток крови на пол прямо рядом с ногой чародейки, — не нам его и менять. Все эти правила спасали жизнь и мне самому несчитанное количество раз в свое время, видимо пришла пора возвращать долги.

— Неужели не было хотя бы одного случая, когда ваше следование кодексу не пошло на пользу?

— Разумеется, было. Только вот отношение к таким исключениям у нас такое же, как и к другим.

Губы каждого из присутствующих застыли в неловком молчании.

— Достаточно разговоров, — Сарвилл первым перебил тишину, — нам нужны наши деньги. А то, что вы сейчас не будете увиливать и просто скажете, где их забрать — будем считать вашей благодарностью за свое спасение.

Глаза иллюзиониста округлились, а лицо покрылось румяной коркой.

— Будьте уверены, я благодарен вам, как никому другому в этом мире и отдать свою жизнь за жизнь кого-либо из вас было бы меньшей благодарностью с моей стороны, какую я бы только мог выразить...

— Довольно высоких речей, мы уже давно не на рынке, господин Инстад. — проскрежетал странник.

— Мне жаль, но ваших денег у меня больше нет, — иллюзионист постыдно опустил глаза, немедленно изменив интонацию. — Если только вы не дождетесь, пока я встану на ноги и смогу хотя бы худо-бедно сотворить иллюзию тех ситемов, которые я вам должен.

— Иллюзию? — догорающая свеча в руках Ноэми немного поиграла светом, от сильного выдоха чародейки.

— Я прошу прощения, если мой юмор оказался неуместен... С прискорбием вынужден вам сообщить, мои спасители, что те деньги, которые я бесстыдно заработал на вас своим простодушным ребячеством я отдал своей дочери. Но сразу после инцидента на манеже, как вы меня сами осведомили, она покинула город с остальной трупой.

Странник и чародейка переглянулись, после чего вновь уронили свои взгляды на шарлатана — бумага в руках Сарвилла зашелестела на всю комнату.

— Но я непременно смогу вернуть долг, — иллюзионист поспешил с ответом на немой вопрос. — Те доспехи, что я продал вам, господин, были наколдованы с оригинала. Если вы подадите мне лист и чернила, я нарисую карту с местом, где вы их найдете.

Иллюзионист, корчась от боли, зарисовал тайное место между центральным рынком и «бывшей» кузницей мастера Вонна.

Когда плащ странника уже проскальзывал в закрывающуюся дверь, иллюзионист в очередной раз извергал слова благодарности вперемешку с клятвами когда-нибудь отплатить им той же добротой. Дверь захлопнулась на середине очередного предложения, заставив Ронара Инстада поставить вынужденную точку, опуститься в кровать и уснуть.

*«Ронар Инстад. Человек-праздник! Мое брюхо наполняется хохотом уже тогда, когда я представляю себе этого человека. Первое впечатление всегда обманчиво, а в отношении него и вовсе превращается в самое что ни на есть бесстыдное вранье. Странник и чародейка жестоко обманулись при их первой встрече с иллюзионистом, и только благородная судьба смогла исправить эту грубую ошибку. Естественно, его роль не была сыграна одними событиями в славном Аарде, да простят мне мой восторг этим портовым городом измученные дастгардцы, и оказалась куда важнее той, что была сосредоточена вокруг бездомной кошки, которая чуть не лишила его жизни по собственной нелепой недалёковидности и неосторожности. Применяя и экспериментируя с иллюзией высшей ступени, способной изменять физиологию любого живого организма надо понимать, что что-то может пойти не так и постараться просчитать все возможные пути отхода и решения любой возникшей непредвиденной ситуации, но... Но, именно, в легкомыслии и недалёковидности был весь Ронар Инстад, всегда живущий одним днем и так, как будто каждый прожитый им день последний, но по какой-то досадной причине не оказавшийся таковым. Сейчас хочется отдать должное этой случайной встрече двух людей, убегающих*

*из лап смерти и иллюзиониста бродячего цирка, которая, по сути, легла в основу некоторых немаловажных дальнейших событий. На минуту отложите мои записи в сторону, вдохните здешнего воздуха полной грудью и попытайтесь перенестись в тот день, когда странник купил лохмотья вместо качественной одежды у шарлатана и престарелого проказника, оказавшегося впоследствии тем, кто исправил свою же ошибку, даруя комплект чудесных кожаных доспехов взамен за свою провинность и впоследствии вмешавшись в заварушку, куда более небезобидную, чем эта.»*

*Заметки чужеземца, найденные неподалеку от главной достопримечательности славного Аарда, ныне известного как Большой Неймерийский цирк.*

На подходе к маленькой деревушке под незамысловатым названием «Лисохвост» возвышался храм Святой Ксандры. Приспешниками Богини Плодородия, Покровительницы урожая, света и тепла в основном были люди, населяющие южную часть севера Неймерии. Каждое утро возле храма выстраивалась большая очередь для того, чтобы поблагодарить божество за принесенные плоды и сегодняшний день не был исключением. Люди несли в переполненных корзинах все, что только успело поспеть к настоящему дню — ягоды, фрукты и овощи. Те, чей урожай оказался нынче не столь богатым, несли скопленное золото, дабы задобрить богиню и были полностью уверены в своей провинности перед ней в ушедшем году.

— Варик, к храму ты остановился, когда эти два недоделанных героя отвлекли тебя? Мы бы легко и сами нашли управу на прокаженных. — Верзила, шедший впереди остальных путников, с уродливым шрамом на правой щеке, сплюнул в сторону выстроившейся очереди.

— Даю голову на отсечение, что она не ушла дальше этой деревни. Скоро мы ее настигнем и уж тогда я не повторю своей ошибки... — Варик оскалил зубы, оттолкнув плечом старика, стоявшего последним в очереди и перегородившего путешественникам дорогу.

Шайка из четырех человек вызвала бурное обсуждение, когда удалилась по тропинке, протоптанной между высоких зарослей пшеницы. Старик, упавший от толчка задиры, подобрал рассыпавшиеся яблоки, но, испугавшись женщины, которая попыталась помочь ему встать, снова рассыпал фрукты и вновь припал к земле.

— Знаете, чем дикари из Сумеречной Пустоши лучше этих фанатиков милостивой Ксандры? — ехидно спросил у своих друзей тот, которого называли Вариком.

Громилы выпучили свои глаза. Главарь банды — Варик, был мал и хил по сравнению с остальными тремя бугаями. Вероятно, он просто лучше всех умел обращаться с мечом, висящим у него за спиной. Беловолосый юнец с маленьким носом и сломанными ушами явно был из тех, кого слушаются и уважают.

— Они такие какие есть и не строят ничего из себя, — продолжал он. — Я уверен, что среди этих верующих найдется несколько человек, которые только хотят показаться вежливыми и благородными, а вечером напиваются сивухи и трахают все, что лежит к ним жопой. А иркарайцы трахают все вне зависимости от времени суток или состояния, не пытаясь при этом казаться высокопарными. Я бы скорее доверился дикарям, чем лицемерам, что толпятся у храма для того, чтобы хоть как-то очистить свою совесть.

Колосья раскачивались, охотно поддаваясь разгулявшемуся по полям ветру. Утреннее солнце припекало и жарило, заставляя разбойников раз за разом останавливаться на водопой и прятаться в слабой тени высоких растений, пока, наконец, они не уперлись в колодезь. Стоящий среди главной улицы источник был окружен избушками, постоянным двором, корчмой, конюшней, курятниками и другими деревенскими постройками.

— Кажется, я видел ее! — Заорал третий из шайки — лысый и с повязкой на глазу. — Сука спряталась в корчме!

Бандиты радостно загоготали.

— Ярик, заткнись! Или ты хочешь, чтобы все эти деревенщины собрались и отхерачили нас палками? Нет? Тогда держите себя в руках, волчары, — выставив руки, остановил от бега

сообщников Варик, вглядываясь в название заведения. — Корчма «Дикий отшельник». Здесь, наверняка, будет удобнее, чем на большаке. Теперь — то эта курва никуда не денется, забивайте за мной очередь.

Хохот, доносящийся с улицы, с каждой секундой становился громче. Владелец заведения, престарелый, побритый наголо, очень полный мужчина вылез из-за прилавка охваченный тяжелой одышкой. По корчме в лучах утреннего солнца после недавней уборки витала пыль, которая сейчас не спеша оседала на уже знакомых местах.

— Чего надобно, господа? Пива с дороги, аль поесть чего для начала? — едва восстановивший дыхание мужчина обратился к вновь прибывшим четверым гостям и навалился на стойку.

— Принеси нам жареного поросенка, корчмарь, да два бочонка пива для начала. — Варик посмотрел на приятелей, которые кивали в такт каждому его слову. — А еще, сделай так, чтобы та девица, которую ты так откровенно и неловко постарался упрятать, сидела за нашим столом с оголенными сиськами и дружелюбным выражением лица. Видишь этот шрам у моего друга на лице? Негоже, чтобы он подумал, что баба сидит с кислой миной, потому что он ей не приглянулся и урод, стало быть.

Корчмарь весь взмок, пока Варик излагал желания, ловко крутя небольшой кинжал в руке и, в конце концов, вонзив его в стойку прямо между пухлых рук владельца заведения.

— И раз уж мы заговорили о женщине, то хочу сказать, что нам нужны будут две комнаты — одна для меня, а вторая для моих парней. Это я делиться не привык знаешь ли, а они как братья, дырки и те поровну делят, мать их.

— Да, да. Чистая правда! — добавил один из верзил и загоготал.

— Уважаемые господа, я не знаю о ком вы говорите. Предлагаю вам сперва отведать нашего поросенка, который будет готов в течение часа, а пока прошу вас, люди добрые, не злоупотреблять моим гостеприимством, а лучше угоститься за счет заведения лучшим в этих местах касандрийским пивом. — Корчмарь пытался состроить очень приветливое и дружелюбное выражение лица, но у него не совсем получилось.

— Слушай, мужик! — главарь схватился за эфес кинжала, выдернул его из столешницы и приставил к горлу собеседника. — Если ты вдруг решил, что с нами можно пошутить, а твое «я не знаю, о ком вы говорите» я воспринимаю, как очень неудачную шутку, то вынужден тебя разочаровать, мы проделали долгий путь и от усталости не понимаем плоского юмора. Давай, жирдяй, делай свое дело! Покажи, как принято встречать гостей в вашей захудалой Дордонии.

Вся шайка в который раз зашлась громким хохотом, когда мышцы на лице Варика расслабились, и он заулыбался, как ни в чем небывало. Корчмарь же продолжал стоять на своем.

— Тебе что, непонятно сказано, старик? — Варик придавил лезвие к горлу хозяина, на этот раз пустив тонкую струйку крови.

Корчмаря, как и полагается людям его профессии, хорошо смыслящего в ведении денежных вопросов и в способности определить равномерно ли зарумянился жареный поросенок, но ничего не смыслящего в драках, тут же пробил пот. На его глаза полезли едкие капли, заставляющие жмуриться и чаще моргать, однако падение деревянного предмета на другом конце зала остановило этот кошмар и заставило разбойников обратить свое внимание в сторону сидящего в темном углу человека. На незнакомца не падал свет и по этой причине его лицо было не разглядеть за вуалью теней.

Человек наклонился, чтобы поднять столовый прибор:

— Я прошу прощения, что встрял в ваш разговор по нелепой случайности, бесстыдно прервав на самом интересном месте. Но раз уж мне все равно предоставлено слово, я бы хотел кое о чем попросить. — Мужчина подул на деревянную ложку и вытер ее о штаны с обеих сторон. — Дело в том, что у меня возникла серьезная проблема — картошка еще осталась, а курица уже закончилась. Не могли бы вы принести мне добавки, хозяин? И, боюсь, судьба знала, что если бы вмешалась позже, то просить было бы уже не у кого.

Бандиты в недоумении посмотрели друг на друга, но быстро пришли в себя.

— Смотрите, со двора короля Рогара сбежал один из его придворных шутов. — Верзила, что казался крупнее всех, направился в сторону столика в углу.

— Ну, раз уж ты двигаешься в мою сторону, добрый человек, могу я тебя попросить прихватить с собой пару бедер, они оказались вкуснее любого блюда из курятины, которое мне только приходилось отведывать? — единственный человек в корчме, кроме владельца и четверых бандитов, никак не мог угомониться и все подтрунивал над бандитами.

— Пару бедер говоришь? — рассвирепел здоровяк. — У меня тут для тебя есть кое-что получше. — Он схватил первый попавшийся под руку табурет и кинул в незнакомца. Посетитель пригнулся и сделал оборот навстречу атакующему, ловко увернувшись от летящего в него предмета.

Теперь свет полностью падал на человека, но полукруглая широкая накидка до сих пор скрывала все, кроме нижней части его лица. Верзила потянулся к поясу, на котором висел топор. Незнакомец воспользовался моментом, чтобы расстегнуть фибулу и плащ через секунду оказался на полу.

— Пойдите! Кажется, сегодня у нас счастливый день, друзья мои. Не спешите. — остановил своих единомышленников Варик, медленным шагом по дуге обходя незнакомца, — я представляю вам Сарвилла Кхолда. Перед вами изменник государства, главный изгой Дастгарда, медведь и странник из Медвежьего квартала, а также заклятый враг всей Дордонии, за которым нынче не охотиться только ленивый...

— Новолуние... — задумчиво перебил медведь, бросив взгляд в окно, — Перед тем, как бежал из Дастгарда луна прибывала... С моего побега прошло совсем немного, а за это время мне дали столько титулов, что, боюсь, свора разбойников с большака неловко чувствует себя в моем обществе.

В ответ бандиты больше осклабились, нежели улыбнулись.

— Смотрите какой смелый, раз смеет рывкать и выступать против четверых. За голову этого безумца король даст столько золота, сколько гномы не добывали за все время батраки в Призрачных Горах! Ну что парни... Прижучим его! — скомандовал Варик и двинулся в направлении начинающейся драки.

Сарвилл выхватил меч, что сидел у него за спиной и едва успел отбить первую атаку слева. Верзила, что запустил в него табуретом минуту назад, тут же еще раз рубанул сверху. Странник схватил левой ладонью дол своего меча, и подняв обе руки чуть выше головы, диким лязгом остановил удар, немного изменил направление острия и резким движением вперед вонзил лезвие прямо в глаз сопернику. Острие выскочило из затылка бандита и тут же спряталось обратно. Туша грохнулась на колени, заливая пол кровью. В воздухе запахло смертью.

Остальные разбойники с яростными криками кинулись на убийцу своего друга. Странник выбросил левую руку вперед, выставив ладонь таким образом, чтобы она смотрела

прямо в лицо ближайшему противнику. У того «счастливики», что бежал впереди всех, неестественным синим пламенем вспыхнула борода и начала исчезать на глазах, раздувая пламя по всей морде бандита. Тот нещадно завопил, так, как обычно вопили съедаемые огнем некроманты, привязанные к кленовым столбам на площадях старого Творса. Его лицо за секунды покрылось волдырями и превратилось в расплавленное месиво. Не существовало специального приема для последнего решающего милосердного удара, лишь один единственный короткий замах, пронизывающий нутро соперника насквозь и ставящий жирную точку в красивом танце двух мечников. Странник ровно так и добил соперника, тело рухнуло на труп ранее убитого верзилы.

Варик, уже подбежавший к Сарвиллу на комфортное расстояние, начал наносить серию ударов. Слева, справа, снизу и еще раз той же комбинацией. Странник, отбиваясь и подставляя собственный клинок под удары, ловко запрыгнул на стол. Парируя выпады самого шустрого противника, он перепрыгнул еще через два стола и оказался в ловушке между главарем банды и разъяренным громилой, тем, что был с уродливым шрамом на щеке и размахивал шипастой дубиной в расчете на случайную победу. Медведь почувствовал, что вот-вот пропустит удар сзади, пригнулся, и дубина просвистела у него над головой. Он уже хотел выключить верзилу из игры, но промедлил и за это сильно получил по затылку — здоровяк двинул другим концом своего оружия ему по темени так, что искры посыпались у странника из глаз, и он рухнул прямо под ноги Варику — главарю бандитов. Неравный бой был бесславно проигран, а время потянуло секунды в условные единицы предсмертной агонии.

— Ты проиграл, — произнес равнодушным тоном коротышка и занес свой меч.

Оружие висело в воздухе не дольше двух секунд, но за это время успело произойти множество событий, поставив текущее положение дел с ног на голову. В первую секунду вокруг головы главара банды образовался водяной шар, надевший гримасу ужаса на лицо разбойника и лишивший его дыхания. Во вторую секунду оружие выскользнуло у него из рук и зазвенело рядом с распластавшимся на полу медведем, который тотчас же воспользовался подвернувшимся случаем, схватил упавший меч и проткнул брюхо растерявшемуся здоровяку. Через пару мгновений все было кончено. Сарвилл распорол тело Варика, полоснув мечом снизу, не дав тому времени захлебнуться. Водяной шар разбился о пол, смешавшись с кровью.

— Какого черта ты делаешь? — Ноэми вошла внутрь помещения и окинула взглядом всю корчму.

— Были неотложные дела, — Сарвилл, еще лежа, опираясь на локти, ногой перевернул тело Варика и удостоверился в том, что тот мертв.

— Я повторю еще раз, медведь. Какого черта тут произошло? Кажется, я настойчиво просила не привлекать к себе лишнего внимания.

— Хороший меч... — заметил странник, не обращая внимания на поучения волшебницы. Он поднялся на ноги и повернул кисть руки с целью оглядеть лезвие.

— Он спас меня и мою дочурку, — из-за прилавка послышался испуганный и еще дрожащий голос, а над глиняными кружками, расставленными на прилавке, замельтешила лысина — чес слово, мы бы уже оба были мертвы, если бы не добрый господин...

Корчмарь вышел навстречу гостям, пережевывая не существовавшую у него во рту еду. Чародейка не отводила сурового взгляда со странника, а губы ее скривились от ярости.

— Ты же знаешь, что мы не должны привлекать к себе внимания! — твердила она,

словно они разговаривали на разных языках, и ей никак не удавалось донести до собеседника суть.

— Могу поклясться, что это диэйлейрийская сталь, в народе более известная под названием «жгучая», — бормотал медведь, оглядывая клинок убитого разбойника. С меча все еще ниспадала кровь. — Я примерно так и представлял себе эти клинки. Гляди на острие, Ноэ. Говорят, в Древней Диэйлейрии был только один кузнец, способный выковать чудо подобное этому. Только избранные находили месторождения неймерита и потом ремесленники ковали из него мечи подобные тому, что сейчас перед тобой. И исключительно на Седьмом Огне, потому что никакой другой огонь до сих пор не научился плавить неймерит. — Странник сделал паузу, чтобы сглотнуть от возбуждения образовавшуюся во рту слюну. — Я держу в руках историю целого народа, Ноэ. Эта компания, должно быть, нашла диэйлейрийскую гробницу. Это очевидно, потому что за клинком никто не ухаживал, Боги знают сколько времени.

Восторженная речь дастгардца, наконец, сошла на нет, и это позволило еще хоть кому-то в помещении сотрясти воздух. Корчмарь все это время беспокойно стоял, переминаясь с ноги на ногу, а чародейка на минуту превратилась в камень.

— Я поняла, — наконец оттаяла она и продолжила уже куда более спокойным тоном, — ты раздобыл себе новую игрушку и кучу незапланированных неприятностей. А теперь нам нужно уходить.

— Разве неприятности бывают запланированными? — фыркнул странник, огорчившись, что никто из присутствующих не разделяет с ним радости новой находке.

— Честное слово, мы никому о вас не расскажем. — С лестницы, ведущей со второго этажа, послышался приятный женский голос, а через какие-то несколько секунд по ней спустилась девушка, которую и преследовали бандиты.

Сарвилл убрал меч в ножны за спиной.

— Спасибо вам обоим за приглашение, — он отряхнул свой плащ и накинул его на плечи, — но нам, действительно, пора.

— Пожалуйста, останьтесь, — корчмарь не сдавался и смотрел на Ноэми благодарными поросычьими глазами, — я предоставлю вам комнату и угощу лучшим обедом в этой стороне света.

Волшебница дождалась, пока спутник откроет ей дверь наружу и, внимательно обступив лужу крови, подошла к порогу.

— Спасибо, но у нас уже есть место для ночлега, лучше займитесь телами. Мы и так доставили вам достаточно хлопот.

На этой ноте странник пожал плечами и вышел вслед за волшебницей.

\*\*\*

Все дубовые столы в корчме были заняты. Лесорубы, пасечники, конюхи и путешественники обсуждали подходивший к концу день. Не все знали друг друга по имени, но каждый мог отличить местного от чужака — по акценту, поведению, даже потому насколько много тот или иной человек выпивает касандрийского за первый присест.

В воздухе висел едкий запах солонины, пива и пота. Путешествующий бард со своей подругой играли довольно ритмичную музыку на двух лютнях. Одни посетители занимали себя партией в кости, другие наблюдали за ловкими пальцами музыкантов и вслушивались в смысл песен, третьи — просто трепались о чем-то.

За столом, где несколько часов назад медведь заказывал добавку из курятины, сидели

три гнома. Настоящие гномы — а не «жалкое подобие в виде безбородых карликов» — так выражались истинные горные жители. В южной стороне севера Неймерии гномы были редкими гостями, поэтому сразу бросались в глаза местным своими длинными до пола бородами, как пятна красного соуса на белой тунике.

Странник и чародейка расположились за соседним столом и вели мирную беседу.

— Не могу поверить, что я согласилась, — проворчала волшебница и пропустила между пальцев локон своих черных волос.

— Брось. За последнее время мы могли умереть дважды, — отозвался Сарвилл, не замечая на своей рыжеватой щетине пену, оставшуюся после двух залпов холодного пива, — мы можем позволить себе немного расслабиться. К тому же мы все равно хотели выезжать только утром. Вот чем бы ты занималась сейчас? Рассматривала очередную свою дурацкую книгу?

Один из бардов звонкими хлопками привлек к себе внимание всех гостей и не позволил мирной беседе превратиться в спор.

— Уважаемые посетители сего благороднейшего заведения! Прошу минуту вашего драгоценнейшего внимания. Сейчас я Амилла из Пэры, — девушка дождалась аплодисментов, — и мой хороший друг менестрель Зявик исполним для вас нашу новую совместную композицию под названием «Сумеречная любовь»! Эта история о прекрасной любви двух иркарайцев, полной надежд и разочарований. Любезные дамы и милостивые господа, мы начинаем, с вашего позволения!

Посетители корчмы зааплодировали, Сарвилл тоже хлопал, Ноэми все еще чувствуя себя не в своей тарелке, проигнорировала призыв, и ее руки остались непоколебимо сложены по-кошачьи перед собой.

Менестрель Зявик, который стоял чуть позади разглагольствующей молодой певицы и одетый в несуразную широкополую шляпу с высоким пером, несколько раз ударил по струнам, потом покрутил колки у лютни и, перебирая струны, заиграл медленную романтическую мелодию.

День с ночью отпусти, гони из сердца прочь, Забудь про время, что заставляет нас бежать, Момент твоих прикосновений остановить хочу, Немыми замерев, хочу тебе принадлежать. Пускай слепые небеса осудят громом за любовь, Вонзая молнии в так раскаленный жаждою песок, Рассвирепей, пусть даже ветром гнева обескровь, Великая Вода, я заберу себе столь редкий здесь цветок. *Ind raide din ielle srande orgie, Ind orgie na gradie danna vin, Fo novva higrelle sona stoggi, Sovana gan ti rogga ti sgaverelin.* Я не могу остаться среди пустыни навсегда, С тобой, который воспитался новыми людьми, От иркарайца в тебе осталась только красная вода, И если мы бежим, то нас найдут и разорвут, пойми. Когда я прижимаюсь своим телом к твоему, Поверь, мне тоже хочется замерзнуть навсегда, Родившись под чужими небесами, ты утонул, Задохнулся и исчез для братьев из иркара без следа. *Ind raide din ielle srande orgie, Ind orgie na gradie danna vin, Fo novva higrelle sona stoggi, Sovana gan ti rogga ti sgaverelin.*

Низкорослый бард доиграл мелодию, и оба менестреля синхронно поклонились, дождавшись реакции посетителей корчмы, выпрямились и представили гостям следующую песню под названием «Печаль единорога».

— Солнце только-только спряталось за горизонт, а эти музыкантишки уже начали завывать свои сопливые песни. Сыграйте чего повеселей, приблуды! — окрикнул поющих бардов коренастый гном, сидевший за соседним от путников столом.

— Успокойся, Вакин! Лучше вмажь еще кружку местного пойла! Это пиво, скажу тебе, та еще сивуха! — сильно похлопал по плечу Вакина его друг с необычно короткой для настоящих гномов бородой.

Вакин отозвался сильным ударом кулака в сторону советчика, но промазал и свалился с табурета. Гномы захохотали, словно стадо испуганных кабанов.

К столу подошел корчмарь, явно довольный сегодня спросом на свое заведение.

— Рад вас видеть! Смотрю, моя жена уже угостила вас пивом, — обратился он к званым гостям.

— Да, как вы и говорили, оно, действительно, великолепно, — ответил медведь, поставив глиняную кружку сильным ударом о стол, словно не рассчитав расстояние между сосудом и дубовой поверхностью. — Честно говоря, я был удивлен, увидев, что вы так быстро сумели навести здесь порядок.

— Я староста деревни, и это дает мне определенные... преимущества. Хочу вас заверить, что отныне вы почитаемые гости в этих краях и мы всегда готовы предоставить вам любую помощь какая только может вам потребоваться в ваших будущих приключениях. — Корчмарь широко улыбнулся во всей красе своих желтых зубов и направил взгляд на доску с описанием блюд, которая висела подле стола. — Я так и не успел толком поблагодарить вас. Сегодня все за счет заведения. Я настаиваю.

Корчмарь создавал впечатление образованного человека, отнюдь не напоминающего любого деревенского жителя, ни акцентом, ни манерами. Однако некоторые слова, присущие жителям малых поселений, все же проскальзывали в его лексиконе.

— Отлично, тогда мне жареного цыпленка, тушку поросенка, вареных овощей и еще бочонок вашего пива.

— Огось. Хм... — по-видимому, владелец корчмы не рассчитывал на то, что его избавитель так легко сдастся и примет щедрое предложение, — А что будет ваша госпожа? — он осекся, — Прошу простить — госпожа, которая сопровождает вас.

— Госпожа вольна принимать решения сама за себя... — странник посмотрел на Ноэми.

— Мне бокал красного вина. Помимо этого, я хочу отведать запеченного лосося, — волшебница элегантно положила подбородок на скрещенные перед собой пальцы.

Корчмарь замялся и неловко вымолвил.

— Вина боюсь нет... Но есть специальный сорт касандрийского для леди.

— Что ж, несите ваш специальный сорт, раз выбора у меня все равно нет.

Корчмарь поднял брови и, поклонившись, поспешил удалиться, пока его гости не заказали «еще чего», совсем позабыв о скромности.

— Ну... — затянул странник, как только их молчание перестал перебивать звонкий тенор менестреля.

— Что?

— Не сидеть же просто так. Расскажи, где ты выросла?

— Все мое детство прошло в Шааграде.

— Город змей на востоке?

— Верно.

— А родители?

— Я не знала своих родителей. Меня воспитывал Вастерас. Точнее он приезжал раз в год и платил одной женщине за то, чтобы она следила за мной и помогала развивать мои способности.

— Это она научила тебя творить магию?

— Можно сказать и так. На самом деле научиться чародейству для человека со способностями все равно, что запрячь коня — сначала нужно потрудиться, зато потом ездит сколько влезет. Наклонись ближе к своей кружке. Я покажу.

Ноэми сделала движение указательным пальцем и тонкая струя пива, словно змея, потянулась из тары в сторону лица странника, миновала рот, нежно обвилась вокруг его шеи и плюхнулась обратно.

— Ты должен понимать, что способен абсолютно на все, что связано с твоей стихией, открыть свое тело и разум для новых возможностей. Но наставник тебе все равно необходим, иначе ты можешь навредить не только себе, но и окружающим. — Ноэми кинула взгляд на открытый очаг, находившийся в центре зала. — Попробуй перекинуть немного огня из того очага на факел, что позади тебя.

— Ты шутишь? Если кто-нибудь заметит? Тебе уже наскучила мягкая и теплая постель?

— Давай, не робей. Взгляни вокруг. Тут никому нет никакого дела до нас. Мы просто еще одни, заливающие какое-то горе или какую-то радость.

Сарвилл слегка помешкал и направил указательный палец на костер — маленький еле заметный синий огонек отделился от пламени и быстро полетел в сторону странника, облетая переваливающиеся ноги попавшегося на пути барда, запрыгнул на стол и потух.

— Ты потерял концентрацию. В момент заклинания нужно думать только о заклинании, медведь, — спокойным учительским тоном произнесла волшебница. — Когда твоя жизнь будет в опасности, единственное, что может спасти тебя — это отстраненность от мыслей о смерти.

— Мне нужно попривыкнуть. — Странник растер онемевшие руки.

Барды продолжали петь, гномы за соседним столом не уставали выражаться и все время пытаться по-дружески врезать друг другу, а где-то на другом конце зала в стену уже полетели глиняные кружки и кувшины. Медведь в ожидании ужина упивался пивом, но не совсем касандрийским. Когда он отвлекался на окружающих, Ноэми заклинанием разбавляла его пиво водой, потому что так она точно могла быть уверена, что он сам дойдет до постели. И в очередной раз, когда кто-то из гостей пнул кота и на этой почве разгорелся конфликт, странник, внимательно наблюдавший за этим, вновь не заметил, как его кружка из наполовину пустой сделалась полной.

— Сарвилл, — начала Ноэми и кивком поблагодарила жену корчмаря за принесенное ей пиво, — ты постоянно о чем-то думаешь, это бросается в глаза при одном твоём виде.

— Ты права, — задумчиво отозвался он и сосредоточился на центре стола. — Мне не дают покоя мысли о моих родных. А еще этот тип, которого ты пыталась утопить сегодня днем... Он сказал, что в Дастгарде за мою голову назначена награда.

Чародейка не удивилась этой новости, а даже будто огорчилась тому, что печальные вести донеслись до получателя, и нарочито беззаботно поправила манжеты на своих темно-синих рукавах.

— Знаешь, тебе нужно привыкнуть к тому, что любой прохожий может захотеть убить тебя. Но раз уж до сих пор этого не случилось, значит это не так просто, как кажется. А по

поводу твоих близких, — Ноэми на секунду осеклась, — тебе нужно забыть о них.

Душная и запотевшая корчма тут же наполнилась холодом, а воздух под рубашкой странника зарезал тысячами невидимых острых льдинок. Волшебница и не думала останавливаться и в сочувствии опускать глаза.

— Я понимаю, что это тяжело, но забыв о матери с сестрой, ты огородишь их от многих опасностей. По крайней мере... они останутся живы.

Глаза Сарвилла сделались мутными, от количества выпитого его развезло, а движения рук и других частей тела смазались и стали резкими, но не уверенными.

— Ты думаешь, уже сейчас король не взял их под стражу? Не убил их? Я закипаю от ярости, только представив, что они могут оказаться в лапах этого тирана.

Чародейка накрыла своей ладонью руку спутника.

— Тс, — она осекла его предвещавший долгую дискуссию язык. — Сам подумай, король наверняка просто наблюдает за твоими родными. Ему не нужны они. Ему нужен ты. — голос волшебницы звучал убедительно. — Не смотря на все свои отрицательные качества, Рогар не глупец и понимает, что ему никогда тебя не настигнуть, если ничто не будет обязывать постылого странника вернуться в столицу. Дордонийский король тактик. А что может быть опаснее голодного зверя? Только терпеливый голодный зверь.

В заведении от духоты стало нечем дышать, Сарвилл снял плащ и положил его на край стола.

— Хорошо, допустим, что король действительно решил устроить мне ловушку, но как долго он будет придерживаться выжидательной тактики? Месяц? Два? Год? Рогар, как ты уже сказала, не глупец, и как только он поймет, что план не работает — пиши пропало. Их затравят в королевской темнице...

— Сарвилл, на твоём пути смерть неизбежна. Смерть родных, друзей, врагов. Я не буду обнадеживать тебя и говорить, что все будет хорошо. Не будет. Весь твой путь обречен состоять из потерь. Но я хочу, чтобы ты понял одну простую истину — сейчас ты жертва, Рогар — охотник, но рано или поздно охотник сам становится жертвой, и ему приходится примерить на себя шкуру страха и страданий. Если можешь что-то изменить — измени, если нет — сожми волю в кулак и двигайся дальше.

Корчма в один миг заполнилась галдежом и обрывками ничего не значащих фраз.

— Да, это как никак диэйлейрийский клинок! — вскрикнул гном с коротко подстриженной бородой и облокотился на край стола путников, влезая в разговор и ясно давая понять, что манерам в Городе Гор учат в последнюю очередь. Ноэми отреагировала злым блеском своих васильковых глаз.

— Верно... — ответил Сарвилл с явным желанием обсудить свой новый клинок, да и перспектива поговорить о кузнечном деле с гномом его радовала. Беседа обещала быть интересной.

— Гровин. Меня зовут Гровин Баггз, — гном икнул где-то посередине, произнося свое второе имя.

Сарвилл оценил Баггза беглым взглядом с головы до ног. На счастье много времени на это не ушло — гномы не славились своей сдержанностью, когда кто-то надолго заострял на них свое внимание. Два раза Гровин Баггз довел это дело до драки, о чем свидетельствовали несколько глубоких шрамов у его левого виска, сделанных тупым предметом, скорее всего в целях самообороны — видимо первым, что попало под руку неосторожному зеваке. Низкорослик был одет в темно-серую стеганку, усыпанную заклепками и неоднократно

облиту сегодня до груди коронным в этих местах касандрийским пивом. С плеч гнома свисала дубленая шкура белого медведя. На левом бедре у него красовался маленький охотничий топор с красивым набалдашником в виде голой женщины-гнома, исполняющей какой-то танец.

— Сарвилл Кхолд. А это Ноэми. — соблюдая приличия знакомства, представился медведь и в коротком движении указал на спутницу.

— Кхолд значит? Южанин, стало быть. Местный! А подруга сиротой уродилась, раз без второго имени путешествует? — Гном снова икнул и посмотрел на собеседников мутными от алкоголя зенками.

Чародейка глубоким вдохом сдержалась от того, чтобы не оставить нелюдя на память третий шрам, уже, с другой стороны. «Хоть бы для симметрии», — зло подумала она.

— Мы не южане, а такие же северяне, как и вы, — странник прищурил глаза, словно оскорбили его достоинство.

— Ну да, конечно! Вам просто чуточку теплее зимовать и не нужно укутываться в звериные шкуры по осени.

Гномы за соседним столом зашумели, и один из них кинул в Баггза глиняную кружку, которая свистнула над его головой и разбилась вдребезги, рассыпавшись на пол и оставив на стене большое сырое пятно.

— Прошу простить, не мое это дело. Вам виднее, — успокоил Гровин Баггз собеседников, почувствовав, что язык бежит быстрее мыслей и перешел к делу. — Мы с друзьями бродим по миру и ищем редкие реликвии — артефакты, стало быть. Добываем их и продаем. Этим, собственно, и живем. Глаз у меня на всякие древности наметан и диэйлейрийскую рукоять, которая у вас из ножен на спине так и светится, я не заметить не мог и по этому поводу готов предложить любую цену за столь редкий в этих краях, но замечу, не на всем материке, меч.

Странник заулыбнулся по-ребячески, возгордившись тем, что его новый клинок пользуется высоким спросом среди главных мастеров кузнечного дела во всей Неймерии.

— Пожалуй... — Сарвилл наигранно задумался, потеряв щетину на собственном подбородке, — Нет.

— Тысяча горных монет, Сарвилл Кхолд, гордый северянин! — Баггз заговорил так, будто они были знакомы уже с десятков лет и право на подначивание он имеет самое полное.

— Тысяча? Я мог бы несколько зим просиживать эти деньги в корчмах и публичных домах Дастгарда, если бы остался в Дордонии и обменял их на ситемы в Красном Банке... Только вот, возвращаться в столицу я не планирую, а на большаке мне хватит и тех денег, которые я смогу выиграть в бландж. Приятно было познакомиться, Гровин Баггз. Если северный народ не возражает, я бы хотел продолжить употребление пива, ячмень для которого выращен на просторах этих бескрайних южных земель.

— Бландж? — Глаза гнома заблестели ярче набалдашника на его оружии, и он снова громко икнул, — вот мое предложение, Кхолд. Играем партию в бландж. Ты ставишь свой меч, моя ставка — тысяча горных монет, а точнее несколько зим в южных корчмах в обнимку с людскими шлюхами! Победитель получает все! Проигравший — ничего.

— Сарвилл, — Ноэми вмешалась в разговор пока странник с большими глазами осушал очередную кружку касандрийского, а пена стекала с уголков его губ, — У нас достаточно денег, тебе не за чем идти на такой риск.

Но странник уже не слышал слов чародейки, в его голове крутились образы того, как он

выигрывает деньги, как подбрасывает в воздух и ловко ловит плотно набитый кожаный мешок, который по старой привычке он заприметил на поясе гнома, как только тот подошел к ним.

— Груз не такой большой, чтобы отказываться от твоих денег. Уж их-то я смогу увезти, — этими словами медведь выразил свое согласие на пари и пожал крепкую волосатую руку Гровина Баггза.

Довольный сделкой гном попросил время на «подготовку» — он пожелал закусить жареным гусем еще несколько кружек пива и занял место за столом нелюдей. Дочь корчмаря принесла лосося и цыпленка.

— Ваш ужин. — Девушка сверкнула своими зелеными глазами. Выражение ее лица было воплощением детской искренности и доброты. — Я хотела еще раз поблагодарить вас за то, что защитили меня сегодня днем.

— Меня зовут Сарвилл. Это Ноэми.

— Иллайа, — девушка застенчиво наклонила голову и робко прошла к соседнему столу.

— Не смотри так на меня, — странник почувствовал пристальный взгляд волшебницы, внимательно разглядывая цыпленка и решая с какой стороны к нему приступить.

— Ты так легко принял решение поставить на кон свой бесценный меч, будто являешься трехкратным чемпионом Неймерии по бланджу, — процедила она, больше разочаровавшись в вынужденном продолжении вечера.

— Тебе абсолютно по боку мой меч, чего ты так распереживалась? — Сарвилл пребывал в эйфории, а довольное выражение, в предвкушении победы, не сходило с его лица.

— Ты прав. Я не планировала сидеть тут до победного, — призналась Ноэми, — я пришла поужинать, чтобы скорее вернуться в свою комнату, где ждет теплая постель, которая сейчас является для меня редким удовольствием... А играть в азартные игры с пустоголовыми гномами в принципе не входит в мой список времяпровождения.

— Не будь занудой, Ноэ. В жизни кроме магии и книг есть огромное количество развлечений. — Сарвилл воткнул вилку в жареную тушку и оторвал жирный кусок мяса. — И вообще, корчмарь примет нас за невежд, если мы немедленно не отпотчует его коронных блюд. А если говорить проще — ешь. Гномы вот-вот надерутся.

Путники принялись за еду в полном молчании. Менестрели продолжали распевать свои тягучие песни, гномы браниться, дочь корчмаря бегать меж столов и получать навязчивые шлепки и непристойные предложения от одурманенных постояльцев.

— Эй, трубадуры, а ну сыграйте чего веселее, я вам говорю! — в приказном тоне произнес Гровин Баггз вместе с друзьями, подсаживаясь за стол своих будущих соперников.

Все четыре гнома были похожи друг на друга, как плохо получившиеся двойняшки. Отличить их можно было только по длине бород и медвежьим шкурам разных оттенков белого. Шрамы разной длины и глубины украшали суровые лица каждого горного жителя.

Барды в унисон дотянули припев и, стукнув пару раз по струнам, закончили песню. Отозвавшись на просьбу низкорослика, сыграть самую динамичную композицию из тех, что были в их репертуаре, они вновь запели.

— Ну что, начнем партию? — воодушевленно произнес Баггз, вновь икнув во время небольшой паузы между вопросом и ответом.

— Начнем! — странник отхлебнул из кружки, зубами оторвал большой кусок мяса с куриной голени, а остатки бросил в миску для костей.

Все гномы завопили, предвкушая накал страстей и неконтролируемый поток азарта.

— Свою бороду ты уже проиграл, евнух, — один из гномов подтрунивал над приятелем, — а если проиграешь все деньги этому дрищавому южанину — пешком будешь добираться до Призрачных Гор! Это я тебе обещаю! А ты знаешь, что мое слово...

— Слово твое — коровья лепешка посреди поля, что только воняет и ничем другим не заметно.

— Чего устроили, а? — подхватил другой, тот, которого называли Вакином. — Я не позволю нашему брату пешком до дому идти! Ясно вам, говнюки? Если надо будет, то на своем горбу понесу! Но только если пообещает договориться со своей матушкой, чтобы она отдалась мне по прибытию!

Гномы схватились за бока и разразились таким грохотом, что все остальные посетители корчмы на мгновение умолкли, подумав, что произошло что-то страшное. Странник с серьезным видом запил еду касандрийским, все более казавшимся ему потерявшим всякий вкус пойлом. Гровин Баггз, не обращая внимания на своих приятелей, поровну разложил на столе маленькие деревянные засаленные таблички — ношки, размером дюйм на дюйм, с выбитыми на них цифрами — десять, двадцать пять и пятьдесят.

— Торк будет раздающим. — Гровин махнул головой в сторону одного из своих приятелей и достал колоду для бланджа.

— Ну, уж нет! — возразил медведь, — раздающей будет волшебница.

— Вот чего еще не хватало, чтобы раздающей в бландже ведьма была! Если на то пошло, пусть раздающей будет она! — Гном ухватил за подол проходящую мимо девушку в сером платье и кувшином в руках. — Как тебя зовут, людская дева?

— Иллайа. — смущено произнесла уже знакомая дочь владельца заведения и в привычной еле заметной раздраженности одернула платье.

— Умеешь раздавать? — Гровин Баггз потряс колодой карт, сделанной из бивней железного зверозуба. Сарвилл не мог разобрать, что за герб выгравирован в качестве рисунка на рубашках карт.

— Во что играете? — Иллайа застенчиво обхватила кувшин обеими руками.

— В дочки-матери! В бландж, конечно! Иначе как еще в ваших обветшавших лачугах развлекаться? — гном вновь наградил корчму протяжным резким иком.

— Умею.

— Тогда чего стоишь? Раздавай! Вот тебе два горных золотых. Сможешь обменять их на ситемы в Красном банке и прогулять зимой в публичных домах, — гном стукнул по столу и оставил на месте удара две, светящиеся золотом, монеты.

Иллайа не поняла остроты и отвела взгляд, поставив кувшин на соседний стол, а следующим жестом попросила одну из подавальщиц ее подменить.

Карты были невероятно гладкие на ощупь, тонкие и казались очень крепкими. Она разделила колоду надвое и легким движением пальцев соединила обратно, тщательно перемешав причудливые карты.

— Ну что ты там мешкаешь, курва? — не выдержал долгого ожидания Вакин.

Иллайа посмотрела исподлобья и еле заметно поморщила нос. Чародейка же незаметно скрестила пальцы, направив их на кружку гнома — та опрокинулась, залив длинную и пушистую бороду Вакина Заггза. Гном выругался и крайне неловко стал отряхивать ее своими короткими руками. Ноэми довольно прищурилась, отрезала небольшой кусочек запеченного лосося и макнув его в чесночный соус вложила между коралловых губ.

— Ваши ставки, — Иллая обошлась безобращения, потому что не знала, как могут отреагировать гномы, если она назовет их господами.

— Двадцать ношек! — безбородый гном, пристально посмотрев в глаза сопернику, бросил две деревянные таблички в центр стола и достал плотный кожаный мешок. Странник вновь в своих фантазиях прицепил мешочек к собственному поясу.

— Поддерживаю, — он аккуратно положил ношки туда же и проделал со своим мечом то же, что и Гровин Баггз со своей ставкой.

Кареглазая девушка раздала игрокам по три карты, а оставшуюся колоду положила рядом с ношками.

Иллая была абсолютно обычной девушкой, скромности которой уступали разве что монастырские монахини, давшие обед безбрачия. В тоже время дочь корчмаря была одарена необычайной естественной красотой — густые длинные волосы орехового цвета, нежно розовые губы и маленький курносый носик. Её фигура была идеальной — пропорции соблюдались точно её лепили по подобию статуэток Великой Касандры, расставленных по всему югу севера и являющихся эталоном женской красоты.

— Если ставок больше нет, вскрываем первую карту. — Иллая сняла с колоды золотого эльфа и положила к ношкам. — Золотой эльф, ваши ставки?

Сарвилл взял в руки свои карты и увидел два волка — золотого и белого — и красную ведьму.

— Меняю одну карту, — холодным голосом произнес он и протянул Иллае красную ведьму рубашкой кверху.

На замену пришел белый единорог. Сарвилл про себя выругался, не подавая виду — ему нужен был волк любой масти, иначе гном выигрывал его, собрав любую пару. Если, конечно, впоследствии не начать блефовать.

— Меняю две карты. — Гровин Баггз с равнодушным видом оценил пришедшие к нему новые карты.

— Ваши ставки?

— Пропускаю, — ответил гном.

«Не поднимает. Значит, карты слабые. Или хочет, чтобы я так думал», — про себя оценил ситуацию странник и снова выругался, не подавая виду.

— Пятьдесят ношек! — он поднял ставки.

— Поддерживаю! — Гровин Баггз отсчитал, чтобы в сумме на табличках было пятьдесят, и бросил в центр.

Иллая сняла с колоды еще одну карту и положила черного волка к золотому эльфу.

— Черный волк! — констатировала она.

«Ха-ха, вот это удача! А каковы были шансы собрать тройку волков?» — радостно подумал странник. Он чувствовал, как учащается биение его сердца. Он уже ощущал себя хозяином заветного мешочка, что лежал от него на расстоянии вытянутой руки. Внутри медведя боролись разум и азарт. Разум призывал перестраховаться — оставить при себе хотя бы половину ношек, а азарт хотел получить все и сразу.

— Dronge! — азарт взял вверх и в центре стола под воодушевленный возглас на гномьем наречии оказались все ношки Сарвилла.

Баггз некоторое время пристально и с любопытством вглядывался в свои карты, переводил взгляд с открытых карт на противника и обратно.

— А игра обещала быть долгой. Так иногда сиськи, кажущиеся большими в платье и

жадно глядящие на тебя из декольте, на деле оказываются гроздьями переспевшего винограда, — холодным и абсолютно безэмоциональным голосом произнес гном. — Поддерживаю.

Сарвилл был уверен в том, что его комбинация лучше, но все равно его бросило в пот. Он уже пожалел о том, что поставил на кон все ношки, однако правила игры в гномью картежную игру не позволяли отменить принятое решение.

— Ставки сделаны! — Иллайа открыла последнюю карту. — Белый эльф! Раскрывайте свои карты.

— Низкий бландж — тройка волков и пара эльфов, — Сарвилл кинул неуверенный взгляд на чародейку, открыв карты перед собой.

Гномы забубнили и зарычали, ожидая развязки.

— Поздравляю, Сарвилл Кхолд, — Баггз сделал небольшую паузу и присосался к кружке с пивом, — с неплохой комбинацией! Полный бландж!

Гном с ехидной ухмылкой раскрыл карты — красного и черного эльфов вкупе с золотым драконом. Странник, одурманенный алкоголем и игрой, в один миг пришел в себя. Не веря своим глазам, он привстал с табурета и еще раз посмотрел на карты соперника.

— Победил Гровин Баггз! — негромко объявила Иллайа и, подхватив кувшин с соседнего стола, удалилась. Сарвилл неуклюже плюхнулся обратно на свое место.

Гномы бурными воплями привлекли внимание всех гостей корчмы.

— Что ж, южанин, — Баггз ехидно улыбнулся, взял в руки кожаный мешочек и сунул его на этот раз в скрытый карман своей куртки, — похоже, сегодня не твой день.

Странник не отвечал. Он надеялся, что гном, поддавшись азарту, предложит отыграть «Холодную месть» — Сарвилл уже дал клинку имя — чтобы ободрать его, как липку, но гном даже не думал об этом.

— Спор есть спор, Кхолд, — продолжил он. — Ты человек чести? Тогда вручи мне мой приз, как полагается истинным игрокам в бландж — с всем достоинством.

— Поздравляю Гровин Баггз, гном-северянин, — странник ловко крутанул меч в руке, так, что тот через секунду смотрел рукоятью на своего нового владельца.

— Благодарю за игру! — Баггз заметно поразился неожиданной легкости клинка, — Пусть мы никогда не вспомним тех эмоций, что получили сегодня, но, по крайней мере, дело сделано и теперь в истории этого легендарного меча есть еще одно приключение.

Гномов, тот, которого звали Вакином, бросил на стол приличное количество горных монет и, вместе с друзьями, покинул корчму.

— Смерть всегда забирает свое. — Ноэми обратилась к Сарвиллу, когда дверь, захлопнувшаяся за спинами гномов, перестала скрипеть, — Понимаешь, о чем я?

— Не совсем, если честно, — странник скрестил руки на груди и посмотрел на нее отстраненным взглядом.

— Как думаешь, почему воры навсегда остаются ворами? Грабители грабителями, а расхитители могил расхитителями? Ведь можно наворовать, награбить и наубивать в течение нескольких лет и жить припеваючи? Все дело в том, что смерть всегда забирает свое. Каждый вор, когда-нибудь убивает. Кто-то войдет в дом, когда вор уже внутри и ему ничего другого не останется, кроме как убрать свидетеля. Грабитель может убить совершенно случайно, напорвшись на того, кто решит дать отпор. А расхитители могил, как никто, всегда рядом со смертью. Этот меч достался тебе не без участия смерти, как и предыдущему владельцу, и смерть забрала его сначала сегодня днем у грабителя, а теперь у

тебя. Этому гному повезло больше. Я думаю, Сарвилл, если бы смерть дала тебе сделать выбор, как именно распрощаться с этим клинком — ты бы и сам выбрал вариант проиграть его в дурацкую гномью игру.

Медведь не ответил. Через несколько столов от них проигравший в кости громко выругался, ударил по столу и выбежал из корчмы, заставляя своих «друзей» бежать следом.

— Довольно о мече, — Сарвилл отодвинул пустую кружку от себя.

— В таком случае предлагаю пойти спать, — чародейка поднялась из-за стола.

— Мы больше ничего не будем... — Сарвилл не успел закончить фразу — Иллайя прошла мимо них, а на стол кинула небольшой клочок бумаги.

Чародейка развернула лист и негромко зачитала:

— Уезжайте из деревни.

— Очень странно, — странник вопросительно огляделся. В корчме до сих пор было многолюдно. — Что бы она ни имела в виду, лучше послушаться совета и не привлекать внимания. К тому же мы все равно собирались уходить.

Медведь еще раз огляделся, чародейка взяла плащ и они, благодарно кивнув корчмарю, покинули заведение. Следом за путниками поплелась еще пара пьяниц. В «Диком отшельнике» стало много свободных столов. Бард играл всю ночь.

*«Что ж. Странник расстался с „Холодной Местью“ по собственной глупости и не без влияния своего же юношеского озорства, хотя в его возрасте поддаваться таким импульсам не пристало ни одному сверстнику медведя. Почти ни одному, за исключением одной всем известной личности. Кто знает, как разворачивались бы дальнейшие события останься меч при нем на все время приключений и оберегай он его каждую секунду будущих сражений. Но история уже написана и сейчас я могу только сделать вывод и постараться уберечь от подобной глупости некоторых будущих странствующих воинов. Почему некоторых? Потому что все с подряд никогда и никого не будут слушать беспрекословно, предпочитая учиться на собственных ошибках и набивая больные шишки на собственном черепе. Зато с гордо поднятой головой. Что же касается этого конкретного случая... Довольствуясь бы тем, что имел, странник мог бы уже на этом этапе переписать историю и избежать множества лишений, которые в последствии для него было так невыносимо переносить. Но я уже забегаю вперед. А пока мозаика не сложена, я не должен сообщать никаких не подкрепленных доказательствами фактов, которые впоследствии могли бы оказаться самой обычной выдумкой и бесстыдной ложью...»*

Заметки чужеземца, найденные в сгоревшей корчме, убереженные лишь волей Богов и стеклянной оболочкой в виде бутылки из-под крепкого касандрийского пива.

Через весь север Неймерии с юга к Расколотым Островам простиралась широкая дорога с официальным названием «Змеиный тракт». Этот путь лежал через Дордонию, далее огибал Узкую реку и ложился прямо к главным воротам Асаи. А дальше вдоль Призрачной реки между Мертвым и Изумрудным лесами уходил к Холденфеллу по пути отводя один из своих хвостов к Городу Гор и только потом, через версты и версты на север, достигал Расколотых Островов, которые уже много тысячелетий безнадежно тонули в Вечных Водах.

На большак выходили все, кто так или иначе был вынужден покинуть насиженные места и отправиться в дорогу — короли, оставляющие свои замки в самых крайних случаях; купцы, перевозящие товар с севера на юг и обратно; гномы, странствующие рыцари и другие путники, жаждущие повидать свет. Лишь эльфы и разыскиваемые повсюду бандиты предпочитали передвигаться параллельно Змеиному тракту — меж плотно растущих деревьев, гор, равнин и другого, окружавшего путь на разных отрезках дороги, ландшафта.

Полная луна освещала лагерь, разбитый в дне пути от Дастгарда. Красные и синие палатки ждали, пока их подвыпившие владельцы устанут и используют их по назначению. Отряд из нескольких наемников облепил один большой костер недалеко от большака и хохотал над очередной пошлой шуткой заводилы.

— ...а потом я сказал, что если он хочет когда-нибудь жениться, то надо сбрить бороду, а пока он похож на гнома, который из сисек видел только мамкины! — Дориан пролил на свою светло-зеленую кольчугу немного содержимого из кожаной фляги с гербом в виде змеи.

Воины схватились за бока.

— В следующий раз, когда я уйду из города у меня будет припасена история про странника. Ей еще предстоит родиться, — проговорил Хранитель Порядка, когда сверчки в округе стали горланить громче людей.

— А почему это так важно? — один из наемников поддержал беседу. — Медведь и медведь. Ну и черт с ним.

— Этот медведь не так прост, как тебе кажется. Думаешь, король спроста приходит в бешенство стоит лишь заговорить о нем? — отозвался другой наемник из компании.

— А какого хера вы гадаете, словно бабы в долгую зиму, когда самый достоверный источник перед вами? — Дориан самолюбиво опрокинул флягу и насосался вина. Отрыгнул. В воздухе запахло кислотой. — Дело проще некуда. Навострите уши, если уж собираетесь вместе со мной прикончить этого бедняка. Забудьте все, что вы когда-либо знали об этом юноше и мотивах короля, побудивших казнить его. Вот вам правда. Все вы знаете, что при дворе короля есть чародейка, которая ни раз помогала ему своими советами. Сначала она предсказала несколько набегов дикарей на Дордонию, потом нагадала Рогару рождение наследницы — серебряноволосой Лианы. Не говоря о том, что предсказала несколько вспышек гражданской войны. И будь вы на месте нашего правителя, вы бы поверили, если бы она заявила, что Сарвилл Кхолд, соберет самую могучую армию за все время, с тех самых пор, когда Генор Уйлетан вторгся на земли Неймерии? Что, объединив всех магов, он создаст такую мощь, что всякий, кто встанет на его пути, будет трепетать от страха и выполнять любую волю дастгардского чародея? Я бы поверил. И честно сказать — не ограничился бы кучкой наемников с хранителем во главе.

Одни наемники стали перешептываться, другие продолжали сидеть неподвижно, пережевывая зубами тростник и сохраняя абсолютно отстраненный вид.

— А вы что думали? Что наш король сам принимает все решения, которые впоследствии еще и оказываются непременно правильными и своевременными? Хер вам! — рыцарь сделал соответствующий жест. — Магия, будь она не ладна, играет нынче самую главную роль в судьбе всех государств и, несмотря на то, что вся Дордония пошла по пути подавления чар в том виде, в котором мы с вами их знали, маленькая часть магии до сих пор живет в самом сердце Дастгарда...

Нельзя сказать, что люди, привыкшие выполнять грязную работу за золото, испытали в этот момент хоть какие-то эмоции, но новость была явно из нераспространенных. В какой-то момент каждый из наемников уже занялся своим делом, пока вдруг гул и монотонные звуки военного лагеря не вспорол один откровенный вопрос.

— А правда, что странник бежал у вас прямо из-под носа?

Над лагерем нависла тишина. Молодой наемник явно не знал тем, которых никому в отряде не стоило затрагивать. Он поднял голову от арбалета, который тщательно начищал весь вечер — все его братья смотрели не на хранителя, как он ожидал увидеть, а на него самого.

— Сынок, — Дориан оставался невозмутим, — ты хорошо обращаешься с арбалетом, но ты даже не успеешь зарядить его болтом, как я уже воткну этот кинжал тебе в горло, — спокойно проговорил он, обхватив пальцами рукоять кинжала, ножны которого были плотно закреплены на его правом бедре. Отживший полвека хранитель пытался держать себя в руках. — Этот кинжал предназначен для Кхолда и, поверь мне, он его получит. Назови мне свое имя?

— Крон, — сперва сглотнув, произнес наемник.

— Подойди. Вот что, Крон, — хранитель не закончил предложение и с размаха ударил Крона промеж ног.

Арбалетчик согнулся и получил коленом в нос. Кровь хлынула на землю, но он еще стоял. Дориан вытянул кинжал из ножен, будто тот был воткнут в его собственную ногу, схватил Крона за горло и поднял на уровень глаз. Нос мальчишки сильно разбух и изобиловал алыми потоками.

Хранитель Порядка повернулся к своему отряду, размахивая кинжалом и при этом, не ослабляя хватки на горле молодого наемника.

— Теперь вы понимаете важность нашего задания? Вы осознаете, что если чародейка до этого не ошиблась ни разу, то и в этот раз окажется права?

Наемники тупили взгляды. Вороны будили спящий лес, беспокойно разрывая непрерывный поток ночной тишины.

— Вы хотите, чтобы ваши дети страдали от голода, когда начнется захват престола? Или, быть может, вы думаете, что этот сраный отступник соберет великую армию, и они все вместе дружно отправятся в Башню Стихий? — он неприятно засмеялся. — Вы последние глупцы, если рассчитываете на это! Неймерия еще не видела великих завоевателей, не желавших поработить ее. А теперь слушайте внимательно. Сначала медведь пойдет войной на Дордонию и ваши братья будутдохнуть от голода, постепенно сходя с ума от нескончаемой осады. А потом ваши матери похоронят их, а затем и вас, перед тем, как сдохнут сами. А дальше маги начнут писать историю сначала, как это было с Первыми Людьми, которые высадились на берегах и указали нелюдям на их место. Наша судьба в

наших руках! Мы уничтожим странника и оставим это вонючее будущее таким, каким хотим его видеть.

Наемники какое-то время сидели тихо — то ли ожидая продолжения огненной речи Дориана Орегха, то ли и вовсе не знали, как реагировать. Однако совсем скоро кто-то один тяжело захлопал в ладоши и остальные поддержали своего собрата.

— Господин, — вдруг из темноты послышался голос, — в лагерь прибыл королевский посол. Он желает вас видеть.

Хранитель отпустил посиневшего Крона. Мальчишка упал на четвереньки и его стошнило.

— Будьте здоровы, господин, — человек в белой тунике, с королевским гербом на груди, спрыгнул с коня и приклонился. — Сегодня в полдень в Дастгард принесли новости. Король велел незамедлительно доставить их вам.

Посол снял прикрепленный к поясу сверток и передал Хранителю Порядка. Дориан развернул послание и лихорадочно забегал по нему глазами.

— Собирайте палатки! Мы наконец-то отправляемся в путь, — выпалил он, едва дочитав письмо и кинув его в огонь. Пламя жадно сожрало послание. — Корчмарь из «Лисохвоста» утверждает, что странник сейчас в окрестностях деревни. Если поторопимся — прибудем с первыми петухами. Хорошие новости, посол. Можете возвращаться в столицу. Скоро и мы вернемся обратно. Миссия оказалась не сложной.

Дориан пошел в сторону своей палатки. Вдруг он остановился, развернулся и пустил кинжал, в поднимающегося на ноги Крона. Молодой арбалетчик закрыл глаза, упал и перестал дышать.

— Я сказал, собирайте палатки! — хранитель яростно рявкнул на обернувшихся наемников и зашагал дальше.

\*\*\*

Весь горизонт пылал синим пламенем. Люди, бежавшие с юга, падали и катались по земле с надеждой потушить, настигший их одежду, огонь. Деревья падали на большак, перегораживая единственную дорогу, ведущую к выходу из пекла. Вороны собирались в стаю и кричали.

— Хранитель что был обещан! Явился! Хранитель вернулся, чтобы получить своё!

Черные птицы кружили над местом, где чаще всего навсегда теряли дыхание люди. Земля забирала себе последнее, что падало с их щек — слезы. Ветер подхватывал языки пламени и помогал им переползать на соседние деревья, словно заботливый отец, учивший своего ребенка ходить.

Кожаные доспехи вплавлялись в кожу странника, заставляя его стонать от боли. Из разорванных перчаток виднелись пальцы, покрытые копотью и кровью. Его руки дрожали, словно был жуткий мороз, а не адский жар. Медведь в ужасе зажимал ладонями уши, пытаясь избежать пронзительных жутких криков, которые висели в воздухе и набрасывались на него со всех сторон словно стая оголодавших гиен. Он зажмурился, чтобы не знать, чем закончится история волчьих щенят, загнанных пламенем в смертельное огненное кольцо. Странник прижимался к земле, стоя на коленях, чтобы носом поймать запах, еще не пропахшей гарью, травы и наполнить свои легкие вдохом последнего чистого воздуха. Деревья скрипели и продолжали ронять свои стволы поперек широкого тракта, поднимая облака пыли и раздавливая под собой тех, кому, казалось, удалось спастись от пожара.

Через мгновение руки перестали слушаться Сарвилла и расправились, глаза раскрылись,

а ноги выпрямились и зашагали в самое пекло. Сначала страх заставил глаза странника слезиться, потом невидимой рукой взял за горло, сделав дыхание тяжелее, а затем подобрался к самому сердцу, чтобы заставить его остановиться.

— Ноэ! Где ты? Мне нужна твоя помощь! В последний раз! — кричал он задыхаясь. — В последний раз! Останови это! Только ты можешь с этим покончить!

С каждым следующим шагом пылающий лес менялся на опустевший город — сперва под ногами вместо травы лег мощный камень, потом горящие деревья сменили тлеющие основания домов. Обгорелые верхушки зданий отбрасывали легкий дымок в сторону полной луны. Неожиданно наставшая тишина впивалась острыми когтями в слух странника. Падающие хлопья снега укрывали собой почерневшее от боли дерево. Запах гари и смерти заставил медведя приложить к носу ладонь и поскорее двинуться вперед.

Вскоре он бросил взгляд на землю, когда запнулся обо что-то более легкое, чем обычный камень — ветер трепетно сдувал, с лежавших повсюду черепов и костей, пепел. Резкий звук обвалившейся крыши задушил чей-то крик внутри дома неподалеку. «Не все еще мертвы», — решил медведь, но даже не дернулся в попытке побежать на помощь. Сколько тут погибло людей, хладнокровно думал он, десятки тысяч? Сотни? Неужели это Даствард? Кому взбрело в голову разрушить этот великий город?

Его мысли прервал пёс, который жалобно скуля, вышел из-за угла ближайшего здания. Это была обычная дворняга средних размеров. Волдыри покрывали безжалостно обожженное тело собаки, но по бокам у нее еще оставалось несколько не тронутых огнем клочков грязной шерсти. Пси́на посмотрела на незнакомца томным взглядом, лапы ее подкосились, и она упала наземь. Последний истощенный вой давал понять, что пёс перестал мучиться.

Еще несколько секунд странник сохранял медленный шаг, осторожно ступая между заваленными снегом человеческими останками. Испутившая дух собака вдруг подняла голову, глядя на него теперь уже абсолютно пустыми красными глазами, внутри каждого из которых, кажется, вспыхнул настоящий пожар. Злой рев, каким не обладал ни один, даже самый свирепый зверь, разнесся по безлюдным улицам города. Сарвилл смотрел проклятому животному прямо в глаза. Пес неподвижно наблюдал в ответ, напоминая собой статую, какую только мог слепить какой-нибудь скульптор с большим воображением, которую он бы прятал в самых дальних закромах своего дома, боясь быть сожженным за такие извращения своего разума.

Странник не шевелился, стараясь даже не моргать. Какое-то время у него получалось, но потом веки не послушались и опустились, а в следующий миг он увидел, как чудовище, злобно рыча, бросилось на него. Медведь ловко увернулся от броска. И еще раз, только теперь с противоположной стороны. Наконец, он выбрал момент и зарядил кулаком справа прямо по изуродованной морде собаки. Небольшие стальные шипы, расположенные на обугленной перчатке странника легко, словно в талый снег, один за другим вошли в череп псины. Исчадь опустилось прахом на землю, поглощенное пламенем, которое сожгло его изнутри.

— Хранитель, — послышалось из обгоревшего здания, напоминавшего храм, едва Сарвилл успел перевести дыхание. Он ускорил шаг, прижимая ладонь к лицу еще сильнее.

Посреди храма стоял высокий седой мужчина, красная мантия которого спадала с плеч словно потоки воды, падающие с водопада.

— Обещанный Хранитель вернулся, чтобы отомстить за предков, не так ли? — задал

вопрос седовласый, не поворачивая головы.

— Хранитель? О чем ты? Что происходит? — ничего не понимая, ответил медведь.

— Все правильно. Когда-то трон отняли у тебя, теперь ты взял то, что твое по праву. Глупый Рогар не отстоял бы Неймерию. Это под силу только истинному королю, избранному всеми Богами, — ответил старик. Его ладони были сложены вместе, а глаза направлены на высокую статую Касандры.

— Что? Кто ты такой, Бурлящая бездна?! — странник подбежал и ухватил старца за плечо. Фигура в красной мантии, подобно проклятому псу, расщепилась в пыль, а статуя Касандры повалилась на пол, разбившись на тысячи осколков.

В следующий момент обугленные стены храма окрасились в серый. Теперь уже с низкого потолка капала вода. Факелы вдоль стен горели через один. Крики и стоны людей глухим эхом доносились до него. Медведь взял со стены факел и пошел вдоль узкого коридора.

Вскоре он наткнулся на тюремную камеру, за решеткой которой на полу сидел тощий мужчина и что-то бубнил себе под нос. Заключенный резко поднял голову и, глядя на него безумными глазами, ухватил за руку.

— Ты не успеешь, Хранитель! — прошипел он, отпуская запястье, и с диким хохотом на четвереньках перебрался в угол камеры, туда, где тень скрыла его.

Сарвилл начал понимать всю нереальность происходящего и спокойно реагировал на все последующие выходки своего разума. На пути ему попало еще, по меньшей мере, двенадцать темниц и во всех из них сидели люди с одним и тем же лицом — лицом безумца из первой камеры. Стоило ему оказаться у очередной темницы, как тут же по коридору разносился больной смех прокаженного, а из-за решетки начинали тянуться длинные худые культяпки. Через некоторое время медведь уперся в самую большую темницу из тех, что были здесь. Из темноты на свет вышла Ноэми.

— Почему ты шел так долго, медведь? — Она обхватила ладонями прутья решетки.

— Я не знаю, Ноэ... — он опешил. Странник вновь начал забывать, что это сон.

— Ты не успел, Хранитель, что был обещан... — Огонь задушил ее крик. Языки пламени охватили сначала ее ноги, потом талию и, наконец, она полностью скрылась в огне и превратилась в прах, подобный тому, в который превращалось все на его пути.

\*\*\*

Ноэми проснулась от громкого стука в дверь. Она быстро встала, укрыла себя лиловой накидкой, открыла дверь и увидела взбудораженного странника.

— Собирайся. Полагаю, мы достаточно тут задержались, — он оставил свой дорожный мешок у входа и сразу пошел к окну, приоткрыв ставни и пуская в комнату холодный ночной воздух.

— Мы с тобой условились на ранее утро, а сейчас еще совсем темно, — она неохотно зашагала обратно к своей постели.

В комнате пахло мускатным орехом и розмарином, а сонное лицо чародейки без макияжа подкупало странника тем, что обнажало все самые естественные и нежные черты ее лица.

— Мне приснился сон. Необычный, — сказал он спустя некоторое время, присев на край еще теплой кровати. — Такое уже бывало. Мне иногда снятся особенные сны, знаешь, которые очень похожи на правду, словно это уже происходит или вот-вот должно произойти. Я не могу точно их толковать, но когда-то я дал себе слово пользоваться предупреждениями

и избегать дурных предзнаменований.

— Не могу сказать, что понимаю о чем ты, но, кажется, сила, заточенная в тебе, не должна обманывать твой разум. — Ноэми зашла за перегородку. — Вастерас бы точно придерживался этого мнения. Дай мне несколько минут, я оденусь.

Комната волшебницы показалась страннику на удивление уютной для обычной гостевой комнаты на деревенском постоялом дворе. Помимо здешних свеч Ноэми потрудились расставить в хаотичном порядке свои собственные. На табурете рядом с кроватью лежала книга со странным названием — «Эльфы или гномы по принципу яйцо или курица» под авторством Чарвиза Седобородого. На комодке она разложила все свои масла для кожи, духи и другую необходимую косметику. В самом центре стояла деревянная, еще наполненная, но уже остывшая ванна. Сарвилл не знал о таких услугах. «Вероятно, это привилегия только для женщин», — подумал он.

— Самое скучное чтиво из всех, что я когда-либо читал, — странник приоткрыл книгу и тут же небрежно захлопнул жизненные труды очередного занудного писаки.

— Читал? — из-за перегородки удивленно отозвалась Ноэми. — Кто мог обучить тебя грамоте в Медвежьем квартале? Увидев тебя в первый раз, я была не уверена в том, что ты умеешь говорить...

— Я просто был обескуражен тем, что у кого-то хватило ума в одиночку заняться освобождением смертника из петли посреди Штормплац — самого людного места, которое только можно себе представить.

Чародейка выглянула из-за перегородки, лениво улыбнулась и исчезла вновь.

— Ну, кто же все-таки мог обучить тебя чтению?

— Ты что, не знаешь, как устроена жизнь в Медвежьем квартале? Если в двух словах, то ситемы и сетимы не играют абсолютно никакой роли у медведей. Важно лишь заниматься тем, что будет приносить пользу твоему обществу и одаривать этой пользой своих собратьев абсолютно безвозмездно. А умельцев читать у нас хватало, поэтому и учили меня все подряд, кто хотел сразу после занятия пойти в местную корчму и отобедать жареного поросенка за проделанные заслуги. Медвежий квартал, знаешь ли, славится своим великодушием, но только если и ты что-то дал взамен... Так повелось. А знаешь, в чем самый главный парадокс всего этого устройства? Сегодня двое могут разодраться на смерть из-за куска хлеба, а утром один из них обязательно подаст руку второму. Кто-то может украсть у тебя последний мешок с сухарями, но в итоге поделиться с тобой похлебкой с размоченными там сухарями из этого же мешка. Парадокс в том, что жители Медвежьего квартала настолько же раздроблены, насколько едины.

— Я все время упускаю факт, что ты следующий обещанный Хранитель Медвежьего квартала.

Тут руки странника покрылись холодным потом, а мурашки прошибли тело.

— Что ты сказала? — не доверяя своим ушам, переспросил странник.

— Что все медведи верят в тебя не меньше, чем в плодородную Касандру.

— Нет, ты выразилась — обещанный Хранитель. Прямо как в моем сне...

Чародейка наградила странника самым подозрительным и холодным взглядом из всех, что ему удалось повидать за все время их путешествия.

— Предлагаю все-таки рассказать, что тебе приснилось? Иначе все твои реплики продолжают оставаться довольно странными. Даже для меня.

— Бред. — Сарвилл облокотился на кровать, упершись локтями в пуховую перину,

которая, к слову, была гораздо мягче той, на которой провел ночь он сам.

— В бреду рождается истина, если этого не знать, можно упустить много возможностей. У нас есть время. Если это плохой сон, то действительно стоит рассказать. Ты же знаешь, что, если хочешь, чтобы сон не сбылся — непременно надо им поделиться, а с кем — выбор у тебя небольшой.

— Апокалипсис, — странник сдался. — Вернее, мне так показалось. Все скомкано — пожар, люди гибли сотнями, я видел Дастгард после происшествия... — Сарвилл сделал глубокий вдох, будто запах гари все еще стоял у него в носу.

— Огонь — твоя стихия, нет ничего странного в том, что тебе снятся сны, связанные с пламенем, кострами, пожарами и всем в этом духе.

— Дело не в этом. Это был очень реальный сон. Я видел каждую деталь города после... катастрофы. Я ни секунды не сомневался, что это правда. И... там была ты.

— Мое появление в твоих снах — результат нашего избыточного общения в последние дни. Вот и вся истина.

— Не перебивай, Ноэ, — он остановил чародейку. — Все, кто встречался мне на пути, называли меня Хранителем, что был обещан. У меня сложилось впечатление, что это я принес все эти беды в Дордонию. Пожар, нескончаемую гору трупов и полное уничтожение всего живого. Я не понимаю, что Боги хотят от меня... Но что бы это ни было, если нужно заплатить такую цену, то я сам вернусь в Дастгард и засуну голову обратно в петлю.

— Не делай быстрых выводов из того, что тебе едва знакомо.

— Вот именно что мне это не чуждо, Ноэ. Я точно знаю эти сны и ощущения во время них. То, что я видел — сбудется. — Ответа из-за перегородки не последовало, и медведь продолжил. — Когда я был ребенком, мне приснилось, как я иду по лесу и натыкаюсь на человека при смерти. По стреле, торчащей у него из груди, стекала кровь. Помню, как я ухватился за нее пытаюсь помочь, но человек завопил еще громче. Мне стало страшно, и я отпустил древко, а мои руки остались липкими и окровавленными. Тот человек все твердил мне, что я не должен был его отпускать и это было предзнаменованием... После того, как он испустил дух, я поднял капюшон с его лица...

— И кто оказался этим человеком? — Ноэми вновь показалась из-за перегородки.

— Отец.

— Мне очень жаль. — Уже переодетая чародейка села рядом с ним.

— Все в порядке, я был слишком мал для того, чтобы его смерть оставила на моей душе отпечаток.

— Когда тебе снился этот сон, он был еще жив?

— Да, он пропал через несколько дней и каждый раз, когда отец собирался куда-нибудь, я не отпускал его, устраивая невыносимые и продолжительные истерики. Все принимали мои выходки за обычные детские капризы, а я уже тогда знал, что однажды он уйдет и не вернется.

— Его тело нашли?

— Нет. Одни Боги знают, куда его могло занести во время очередной охоты. Он всегда ходил по лезвию ножа. Ты готова? Нам давно пора уходить.

Волшебница быстро прошла по комнате и небрежно накидала все, так тщательно разложенное ранее, в свой мешок. Они вышли из комнаты и поспешили по лестнице вниз, где из гостиной слышались громкие мужские голоса. Сарвилл остановил чародейку, и они притаились за углом.

— У нас есть информация, что сегодня у вас остановился мужчина, которого нам необходимо взять под стражу по поручению короля Рогара Вековечного. — Человек, с аккуратно подстриженной бородой в королевских доспехах, положил руку на рукоять своего меча.

Хозяйка постоялого двора была высокой пожилой женщиной, седые волосы которой были растрепаны — они сухими прядями ложились на ее плечи.

— Сегодня у нас остановилось, по меньшей мере, трое молодых людей, четверо в возрасте и двое вовсе старики. Добрая половина из них уже отбыла в неизвестном направлении, господин Хранитель. — Ответила хозяйка постоялого двора, узнав человека и скрестив руки на груди.

— Высокий мужчина с дастгардским акцентом и глазами разного цвета. Уж такого ты должна была заметить, старуха. — Один из пяти человек, сопровождающих Хранителя Порядка, небрежно отшвырнул черного кота, ласкающегося о его кожаный сапог.

Кот недовольно взвизгнул, пошатнулся и плавно двинулся в направлении лестницы, туда, где и притаились разыскиваемые. Остановился, бросив взгляд за угол, замурлыкал и, игриво мяукнув, сел напротив, предательски выдавая прячущихся постояльцев. Один из наемников, тот, что стоял ближе к животному, подозрительно зашагал в сторону лестницы, пока остальные продолжали выпытывать правду у владелицы заведения.

— Ни с одним из мужчин мне не удалось перекинуться и словом, господин, все они были в сопровождении женщин. Кто-то просто щедро платил и, молча, забирал ключи, а за кого-то все вопросы решали женщины. — Хозяйка пыталась отвести внимание от проклятого животного, повышая свой голос на тон с каждым произнесенным словом.

Наемник в коричневых кожаных доспехах медленно ступал по деревянному скрипучему полу в направлении лестницы, во время движения, осторожно доставая арбалет из-за спины и заряжая его болтом. Странник аккуратно потянул свой старый меч из-за спины. Теперь пол заскрипел и под его ногами, но никто кроме подходящего к ним наемника не расслышал этого звука. Как только медведь увидел, что часть руки, державшей арбалет, появилась в поле зрения, он тут же рубанул по ней клинком, а в следующем движении ударил наемника ногой в грудь так, что того прибило к стене и он без сознания сполз на пол.

Присланный королем хранитель и остальные, сопровождавшие его воины, мгновенно обнажили свои клинки. Королевская сталь заиграла бликами рассвета, просочившегося сквозь открытые окна.

— Кхолд! Какая встреча! А я думал, что найти тебя будет гораздо сложнее. — Дориан Орегх в воздухе начал вычерчивать овал острием своего двуручного меча и противно скалил зубы.

— Если бы ты потратил сегодня хотя бы пять минут на то, чтобы побриться и почистить зубы, то мы бы успели уйти, а от тебя бы так не воняло. — Сарвилл рукой отодвинул Ноэми за спину и сделал несколько движений головой, разминая шею так, что внутри что-то хрустнуло и она будто бы стала более гибкой.

Хранитель зашелся хохотом, все остальные насторожено молчали.

— Приятно, что твоя последняя шутка отпущена в мою сторону, Кхолд. Особенно, если учесть тот факт, что ты самая популярная личность в Дордонии за последние пару лет. Пример для нищеты и герой для врагов королевства. — Дориан сплюнул под ноги обидчика. — Я обязательно расскажу эту шутку твоим родным, если они не успеют сгнить в королевской тюрьме к моему возвращению.

Сарвилл освирепел, но не подал виду. Внутри него вспыхнул пожар силы такой же, которая разрушила весь Даствард в его сне. Все, чего ему так хотелось в эту минуту — снести голову королевскому прислужнику. Вопреки себе он не стал дожидаться первого удара противника и в этот раз атаковал первым. Тяжелый двуручный меч Дориана легко парировал железный клинок медведя.

— Нет! — Приказал хранитель своему отряду, когда наемники пошли на странника. — Я убью этого шута сам.

Он замахнулся, медведь успел отскочить назад, контратакуя в полуобороте, рубанул справа, слева, снова справа. Дориан Орегх легко отражал удары, меняя положение своего меча, будто вместо огромного острого куска стали в его руках было гусиное перо.

Ноэми судорожно что-то зашептала себе под нос. Рядом с ней в воздухе уже висело несколько водяных шаров и они сорвались с места вслед за жестом своей повелительницы. Двоих, что были в кожаных доспехах, от силы удара опрокинуло на пол, а остальные волны бессильно разбились о доспехи наемников, что оказались разумнее и предпочли тяжелые латы свободе движений и проворству. Волшебница нисколько не смутилась и следом применила уже знакомый фокус, наколдовав водяной вакуум вокруг головы одного из устоявших на ногах. Но наемников было слишком много — один из них уже настиг чародейку и сильным ударом по затылку оставил ее без сознания.

Постояльцы повыбегали из своих комнат, услышав лязги, грохот и мужские голоса, громко вопящие друг на друга.

Тем временем Хранитель Порядка ударом слева выбил меч у странника из рук и хорошо приложил по его лицу стальной перчаткой. Сарвилл свалился на пол и едва не потерял сознание. Увидев падающее сверху лезвие, он увернулся, перекатившись по полу и ударил в промежность обидчику.

На пороге постоянного двора появились еще два наемника из посланного королем отряда. Они видели, как тот, ради кого был проделан весь этот путь, выставляя руку перед собой, вскакивает на ноги и направляет поток пламени из искр прямо в их командующего. Арбалетчик, недолго думая выпустил болт в чародея, который жадно впился в свою цель уже через несколько мгновений. Адская боль пронзила плечо медведя, а его сознание начало затуманиваться и рассеиваться. В очередной раз, получив стальной перчаткой в челюсть, Сарвилл грохнулся на пол и застонал от боли. Теперь хранитель подошел ближе и, наступив на горло противника, занес меч.

— Вот и все, — прошипел он, сопровождая свой приговор неприятной одышкой.

Все было ясно. История закончилась. Род Кхолдов канет в лету через каких-то несколько мгновений и все станет неважно. Сны. Предназначения. Предзнаменования. Мечь. Конечно, всем остальным Кхолдам отныне не суждено прожить и недели. И это единственное, о чем успел подумать странник прежде, чем...

Прежде чем все здание затрясло так, будто в десяти метрах проснулся Авуалий — вулкан, что последний раз просыпался тысячу лет назад на самом краю материка и погрузивший тогда Неймерию в вулканическую зиму на несколько десятков лет.

Дом затрещал, оконные ставни забили, точно зрители, настойчиво аплодирующие за хорошее представление. Земля предательски стала уходить из-под ног у тех, кто еще стоял и неумело убаюкивать тех, кто уже был на полу. Грохотало отовсюду — слева, справа, сверху, из-под земли доносилось рычащее нечто. Со стен посыпались картины и факелы, со столов полетели посуда и свечи — они предательски разбивались и ускользали из рук хозяйки

постоялого двора, так усердно пытавшейся их подхватить. Пожилая владелица не сдавалась и упорно спасала все нажитое имущество пока балка, летящая с потолка, не прибила ее к земле, а заодно и нескольких наемников, которые потеряли ориентацию в пространстве, ослепнув от поднявшегося столба непроглядной пыли.

\*\*\*

— Господин! Господин, очнитесь!

Странник открыл глаза. Ему показалось, что он пробыл без сознания несколько часов, но до сих пор обваливающиеся части гостиницы, дали понять, что прошло совсем мало времени. В воздухе продолжала висеть пыль, а штукатурка сыпаться на пол. Вокруг была неразбериха — кто-то кашлял, кто-то стонал, кто-то дергался в агонии. Со второго этажа спустились постояльцы и, испуганно осматриваясь, выжидали лучшего момента, чтобы начать помогать попавшим под завалы людям или просто незаметно ускользнуть, не заплатив за ночлег.

Сарвилл увидел в зеленых глазах, разбудившей его женщины, извержения вулканов.

— Иллайа... — он закашлялся и сплюнул кровью. — Ты маг?

Девушка виновато опустила глаза, но очень скоро вновь посмотрела на странника.

— Тебе нужно уходить, времени совсем мало, — она окинула взглядом людей, освобождающих наемников из-под бревен.

Медведь глазами не переставал искать Ноэми.

— Помоги мне освободить ногу! — обнаружив себя в ловушке, он лихорадочно задергал конечностями.

Иллайа подозвала двух крепких мужчин, и они ловко скинули с ноги странника тушу Хранителя Порядка. Медведь немедля побежал разгребать обломки там, где последний раз видел свою спутницу.

Правая рука не слушалась, ныла и истекала кровью.

— Ноэ, ты в порядке? Сейчас, я помогу тебе освободиться. — нервно заговорил он, когда лицо чародейки показалось из-под завалов.

— Нет! Уходи немедленно. Ты знаешь, куда ехать и кого искать, — она задыхалась. Упавший на нее книжный шкаф покрывал всю нижнюю часть тела.

— Я не оставлю тебя здесь, — Сарвилл пытался здоровой рукой приподнять шкаф, но даже с помощью дочери корчмаря все попытки оказались тщетны. — Иллайа, позови сюда больше народу!

— Дурак! — процедила Ноэми сквозь зубы и боль. — Ты не понимаешь... Твой сон — правда. Не знаю, что это за способность, но все, что ты переживал, произойдет, хочешь ты того или нет. Если ты немедленно не уйдешь отсюда, то у тебя никогда не будет возможности спасти всех — твою мать, сестру, меня, всех неймерийцев... — она взяла его за руку. — Я прошу тебя, я прошла через слишком многое, чтобы ты остался в живых...

Как только волшебница закончила говорить, ее глаза закатились, голова опрокинулась назад, а пальцы, что крепко сжимали руку странника, потеряли прежнюю хватку. Сарвилл несколько мгновений тупил взгляд, раздумывая как поступить — спасенные наемники у противоположной стены уже начинали приходить в чувство и растеряно оглядываться по сторонам — было неясно, кого они хотят разглядеть в первую очередь — своего командующего, смерть которого королевским приказом отправит их всех на плаху, или преступника, за чью голову назначена самая высокая награда в Дордонии.

— Я вернусь за тобой, Ноэ, — прошептал медведь уже не слышащей его чародейке. —

Все сюда! Тут женщина под завалами, помогите освободить ее!

Он убедился, что несколько мужчин уже спешили на помощь волшебнице, достал из-под горы из книг свой дорожный мешок, покрытый толстым слоем пыли и поспешил в сторону выхода.

\*\*\*

Казалось, все жители Лисохвоста собрались вокруг развалин местного постоянного двора. Некоторые из них бегали с ведрами до колодца и обратно, пытаясь потушить очаги огня, другие выводили из разрушенного здания людей и приводили их в чувство, третьи хватались за лица и начинали рыдать при виде бесчувственных раздавленных тел, не в силах перенести вид трупов, а все остальные, образуя плотное кольцо вокруг здания, создавали гул и бурно обсуждали произошедшее, на перебой хвалясь догадками.

Наконец из гостиницы вышел Дориан Орегх. На его левой щеке пенился сильный ожог, панцирь был смят в нескольких местах, а тяжелый двуручный меч сейчас служил ему тростью, на которую королевский паладин с трудом опирался — теперь вся тяжесть этого оружия чувствовалась гораздо лучше, нежели во время боя. Он осмотрелся по сторонам и подал знак свободной рукой, противно скорчив лицо от боли. Вслед за ним из руин выступили три наемника. Они вели связанную по рукам темноволосую девушку, на лице которой не осталось живого места — Ноэми пережила еще один круг ада, с тех пор, когда странник видел ее в последний раз. Не было ничего удивительного в том, что охотники за головами выместили всю свою злобу на чародейке. Все пятеро оседлали своих еще пугливых после произошедшего лошадей и ускакали по дороге на юг.

— Они повезли ее в Дастгард, — прошипел Сарвилл и опустился на землю, спиной скатившись по влажной коре дерева. — Я еще вернусь за ней.

В лесу, что начинался в нескольких саженях от пострадавшего постоянного двора, начали просыпаться птицы и, возвещая приход нового дня, щебетали о своем. Странник сидел на земле в компании зеленоглазой волшебницы и просил воды. Девушка подала флягу, но вся вода с глухим кашлем вышла наружу сразу после того, как он оторвал свои сухие губы от горлышка. Иллайя с усилием разорвала подол своего серого платья и небольшим куском ткани перетянула руку медведя чуть выше торчащего из нее болта.

— Я желаю идти с тобой, — сказала она, когда проверяла, насколько крепко завязаны узлы.

— Идти со мной? — переспросил странник и зажал зубами сухую ветку едва не раскусив ее, когда волшебница потащила, пробивший насквозь его предплечье, сломанный болт.

— Ты совсем меня не знаешь, — заговорил он спустя некоторое время, когда девушка перевязывала ему рану, — и её не знаешь, — он махнул головой в ту сторону, куда ускакали всадники.

— Ну и что. Я у тебя в долгу. И у нее, — она точь-в-точь повторила его движение, указав на Змеиный тракт. — Вы не просто спасли мне жизнь. Вы показали мне, что где-то за пределами Лисохвоста я могу быть такой, какой захочу и жить так, как захочу. И что всякий приезжий не может получать то, что ему захочется.

Иллайя отвернулась и посмотрела вглубь чащи. Сарвилл не мог понять, что она имеет в виду, и девушка быстро об этом догадалась.

— Ты думаешь вчерашний случай в корчме первый, Сарвилл? Нет. Я терпела всякого захотевшего меня всякий раз, когда кому-то ударит касандрийское в голову. Меня не учили

говорить нет, а отчим получал еще больше золота с каждого, кому я приглянулась. Не смотри так, корчмарь не мой настоящий отец. Всяким ворюгам и разбойникам мешало разорить нашу корчму только его «гостеприимство». И вчера он просто торговался, а не пытался меня защитить. Вы с чародейкой показали мне то, чего я не могла разглядеть. Я не останусь здесь, даже если ты не возьмешь меня с собой.

— Тогда почему вчера, убегая от бандитов, ты вернулась прямо к своему отчиму, если знала, что при любом удобном случае он отдаст тебя на растерзание? — медведь удивленно поднял брови.

— А что мне было делать? У меня был шанс, что они не заметят места, где я скроюсь. А если все-таки уследят... в конце концов... Я большаку предпочту перину.

Птицы продолжали щебетать, а народ, столпившийся у разрушенного здания, начал постепенно разбредаться кто куда.

— Так значит корчмарь... — чуть погодя, перевел тему медведь.

— Да. Корчмарь донес на вас и получил за это достойное вознаграждение.

Сарвилл поднялся с земли и пошел в сторону лошадей, предусмотрительно оставленных Ноэми днем ранее в чаще леса.

— Помоги мне забраться. У нас еще будет время поговорить.

Теперь постоянный двор и вовсе опустел. Руины разрушенного землетрясением здания отбрасывали легкий дымок в сторону высоко стоящего солнца, которое запекало кровь на нижней рубашке странника. Сарвилл и Иллая взгромоздились на лошадей и поскакали в противоположную сторону от Дастгарда — на север.

*«Пока я изучал события, произошедшие в Лисохвосте, я все время хватался за голову и не мог понять, почему корчмарь так поступил. Ответить услугой за услугу доброе дело, а отвечать за услугу предательством — грех даже на самом крайнем севере. И чем больше я распутывал клубок этих судьбоносных событий, тем яснее мне становилось, что услуга, оказанная чародейкой и странником в „Диком отшельнике“ и не услуга вовсе. Разве, что медвежья. Ну что ж, этот случай послужил уроком и самому медведю, и людям на вроде меня, так близко познакомившимся с его историей — не лезть не в свое дело. Но главное событие, которому здесь суждено было произойти, произошло — одна чародейка заменила другую рядом со странником. Уму непостижимо, насколько великой удачей в последствие обернулось это спонтанное стечение обстоятельств. Понятно, что ни за кого в этой истории я не переживал сильнее, чем за синеглазую волшебницу и все время моих дальнейших странствий я прокручивал в голове то, как она оказалась в плену у короны. Помню, как сыпал вариантами ее дальнейшего пребывания в заключении одному купцу, который оказался моим попутчиком во время следующего промежутка моей великой миссии. Он то и дело оспаривал мои предположения, пока, в конце концов, я не добрался до очередного места назначения, где мы и разошлись, оставшись каждый при своем мнении. Сейчас же мне предстоит написать новые строки этой истории. Однако, прежде чем изучать сие послание дальше, я прошу вас обратиться к истокам и узнать о первых переплетениях судеб, которые в конечном итоге сыграли самую главную роль в этой невероятной эпопее. Переплетению, которое случилось незадолго до уже известных вам событий. Когда странник еще не считался преступником, а жил обычной жизнью человека из самого необычного Медвежьего квартала.»*

*Заметки чужеземца, выкупленные у одного торговца антиквариатом и другими изжившими себя вещами.*

## Глава VI

Комната сияла голубым цветом. Зарево ярко освещало помещение через открытое окно. В большой золотой клетке по центру комнаты сидели два, ярко окрашенных во все цвета радуги, попугая.

— Лори. Лори. — без конца повторяли они.

Невысокая девушка в синем шелковом платье приоткрыла клетку и просунула в нее руку.

— Кушайте, милые, — прожурчала она своим тонким голосом.

— Лори. Лори. Лори, — звучало в ответ.

Попугаи зацепили по несколько зерен с ее ладони и, воспользовавшись открытой дверцей, разлетелись по комнате. Один уселся на окно, а другой вцепился когтями в сложенные на прикроватной тумбе книги.

Это было искусно обставленное помещение, где каждая деталь олицетворяла хозяйку и была ей под стать. Будь то занавески с изящной каймой из золотых ниток, будь то кровать, резьба на дереве которой была настолько незаурядна, что даже самые мелкие детали рисунка легко просматривались — при всем многообразии вырезанных на спинке цветов можно было точно сказать какой из них к какому виду принадлежит и какое название носит. Напротив кровати стоял туалетный столик с зеркалом, где было расположено нескончаемое количество сосудов — баночек и склянок с различными жидкостями и порошками, которые помогали своей серебряноволосой владелице подчеркивать, итак, заметную красоту.

С улицы послышался мелодичный свист. Девушка радостно подбежала к окну как будто уже несколько часов ждала его.

— Сарвилл? Залезай скорее, пока тебя не заметили, — громко шепнула сероглазая хозяйка и шире отодвинула занавески.

Юноша ловко забрался по стене и запрыгнул в окно, спугнув одного из попугаев.

— Я соскучился, Лиана. — Он положил руки принцессе на талию и их губы встретились.

— Ты сильно рискуешь, появляясь тут днем, милый, — она слегка отклонилась назад, желая получить ответ.

— Молчи.

— Но...

— Молчи, — повторил он и нежно прикоснулся пальцами к ее щеке.

Странник вновь слышал запах ванили, которым всегда так приятно пахло, когда он был рядом с ней. Он тонул в нем. Словно оказывался в самом центре Солнечного Моря и уходил под воду не желая спастись или делать хотя бы какие-то движения для того, чтобы спастись. Его ладонь ласково соскользнула к ней на шею, а губы нашли ее аккуратное маленькое ушко. Лиана закрыла глаза и тысячи мурашек побежали по ее спине. Они медленно и хаотично разбегались по всему телу. Поцелуями он опустил на ее тонкую шею и легко развязал шнуровку на платье — оно соскользнуло вниз. Принцесса ответила, пустив руки под его рубашку, и медленно повела их вверх, наслаждаясь каждым дюймом его напряженного тела, а уже через несколько мгновений сбросила ее на пол. Пальцы ловко сжимали и разжимали каштановые волосы Сарвилла. Она жадно впилась в его губы, и они упали на постель, лазурь которой отражалась в потолке.

Он дарил свои поцелуи ее плечам, груди, плоскому животу, на котором уже образовались маленькие капельки пота. Ее набухшие соски желали его, но он не прикасался к ним, он словно дразнил сам себя, пока Лиана, наконец, не заставила его, своим резким и нетерпеливым движением, прильнуть к ним. Он обхватил ее бедра. Она тонко застонала.

Попугай на окне не переставал повторять.

— Лори. Лори. Лори. Лори. Лори.

\*\*\*

В воздухе пахло ванилью. Принцесса лежала у странника на груди и вычерчивала на ней невидимые фигуры.

— О чем ты думаешь, Сарвилл? — шепотом спросила она, еле заметно подняв брови.

— Не могу выбросить из головы. Я тебе не говорил, но уже совершенно ясно, что Диодора вскоре умрет. Мать постоянно сидит возле нее и спит едва ли пару часов в сутки. Если так будет продолжаться, то и она проживет не дольше...

— Должен быть какой-то выход. — Лиана задумчиво посмотрела на потолок.

— Выход есть. Конечно, метод подействует не наверняка, но... Седрик обещал приготовить снадобье, которое поможет снять симптомы Черного Палача. Дело в том, что его составляющие стоят жутко дорого, поэтому мне нужно время, чтобы добыть необходимое количество ситемов.

Пауза, которая возникла после, была настолько же коротка, насколько наполнена недюжинным напряжением, закончившимся взрывной волной, которую принцесса обрушила на своего любовника.

— Почему ты не признался сразу, Сар? — она поднялась над ним и звонко шлепнула ладонью о его грудь, недовольно поморщив нос. — Вопрос золота — это самый простой выход, который только мог возникнуть перед тобой, а ты в очередной раз тешишь свою гордость, заставляя сестру умирать от редкой болезни.

— Так ты точно не заставишь меня принять твою помощь.

Принцесса нервно поднялась с постели и накинула на себя легкую ночную сорочку из тончайшего бирюзового шелка. Затем она села напротив туалетного столика и принялась расчесывать пучок серебряных волос, небрежно спутанных на затылке. Сарвилл лежал неподвижно, наблюдая за тем, как ее пальцы, раз за разом тонут в серебряном море и постоянно выныривают из него.

— Ты можешь украсть драгоценности у меня, — наконец произнесла Лиана, повернувшись к нему лицом и пристально посмотрела прямо в разные глаза. Она открыла верхний ящик столика и достала оттуда отполированную резную шкатулку с вырезанным на ней гербом дома Вековечных.

— Этого хватит? — растеряно спросила девушка и подняла крышку.

— Ли, я не могу и никогда не смогу этого принять. Потому что не хочу, — опередил ее вопрос медведь, — с тем же успехом я мог бы запросто украсть драгоценности из сокровищницы твоего отца или выиграть целое состояние в бландж.

В комнате стало тихо. Казалось, даже попугаи задумчиво принялись анализировать слова гостя, который так часто оказывался в этих покоях.

— Сделай это, Сар. — Попросила принцесса. Она присела на край кровати и накрыла своей ладонью его руку. — Я не так наивна, чтобы не понять, что моих украшений даже на твой первый взгляд оказалось недостаточно, иначе ты был бы полным глупцом, отказавшись от моей помощи, при этом обрекая на гибель своих родных. Даже у гордости есть предел.

— Не сходи с ума, Ли. На счет сокровищницы... это был не более чем неудачный пример. — странник рассмеялся.

Глаза принцессы были полны решимости.

— Послушай, Сарвилл, — девушка говорила с пугающим спокойствием, — у моего отца полно золота. Спасенная тобой жизнь обойдется ему в несколько томных минут размышлений над тем, как вернуть утраченное добро, а скорее всего вообще останется незамеченной. Верно ли искать в нашем случае другие варианты, если здесь я более всего могу подсобить?

Сарвилл был похож на выпускника Высшей школы, вытянувшего на решающем экзамене билет с вопросами, на которые он не знал ответа. Искушение было великим, и никто был бы не в силах устоять.

— В сокровищнице ночью ты не встретишь ни души, — продолжала принцесса, — ты знаешь, как незаметно проникнуть на территорию замка не хуже василиска, который знает, как превратить свою жертву в камень.

— Я бы сказал, не хуже портовой шлюхи, которая точно знает, как ублажить своего постоянного клиента.

Сарвилл заулыбался, девушка зашлась мелодичным хохотом. Ей всегда нравились его пошлые шутки, которых она была лишена в силу принятых высоких манер в стенах замка Шаарвиль.

— Ну что? Ты сделаешь это? — осторожно спросила Лиана, пододвинувшись к нему настолько близко, что он почувствовал ее дыхание.

— Мне надо собраться с мыслями, — сдался странник. — Сегодня ночью я прослежу за стражей, отмечу для себя все необходимое, а завтра к полуночи сделаю это.

Она нежно поцеловала его. Он снова стал медленно уходить под воду из эмоций и благоуханий.

— Лиана, открой!

Из-за двери послышался глухой голос — низкий и скрипучий, словно за ней кто-то учился играть на волынке, но выходило довольно скверно.

— Одну минуту! Я не одета, отец, — серебряноволосая крикнула в ответ. — Прячься! — беспокойно шепнула она страннику.

Сарвилл ловко вскочил с кровати и нагишом нырнул за окно, притаившись за стеной на небольшом выступе — ему было не впервой прятаться тут от неожиданных гостей в покоях принцессы. Однажды он так торопился укрыться, что сучья высоченной липы у окна принцессы настолько сильно расцарапали ему зад, что еще несколько дней после медведь не мог нормально сидеть. Вот и в этот раз ветки уже знакомого дерева облизывали его самые интимные места, заодно пряча тайного посетителя от патрулирующей территорию замка стражи.

Лиана завязала пояс поверх накидки, затолкала всю лежащую на полу одежду под кровать и еще раз внимательно осмотрела комнату на предмет присутствия чужеродных вещей.

— Да, отец? — сонным голосом спросила она, отворив дверь.

Король вошел в комнату и подозрительно осмотрелся.

— Джоран должно быть обознался — ему почудилось, что ты здесь не одна. Ты же не прячешь под кроватью какого-нибудь простолюдина, с которым тебе хочется дружить в силу твоего созревания?

— Должно быть это мои попугаи, отец, — ответила королевская дочь, в ее серых глазах при желании можно было разглядеть воздушные вихри. — А почему рыцарь, приставленный охранять меня, вообще докладывает тебе о том, что происходит в моих покоях, а не справляется об этом сам?

— Он получает жалованье за хранение твоего покоя и неважно защищает он тебя от безумцев, которые могут напасть на улице или от тебя самой. Ты говоришь мне правду, Лиана? — он еще раз окинул ее своим, холодным как сталь, взглядом.

— Зачем мне вам врать, Ваше Величество?

— Это ты мне скажи! Готов поклясться, что ты опять практиковала магию! — далее король заговорил тише, но более грозно, — ты же знаешь, что это наказуемо? А то, что это самое опасное оружие, которое только может быть, ты знаешь?! Мне не хочется в который раз тратить время на объяснение причин, по которым тебе не стоит развивать свои проклятые способности. В этих стенах я не потерплю непослушания и если я получу хоть одно доказательство того, что ты не оставила дурную затею, то ты немедленно отправишься в Башню Стихий и твоя мать уже не сможет этому помешать.

Принцесса побледнела. Глаза сделались влажными.

— Я...

— Почему Боги не подарили мне сына?! — взывая, перебил Рогар, при этом красноречиво размахивая руками. — Все ясно. Они испытывают мое терпение. А знаешь, кто еще испытывает мое терпение? Твоя матушка. Клянусь, если и в этот раз она подарит мне девочку с магическими способностями, я прикажу сбросить ее в Солнечное Море во время отлива!

Король взял принцессу за плечи хваткой настоящего хищника. От него несло потом и вином.

— Ты знаешь, как я ненавижу магию и знаешь, что для меня нет преград, если я сочту твои способности угрозой государству. Поэтому советую забыть каждое заклинание, которое ты успела выучить, будучи невоспитанным подростком, да еще и под защитой своей матери. Иначе, клянусь Богами, весь ваш бабский выводок пойдет ко дну.

Сарвилл, отчетливо слышавший каждое слово, готов был вернуться в комнату и собственноручно придушить короля, но самообладание оказалось сильнее.

Рогар еще раз окинул взглядом комнату и пошел к выходу.

— Солнце уже катится к закату, а ты до сих пор не одета. Соберись, мы с Антиной ждем тебя на ужин, — как ни в чем не бывало проговорил он, и удалился.

Лиана поспешила захлопнуть дверь и с яростью ударила по вырезанным на ней узорам. Слезы катились по дрожащим щекам принцессы, когда Сарвилл вернулся в комнату и прижал ее к себе.

— Я обещаю, дай мне немного времени, и мы сбежим в Творс, где никто и никогда не упрекнет тебя за чародейство, — шептал он ей на ухо настолько уверенно, что с каждым словом принцессе все больше верилось в то, что это правда.

— Что может быть прекраснее магии, Сарвилл? — спросила она, когда успокоилась, а ее дыхание вновь стало ровным.

— Хм. Быть может моя обнаженная натура, прячущаяся от глаз твоего отца за окном, — он улыбнулся, принцесса хихикнула в ответ.

— Я серьезно. Ты знаешь, я читала, что самые могущественные древние эльфы могли управляться сразу с несколькими стихиями. Например, среди них был магистр, который мог

управлять одновременно водными потоками и потоками воздуха, и когда он делал это, его враги впадали в панику, а союзники восторженно замирали под впечатлением того, что происходило на поле боя.

— Я тоже хочу творить такую магию, — вновь вернулась Лиана к теме спустя некоторое время. — Такую магию, которую можно будет изобразить на полотне, как нечто прекрасное и внеземное. Такую, которая будет вдохновлять мне подобных на познание и дальнейшее изучение этой неточной, но, несомненно, интересной науки. Поэтому, что бы ни говорил отец, я никогда не брошу этим заниматься! — капризно заявила она. — Пусть даже мне придется познавать ее границы в Башне Стихий!

Сарвилл вновь обнял принцессу, улыбаясь ее наивности.

— Они под кроватью, — сказала она, заметив, как странник что-то ищет в комнате глазами.

Он достал свои вещи и, быстро одевшись, подошел к окну.

— Я люблю тебя, Ли.

— И я тебя.

Принцесса наблюдала из окна, как юноша ловко спускается по стене, настолько незаметно цепляясь за выступы, что, казалось, будто он просто скользит по зданию, замедляя свое падение лишь силой мысли. Осторожно оглядываясь по сторонам, он перепрыгнул через высокий каменный забор и скрылся за листьями высокой липы.

\*\*\*

Обеденный зал был размером с шестую часть дастгардской площади — Штурмплац. Служанки бегали по нему, словно трудолюбивые пчелки, спешившие отстроить соты, в которых они смогут комфортно перезимовать. За большим столом сидели Рогар Вековечный, королева Антина и принцесса — будущая наследница престола.

Все молчали. Король злоупотреблял красным вином, не изменяя прежнему себе.

— Как тебе запеченная утка, Лиана?

— Я не испробовала ее, отец. Нет аппетита. — пробубнила себе под нос принцесса. Она знала, что этим разозлит короля, но не могла ничего с собой поделать.

— Быть может тебе подать жареных крыс? — очень спокойным и полным серьезности голосом спросил король. — У бездомных в Дастгарде всегда при виде них появляется аппетит, — он осушил бокал и неприятно посмотрел на дочь.

— Прошу. Ваше Величество, — вмешалась Антина и взяла короля за руку, сверкнув золотым кольцом, с большим синим сапфиром на безымянном пальце.

Королева уже несколько месяцев носила под сердцем ребенка Рогара и теперь не могла похвастаться за ужином красивым платьем, однако все свои идеи изысканно и незаурядно выглядет она легко воплощала на собственной прическе — сегодня ее красивые рыжие косы были уложены по кругу на висках и украшены нитями из жемчуга.

— Как обстоят дела в королевстве? — Антина перевела тему.

— Светская беседа в кругу любящей семьи? Ну что ж. Я готов поиграть с вами и в эту игру, — лениво отозвался Рогар, снял корону и положил на край стола. — Наши шпионы из Творса донесли, что там, в очередной раз, созывают знамена, чтобы напасть на нас. Через несколько месяцев их корабли будут достроены и готовы к отплытию. Нам в свою очередь нужно за это время погасить все внутренние конфликты и готовится к обороне. Проклятые творсийцы никак не могут отделаться от идеи — вырваться со своего жалкого клочка земли и завладеть всей Неймерией.

Когда язык короля развязывался, его не имел права перебивать никто, иначе дело перерастало в самые настоящие вспышки ярости и приступы гнева. Поэтому все королевские собеседники покорно выслушивали, в какую чашу в конечном итоге заведет тропинка, проложенная из нескончаемых выдуманных и правдивых фактов из мыслей Рогара.

— Может дело не в территории, а в том, что они просто хотят вернуть то, что раньше принадлежало им? — встала Лиана, когда король еще не закончил.

— Принадлежало им? — вспыхнул Рогар Вековечный. — И что они будут с этим делать теперь? Когда династия Уйлетанов правила на всем севере материка обычные люди мозолили свои руки на благо волшебников и подыхали за них. Только не надо мне снова рассказывать эти басни про высшую цель и то, что она всегда оправдывает средства. Я не потерплю ни одного творсийца в Дордонии. Все, — король плеснул еще вина в бокал и залпом тут же осушил его. — Если когда-то Генор Уйлетан и отвоевал север у остроухих, изгнав отсюда в леса и пещеры их и прочую подобную тварь, то те времена давно прошли и настоящий расклад нас, Туурин и Холденфелл устраивает куда больше.

Все замолчали. В комнате лишь постукивали каблуки служанок и потрескивали свечи.

— Из Творса не было никаких вестей уже больше десяти лет, должно быть они собрали могучую армию, — задумчиво произнесла королева, разговаривая сама с собой.

— Они могут собрать хоть с десятков могучих армий, — мгновенно отозвался Рогар, — и все равно, единственное, что у них хорошо получится — это всем вместе хорошенько бздонуть.

— Наверняка, у них набралась целая армия магов, которых мы не позволили себе обучить и развить? — Антина пропустила королевскую шутку мимо ушей. — И если все-таки станет сражаться, то тысячи паладинов Дастварда лягут в одночасье. Тебе не кажется, что наша политика в отношении магов несколько неудачна?

— О, Боги! Бабушка твоя голова! Слушай внимательно и пусть тебя больше не тревожат эти ложные догадки. Магистр из Башни Стихий вот настолько близок к тому, чтобы создать нечто совершенное и могущественное, — возбужденно говорил король. — Только представь, ядро, пущенное из катапульты, достигает цели и, разбиваясь об нее, поражает все, в радиусе пятидесяти саженей, Могучим огнем. Никто из этих слабоумных больше никогда не осмелится напасть на нас! Мало того, спустя некоторое время мы сами поработим всех от Расколотого Хребта до Расколотых Островов и уничтожим тех, кто откажется нам подчиниться!

— Эта навязчивая идея заставляет тебя забыть о добродетели и сотнях магов, у которых ты забрал жизни ради того, что возможно никогда и не случится! — королева вспыхнула в ответ. — Касандра видит все, что ты делаешь, и не позволит таким способом одержать победу. Вот увидишь.

Король взорвался хохотом.

— Касандра? Да кто такая эта ваша Касандра? Миф! Не более. Все что я сейчас имею, я заслужил сам, проливая свою и чужую кровь у подножья Горы Ревности, у ворот Дастварда, на этом самом месте, где сейчас вы так спокойно потчуете спустя несколько лет. И ни разу за все это время ты не спросила меня, как мне удалось тогда одолеть Торла Уйлетана и защитить престол Дордонии от узурпатора. А я тебе скажу и без того, единственная кто в этом замке заслуживает благодарности — это Люция и ее дар, который помог мне тогда сделать так, чтобы почти весь род драконов захлебнулся в собственной крови. Поэтому твоя Касандра — фикция, придуманная трусливой челядью для того, чтобы оставалась вера в

светлое будущее, даже когда смерть хватает за самое горло.

Лиана с равнодушным видом водила вилкой меж остатков овощей в своей тарелке, пока король пытался как можно больнее уколоть королеву.

— Не говори так! Это вино ударило тебе в голову, — вспыхнула Антина.

— Вино? Как думаешь, это Касандра сегодня напоила меня вином? Эй, ты! — он обратился к служанке, весь вечер кружившей вокруг обеденного стола то подливавшей напитки в бокалы членов королевской семьи, то подкидывающей поленья в камин, то заменяющей уже погасшие свечи на новые. — Тебя зовут Касандра?

— Нет, мой король, — испуганно ответила девушка и опустила голову.

— Видишь, она не Касандра. Выходит, что в очередной раз нет никаких доказательств существования Богини. Гномы с Призрачных Гор и те смышленнее вас. Они, по крайней мере, верят в свою гору, которую можно увидеть и пощупать собственными руками. А знаешь, что еще интересно?

Король никак не мог уgomониться — он постоянно широко размахивал руками и одновременно набивал рот мясом жареного кабана.

— Тысячи дастгардцев ходят каждый день в храм твоей Касандры, а я могу любого из них завтра взять и повесить на Штормплац. И поверь, сегодняшняя их молитва будет последней. Может, на том свете они встретятся с тем, что на протяжении всей жизни должно было быть у них между ушей.

Он снова безудержно захохотал, давась едой и выплевывая ее обратно в тарелку. Лиана, хранившая молчание довольно долго, вдруг решила заговорить.

— У тебя нет такого права. Существует Совет Тринадцати, который не позволит тебе просто так безнаказанно казнить людей.

— Откуда в тебе столько спеси, Лиана? — заговорил в ответ Рогар очень спокойным тоном. — Король всегда отвечает за свои слова и этому подтверждением будет скорая казнь одного странника, за которым я собираюсь послать. Я скажу больше, еще магнолия не успеет зацвести, как он, будет болтаться в петле.

Принцесса подавилась воздухом.

— Что еще за странник? — поинтересовалась королева, с ее лица едва успел сойти румянец после спора с королем.

— Какой-то простолюдин из Медвежьего квартала. Люция утверждает, мол, на этого юнца творсийцы возлагают большие надежды и в нем скрыты самые могущественные магические способности какие только можно себе вообразить, и какие вообще существовали со времен правления Первой Расы. Уж не знаю, у кого и где это она подслушала, но я буду полным дураком, если сейчас проигнорирую ее предсказания, а потом все получится так, как она имеет в виду. Да даже если и нет, еще одним проклятым магом в Дордонии станет меньше.

— Ты не можешь слепо и всецело доверять Люции, — с недовольным видом проговорила Антина, — люди посчитают, что она принимает все важные решения в королевстве, а тебя сочтут за чародейскую марионетку. Ты знаешь, как быстро расползаются слухи по улицам Дастгарда.

— Чепуха! — выпалил захмелевший Рогар. — Все знают, что у королей есть советники и редкий король принимает решения самостоятельно. В конце концов, Совет Тринадцати единогласно проголосовала «за».

— Не стоит трогать медведей, отец, — Лиана, наконец, подобрала нужные слова, —

они за каждого из своих стоят, как за себя. В этом случае бунт настигнет нас еще раньше, чем этот странник вообще научится управляться со своими способностями.

— Уверен, Лиана, ты бы была выдающимся членом совета, если бы у меня не было с десяток таких же, как ты, острых на ум, хранителей. Еще в начале недели была сложена легенда, которую все медведи проглотят как щука наживку. Хранитель Медвежьего квартала уже пустил ее в ход и никакого бунта мы не увидим.

Принцесса проглотила обиду.

— Допустим, что Люция действительно права и мальчишка станет кем-то вроде мессии для всех волшебников, — бросила королева, — но неужели это настолько серьезное дело, что требует принятия таких решительных мер? Почему бы просто не обязать его носить тритовые браслеты или на крайний случай слить их у него прямо на руке так, чтобы он никогда не смог использовать чары?

— Оставьте нас! — король обратился к служанкам, которые петляли по залу и, удостоверившись, что никого не осталось, продолжил, — Насколько тебе стало страшно, когда ты представила армию магов, которую мог собрать творсийский император? А теперь представь, что Сарвилл Кхолд соберет такую же армию, но настолько могущественнее, насколько великан с Расколотого Хребта могущественнее гнома с Призрачных Гор. Будет просто истребление всего живого потому, что Дастгард будет стоять до последнего выдоха! Я клянусь! Наступит конец! Всего! Света! Людей! Ваших ничтожных жизней! Берег Неймерии поглотят Вечные Воды, а суша покроется вечным льдом, — он снова забегал безумным взглядом поочередно по лицам Лианы и королевы, срывая до этого спокойный и рассудительный голос.

— Сказки! На любом этапе войны можно найти компромисс и заключить мир. — Не поверила принцесса, оспорив слова короля и не испугавшись его безумства.

— Довольно! — перебил Рогар, — завтра мы схватим странника, и вскоре он будет казнен по всем законам Дордонии. А сейчас прошу меня извинить, я отужинал и мне надо справить нужду.

Король небрежно насадил на голову корону и неуверенной походкой поплелся к выходу, оставив бокал с недопитым вином при себе.

Принцесса пересела ближе к матери — на освободившееся место короля.

— Мама, нужно предупредить Сарвилла. — сказала она, взявшись влажными от волнения руками за край стола. Легко дрожащий на подвеске аквамарин выдавал беспокойство своей хозяйки, а ураганы раскачивались в ее глазах. — Нужно предупредить его сегодня. Завтра будет поздно.

— Где именно в Медвежьем квартале находится его дом? — решительным тоном спросила королева.

— Я не знаю, — ответила принцесса, обхватив руками лицо, — я не спрашивала у него таких вещей, матушка.

— Почему именно Сарвилл? — после небольшой паузы продолжила принцесса, — Почему эта проклятая чародейка не подслушала про любого из тысяч других дастгардцев?

— Другой вопрос, почему из тысяч других дастгардцев тебя тянет именно к страннику? Вопросов всегда больше, чем ответов, милая. Я отправлюсь к медведям, а ты оставайся в замке. Будем надеяться, что если мне не удастся найти странника, то он заглянет к тебе сам.

Королева поднялась со стула, поддерживая руками свой округлый живот, поцеловала дочь и удалилась. Через мгновение в обеденный зал вошел королевский паладин и проводил

принцессу в ее покой.

\*\*\*

На улицах Медвежьего квартала вечерело, но работа кипела как всегда — без намека на спокойную жизнь и скорый вечерний отдых туда-сюда носились разнорабочие словно день только начался. В воздухе висел запах несвежей рыбы и деревянной стружки, который перебивался запахом дубленой кожи, а что-то, напомилавшее застоявшийся недельный суп, разносило свой аромат по бродяжьим улочкам и въедалось в одежду.

Здесь не было нищих, которые вечно слоняются между домами и просят милостыню или тех, кто в пьяном угаре валяется в подворотне. Вернее, их здесь было не больше, чем в любом другом квартале Дастгарда. Никто из местных не мог похвастаться большим домом или периной без клопов, зато каждый из них знал, что такое дух и свобода не понаслышке.

Днем каждый из медведей — так называли себя жители одноименного квартала — узнавал другого в лицо, каждый мог попросить первого встречного попробовать его похлебку на вкус, а то и вовсе присоединиться к столу, а на следующий день получить новый длинный лук для охоты или, например, связку гвоздей в подарок. Золото не имело здесь веса. Жизнь была построена таким образом, что каждый получал услугу за услугу, а все ситемы и сетимы, что попадали сюда извне, тут же уплачивались в королевскую казну.

Конечно, квартал было бы сложно счесть за неблагополучный, если бы всё было настолько просто. Как только солнце уходило за горизонт, этот район Дастгарда окутывало мраком. Здешние люди, словно оборотни, потерявшие себя с появлением на небе луны, начинали грабить то, что, по их мнению, не должно было попасть в руки короля, убивать тех, кто был не согласен с ними и даже насиловать женщин просто потому, что никакого закона, который мог бы их остановить здесь не существовало. Все законы прекращали свое действие ровно в десять вечера, когда громоздкие железные ворота запирали снаружи городская стража и оставляла медведей наедине с собой. Жестокость, так умело скрывающаяся тут днем, выходила на охоту ночью.

В еще открытые огромные ворота, отделяющие Медвежий квартал от Солнечной аллеи, вошла высокая женщина в синем плаще.

— Где тут корчма? — поинтересовалась она, ухватив за плечо пробегающего мимо мальчика.

Ребенок махнул рукой, показывая направление, и помчался дальше. Следом пробежали еще несколько чумазных детей, видимо, отчаянно желающих за что-то отомстить первому. Женщина рукой приподняла капюшон с глаз и увидела с десятков лошадей, топчущихся у крыльца здания, вывеска которого гласила — «Берлога». «Конечно, можно было догадаться, что корчма — первое место, где останавливаются путники, приезжая в город», — подумала она. — «Особенно наслышанные о медвежьем гостеприимстве».

— Эй, ты! К тебе обращаюсь! Не видел здесь рыжего мальчугана? — выкрикнул подвыпивший мужчина, сидевший на крыльце дома, мимо которого она проходила. В ответ незнакомка отрицательно помотала головой, но из-за объемного капюшона движение сделалось еле заметным.

— Я с тобой говорю, гнида! — завопил он и запустил глиняным стаканом — он разбился у ее ног. — Мы здесь не любим чужаков, проваливай! Или будь добра жить по нашим правилам — если что-то спрашивают — отвечай!

Фигура в плаще поплыла дальше — вдоль улицы, игнорируя пьяницу и плавно обступая осколки разбитого стакана.

Потом королеву ждало препятствие в виде стаи собак, которые облаяли её, приняв за нищего, слоняющегося по улицам в поисках пищи и составляющего им конкуренцию.

Расстояние до корчмы оказалось самым опасным и незабываемым приключением в ее жизни за последние несколько лет, проведенных на территории Шаарвиля. Обычно король не позволял жене ходить дальше Купеческого квартала, особенно теперь, когда она носила под сердцем его дитя. Сейчас же местные лачуги завораживали королеву пуще всегда зеленого Красного Сада, а непроглядный туман вскружил голову сильнее вечно несущих свое бремя, тянущихся к облакам шпилей обители королевской семьи. Бедняков, просящих милостыню, хватало и в других районах Дастгарда, но здесь они были частью единого целого и вписывались в общую картину не хуже звезд на ночном небе — их миссия заключалась в том, чтобы собрать стекшиеся в квартал монеты и через хранителя передать короне. В первый раз за многие годы Антина не могла вообразить, что будет с ней через минуту, час, день, если она останется дольше положенного в пределах этого живущего своей необычной жизнью Медвежьего квартала. Это одновременно пугало ее и заставляло сердце трепетать от восторга.

Ручка двери в корчму оказалась неприятной на ощупь — липкой и шершавой. Королева неуверенно зашла внутрь и огляделась.

— Не хочешь повеселиться, дорогой? — спросила женщина с уродливым шрамом на щеке, только что вошедшего человека, но не получив ответа, недовольно фыркнула и удалилась к ближайшему столу.

Все вокруг веселились — смеялись, что-то бурно обсуждали, заказывали пиво и набивали свои утробы тем, что местным доставалось бесплатно и за что чужакам приходилось платить, хотя и с огромной скидкой по сравнению с любым местом на континенте. Медведицы, продающие свое тело, тоже не отказывались от денег приезжих, хотя и охотно оказывали свои услуги местным за просто так — за возможность быть частью этого неидеального, но уже такого родного уклада жизни.

Антина узнала хозяина заведения по белому грязному фартуку и пошла напрямик к нему.

— Я ищу Сарвилла Кхолда. — произнесла она. На ее тонких губах можно было уловить дрожь. Человек с пепельными волосами вытер руки о себя и скрестил их на груди.

— Кто спрашивает? — Важно проговорил он.

Королева достала плотный кожаный мешок, до отказа набитый монетами, и кинула на прилавок. Глаза корчмаря заблестели. В какой-то момент ей показалось, что он даже покраснел от удовольствия — безусловный отказ от ситемов оказался красивой легендой, променянной на возможность купить большой и удобный дом в Купеческом квартале.

— Лачуга шестая по счету, если идти отсюда в сторону моря. Смотрите не пройдите мимо, в это время на здешних улицах становится опасно. Хата, что вам нужна будет по правую руку, — проговорил он и, как ни в чем не бывало, скинул заработанное добро за прилавок.

Получив ту информацию, за которой она и осмелилась войти в подобное заведение, королева развернулась и уже направлялась к выходу, как кто-то неожиданно схватил ее за руку. От испуга Антине захотелось закричать, но ком, вставший посреди горла, оставил время прийти в себя и сдержаться. Веки ее глаз вновь приспустились и застыли в положении изучающего взгляда.

— Присядьте, моя королева, — прошептал полный человек. Кроме него за столом

никого не было, и Антина импульсивно повиновалась. — Занесло вас, скажу я вам, туда, куда, в ваших кругах бы сказали — в самое пекло.

— Простите мне мое невежество, — после короткой паузы продолжил он, — меня зовут Седрик. Я друг того, кто является целью ваших поисков. Позвольте угостить вас кружкой пива? Если, конечно, положение вам позволяет. Если же нет — тут разливают чудесный морковный сок.

— Прошу. Избавьте меня от высокопарных фраз. В этих кругах меня незамедлительно разоблачат, если мы сейчас же не прекратим. — Королева осторожно огляделась. — У вас есть какая-то интересующая меня информация? Если нет, то я должна идти. Времени совсем мало. — проговорила она своим величественным тоном и прищурила глаза. При других обстоятельствах Антина одарила бы наглеца хорошей оплеухой за то, что тот вообще позволил себе прикоснуться к ней, но сейчас страх за жизнь своего еще не рожденного ребенка держал первую женщину Дастгарда в узде.

— Пойдите! — выдохнул Седрик и пригладил руками длинные, падающие на плечи, белые волосы, — Должно быть я неправильно выразился. Дайте мне еще один шанс. Со второй попытки мне всегда удается произвести хорошее впечатление. Я хороший друг Сарвилла и могу передать ему те новости, что вы принесли с собой в Медвежий квартал. Для меня не секрет, что странник и ваша дочь тайно встречаются. Я знаю также, что кроме них самих об этом известно только двум людям — мне и вам. А теперь, когда в ваших глазах мне удалось рассмотреть задатки доверия, предлагаю перейти к делу — вам небезопасно находиться здесь в столь поздний час.

Седрик был сыном местного алхимика и с самого раннего детства близким другом Сарвилла. Приветлив, честолюбив и опрятен. Когда ему исполнилось шестнадцать, он согласился продолжать семейное дело и уже к настоящему времени неплохо изготавливал ядовитые масла для стрел и мечей, зелья различных видов — галлюциногенные, лечебные, отравленные; но лучше всего у него получалось делать дымовые, взрывчатые и оглушающие бомбы.

— Если ты действительно хочешь помочь, Седрик... Тогда прошу тебя проводить меня до дома Кхолдов. И как можно скорее, мне становится крайне неудобно в этом Богами забытом месте.

Алхимик отхлебнул из кружки светло-оранжевой жидкости и поморщился.

— Дело в том, что Сарвилл не появится дома сегодня. Но я клянусь честью, что передам ему ваше послание слово в слово завтра, при первой же возможности.

— Не появится дома до завтрашнего утра? — королева переспросила собеседника, и тот утвердительно закивал. — Это очень важно! Завтра будет поздно.

— Да что стряслось, раз сама королева снизошла в глубины Медвежьего квартала? — беловолосый понял, что сказал это слишком громко, но никто вокруг, кажется, не расслышал.

— А то, что, если ты не перестанешь упрямиться и сейчас же не скажешь мне где странник, завтра его возьмут под стражу, а через несколько месяцев казнят. Ему нужно было уезжать из города еще вчера! Ты должен знать, как мы можем с ним связаться!

Наконец глаза алхимика округлились от понимания серьезных намерений королевы.

— Да в чем дело? Мы виделись с ним несколько часов назад, и тогда и намека не было на то, что ему придется неожиданно уезжать.

— Нет времени, Седрик! — нетерпеливо процедила королева. — Ты поможешь или

нет?

— Ладно, раз Сарвиллу в любом случае придется покинуть Дастгард... — алхимик взял паузу и вцепился губами в кружку. — В это самое время, пока вы рискуете здесь своей жизнью и жизнью своего ребенка, странник у стен замка решает, как и когда ему будет лучше ворваться в королевскую сокровищницу и прихватить оттуда пару дорогостоящих безделушек. А так как Берложьи ворота вот-вот закроют, то, судя по всему, он вернется домой не раньше завтрашнего утра, с первым скрипом этих самых ворот.

Если бы плащ королевы обладал свойством менять цвет, реагируя на ситуацию, словно хамелеон, он окрасился бы в цвет красной зари. Антину захлестнула ярость. Алхимик сделался блее пены, что медленно высыхала у него на губах.

— Если вам станет легче, то он делает это не ради развлечения, а для вполне конкретных целей. — Седрик попытался сгладить ситуацию, все еще неловко, то и дело, губами приликая к краям своей кружки.

— Мы обсудим это позже, а теперь скажи, как нам добраться до него раньше, чем это сделает стража?

— Будем искать в окрестностях Шаарвиля. Я пойду с вами. Но нельзя терять ни минуты. Где вы оставили своего коня?

— У ворот.

— Тогда поторопимся. — Седрик поднялся с места и расторопно зашагал между столиков к выходу, королева держалась за ним.

На улице смеркалось. На небе уже висел полумесяц, раскидывающий вокруг себя грозди звезд в созвездия. Туман не рассеивался, и, казалось, весь Медвежий квартал охмелел вместе со своими жителями.

Едва выйдя из «Берлоги», Седрик чуть не запнулся об распластавшегося на земле мужчину, который не сумел вовремя остановить свою тягу к медовухе и теперь неторопливо ждал, когда кровь очистится, чтобы вновь воспользоваться гостеприимством медведей. Королева с алхимиком аккуратно перешагнули через голову пьяницы, наступив во что-то, смешавшееся с грязью, густое и липкое.

— Прибавьте шагу, Ваше Величество, — проговорил Седрик, когда они преодолели половину пути, — иногда ворота закрывают раньше положенного.

Королева промолчала, но двигаться они явно стали быстрее.

— Ночи еще не прогрелись, — не замолкал беловолосый. — Да и вряд ли это случится раньше наступления Солнцестояния. Вы предусмотрительно тепло одеты. А вот я опять оказался не слишком дальновидным.

— Если для того, чтобы согреться, тебе нужен мой плащ, медведь, то извини, мне он нужен для куда более важных целей.

— Я даже не думал...

— Мне сложно сейчас сосредоточиться и вести светские беседы, — перебила спутника королева, — Давай поскорее убираться отсюда. Темнеет прямо на глазах.

Где-то позади раздался собачий визг. По левую руку от них, за двухэтажной лачугой слышались голоса, пытавшиеся перекричать друг друга в каком-то споре. С противоположной стороны, слышались крики, вырывающиеся прямо из семейной ссоры, где мужской и женский голос упорно что-то доказывали друг другу на фоне детского плача, а следом до них донеслись звуки разбивающейся глиняной посуды.

Под ногой Антины хрустнула сухая ветка, заставив притаившегося в тени ворона,

внезапно замахать крыльями и взлететь. Королева вздрогнула. Если бы она была в замке, среди безопасных каменных стен, даже неожиданный волчий рев не напугал бы ее, но сейчас, в сумерках Медвежьего квартала, где слово закон было написано с маленькой буквы, а его границы размыты, каждая часть ее тела была напряжена до предела.

— Бурлящая бездна! — выпалил Седрик, — Кажется, ворота уже закрыты...

Они добежали до массивных дверей. Алхимик вцепился в огромную железную ручку и несколько раз дернул изо всех сил.

— Бесполезно, — он пробормотал себе под нос, — теперь их не откроют до самого утра.

— С той стороны есть стража, сейчас я докричусь до них.

— Не надо! Там нет никакой стражи. Вы только привлечете ненужное внимание. — Седрик огляделся. — Вам стоит почаще выходить в город, моя королева. Может тогда вы будете знать, что никто и никогда не стережет тут по ночам.

Ночь полностью опустилась на город. Света факелов вдоль стены, огораживающей Медвежий квартал от остального Дастгарда, и на стенах некоторых домов, хватало только на то, чтобы с легкостью разглядеть собравшихся вокруг огня светлячков.

— Выходит, вы переночуете сегодня здесь, — алхимик погладил пояс, на котором висели маленькие баночки с красной, золотой и серой жидкостью. — А я попробую перелезть через стену и отправиться в Шаарвиль, чтобы предупредить Сарвилла.

— Где это здесь? — Антина кинула на него испуганный и, одновременно, удивленный взгляд.

— В лачуге Кхолдов. На случай, если мне не удастся его найти, а он каким-то образом вернется обратно еще до зари. Тут мы точно не прогадаем.

Королеве хотелось поспорить, но она понимала, что это логичное и правильное решение. Перелезть через каменную стену, даже если бы она была еще на первом месяце беременности, было ей не под силу.

— А если меня не пустят на ночлег? — она интуитивно обхватила руками живот.

— Моя королева, не забывайте, где вы находитесь. Вас пустят переночевать, даже если вы постучитесь в первую попавшуюся дверь.

Антина безмолвно согласилась. Ее тут же посетила целая тысяча мыслей о том, заметит ли ее отсутствие король и какие действия предпримет. Свет от факела, рядом с которым стояли королева и медведь, падал на землю и охватывал совсем небольшой клочок в то время, как за пределами этого освященного пространства блуждала непроглядная тьма, вплоть до следующего такого же источника света.

— Вы готовы остаться здесь на ночь, Ваше Величество? — Седрик поднял брови и слегка наклонил голову. — Нам все еще стоит спешить.

Королева не успела ответить, как из темноты послышались хлопки, такие, какими обычно одаривает король своего любимого шута за не очень удачное выступление — вялые и равнодушные.

— Ваше Величество? — ладони, показавшиеся из темноты, продолжали ударяться друг о друга. — Моя королева? Какая удача, так сказать!

Из темноты появилось лицо, с длинной неухоженной и черной как зола бородой.

— А я еще в корчме подумал, так сказать, кто будет так тщательно скрывать свое лицо, если не какая-нибудь важная птица, так сказать. И никак до меня не доходило, чем вообще может завлечь это убогое место кого-то вроде вас, госпожа, но потом я стал более чутко

внимать вашей беседе и, так сказать, выведаль истинную причину такого редкого явления простому люду.

Седрик молча уставился на чернобородого, положив обе руки себе на пояс. Антина и не думала отмалчиваться за спиной у алхимика.

— К делу, — сказала она властным тоном, как и подобает королеве Дастгарда. — Говори, что тебе нужно и ступай по своим делам, незнакомец. Быть может тогда, на рассвете за тобой не явится отряд королевских паладинов, а пустых темниц в столичной тюрьме останется то же количество, что и сейчас.

— Королева под моей защитой, — добавил Седрик, напыжившись как кот перед дракой, — ступай своей дорогой, медведь. Выполняй королевский приказ.

— Алхимик, — бородатый выставил перед собой руки, призывая сохранять спокойствие и продолжил неприятным скрипучим голосом, — не стоит волноваться, я же не какой-то глупый бандюга или головорез, так сказать. У меня есть вполне четкая цель.

— Не думаю, что ты хочешь угостить нас ужином и предложить ночлег. Ступай подобру-поздорову.

Незнакомец рассмеялся.

— Ты хорошо меня знаешь, хоть наши пути и не часто пересекались, так сказать. А теперь слушай меня внимательно, жирный недоросток. — Тон медведя изменился и стал серьезным и угрожающим. — Я прекрасно осознаю, что королева не окажется еще ближе ко мне за всю мою жизнь, и я не был бы сыном своего отца, если бы этот шанс не использовал, так сказать. Но вот я еще не решил, как? — он снова повеселел в голосе. — Сейчас мы все вместе сядем вокруг нашей важной персоны, так сказать, и придумаем, как нам на этом хорошенько заработать. Уверен, что ты, Седрик, от золота не откажешься, а? Ты же не такой повернутый, как все остальные в этом проклятом Богами квартале?

Седрик вспомнил незнакомца. Тот с пособниками часто заходил в его лавку и набивал карманы жидким Зеленым Илом. Теперь алхимик понял, что лекарство нужно было, чтобы зализывать раны после грабежей. Он также помнил, каким человеком был Филин до того, как встал на скользкую дорожку, связавшись с контрабандистами с Солнечного побережья.

— Я понял, к чему ты клонишь, Филин, — сказал он, все еще насупившись, — и последний раз предупреждаю тебя — разворачивайся и уходи своей дорогой, иначе кончишь как твой отец — быстро и бесславно.

Глаза Филина наполнились кровью и широко раскрылись.

— Если я пришибу тебя здесь, как назойливого комара, а твой старик вдруг отбросит коньки, то в Медвежьем квартале, не останется алхимиков, а это, так сказать, проблема...

Несколько секунд все молчали. Бородатый пригладил свои волосы, а потом обошел вокруг королевы и ее спутника, в конечном итоге противно загоготав.

— Вот оно в чем дело! — он говорил сквозь смех. — Вот почему алхимик вдруг смелее тигра сделался. Ребята, слышите не, если стоять на их месте, так сказать, вас вообще не видать. Ни капельки не видать, так сказать. Хоть поссал бы кто-нить из вас ради приличия, чтобы наша дорогая королева и ее тело, так сказать, хранитель, по журчанию поняли, что вляпались по самое «не хочу», и я не один тут такой смелый на первую госпожу королевства покусился. А вы еще, как крысы затаились! Подойдите-ка поближе, я хочу, чтобы они увидели твою уродливую улыбку, Гелик, и хоть на секунду засомневались в своем превосходстве.

На свет ступили пятеро мужчин. Все были разные — здоровые и худощавые, бородатые

и лысые, потрепанные и ухоженные. Седрик понял, кого главарь назвал Геликом — одноглазого мужчину, с уродливо сросшейся кожей, неприкрытой, как полагается, черной повязкой, вместо потерянного глаза. Рот у него, по-видимому, когда-то был разорван вдоль левой щеки, а потом рана криво срослась, оставив ужасающий образ этого бедолаги на растерзание страшным историям, которые были призваны пугать непослушных детей в Медвежьем квартале. У каждого из сообщников Филина в руке была деревянная дубина с вбитыми в нее гвоздями. От волнения на лбу алхимика выступил пот.

— Теперь, когда, так сказать, карты раскрыты, мы можем более структурированно продолжать наш разговор. Или как там правильно говорится, Гелик? — Филин обратился к уроду.

— Не знаю. Говорится на вроде того как-то. Правильно вроде вообще-то, — ответил одноглазый и показал несколько сломанных гнилых зубов.

Королева решительно сняла с головы капюшон и окинула всех присутствующих высокомерным взглядом.

— Давайте вместо алхимика с вами подумаю я и, быть может, подскажу, что же вам сделать со столь удачным уловом и как на нем хорошо заработать, да еще и сохранив при этом свои никчемные жизни. — Она сделала несколько осторожных маленьких шагов навстречу бандитам, сняла с руки обручальное кольцо и кинула под ноги главному. Бородатый без особого интереса посмотрел на перстень. — Это все, что у меня есть с собой. Кольцо стоит целое состояние, вам на шестерых хватит, чтобы дожить до счастливой старости.

— От она — королевская щедрость, так сказать, други, — он поднял кольцо и спрятал его в карман выцветших штанов, — но как же нам поделить колечко-то? Распилить прикажете или как, Ваша Милость?

Королева вздохнула.

— У вас есть два варианта. Первый, вы забираете кольцо и исчезаете, чтобы ваш король не покарал вас за проявленное невежество. — Антина спрянула руки, до локтей, в рукава своего плаща. — И второй. Вы можете убить меня, но, в этом случае, завтра же королевские паладины сметут Медвежий квартал, вместе с вами в придачу, с лица земли и никому от этого легче не станет. Будь у меня такой выбор, я бы пошла по первому пути.

Разбойники зашептались друг с другом. Но Филин не стал дожидаться решения.

— Есть, так сказать, смысл в ваших словах, моя королева, — задумчиво произнес он, — мы вас отпускаем. Ваш совет пришелся мне по душе, так сказать, но и вы позвольте мне ответить услугой за услугу, как у нас принято, и тоже дать вам совет напоследок — если королевские паладины все же заявятся сюда, поверьте, Ваше Величество, алхимик первым из всего медвежьего выводка отправится на тот свет...

Королева облегченно выдохнула, слегка кивнув головой в знак понимания. Она и не думала отправлять рыцарей, даже если бы королю вдруг стало не все равно на то, что здесь творится.

— Постой Филин, — заскрипел одноглазый Гелик, — отпустим ее, и нас завтра же найдут, говорю тебе, а нашими бошками украсят Штурмплац. Она видела наши лица, да и он тоже. Грохнуть их надо и дело с концом.

Седрик уже долго готовился к атаке, но все это время ждал подходящего момента, и только нерешительное молчаливое согласие главаря со словами одноглазого стало для него сигналом к наступлению. Не дожидаясь ответа потому, что, итак, всем все стало ясно, он

выхватил с пояса бутылочку с золотой жидкостью и кинул под ноги разбойникам. Как только та разбилась, из самых недр земли, которая только что была набита пучками сорняка и покрыта твердым утоптаным слоем, вырвалось яркое слепящее пламя. У двух разбойников тут же вспыхнула одежда, а они сами неуклюже повалились на землю и принялись извиваться точно выброшенная на берег рыба, в надежде потушить настигший их огонь.

Филин замахнулся, целясь королеве в голову десятком вбитых в дерево гвоздей, но та успев подставить руку, услышала, как под разодранной кожей хрустит кость, потеряла равновесие и начала падать, сильно ударившись о ворота позади. Алхимик понял, что теперь настала его очередь и орудие, сразившее супругу Рогара Вековечного, сейчас полетит в его сторону.

Седрик не славился быстрой реакцией, но в этот раз успел среагировать — наклонился, и дубина запоздало просвистела над беловолосой головой. Он не растерялся и, воспользовавшись выигранным преимуществом, со всей силы ударил атаковавшего в челюсть — удар получился не смертельный, но этого импульса хватило, чтобы бандита отнесло назад, и тот, запнувшись о торчащий из земли валун, грохнулся на спину. Теперь у алхимика появилось несколько секунд на то, чтобы перехватить инициативу. Он оценил ситуацию и с беспокойством для себя отметил, что остальные разбойники уже направляются в сторону Антины и, если немедленно не предпринять каких-либо действий, Дастгарт лишится своей королевы.

Он снял с пояса бутылку с серой жидкостью, интенсивно пульсирующей внутри стеклянного сосуда, и со всей силой кинул его в сторону королевы. Стекло разлетелось во все стороны, а густой дым, вырвавшийся на свободу, заполнил пространство вокруг Антины, въедаясь в глаза атаковавшим ее медведям. Испугавшись едкого неизвестного дыма одноглазый Гелик, Филин и еще один из бандитов, тот, что уже успел подняться на ноги, решили сперва разобраться с алхимиком, а уже потом прикончить Ее Величество. Размахивая дубинами, они двинулись в его сторону. Один удар и все, ему даже нечем будет отбить его — с этими мыслями Седрик попятился назад и остановился лишь тогда, когда уперся спиной в ствол дерева.

Припасенная напоследок бутылочка с красной жидкостью, которая пенилась внутри сосуда, словно это был бурлящий водопад в миниатюре, все еще висела на поясе алхимика. Он снял ее и, приготовившись к броску, зафиксировал в руке. Теперь важно было дождаться подходящего момента. Чуть раньше или чуть позже и бандиты одержат верх, бесславно забив до смерти сначала его самого, а затем и королеву и, как говорится, справедливость не восторжествует. Точнее восторжествует, но та справедливость, которая считается таковой только в глазах изгнанников, беззаконников и противников существующих законов и текущего положения дел.

Медведи подходили все ближе, переглядываясь и противно улыбаясь друг другу и своему противнику. Седрик, наконец, решил, что пора и кинул сосуд под ноги наступавшим — бутылка пролетела мимо цели и разбилась вдребезги между двумя разбойниками и шедшим позади Филином. В месте, где разлилась красная бурлящая жидкость, земля поменяла оттенок и будто бы начала закипать. Камни, которые лежали здесь ни одно столетие, включая тот самый валун, о который запнулся один из медведей чуть раньше, а также пучки травы, что беззаботно росли тут круглый год — все, что находилось на этом клочке земли, засосала бурлящая жижа.

Бандиты обернулись на звук плавающей земли и довольно захохотали, восторгаясь изобретательности алхимика и одновременно своей удаче. Седрик уже смирился с тем, что вряд ли ему удастся остаться в живых в этой смертельной схватке и предпочел использовать шанс спасти королеву, прославив родной квартал на всю Дордонию. Он самоотверженно бросился на бандитов и столкнул их в бездну, чудом, а может просто благодаря своему весу, устояв на самом краю. Первый сразу упал в самый центр болота и пошел ко дну, а одноглазый с большого размаху успел ударить по еще твердой земле и, чудом вцепившись торчащими из дубины гвоздями, повис на краю пропасти. Алхимик со всех сил принялся пинать его по рукам, пока пальцы разбойника не ослабили хватку и не уползли в болото.

В это время Филин окликнул Седрика срывающимся от отчаяния голосом. Когда алхимик повернулся, то увидел, что медведь приставил нож к горлу королевы.

— Что ты наделал? — орал он, несмотря на то, что тихие безлюдные улочки Медвежьего квартала спали в тишине и разносили его крик на несколько саженей вокруг. — Что. Ты. Наделал. Брат медведь?!

Он рукавом стер слезы с перепачканного грязью лица.

— Если ты хотел разозлить меня, алхимик, у тебя получилось! — он опустил лицо, а когда поднял его вновь, на нем не осталось ни капли сочувствия к своим друзьям — теперь там была гримаса ярости и злобы. — Меня будут славить все преступники Дастварда за то, что я смог, так сказать, собственноручно, прикончить...

Филин не успел закончить фразу. Вдруг у него изо рта выступила густая кровь, а лицо стало безнадежно удивленным и равнодушным. Антина с усилием повернула кисть вправо, и теперь кровь целым потоком хлынула на землю, обегая осколки и впитываясь в разрыхленную поединком почву. В руке королевы сверкнул отливающий золотом эфес кинжала, украшенный ярко-красными рубинами.

Седрик подбежал к королеве и стащил с нее бездыханную тушу медведя, затем подал ей руку и помог подняться.

— Обычное дело в этих местах, Ваше Величество, — с проблесками ликования в голосе сообщил он. — Вам срочно нужно обработать руку, моя королева. Пойдемте в дом Сарвилла. Скорее, пока вы не потеряли еще больше крови.

Антина положительно кивнула. Ее опустошённый взгляд все еще был направлен на торчащую из земли руку, кисть которой застыла в нескольких дюймах над поверхностью с клочком вырванного мусорного клоповника в ней.

\*\*\*

— Матушка, — алхимик стоял на пороге перекошенной лачуги, походившей на небольшое морское судно, взявшее курс на правый галс, и держал под руку незнакомку в длинном плаще, — нам нужна ваша помощь. Пожалуйста.

Пожилая женщина с седыми, собранными в пучок на макушке, волосами и не думала отказать. Она с возбужденным видом раскрыла дверь шире и помогла гостям добраться до кровати.

— Что случилось, Седрик? Где Сарвилл? Почему он не с тобой? — спросила она и испугалась, увидев полосу из капель крови, тянущуюся с улицы вслед за гостями.

— Матушка, — отдышался алхимик, — кажется, Сарвилл вляпался в неприятности. Подайте, пожалуйста, ткань, нужно перетянуть руку королеве. То, что я наложил сразу, никуда не годится. Вероятнее всего, это открытый перелом. Ну, ничего. Сейчас мы остановим кровь, потом обработаем, и оглянуться не успеете, как рука станет как новая. Эх.

Легко отделились, Ваше Величество.

Антина скинула с лица капюшон и, слегка наклонив голову, поприветствовала ошарашенную мать странника. Берта упала на колени и уронила голову к ее ногам, протянув кусок ткани перед собой, не поднимая глаз.

— Ваше Величество, простите меня, я совершенно не знаю, как себя положено вести в... вашем присутствии... — бормотала себе под нос старушка.

— Пожалуйста, поднимитесь. Первая помощь сейчас мне гораздо важнее прелюдий... — Королева прервалась и схватилась за большую руку. — Обычного приветствия было бы достаточно, Берта, — она мягко улыбнулась хозяйке.

— Конечно, конечно, конечно... — заладила повторять Берта, бегая по хате с другими поручениями алхимика. — Это все?

Седрик разложил на кровати куски ткани, перед собой поставил корыто с водой и опустил в печь лезвие стального меча странника. Это был первый меч Сарвилла. Он висел в доме уже много лет и служил сейчас больше добытым в кузне трофеем, нежели оружием — честно сказать, то и настоящего боя этому клинку не удалось повидать.

— Ваше Величество, нужно снять плащ. И зажмите зубами вот это, — он протянул королеве небольшой деревянный брусок.

Старушка помогла гостье освободить раненую руку и спустить на пол плащ. На королевском бедре висел тот самый кинжал, который отправил Филина на тот свет. Здоровой рукой Антина отцепила ножны и кинула к остальным вещам.

— Кажется, перелом закрытый. Кровь бежит из колотой раны, — рассуждал алхимик, проговаривая каждое слово медленно и пытаясь аккуратно нащупать место перелома. Он взял один из кусков ткани и сильно перетянул выше локтя. — Сначала надо вправить кость. Матушка, у вас остался отвар из Зеленого Ила?

— Конечно. Я сейчас, минуточку, минуточку... — женщина скрылась в другой комнате.

— Отвар из Зеленого Ила? Что это еще такое? — забеспокоилась королева.

— Не бойтесь, — алхимик улыбнулся, — я знаю свое дело. Этот отвар заглушит боль и поможет вашему телу быстрее восстановиться. Он оказывает то же действие, что и Чистолоб, только гораздо эффективнее. И, кстати говоря, это мой собственный рецепт, поэтому если вам в замке понадобится настоящее лечебное средство я с радостью изготовлю его для вас.

Когда флакон оказался у нее перед носом, королева залпом выпила все содержимое. На вкус лекарство сильно напоминало крепкий тууринский чай — вязало во рту и проясняло голову. Седрик дождался, пока королева зажмет зубами брусок и дернул ее за руку — резко и сильно, и почти без предупреждения. Капли пота выступили у нее на лбу, а крик получилось заглушить волевым протяжным стоном. Не теряя времени, алхимик прижег самую крупную из кровоточащих ран, заставляя королеву повторить свой волевой подвиг.

— Что случилось, Седрик? — Берта задала вопрос, не дожидаясь пока алхимик до конца обработает и перевяжет раны.

— Ничего, что стало бы для нас неожиданностью. — ответил он. — Прошу, позвольте королеве переночевать в вашем доме.

— Ты что? Конечно. — запричитала старушка, обиженная вопросом. — Это, само собой разумеется.

— А я отправлюсь за Сарвиллом и как можно скорее верну его домой. А вы пока соберите дорожный мешок, матушка. Положите туда больше еды и одежды. И карту! Самое

главное карту, а то вместо великого приключения он упрется в Расколотый Хребет, а тамошние великаны от него и места мокрого не оставят, — сказал алхимик и ощупал перевязанную руку королевы. — Держится как надо. Теперь только ежедневные перевязки, а также покой и отдых.

— Великое приключение? Расколотый Хребет? О чем ты, Седрик? — старушка не смогла продолжить, слезы навернулись на ее глазах, а голос задрожал.

— Матушка, Ее Величество все вам расскажет. А мне стоит торопиться. Позаботьтесь о королеве.

Алхимик неуклюже поклонился женщинам и испарился в дверном проеме.

Берта двинулась на другую сторону комнаты. Молчание, которое повисло здесь после ухода Седрика нарушалось лишь шорканьем тапок пожилой женщины по полу и ее тяжелым сопением. Она подошла к старому шкафу, вытащила оттуда, кувшин и, наполнив кружку молоком, подала ее гостю.

— Прошу вас. Ни что так не восстанавливает силы, как стакан живого молока.

— Благодарю, но меня совсем не мучает жажда. Вы и так сделали слишком много, — ответила Антина.

— Вас нет, а ребенка мучает. Сейчас я подам лепешек. Ваше дитя наверняка проголодалось. Не позволяйте вежливости заморить своего будущего ребенка голодом.

— Ваше Величество, — добавила мать странника после того, как ее выкинуло в реальность из мимолетных переживаний о сыне.

Королева, молча, сдалась и поплелась к столу. Она понимала печаль старушки и безгранично сочувствовала ей — возможно, из всех, кто знал странника, только Антина точно осознавала, что это его последняя ночь в Дастгарде и на следующее утро, все кто когда-либо считал его другом, сыном или братом надолго расстанутся с ним. Иначе... иначе для них медведь будет вообще безвозвратно потерян.

Рука королевы уже почти не болела. «Этот отвар поистине волшебное средство. Интересно, сколько талантливых людей прозябает в Медвежьем квартале, которые были давно способны помочь Неймерии шагнуть на следующую ступень развития?»

— Мои лепешки с медом должны прийтись по вкусу вам и вашему будущему ребенку. — сказала Берта, сорвав с еще теплой стряпни полотенце. — Будьте добры, угощайтесь.

Королева и правда проголодалась. С того момента как она покинула замок прошло уже больше шести часов, но аппетит появился только сейчас — когда воспоминания о минувшей схватке развеялись, а напряженные мышцы всего тела вернулись в покой. Она принялась уплетать одну лепешку за другой, и была готова поклясться всеми известными Богами, что в жизни не ела ничего настолько вкусно пахнущего и тающего во рту.

— Ваше Величество, — мать странника, наконец, решилась вновь заговорить, — моя голова забита вопросами и пусть вы ничем мне не обязаны, я прошу вас ответить на них. Я уверена, что материнское сердце поймет сердце матери сына, который попал в историю, имеющую только один выход — навсегда исчезнуть из жизни близких людей. Молю вас.

Тогда-то королева и рассказала бедной старушке все, что знала сама. Она упомянула, что странник и серебряноволосая принцесса тайно встречаются в Шаарвиле уже много трилуний, поведала о том, что королевская чародейка решила судьбу ее сына и теперь он тот человек, за которым идет сам король и, к сожалению, речь будет идти не о том, чтобы присвоить ему знатный титул. Она рассказала о том, что судьбу медведя решил Совет Тринадцати и о том, что смертный приговор в отношении него вынесен заведомо. А вся эта

длинная история закончилась на том, что Антина объяснила, в каком направлении так торопился Седрик — странник вознамерился обокрасть королевскую сокровищницу тем самым, давая возможность паладинам убить его на месте преступления, не дожидаясь формальностей.

— ...король будет только рад, что медведь сам ступит в капкан, — закончила королева и отложила еду в сторону, не сумев больше съесть ни крошки.

Берта не могла произнести ни слова. Она сидела неподвижно, а слезы катились по ее щекам.

— Зачем Сарвиллу понадобилось золото, Берта? — спросила Антина, дождавшись пока пожилая женщина успокоится.

— Диодора... Моя дочь. Она... Она лежит там. — мать странника указала на занавешенную старыми простынями часть комнаты, где маленький огонек от свечи выплясывал неподдающийся ни одному из описаний танец. — Диодора тяжело больна, в конце Расцветания ей исполнилось бы шестнадцать... — она осеклась, но не произнесла больше ничего.

— Боги! — выпалила Антина и запрокинула голову, уставившись в потолок, покрытый копотью и золой. — Почему они молчали? Я завтра же распорядусь оказать всю возможную помощь.

— Не вините их, моя королева. В Дастгарде каждый день умирают люди, а другим горожанам всегда, по большому счету, это безразлично — будь то ребенок или отживший свое старик. А что касается помощи королевской семьи — вы знаете Его Величество короля Рогара лучше остальных... От того принцесса и не призналась. Моя же ошибка заключилась в том, что Сарвилл понимал, что я любой ценой удержу его от дурных мыслей и всеми силами призову к бездействию...

— Ценить то, что имеешь, и каждое мгновение душишь в себе желание пойти на риск в силу достижения больших целей — тоже искусство. Сегодня вы спасли мне жизнь, дав крышу над головой и не позволили умереть в эту темную ночь, я хочу отблагодарить вас за это...

Королева не закончила — из-за навеса послышался грохот, и старушка, вскочив словно испугавшаяся резкого звука спящая кошка, забежала за него. Антина вошла следом. То, что она увидела, нельзя было описать словами. Невозможно было бы пересказать ту мрачную и одновременно спокойную картину, которую она увидела в отделенном от всего остального мира пространстве. Здесь на полу лежал опрокинутый табурет, а вокруг блек свет догорающих восковых свечей.

Молодая девушка с веснушками на щеках, лежавшая в кровати, была укрыта широким одеялом из овечьей шерсти. Она беспокойно сопела и моргала своими красивыми и влажными от боли голубыми глазами. «Значит это и есть Диодора», — подумала королева и замерла в исступлении.

Берта села на край постели — одной рукой она взяла руку своей дочери, а второй потянулась к глиняному горшку, стоявшему на полу.

— Т-с-с-с, моя хорошая, т-с-с-с, — повторяла старушка, доставая из горшка мокрую ткань. Она поднесла ее ко рту Диодоры и неспешно начала сжимать кулак. Маленькие капли воды текли по ее пальцам и падали на губы больной медведицы.

— Черный Палач... Диодора была здоровым ребенком. Еще маленькой она всегда убегала с рассветом и прибегала затемно — все носилась по улицам с каким-то дворовым

псом, имени то которому так и никто не дал. Росла не по дням, а по часам, а любознательная была... Всегда вопросов задавала столько да таких, что ты и сама порой не знала, у кого ответа найти. А улыбки прекрасней я в жизни не видела, клянусь Касандрой... Однажды прибежала дочка домой как ни в чем небывало, уселась ужинать и тут то все и началось — дыхание у нее прихватило, девочку затрясло так словно вулкан какой проснулся прямо под боком, а глаза закатились. Как упала она тогда, так с тех пор и лежит, неподвижно. Слава Касандре, что оставила ей возможность дышать. Только поэтому и жива еще...

После того, как медведица с трудом проглотила последнюю каплю, стекшую с руки матери, Антина сделала несколько шагов вперед, чтобы разглядеть девушку лучше. Красивое бледное лицо, застывшее в гримасе отчаяния, глядело на королеву грустным и опустошённым взглядом.

— Здравствуй, Диодора! — произнесла она и села на место матери.

Девушка несколько раз хлопнула глазами, пытаясь что-то сказать.

— Не нужно. Не пытайся ответить мне. Я не знаю, какой болью тебе дается каждая такая попытка заговорить, могу лишь попросить тебя об одном — не надо. Я все скажу сама — за нас двоих. — она взяла ее за руку. — Я не могу представить твою боль, девочка. Я знаю, что ты бы с легкостью сдалась в объятия смерти, лишь бы эти мучения прекратились. Я знаю, как тебе хочется сейчас проснуться и понять, что все это лишь сон. Я точно знаю, ты согласилась бы уместить все эти дни, проведенные в агонии, в один короткий час, только бы всё навсегда закончилось по истечении последней в нем минуты. — Она на мгновение замолчала, наклонилась ближе к лицу девушки и зашептала. — Ты должна бороться, слышишь? Ты можешь бороться! Иначе умерла бы сразу! Твои мучения — это признак того, что твое тело не умирает, а хочет жить. Оно и не сдастся, если дух в нем, как и прежде останется силен.

В глазах молодой медведицы что-то поменялось — теперь она смотрела на гостью более уверенным взглядом. Если бы Антина не попросила ее молчать — она возможно бы закричала в ответ, доказывая волю и желание бороться. Но сейчас Диодора просто моргнула, а через несколько минут погрузилась в сон.

\*\*\*

В королевскую сокровищницу Шаарвиля можно было попасть, минуя тронный зал, кухни и несколько больших залов для приема гостей. Она надежно охранялась днем и ночью, но имела ровно столько слабых мест, сколько стражников стояло возле ее дверей в карауле круглые сутки. Самым сложным для странника представлялась как раз возможность проникнуть в тронный зал, а оттуда уже было «раз плюнуть» — вырубить стражника, взять необходимое золото и незаметно улизнуть, скрываясь от глаз королевских паладинов, гарцующих по округе в вечном ожидании погони.

Сегодня тени слуг на стенах помещения, где король, по обыкновению, собирал советы и устраивал радушные приемы высказывали еще более неожиданно чем обычно, сопровождая свое явление еще более резкими стуками каблуков, как будто в действительности поджидали какого-то незваного гостя и желали поймать того с поличным.

«Значит, примерно в это время здесь уже никого не бывает...» — подумал медведь, когда прошло достаточно времени после того, как ушла последняя служанка. «Забыли закрыть ставни! Завтра так может и не повезти... Какой смысл сидеть тут всю ночь и воображать, что я буду делать завтра, когда вот она сокровищница — еще чуть-чуть и будет как на ладони? А обратно уж как-нибудь выберусь!»

С этими мыслями странник затаился снаружи. Он осторожно выглядывал из-за стены, поджидая момента, чтобы запрыгнуть в окно и перекатиться за трон, чтобы затем прокрасться вдоль стены, скрывшись за комплектом доспехов короля, которые показательно были здесь выставлены и начищены так, что блестели ярче дневного солнца, когда огонь освещал это место — благо все свечи сегодня уже задули и панцирь лишь лениво переливался отражениями факелов снаружи. Важнее всего сейчас было оставаться в тени и сохранять инкогнито до конца, иначе первый же прислужник короля поднимет такую тревогу, что медведю будет уже не договориться — чем Рогар и мог похвастаться это верными подданными в своем окружении.

«Какой там! Эти подхалимы и мать собственную сдадут, лишь бы сам Рогар Вековечный погладил их по голове и позволил сидеть с ним за одним столом!»

Сарвилл неприятно осклабился и проделал все задуманное от начала до конца: нырнул в окно, отсиделся за троном, прислушиваясь к звукам из смежных помещений, пробежал вдоль стены и, выждав немного времени за горой королевских доспехов, уже вглядывался сквозь мрак кухонь в следующий зал, пройдя который, он должен был оказаться на полпути к заветной сокровищнице.

В пути через кухни странник едва успел зажать нос, чтобы не вдохнуть полной грудью запаха гнилой рыбы, вареного лука и какой-то приправы, которой сегодня заправляли печеных поросят; запнулся об оставленное посреди коридора ведро, но, мгновенно отреагировав, удержал его и вода, наполняющая сосуд до краев не пролилась наружу. Выдохнул. Дальше была гостиная. Начальник королевской стражи, сам того не подозревая, сослужил медведю добрую службу, приказав солдатам нести дозор в доспехах — каждое передвижение караульных теперь можно было уловить по глухому отзвуку железных лат, ударяющихся о мраморный пол и разносящих предупреждение о своем приближении на многие сажени вокруг. Так Сарвилл преодолел еще три зала для гостей и оказался в нескольких шагах от сокровищницы.

У входа в нее неподвижно стоял королевский рыцарь. Теперь страннику предстояло буквально на счет три сделать так, чтобы тот потерял сознание и не завопил на весь Шаарвиль — одно неверное движение и все пропало. Единственное, о чем жалел медведь, это о том, что не взял с собой никакого подручного средства, которое сейчас хорошо бы помогло ему одолеть предпоследнее препятствие на пути.

«Была, ни была. Сначала выбиваю меч у него из рук, потом сильно бью в челюсть снизу, в незащищенное место, а потом перехватываю сонную артерию. Все просто. Вперед».

Удар по рукам стражника, тем, что сжимали эфес меча, острие которого упиралось в пол, пришелся какой надо. Караульный явно не ожидал внезапного нападения и даже не думал держать свой клинок крепче — сталь лязгнула, но совсем чуть — Сарвилл следующим же движением одновременно ступил на меч, прижав его к полу, и нанес удар по челюсти стражника.

Мысль о том, что что-то пойдет не так, преследовала медведя с самой затеи сего сомнительного предприятия... Поэтому, когда его удар вышел не таким сильным, каким должен был получиться, а противник не просто устоял на ногах, да еще и с недюжинной силой в ответ оттолкнул воришку, Сарвилл решил следовать плану отступления и бросился наутек пока тот не созвал стражу со всего королевского двора. Пробежав несколько шагов странник остановился, вдруг осознав, что рыцарь и не собирается звать подмогу.

Караульный недовольно мычал и тряс кулаком в его сторону, динамично растирая

второй рукой онемевшую челюсть. Сообразив, что стражник немой от рождения, медведь немедленно развернулся и принял бой, начатый им же самим.

Сначала он пропустил два удара — захватив странника мертвой хваткой, стражник, как следует, врезал ему под ребра, а потом чуть выше — в солнечное сплетение. Дальше немой применил метод, которым немногим ранее желал воспользоваться сам медведь — зашел за спину упавшему на колени воришке и со всей силой начал сдавливать свою руку на горле нарушителя. Сарвилл стал терять сознание — он не успел восстановить дыхание после болезненных ударов, а теперь и вовсе потерял возможность дышать. Бороться было бесполезно — рыцарь был больше и сильнее, а вырваться из его лап было сомнительной затеей, которая бы привела лишь к тому, что тот ненароком задушит его. Просто. Без суда и следствия. Тогда-то странник и смирился с тем, что, досчитав до десяти, отключится, и, если повезет, на утро очнется в городской тюрьме.

Но вдруг хватка стражника ослабла, кровь стала вновь приливать к голове медведя, а туша, навалившись сзади, придавила странника сверху. Прошло достаточно времени, прежде чем ему удалось выбраться из-под бездыханного тела и взглянуть в глаза тому, кто спас его от поражения. Это была Лиана. Но она была не такой, какой он привык ее видеть.

— Я полагаю в таких случаях принято благодарить? — Сарвилл улыбнулся едва заметно и растер кровоподтек на шее. — Благодарю.

— Уходи. — процедила принцесса сквозь зубы. — Немедленно! — и ее слова врезались в озабоченное выражение лица странника, который никак не ожидал подобного изречения из ее уст.

— Что стряслось, Ли? Ты же сама предложила...

— Нет времени рассказывать, вот-вот здесь будет стража. Что касается сокровищницы — ее не существует, Сарвилл.

Она посмотрела в сторону выбитой с петель двери — взгляд странника последовал за ее взглядом. Дверь лежала на полу, а внутри было пусто. Он вошел, оглядываясь по сторонам, и обреченно опустил руки от понимания того, что все было напрасно.

— Сокровищница — легенда. Королевская казна пуста, а если там еще и осталось золото, то оно точно хранится не здесь, — принцесса говорила из-за его спины все тем же непривычно холодным голосом. — Тебе сегодня же нужно уезжать из Дастгарда. Я приготовила все необходимое, включая лучшего скакуна шаарвильских конюшен. Он уже ждет снаружи.

Странник обернулся.

— Но я не понимаю, Ли... Что произошло? Можешь ты нормально сказать, или мы так и будем тянуть время, избегая, по-видимому, каких-то сложных объяснений?

— Люция услышала о каком-то заговоре, в котором ты играешь не последнюю роль. Проще говоря, если ты сейчас же не уберешься из города, то, в конце концов, тебя казнят.

— Ли, ты несешь какую-то чепуху. Проще говоря, ведешь себя как лунатик — ходишь посреди ночи по замку и пугаешь людей. Тебе срочно надо ложиться спать.

Сарвилл не воспринял ее слов даже с малой толикой серьезности, принимая все произошедшее за ее эффектную, но не совсем оцененную им шутку. Принцесса тут же ответила неожиданной и сильной пощечиной, а ее глаза наполнились влагой. Странник тут же поменялся в лице и схватил ее за плечи.

— Лиана, отвечай немедленно, что случилось за те несколько часов, что я не видел тебя?

— Бурлящая бездна! — выругалась она и начала понимать, что с какими бы словами сейчас не умоляла его уйти из замка и покинуть Дастгард, все будет тщетно, пока кроме непонимания между ними будет стоять еще и привязанность.

Перед королевской дочерью теперь стоял тяжелый выбор. Рассказать всю правду тщательно и детально углубляясь во все подробности заговора, потом отпустить в добрый путь, но все еще ждать, что он обязательно вернется за ней и тем самым подвергнет опасности свою жизнь, которая для нее сейчас была дороже своей собственной. Это был трудный путь. Более простым решением оказалось, разорвать с медведем все связи и навсегда попрощаться, ставя его безопасность выше собственных интересов.

— То, что я тебе сказала — правда. Ты когда-нибудь поймешь, а сейчас считай эту информацию моим прощальным подарком.

— Прощальным подарком?

— Ты понимаешь, о чем я. Ты же не так глуп, как остальные медведи? Мы с тобой всегда знали, что наше увлечение когда-нибудь пройдет, и мы разбежимся по своим углам. Это был вопрос времени. У тебя свое место, у меня — свое. Ты же не думал, что сын охотника ровня дочери короля? Иначе я ошибалась на счет склада твоего ума, — ее глаза наполнились жестоким блеском.

— Прекрати!

Оба на время замолчали. Принцесса всеми силами старалась сохранить хладнокровие, но внутри все разрывалось на куски.

— Ты вляпался по самые уши, Сарвилл. — продолжала она, а тактика ее поменялась с жестоких, грубых фраз на жалостливые мольбы. — Не тащи меня в эту пропасть за собой, прошу. Это мимолетное увлечение может стоить мне очень дорого, ты же слышал слова моего отца. Что он сделает со мной, если узнает, что я тайно встречалась с врагом государства? Прощу, ради всего, что между нами было, — уходи и никогда не возвращайся, слышишь!

Странник остолбенел. Он не понимал, почему все это происходит. Почему это происходит здесь и сейчас. Что так напугало принцессу, что ее собственная безопасность стала дороже их отношений? «Может быть действительно, сам не зная того, я вляпался в какую-то паршивую историю? В таком случае, если Рогар узнает, что между нами была связь — он точно воплотит все свои угрозы в отношении Лианы в жизнь. Даже если нет, стоит ли тратить свои слова на ту, которая готова отречься от тебя при виде первой же, хоть сколько значимой преграды?» — подумал он.

— Жаль, что приходится расставаться именно так, — странник перенял отрешенность и сухость принцессы, — Скажи, ты еще что-то чувствуешь ко мне?

— Я никогда тебя не любила, если ты об этом. — сейчас она казалась ему взрослой и рассудительной женщиной, а не импульсивной девчонкой, какой он привык ее видеть. — Если бы ко мне в окно тогда заглянул последний оборванец Дастгарда, шансов проводить со мной время у него было бы не меньше, чем у тебя. Похоже, ты забыл, что отец запрещал мне общаться со сверстниками, и каждый мальчишка был для меня новой невиданной породой попугаев. Мне было интересно, не более. Вот и все. А теперь прочь!

Каждое слово принцессы тяжелым молотом отбивало грузный ритм в его груди. Он прижал ее к себе в последний раз, до сих пор стараясь не верить в то, что все это говорит она, а не ее отец. Лиана держалась из последних сил, чтобы не ответить — ее руки висели неподвижно, но она старалась запомнить каждую секунду этих объятий и не отталкивала

его. «Я сильно люблю тебя! Я безумно люблю тебя, мой милый!» — повторяла она про себя.

Странник чувствовал, как дрожит принцесса, но уже закрылся от нее. Теперь он не мог спросить о причинах этой дрожи. Он больше не мог задать откровенного вопроса, а тем более дать какого-то откровенного ответа. За несколько минут они стали друг от друга дальше, чем в тот день, когда он впервые решил пробраться за стены замка и лично увидеть ту, о которой говорил каждый мальчишка в его родном квартале.

— Ну что ж. Прощай, принцесса.

— Постой! — ее голос дрогнул. Она протянула руку, в которой лежал шелковый мешок, плотно набитый драгоценностями. — Возьми, я достала еще. Здесь должно хватить на ингредиенты.

— Оставь себе, — железный голос громыхнул в ответ.

— Не будь глупцом! Твои обиды ей не помогут, а это поможет. Несмотря ни на что мне до сих пор жаль твою сестру, и я искренне хочу помочь. Возьми! Прошу.

Внутри странника боролись две сущности, но победил разум — то, что находилось в мешке действительно могло помочь и его собственные чувства не имели никакого значения в сравнении с пользой, какую он мог принести, переступив через себя. Сарвилл ударил по руке принцессы, небрежно забирая предложенное.

— Как печально... — Из глубины гостиных комнат послышался неприятный мужской голос, они оба сразу узнали его. Сарвилл видел тень человека, идущего в их сторону.

— Если бы я когда-нибудь решился написать книгу, то обязательно использовал бы этот душераздирающий диалог, — надвигающаяся тень излагала слова спокойно и размеренно. — Нарочно такое не придумаешь, правда, Дориан?

— Истинная правда, Ваше Величество, — ответила тень чуть меньше и размашистей, идущая следом.

Наконец перед входом в лжесокровищницу возникли две четкие фигуры — короля и Хранителя Порядка. Сзади остановился отряд королевских паладинов, укутанных в сталь.

— Чем дальше, тем интереснее, — продолжал рассуждать король. — Моя дочь спуталась с медведем, на которого мы строили большие планы. Моя жена стоит на ее стороне и рискует будущим королевства, доверившись случаю и отправившись туда, куда людям в ее положении вообще ходить без надобности. А самое интересное, что все близкие мне люди вдруг решили оберегать какого-то бродягу, о котором я и не слыхивал до некоторого времени. Откуда ты взялся Кхолд? Ворвался в мою жизнь и вот уже разгуливаешь ночью по моему замку точно узурпатор, пришедший за королевской головой. Пора заканчивать это представление. Отведите мою дочь в ее покои, а оборванца возьмите под стражу! — отдал приказ Рогар Вековечный.

— Никому ни шагу с места! — воскликнула принцесса, остановив королевских рыцарей.

— Я ваш король! — завопил Рогар. — Выполнять приказ!

Отряд решительно двинулся вперед, но вскоре замедлил ход. Лиана уже что-то нашептывала себе под нос и вращением ладоней создавала вихрь, который с каждой секундой становился все больше и даже перестал проглядываться насквозь.

— Остановись, дочь! — король возвел очи горе. — Я запрещаю тебе осквернять наш дом этой мерзопакостной волшбой!

Но принцесса уже не слышала или не хотела слышать своего отца. Она молниеносно дернула ладони вперед, и сгусток воздуха сорвался с места как натравленный на какую-нибудь дичь пес. Вся его свита и сам король попадали на пол, некоторые из них отлетели

далеко назад, по пути ударяясь о стены и обрушивая навесные потолочные люстры. Со стен на мраморные плиты и на людей падали щиты и мечи, служившие украшением коридоров и гостиных залов.

— Уходи! — закричала принцесса страннику, одновременно наколдовывая сильный поток ветра, который не позволял вставшим на ноги приблизиться к ним даже на сажень.

Медведь опустил руку на ее плечо — тело Лианы обдавалось легкой дрожью от напряжения, и было непривычно холодным — некрепко сжал его на одно мгновение, чтобы поблагодарить и рванул в обход короля и его стражи к тому входу, через который ранее попал внутрь.

Спустя несколько больших комнат странник уже не слышал звуков боя, но точно знал, что у него совсем немного времени прежде, чем принцесса ослабеет и больше не сможет удерживать короля. Возможности прислушиваться к звукам шагов караульных теперь не было, поэтому он, почти не останавливаясь, а лишь слегка замедляя ход перед поворотами, выглядывал из-за углов, оценивал ситуацию и словно древнее приведение старого Шаарвиля мчался дальше, скользя по узким коридорам и пустым залам древнего гномьего дворца.

Наверняка вся стража стянулась ближе к месту действия и снаружи остались только патрули, стоящие на карауле у выходов из замка, потому что, добежав до самого окна, через которое медведь попал внутрь, ему не попался ни один из королевских прислужников. Зато, выглянув наружу, он насчитал целую дюжину паладинов, снующих по округе и это только в зоне видимости, а сколько воинов сейчас обнажило свои мечи во всем внутреннем дворе в поисках вора, было страшно представить.

«Досчитываю до трех, и я на свободе. Ловлю момент, когда те два паладина отвернуться от того дуба, выскакиваю через это окно и забираюсь по стволу почти на самый верх. Все. Оттуда по кронам деревьев я уже неоднократно выбирался из замка, сюрпризов точно не будет. Главное, поймать момент сейчас... Поймать... момент... сейчас...»

С этими мыслями странник выскочил в окно и бесшумно приземлился, с другой стороны. Стражники, притаившиеся у стен снаружи, которых он не заметил, немедленно окружили вора и почти одновременно наставили на него лезвия своих мечей. Лязг стали глухим эхом пролетел по саду и привлек внимание остальных слуг Рогара.

— Бездна! — разлетелось в ночи.

Наплевав на осторожность и опасную близость вражеских клинков, медведь оттолкнулся от земли и в прыжке, зацепившись за уступ на стене, принялся ловко карабкаться на крышу. Рыцари запрокидывали головы и выкрикивали проклятья вслед расторопному медведю, потом разбежались в разные стороны, оставив нескольких человек дежурить внизу, на тот случай, если вдруг он решит спуститься обратно. Мешок, висевший на поясе странника, развязался, а его содержимое посыпалось мелкой изморосью на землю. В надежде сохранить хотя бы часть добытого, рука Сарвилла тщетно пронеслась над падающими драгоценностями.

— Проклятье! — вновь выругался он и пополз дальше, расторопно перебирая руками по торчащим из стены камням и отталкиваясь от них же ногами, когда те оставались позади.

Края крыши были совсем близко. Над высокими потолками тронного зала было только небо, а остальные этажи Шаарвиля появлялись лишь ближе к центру замка — по этой причине еще первые гномы часто называли свое детище Горой.

Когда пальцы странника зацепились за самый край крыши, рядом с ними тут же просвистел клинок — так что сталь выдохнула искрами. Он увидел, стоящего над собой

паладина, широко размахивающегося двуручным мечом, и переставил руку, вновь уклонившись от сильного, но не точного удара. Замах. Еще замах. Камень, принявший удар на себя стал осыпаться, а осколки полетели вниз. Быстро раскусив тактику противника Сарвилл, довольно легко избегал прямого попадания по своим рукам. Еще несколько таких атак и медведь бы решил, что делать дальше, но рыцарь, запыхавшись от усталости, уронил клинок с одной стороны и, тут же сообразив, какой удар будет наиболее эффективным, нанес горизонтальный удар, срезая все лишнее с поверхности края крыши. Увидев резкое приближение рыцарского меча, странник оттолкнулся, пропуская под руками клинок. Еще раз. С третьей попытки рыцарь все же взял верх — его враг потерял координацию и сорвался. Медведь попробовал ухватиться за сточную трубу, но она не выдержала, когда весь его вес оказался перемещен на нее, и оборвалась. Он полетел вниз, по пути сорвав тряпичный карниз, и свалился прямо на одного из стражников, поджидавших внизу.

Со всех сторон тут же подбежала остальная стража. Кто-то сильно ударил упавшего по затылку.

— В тюрьму вора! До королевского приказа! — громко выкрикнул Хранитель Порядка, подоспев как раз к поимке беглеца.

Странника, который был больше не в состоянии самостоятельно подняться, взяли под руки и потащили прочь. Вся свита, включая короля, двигалась рядом. Сарвилл видел, как на месте, где недавно все произошло, возник силуэт Седрика. Он не мог понять, рисует ли его возбужденное воображение желанные картинки или алхимик действительно очень осторожно собирал с земли все рассыпанные драгоценности. Все встало на свои места, когда Седрик сделал выразительное движение головой, означавшее, что он знает, что делать с королевскими украшениями. Сарвиллу стало спокойно — он закрыл глаза и потерял сознание.

*«Почему я хотел, чтобы мои заметки нашли именно в таком порядке, и ни в каком больше? Не помню. Понадобится время на раздумья. Ох... может быть, тогда и была какая причина, но сейчас мне этого уже никак не вспомнить. Ваш добрый слуга может только, как и вы поразмыслить над этим и предложить одно из миллиона предположений, которое в конечном итоге все равно окажется неверным. Когда я обнаружил факты, доказывающие, что принцесса отвергла своего возлюбленного для его же блага еще в стенах замка, для меня все стало на свои места, и тогда-то я и понял, что часть судьбы медведя до событий на Штормплац также значима, как и любая другая глава в его Книге Жизни. О принцессе Лиане ходит много разных слухов и легенд, которым вряд ли стоит безоговорочно верить, однако факты о ее жертвенности, красоте, незаурядном уме и актерских способностях — истинная правда. У меня челюсть висела до пола, когда старик, служивший тогда в королевском отряде паладинов, рассказывал мне суть разговора странника и принцессы. Я прихожу в восторг от сообразительности серебряноволосой и поражаюсь недалекости нашего героя в таких, казалось бы, очень обычных ситуациях. Для меня навсегда останется загадкой наивность Сарвилла Кхолда, когда женщина, любившая его сильнее жизни, нарочно лгала ему в лицо, а он слепо ей верил. Мне жаль лишь, что жертва этой прекрасной особы оказалась для нее напрасной, но безмерно счастлив, что этот поступок в конечном итоге привел странника к его истинной судьбе...»*

Заметки чужеземца, обнаруженные в потайном месте, куда привела карта, нарисованная им же на странице последних найденных записей.

Сумеречная Пустошь находилась к северу от Югурда — последнего города Дордонии на пути к Вольным Городам и Холденфеллу. Если какой-нибудь путник мечтал оказаться в Тонне или Сонне и при этом хотел избежать морских путешествий, его ждала долгая и мучительная дорога через обожженную солнцем и не принадлежащую никому пустыню.

Единственными постоянными жителями Пустоши были иркарайцы — народ, веками кочующий между Жалким морем и Кладбищем Длиннорогов, жаждущий завоевать землю, пригодную для земледелия, чтобы пустить там свои корни. Именно поэтому раз в столетие дикари нападали на Дордонию, но, несомненно, терпели поражение и отступали обратно, в пустыню, чтобы в очередной раз накопить сил для следующего похода. Более всего от их набегов страдали северные деревни, монастыри и корчмы, коих владельцев бес попутал возвести жилища на самом краю цивилизации и в какой-то момент те, даже сами того не желая, стали союзниками иркарайцев, предоставляя им воду и припасы, чтобы пустынные хотя бы на какое-то время оставляли их в покое.

Так Сумеречная Пустошь была столь же бескрайней территорией, насколько она была дикой. Редкого путника нынче могло занести туда. Если так и происходило, то не по его воле — таковой либо заблудился, либо пытался спрятаться от самой смерти. В конце концов, все стали путешествовать между королевствами только по Змеиному Тракту, забыв дорогу в пустыню раз и навсегда.

Несколько дней от рассвета и до заката странник и спасшая его в Лисохвосте чародейка пересекали Дордонию. Они проскакали все южное королевство, выбирая тропы, известные лишь диким животным, охотникам и контрабандистам, петляя между всеми крупными городами, такими как Аард, Тюрун, Каан и Югурт. Они сбавили темп лишь после того, как загнали одну из лошадей и потеряли день, чтобы украсть в небольшой деревне близ Каана вороного коня, который то и дело первое время пытался скинуть с себя медведя.

Путники потеряли счет всякому времени с тех пор, как ушли из Лисохвоста.

— Сколько можно тебе повторять? Мы вернемся за Ноэми. Если этого не хочешь ты, значит, я вернусь туда один! — взорвался Сарвилл.

Иллай, сидевшая по другую сторону костра, обиженно опустила голову и захлопала своими большими карими глазами.

— Прости, я напрасно повысил голос. Очень хочется чего-нибудь съесть, — он перевел тему, — иначе я опять не смогу сразу заснуть.

Лагерь был разбит в глубине леса на опушке. Вокруг не было следов присутствия людей — во время этого Расцветания еще ни один человек не ступал здесь, а скорее всего, прошло гораздо больше времени. Забравшись на холм неподалёку можно было видеть, как стройные ряды деревьев с каждой верстой нещадно редуют и уступают свое место холодной и мертвой земле, которая в свою очередь с каждой верстой становится все светлее и превращается в песок.

— Твоя рука выглядит еще хуже, чем вчера, Сарвилл. — заметила Иллай и вновь наложила тугую повязку. — До Туурина еще больше двух недель пути, Сумеречная Пустошь убьет тебя прежде, чем мы доберемся до Асаи. Я не говорю уже о том, что вслед за тобой умру и я, заморенная голодом и обезвоженная палящим солнцем.

Медведь не скрывал, что плечо беспокоило его, но и того, что рука почти не слушалась,

он тоже не показывал. Синь, которая два дня назад окружала только рану, теперь заползала на грудь.

— Что ты предлагаешь? Развернуться и пойти к королю на плаху? Завтра поедем в направлении Петли Гнома, проплывем по ней почти до самого Туурина. Доскакать до реки мне сил хватит. А что касается еды — дай еще день, и я смогу держать лук, чтобы добыть пару кроликов.

— К Петле Гнома? Сарвилл, послушай меня. Нам не хватит денег, чтобы кто-нибудь взял нас на свою лодку, а добрых людей можно ждать там до следующей полной луны, — возразила девушка, сделав небольшую паузу, подбирая нужные слова. — Твоя рана загноилась, и если тебе не помогут в самое ближайшее время, то ты точно лишишься руки. Давай доберемся до ближайшего монастыря, прошу. Там мы сможем восстановить силы, а монахи исцелят тебя. После этого предлагаю подумать что делать дальше...

— Хватит, я понял, — перебил странник и закашлялся. — Я понял тебя. Хочешь знать, почему я сам не мог найти столь простой ответ и до сих пор стою на своем? Ладно. Ответь мне, как скоро мы найдем какой-нибудь монастырь? Каковы шансы наткнуться на поселение на этом краю света? Впереди бескрайняя Сумеречная Пустошь, на западе ничего кроме Вечных Вод. Моя рука не в порядке, я знаю. Но так мы, по крайней мере, понимаем, куда направляемся и когда прибудем, а двигаться наобум... Мы вообще можем умереть от жажды или нас прикончит кучка каких-нибудь дикарей.

— Возвращаться в Дастгард нам тоже нельзя, — продолжила за странника Иллайя, — Остается восток.

— Только восток и только Петля Гнома, — подытожил медведь и свалился на спину, держась за плечо и уставившись в ночное небо.

Какое-то время путники еще обсуждали, что ждет их на пути в Туурин, о чем-то спорили, а когда в костре уже начали тлеть последние ветки — заснули.

Наутро они оседлали коней и поехали на восток. Лошади шли рысцой. Сарвилл не чувствовал свою руку, а его тело бессильно качалось в седле. Небольшой лесок, в котором они провели последнюю ночь, остался далеко позади, а на горизонте плавно раскачивалась бескрайняя пустыня.

Солнце было уже в зените, когда Сарвилл свалился с коня.

— Пить... — выдавил он, едва Иллайя подскочила к нему.

— Это последняя вода, Сарвилл. Не налегай, — волшебница взяла его под голову и поднесла флягу к губам.

— Почему же нам невзначай, просто так, не попадется какой-нибудь треклятый монастырь? В книгах о разных приключениях они встречаются на каждом шагу, а мы в пути не встретили даже какого-нибудь сумасшедшего отшельника, который мог бы нам помочь. — он улыбнулся из последних сил.

Волшебница не улыбнулась в ответ. Впервые она почувствовала, что его тело дает холодом и медленно остывает, несмотря на раскаленный песок под ногами и невыносимую жару. В мутных глазах медведя не было мыслей, в них были только усталость и смирение. Ее ореховые волосы упали к нему на лицо, когда она положила его голову к себе на колени.

— Я умираю, так ведь? — монотонно произнес он.

— Знаешь, когда мои настоящие родители были еще живы, — зажурчала волшебница спокойным голосом, — я каждый вечер сидела у окна и думала, что я буду делать, если однажды они не вернуться домой? Что если кто-нибудь убьет их по пути домой? Что будет,

если Касандра в один день решит забрать у меня мать и отца? Я представляла, как собираю все самое необходимое, тайком сажусь в повозку к купцу, который едет на север и уезжаю. Я представляла, множество приключений, и одно из них заканчивалось тем, что я узнавала, кто убил мою семью. Потом, в своих фантазиях, я возвращалась в Дастгард и мстила убийцам.

Сарвилл закашлялся и сплюнул кровью.

— Иногда я успевала представить себе всю историю, — продолжала зеленоглазая, разглаживая его волосы, — Чаще всего родители возвращались домой еще до того, как в своих мечтах я добиралась до Холденфелла. Если так происходило, то я додумывала конец перед сном уже в постели. И так изо дня в день, в каждую свободную минуту — смерть, приключения, путешествия, месть. Знаешь, что я поняла, когда моих родителей действительно не стало?

Странник уже не мог ответить, но его тело еще обдавалось дрожью. Ее рука остановилась на лице странника.

— Я поняла, что Касандра приняла мои грезы и безобидные детские фантазии за молитву. Она решила, что маленькая девочка молится ей о смерти своих родителей, чтобы, наконец, стать счастливее и послала моих отца и мать за город в тот день, когда иркарайцы задумали в очередной раз завоевать Дордонию. — Волшебница провела своей ладонью по его ледяным щекам. — Для себя я уяснила навсегда, что никогда не надо думать о смерти. Ни о своей, ни о чьей-либо еще. Боги не разбирают наших фантазий.

Когда волшебница договорилась, Сарвилл был уже без сознания. Спокойный и неподвижный. Впервые за все время их знакомства он никуда не спешил, ничего не предпринимал и не выдумывал какой-нибудь очередной план. Сейчас медведь ни на толику не был самим собой того времени, когда заступился за нее в их первую встречу. Да, она знала его слишком недолго, но и этого времени ей хватило, чтобы жалеть о его утрате. Странник. Человек, который, появившись в ее жизни, помог поверить в воплощение самых сокровенных желаний. Человек, с появлением которого в ней проснулось что-то новое, что-то яркое, что-то, чего она была лишена до этого.

— Ты не отступил, когда против тебя было четверо, готовых наброситься на любого, точно звери на добычу, так почему я должна так просто сдаться?

Иллая скрупулезно принялась копаться в своей памяти и искать возможности спасти медведя — она пыталась вспомнить все монастыри, попадавшиеся им по пути на север, но как только понимала, что с последней встретившейся на дороге общины прошло уже много времени, отказывалась от идеи вернуться. Она рисовала в голове картинки различных лечебных трав, которыми пользовались целительницы в Лисохвосте, и проклинала себя за то, что так ни разу и не передала им большого значения, не додумавшись хотя бы запомнить название того, что снимал боль, или того, что подсушивал раны. Она припоминала даже карту Дордонии, которая висела на стене внутри постоянного двора, из-под обломков которого она вытащила странника, но все нарисованное на холсте, что было более мелко или не имело тогда для нее значения, расплывалось в памяти в одно большое пятно и не могло сейчас ничем помочь. Любая маленькая деталь могла спасти жизнь ее спутнику, но все эти детали сейчас были настолько мелкими, что в лабиринтах памяти их было не найти.

Грянул гром.

— Проклятое место, — процедила она.

В нескольких верстах на горизонте молнии забили в одну точку. Волшебница достала

дождевик и накрылась в ожидании ливня, которого здесь, судя по тому, что она слышала о Сумеречной Пустоши, не должно было быть. Песни бардов про вечно сухую пустыню оказались такой же надуманной чепухой, как и все остальное, в чем меня так яро пытались убедить, решила она и потуже затянула повязку на руке странника.

Прошло какое-то время прежде, чем Иллайя поняла, что дождь так и не начался. Она приподняла накидку и увидела бегущего в их сторону человека. С каждым его шагом образ незнакомца становился все четче. Пожилой лысый мужчина во время движения разбрасывал песок сандалиями в разные стороны. Волшебница заволновалась, а ее зеленые глаза засверкали извержениями вулканов. В Сумеречной Пустоши так, как она сейчас, могли выглядеть только Лунные Кошки, защищающие свое потомство.

— Что за чертовщина? — она поднялась на ноги. — Эй! — разнеслось по пустыне.

Ответа не последовало. Если ее крик и донесся до старика, то, по крайней мере, тот не остановился и не подал никакого знака, что услышал зов. Он продолжал настойчиво приближаться и поднимать пыль за собой.

Иллайя расставила руки в стороны, равномерно сгибая пальцы на обеих ладонях. Земля слегка задрожала, а песок плавно поплыл вверх. К тому моменту, когда старик подбежал совсем близко, в воздухе уже висело добрых пять пудов песка. Она медленно потянула руки назад точно лучник, натягивающий тетиву. Песок задвигался в такт ее грациозным движениям. Чем сильнее ее пальцы сжимались, превращаясь в кулак, тем плотнее становилась масса, висящая сейчас в воздухе. Четким и коротким движением волшебница кинула руки вперед, и песчаная стена полетела на неугомонного старца, который, завидев всю эту волшбу, даже не подумал остановиться или замедлить ход. Мужчина в красной, как рассвет в Сумеречной Пустоши, мантии остановился только тогда, когда песчаное ничто было уже близко. Он махнул правой рукой и направил ладонь вверх над собой. Девушка увидела, как вокруг незнакомца образовалась едва заметная сфера, которая не позволила обрушившейся сверху песчаной стене остановить его. Воздух между сферой и каменной стеной хлопнул, издав глухой протяжный звук, и эхом унесся в горизонт. Волшебница увидела, как чародей свалился с ног, но сфера, пульсирующая вокруг него, не исчезла. Теперь мага было не видеть, но конус его защиты до сих пор торчал над образовавшейся горой песка.

Она бесстрашно пошла в сторону незнакомца, повторяя уже проделанный трюк. Теперь, когда Иллайя знала точно, что хочет наколдовать, а не импровизировала, могучего пустынного песка поднялось в воздух гораздо больше, чем в первый раз и он спрессовался, на удивление, в более компактную фигуру, нежели обычная протяжная стена. Сейчас песчаная фигура напоминала снаряд, которым обычно рушат здания и стены вражеских крепостей, когда осаждают город. Волшебница не спускала его, а придерживала в ожидании момента, когда купол вокруг старика перестанет мерцать и исчезнет. Медленно ступая в его сторону, она чувствовала, как с каждым шагом песок засыпается в ее продырявленные путешествием сапоги и высыпается в тот момент, когда она переставляет ногу.

Волшебница подошла почти вплотную к бугру, за которым находился неизвестный, и уже собиралась накрыть его новой волной, как вдруг сфера, находящаяся в самом центре песчаного холма, взорвалась. Песок взмыл вверх, подобно фонтану, и рассыпался по сторонам. Он летел с такой силой, что, казалось, более всего желает выцарапать глаза незваным гостям, устроившим в безмятежной пустыне переполох. Он царапал лицо и плечи девушки, залетал в уши и ноздри, навивался вокруг в ожидании того, что человек откроет

свои глаза и теряет способность видеть. Волшебница понимала это, и потому, закрыв свободной рукой лицо, немедленно принялась отступать назад, другой рукой до сих пор удерживая песчаный снаряд. Но было поздно. Ее глаза уже слезились, и она невольно опустила голову, потеряв концентрацию. Песочная масса, висящая в воздухе до последнего, беззвучно опустилась наземь и слилась с пустыней. Еле разобрав нечеткий силуэт, который двигался прямо на нее, волшебница судорожно замахала руками, посылая небольшие и безобидные волны из песчинок в сторону чародея. Надежда задержать его на какое-то время оказалась напрасной. Когда зрение вернулось к Иллайе, она уже видела, как незнакомец замахнулся. Момент и его кулак тяжело врезался в ее висок.

\*\*\*

Иллайа проснулась от боли, которая пульсировала по всему телу, но особенно давала в виски и кисти рук. Во рту было сухо и противно. Волшебница попыталась сплюнуть песок, забившийся за щеки, пока она находилась без сознания. Не получилось. Сглотнула и повторила попытку. Вышло. Грязная, с бордовым оттенком жижа плюхнулась на маленький кактус, умиротворенно росший рядом с ее лицом.

Смеркалось. Звезды высыпали на безоблачное небо. Пустыня была спокойна и безмятежна. Пуская однообразные виды со всех сторон, она отдыхала от палящего солнца и была сейчас загадочно молчалива. За своей спиной волшебница слышала странные звуки: шепот, бурчание и что-то еще, чего пока не могла разобрать. Она попыталась подняться, но обе руки оказались связаны за спиной, а веревка не поддавалась на попытки развязать ее. Девушке удалось перевернуться и увидеть то, что до этого происходило позади — над лежащим в песке странником высился тот же самый старик, с которым, она не могла понять, сколько времени назад, сотрясала безмятежную Пустошь.

— Очнулась? — чародей отбросил в сторону пустой сосуд круглой формы и подошел к ней. — Прими мои извинения за случившееся, дитя... но, если бы я не прибег к столь радикальным мерам, запекаться моему трупу сейчас посреди раскаленного песка — труп чародея, который прибыл на помощь... без всякого злого умысла. Теперь позволь мне развязать тебя, — маг помедлил. — Ты же не нападешь на меня сейчас, когда я озвучил цель своей миссии?

Иллайа едва заметно кивнула в ответ.

Сейчас незнакомец был совсем близко, и теперь она могла разглядеть его внимательнее. На лысом, как лед черепе было красное родимое пятно размером с кулак, а морщины не пожалели его лица — исходя в разные стороны от кончиков его глаз они расползались по лбу и щекам, словно дремучие змеи по каменной пещере. Уши, заостренными кончиками тянулись к затылку и говорили о том, что старец — эльф. Его руки выглядели молодыми и сильными, а его серые блеклые глаза внимательно всматривались, по-видимому, в свежий синяк на лице волшебницы.

— Как я и задумывал, удар пришелся в нужную точку. Угломонить тебя у меня получилось и при этом нам удалось обойтись без осложнений. — На одном из своих пальцев эльф накручивал перстень в форме головы медведя, который когда-то Ноэми передала страннику, но чародейка почти сразу переключила свое внимание на диковинный кулон, который висел на его шее в виде сферы. Конечно, это был зачарованный кулон, как и полагается всем могучим чародеям — внутри него, благодаря магии, нескончаемо и отрывисто сверкала молния, меняя цвет миниатюрного неба на аспидно-синий, бронзовый, зеленый и кораллово-красный.

— Меня зовут Вастерас. — чародей вырвал ее из мыслей. Его голос пролился успокаивающим дождем — он был низким и мягким.

Иллая продолжала изучать незнакомца, не совсем догадываясь о цели его появления. Если верить в то, что он пришел на помощь, то, как он нашел их посреди этого безжизненного сухого моря?

— Успокойся. Хотя я и не умею читать мысли, но вижу, что твоя голова сейчас разорвется от их переизбытка. Спроси напрямую. Обещаю отвечать открыто и честно. — Вастерас провел ладонью по лицу волшебницы, и она почувствовала, как тепло расходится от места его прикосновения по всему телу и ей становится легко и спокойно. — Ну же? Я представился, представься и ты, дитя.

Девушка продолжала насторожено молчать.

— Я еще раз приношу свои извинения за случившееся. Я ошибочно посчитал тебя врагом этого человека — чародей указал на медведя, — я решил, что ты напала на него, и заведомо обвинил тебя в его увечьях. Однако, когда ты принялась защищать странника, а не обороняться, а человеку моего возраста положено отличать эти вещи, я понял, что его раны нанесены вовсе не тобой, юная волшебница.

Иллая еще какое-то время смотрела на мужчину вулканами в своих глазах.

— Иллая. Меня зовут Иллая, — наконец призналась она. Каждое слово отдавалось болью в виски. — Пожалуйста, воды.

— Конечно. Конечно, — запричитал старик. — Я совсем увлекся твоим сознанием, что и не вспомнил самых обычных манер.

Вастерас подал воды. Несмотря на то, что волшебница еще не доверяла незнакомцу, сейчас жажда оказалась сильнее страха, и она впилась губами в горлышко кожаной фляги с изображением солнца, лучи которого волнами уползали в разные стороны.

Символ Нелюдей. Теперь ее догадки подтвердились. Она вспомнила рассказ странника о том, что ему необходимо было встретиться с каким-то эльфом в Туурине.

— Теперь мы можем поговорить открыто, Иллая? Можешь доверять мне, я друг странника, а друг моего друга мой друг. Хорошо? Теперь давай. Расскажи, что произошло и не упускай ни одной малейшей детали, каждый проделанный шаг очень важен.

— Хорошо, господин, — странная магия чародея уже завладела ей, и теперь волшебнице хотелось сидеть здесь часами и делиться всеми своими секретами с новым другом.

— Странник однажды спас меня, — начала она свою историю. — Все началось с того, что он спас меня в Лисохвосте — деревне, где я жила...

И Иллая рассказала чародею про все, что с ними приключилось за время их знакомства: про бойню в корчме, где странник и его спутница спасли ее от бандитов; про предательство корчмаря; про чародейку, которая всегда была подле медведя, разбрасывая недоверчивые холодные взгляды на любого, кто пытался с ними заговорить или хотя бы проявлял какой-нибудь интерес к их персонам; она рассказала, что ей удалось предупредить путников о предательстве, но, к сожалению, они все равно промедлили. А ее рассказ завершился долгой историей о том, что отряд короля из Дастварда настиг странника, и был жестокий бой, после которого они с медведем покинули Лисохвост, а черноволосая чародейка попала в плен. Иллая рассказывала увлеченно, с головой погрузившись в события тех дней, и лишь изредка прерывалась на то, чтобы глотнуть воды.

— Спасибо, дитя, — задумчиво произнес эльф. — Ты — хороший человек, раз помогла

медведю выбраться. Хорошая чародейка.

— Я не чародейка, — возразила она.

— А кто же ты тогда? — старик негромко хохотнул, словно опережая собственную шутку. — Подавальщица из корчмы в Лисохвосте, способная вызвать землетрясение? Или, быть может приемная дочь корчмаря, который на добро отвечает злом? Ты чародейка, дорогое дитя. Просто чародейка, которой еще предстоит ею стать.

Наступило время, когда волшебница не знала, что еще добавить, а чародей погрузился в раздумья.

— Он жив? — вопрос вырвался из уст Иллаи, когда она увидела, что одеяло рядом отчетливо вздымается и опускается обратно.

— Пока дышит, — ответил старик. — Опрометчивый поступок, — оживился он. — Очень опрометчивый поступок, настолько затянуть с лечением такой серьезной раны...

— Вы поможете ему?

— Я сделал все, что в моих скромных силах. Это должно помочь. Корень Марны, что я нанес на рану, сможет остановить заражение, а Полесское зелье ускорит регенерацию. Запомни это, чародейка. Эти знания не раз спасут жизнь тебе и твоим близким.

Он говорил все это, смотря в одну точку на горизонте так, словно наперед знал, что произойдет в будущем.

— Настоящее чудо, что странник еще дышит. По-другому быть не могло и не должно было... Теперь вам предстоит поставить его на ноги. Ему без тебя не обойтись, дитя. С этого дня вы — одно целое. Не забывай об этом никогда.

Они сели по разные стороны от медведя. На пустыню к этому времени уже опустилась ночь. Сейчас в Пустоши был сезон ветров, поэтому о полной тишине мечтать было трудно — порывы ветра то и дело завывали в уши путешественникам какую-нибудь беспокойную мелодию.

— Настало время для твоих вопросов, дитя. Читать мысли я не умею. Я просто маг, волшебник, чародей... Считать ты меня можешь кем угодно, пусть даже «древним», хоть это слово мне никогда и не нравилось, но кто я такой, чтобы противиться воле Богов, назвавших испокон веков так существ с моими способностями. — Вастерас опередил вопрос девушки, который все время крутился у нее на языке. — И как ты наверняка догадалась, я прибыл сюда не случайно. — Кулон на шее старика динамично менял цвета, — Я оказался здесь по душу этого человека. Перед тобой судьба человечества, во плоти и на грани смерти...

Иллаи сидела неподвижно. Маг натянул капюшон на глаза. Ветер поднимался — становился резче и упрямее. Колкие песчинки порывались забиться в глаза и лишить зрения незваных гостей.

— Понимаю, почему тебя не удивляет этот факт. Ведь ты с первого дня начала чувствовать что-то странное в его присутствии. Ты до сих пор не можешь понять этого, верно? — девушка молчала. — Сарвилл — Спутник. Каждого мага притягивает к нему словно магнитом. В буквальном смысле. Все просто, каждый волшебник, неважно, какой стихией или какими способностями обладает, должен черпать свою энергию извне, но ресурсов в одном определенном пространстве и времени — ограниченное количество. Поэтому тебе пришлось много двигаться в бою со мной. Стоя на одном месте, ты бы ни за что не смогла повторить тот же трюк с песчаной стеной, потому что он требовал много энергии. А повторить подобный трюк в третий раз было бы и вовсе невозможно. По крайней мере, тебе бы пришлось для этого отойти на очень приличное расстояние. В Спутнике же

есть сосредоточение всех стихий и неисчерпаемая энергия для каждого из нас.

— Но... Странник же был рядом...

— Рядом. Но сейчас он гаснет. В таком состоянии Спутник не способен давать нам сил, он подобно угасающей звезде, держит ее в себе, чтобы выбросить всю и сразу, как только его сердце перестанет биться...

Теперь волшебнице стало понятно, почему, скрываясь тогда в хорошо знакомой и даже родной корчме, она чувствовала непонятные импульсы в своем теле, и почему ей всегда безумно хотелось находиться рядом со странником, хотя влечение было даже близко не похоже на то, которому совершенно обычно поддаваться ее сверстницам без ума и оглядки.

— Но дело не только в этом, правда? — спросила она, когда воспоминание об этом чувстве слегка затупилось. — Есть что-то, ради чего вы пришли сюда, к нему на помощь?

— Ты права. Есть кое-что еще... Не сочти меня суеверным или... мнительным, но у меня есть на то, все основания. Всем, что мы сейчас знаем и умеем, мы обязаны Первой Расе. Именно они воздвигли первые дворцы, которые стоят до сих пор, именно они овладели магией и научились применять ее. Эльфы из Первой Расы впервые познали мудрость и использовали ее для достижения успехов в земледелии, воздвижении и мореходстве. Но Первая Раса оставила также много предсказаний. Не знаю, для того ли, чтобы просто предупредить нас или для того, чтобы мы могли этому противостоять...

Ветер трепал их капюшоны, приоткрывая лица, словно капризный ребенок, пытающийся добиться своего.

— Самое опасное из предсказаний уже близко, дитя. Небеса покроют драконы. Огнедышащие исчадия испепелят целые города. Необъятные поля урожая превратятся в уголь, а род людей и нелюдей окажется на грани вымирания. И не будет решения лучше, чем смириться с судьбой и поддаться на волю ее. Лишь один, тот который был избран Богами сможет воспротивиться порабощению и обнажить клинок воли потомков Первой Расы и занести его на небожителей, но лишь тогда, когда сам свою судьбу примет. До того же времени болезни и голод будут уносить жизни грядущих поколений, одну за другой, до скончания Великого Боя и полного истребления нашей крови.

Вастерас всегда знал, что добавить, но также хорошо чувствовал, когда нужно было замолчать и дать собеседнику осознать сказанное им.

— Твое лицо? — поинтересовался он спустя некоторое время. — У меня еще осталось зелье.

Синь от удара чародея уже напознала на левый глаз девушки.

— Благодарю, но поберегите его для того, кому оно действительно может спасти жизнь. Моему здоровью сейчас ничего не угрожает. — Иллая прикрыла синяк рукой — Прошу, продолжайте.

— Как скажешь, дитя, — он нахмурился и поднял свою руку, указывая наверх. — Посмотри на небо, юная волшебница. — Иллая направила взгляд вверх, следом за взглядом старого эльфа. — Что бы ты сказала, если бы я заявил, что мы достанем до звезд? Скажем до вот той, которая мерцает в созвездии Анталоты.

Мурашки бежали по спине и рукам девушки. То, что говорил древний, было одновременно прекрасно и волнительно, что еще больше зачаровывало ее. Она не могла позволить себе перебить его, потому что каждое слово незнакомца, странным образом, доставляло ей удовольствие — он будто излагал необычно красивую песню, а не говорил страшных и пугающих вещей.

— Да, мы прикоснемся к звездам, несомненно. Первая Раса оставила и это в послании. Там сказано, что нога одного из нас ступит на поверхность одной из звезд и это положит начало большому скачку в эволюции. Но все это будет неважно, если нас всех истребят. Понимаешь?

— Но что именно должен сделать странник и почему вы решили, что именно он тот Спутник, о котором имеется в виду в... предсказании?

— Вопросы, вопросы, вопросы... Все верно, если бы я когда-то так же пытливо не задавался ими, мы так и остались бы в неведении, а последние вести из прошлого так и не дошли бы до нас. Внемли же мне, юная Иллая из Лисохвоста.

Тут глаза старика налились беленой, а из уст его зазвучала Первая Речь, с которой чародейка конечно не была знакома, но поняла каждое слово до единого.

— Мир изменится. Все, что мы когда-либо знали, будет застлано покрывалом времени и канет в лета. Величия, что возводили мы столетиями, не щадя сил малого и старого, сровняются с землей и уподобятся ей. Сила, коей обладали мы, облечёт нечто еще более могущественное и спящее в недрах материка вечным сном и навлечет это на головы тех, кому проклятье будет жить в том настоящем и испытать то неизбежное. Воздаяние за грехи наши будущим поколениям будет суровым и одной напастью не обойдется. Небеса рухнут на землю, разжигая очаги пламени и забирая жизни всех живых в небытие. Кары не удастся избежать ни самому старому, ни самому молодому. В такие времена даже надежды будет недостаточно для того, чтобы заиметь желание дышать и существовать дальше. Но надежде так или иначе быть. Чтобы силы уравновесить и борьбу за выживание вести, дитя... Дитя, родившиеся в ту луну, когда все остальные младенцы, лишь появившись на свет, отдадут свои души тому единственному, которому удастся уцелеть и будет той самой последней надеждой. Спутник. Существом, что сможет силу всех стихий обуздать и заключить в себе. Спутник и есть то, во что уверовать следует, иначе никакой извечной борьбы между Добром и Злом не случится. Лишь один печальный исход будет ждать в конце.

— Ерунда, — буркнул Сарвилл и зашелся сухим кашлем.

\*\*\*

Старый эльф пришел в себя и суматошно замельтешил руками по песку вокруг.

— Отлично! Ты проснулся, Спутник! — обрадовался он и подал страннику флягу с водой. — Честно сказать, я очень ждал, когда ты очнешься.

Одеяло из конской шерсти, которым был укрыт медведь, запорошило песком. Оно, как ему показалось, сильно воняло затхлостью и смертью. Запекшаяся кровь на ране сковывала движения, но уже болела не так сильно, а к руке возвращалась чувствительность.

— Кто вы? И как здесь оказались?

— Сначала дела, потом разговоры. Позволь проверить твое ранение и убедиться, что впредь оно не усугубится.

Чародей снял повязку и принялся внимательно рассматривать ее.

— Что ты хочешь знать обо мне? Мое имя Вастерас. Самым главным ответом для тебя будет то, что за твоим освобождением стою я. История длинная, и я поведаю ее после того, как ты прибудешь в Туурин. Сейчас же нельзя терять времени, вы и так сильно отклонились от курса.

У Сарвилла было несчитанное количество вопросов, но эльф ясно дал понять, что не готов сейчас на них отвечать. Он признался лишь в том, что ему удалось понять, что странник в опасности, и найти его среди Сумеречной Пустоши только благодаря

магическому кольцу, которое Ноэми дала медведю в первый день после побега.

— Что это было? Транс? Я читал об этом несколько лет назад.

— Верно. Я поясню для юной чародейки. Транс — это способность связи с предками. Считается как проклятием, так и благословением. В моем случае он под моим контролем, и у меня не случается произвольных приступов. Важно правильно трактовать то, что сказано во время транса. Сейчас мы четко можем разъяснить, что Сарвилл это предначертанный судьбой Неймерии Спутник.

— Та история сильно смахивает на бред сумасшедших эльфов, которые все время рассказывают, что их Боги выйдут из Вечных Вод и предадут смерти всех, за пределами Изумрудного Леса. — заупрямился странник и ему стало немного неловко от того, что он резко выразился про собратьев собеседника. — С чего вы взяли, что в день моего рождения не родился больше ни один ребенок?

— О, поверь мне, у меня есть на то причины. Что ты знаешь про Год Кровавой Луны, Спутник? — Вастерас посмотрел на странника пронзительным взглядом.

Сарвилл задумался. Еще ребенком он слышал истории о том случае, помнил, с каким страхом люди пересказывали их. Ни разу история не звучала одинаково, потому что каждый рассказывал ее на свой лад и вкус, с постоянно меняющимися фактами. Поэтому сейчас, как бы медведь ни напрягался, ему не удавалось вспомнить даже несколько правдивых деталей, не говоря уже о том, что вся эта легенда со временем вообще начала казаться ему вымыслом.

— Не мучай себя, дитя. Даже если ты вспомнишь, какой слышал эту историю прежде, то все равно та версия окажется неверной. Из ныне живущих истину только я могу поведать тебе. — И голос Вастераса превратился из летнего морозящего дождя в морозный сильный ливень. — Тот год во всей Неймерии еще называют Годом Небесной Кары. Долгоночие длилось тогда дольше обычного, запасы подходили к своему концу, и люди бродили по улицам в поисках пищи. Даже самые отъявленные купцы зажимали последние крохи зерна в своих амбарах и не выставляли на продажу, хотя любой из рода людского, эльфьего или гномьего, в тот год был готов отдать за них последнее, что у него было. Никто не верил в благополучный исход. Все мысли были только о том, как пережить это время. Суровая и долгая зима... Ее дыхание добралось тогда до всех уголков Неймерии. Тогда-то император Творса Торл Уйлетан и затеял свою великую месть — более подходящего момента придумать было сложно.

На лбу Сарвилла выступил холодный пот — его тело продолжало бороться за жизнь, бросаясь то в жар, то в холод.

— Если я скажу, что и королевская семья во времена Войны Четырех Королевств несколько зим назад, была на грани вымирания, то не открою великой тайны. Рогар Вековечный пребывал в отчаянии, его народ гиб не только от голода, но и от болезней, поражавших слабые тела, а костры не переставали гореть, ни днем, ни ночью. Император Творса сделал предложение дордонийскому владыке о перемирии в безутешной войне в связи с лютыми холодами и поклялся Богами, что в такие времена бороться надо с жестокой природой, а не друг с другом. Король принял предложение. В виде жеста доброй воли Торл Уйлетан пообещал прислать во все города Дордонии провизию, которая поможет мирным жителям продержаться дольше, так как запад пострадал от заморозков в меньшей степени. Рогар не смог отказаться от столь щедрого предложения. Как выяснилось позже, таких же договоренностей император Уйлетан достиг и с конунгом Холденфелла, и с королем Туурина. И вот, спустя месяц, в Дастгард прибыло девять больших повозок с провизией — по

одной на каждый квартал. Люди в тот день наелись до отвала и напились привезённым с запада вином, а когда на улицы легла ночь, начало мести творсийского императора было положено. Нет, еда не была отравлена, хотя этот исход было бы логично предположить, учитывая все врожденное вероломство творсийца, но Рогар не глупый правитель, и конечно обеспечил дегустацию всех привезенных яств и только после этого позволил своему народу набивать животы. Самое страшное произошло позже. Начиная уже с первой ночи, и в ближайшие несколько лет, в Дастгарде не появилось ни одного ребенка. Будущие матери не могли разродиться — зачатые младенцы гибли еще в утробе, а женщины, не лежавшие до этого с мужчинами, вообще не могли понести. Простят меня Боги. Да, вы не ослышались, именно я прошу прощения у Богов за этот грех. Я тот человек, который использовал накопленные знания на умерщвление будущего поколения Дордонии, использовал свой дар, данный мне свыше против людей. В ту ночь...

Чародей прикрыл глаза и вздыбил свои широкие ноздри, словно вспоминая чем пахло на улицах того Дастгарда.

— В ту ночь выкидыш случился у каждой женщины, прикоснувшейся к еде и неважно, сколько времени она вынашивала свое чадо. План был хитроумен. Император знал, что Война Четырех Королевств будет длиться годы, а его целью стало ослабить ряды армии будущей Дордонии, а не тягаться с настоящей, хоть и умирающей с голоду, но остающейся самой лютой в северной части материка. Выждав пятнадцать или двадцать лет, он мог взять верх благодаря банальному численному преимуществу. К сожалению, людей, отведавших привезенного с запада добра, было несчитанное количество. Почти каждому удалось урвать свой кусок от пирога творсийского геноцида.

— Насколько мне известно, император Уйлетан напал на Дордонию и был повержен Рогаром, — перебил странник.

— Владыка западных земель смертельно заболел, а так как он был одержим идеей завоевать Дордонию и оставить на этой победе отпечаток своего имени, то выбора сам себе не оставил и пошел войной уже спустя два года, пока еще смерть не забрала его. Запасным планом были одиннадцать наследников Уйлетана, которых он оставил в Творсе, когда пошел на Дастгард и которые должны были закончить дело всей его жизни в случае неудачи.

— Что было потом? После того как все воспользовались великодушием императора? — Иллайя не скрывала интереса.

— В тот день я пребывал в столице. Помню, как спускался по Солнечной аллее к морю, и можно было легко понять, в какой стороне родился очередной мертвец — женщины пронзали своими криками стелющуюся на город тьму. Именно побег от этих криков и самого себя заставил меня оказаться тогда в Медвежьем квартале. Через какое-то время что-то заставило меня остановиться у одного дома, в котором люди не рыдали. Отнюдь. Молодые родители радовались рождению новой жизни и, о, чудо, младенец на их руках был живее всех живых. Это был ты, Спутник. Это твоим матери и отцу удалось избежать ужасной участи, уготованной и для тебя в том числе.

— Ставлю на случайность.

— Быть может. Но факт в том, что твои родители были так увлечены твоим рождением, что не подоспели к раздаче яда. Отец выбежал на улицу, наткнулся на меня, уточнил о прибытии провизии, выругался, когда услышал, что опоздал и снова с горящими глазами забежал внутрь.

— Ничего, любовь моя, — сказал он, когда оказался в доме. — Хоть все зверье из леса и

сгинуло восвояси, прокормить нашу семью я еще в силах, пусть даже для этого мне придется завалить целого медведя. Завтра с первыми петухами я отправлюсь на охоту.

Вастерас на секунду замолчал. Странника не переставало лихорадить так, будто происходит землетрясение.

— Так и началась история твоей жизни, Спутник. Страшно представить, сколько нерождённых младенцев умерло в ту ночь ради того, чтобы ты сохранил свою жизнь и исполнил свое предназначение.

— Звучит складно, — заключил странник. Как бы ему ни хотелось поспорить с чародеем и углубиться в историю, чтобы лично покопаться в фактах, он понимал, что какой бы вопрос ни задал, на любое его возражение фанатизм старого эльфа найдет, что ответить и возьмет верх. — Хотя не очень и верится. Много событий должно было сложиться именно так, и никак иначе...

— Можно удивляться так рождению каждого ребенка. Ведь для этого всегда много событий должно сложиться так, а не иначе.

Капризная пустыня успокаивалась. Ветер больше не задувал за капюшон и не разносил песчинки по вещам путников.

— Береги кольцо, Спутник. Сегодня оно спасло тебе жизнь. Это редчайший артефакт. Пока еще я чувствую связь с ним, но если мы используем его еще хоть однажды, то рассчитывать на магию, заключенную в нем, нам больше не придется.

У медведя было нескончаемое количество вопросов, но слабость оказалась сильнее любопытства. Старый чародей видел, как тяжелые веки странника давят на глаза и пытаются их сомкнуть.

— Я возвращаюсь в Старгорд. — Вастерас сунул руку в небольшую дорожную сумку, ремень от которой сейчас был перекинут через его голову. — Синее — это Полесское зелье, его хватит на три дня. Выпивать надо по целой бутылке в день, сразу после сна. Желтая жидкость — это настойка из Амкана, выпить сразу после того, как я покину вас. После нее ты проспишь целые сутки. И, Спутник... — его голос снова стал спокойным, — береги себя. — Он повернулся к девушке, — Взять вас с собой прямо сейчас я не могу, портал не выдержит троих, да и в таком состоянии передвигаться подобными путями чревато. Как только медведь окрепнет — отправляйтесь в Старгорд. Вы найдете меня в башне за стенами города, на самом берегу Вечных Вод. Она там единственная — не прогадаете.

— Стой! — Выпалил медведь и снова закашлялся. Рука ныла и навязчиво напоминала о себе. Он готов был отрезать ее, лишь бы снова почувствовать покой. — Нужно вернуться в Дастгард за Ноэми...

Вастерас замялся какое-то время, подбирая слова.

— Послушай меня, Спутник. Ноэми сыграла свою роль. Забудь о ней, у нас есть более важные цели. На твоих плечах лежит слишком большая ответственность, чтобы ты рисковал своей жизнью, отправляясь прямо в логово хищника. Это неразумно.

— Забыть о ней? — взорвался Сарвилл и забыл про боль, терзающую его плечо. — В бездну вашу ответственность! В бездну предсказания и предназначения, предначертанные возможно вообще кому — то другому. Сейчас я Сарвилл Кхолд, медведь из Дастгарда. И я возвращаюсь в столицу за теми людьми, которые будут рядом, если ваши предсказания окажутся верными.

Вастерас взял слишком долгую паузу.

— Почему ты молчишь, проклятый чародей? Что скрывается за этим мрачным видом?

Говори, сколь бы печальными не были вести. Говори правду! Я слишком часто в последнее время оказываюсь на волосок от смерти и мое терпение совсем ни к черту!

— Что ж. Возможно ты прав. Подобные вести помогут закалить твой дух, и ты имеешь полное право их знать. Принцесса Лиана на полпути в Башню Стихий — по приказу короля ее вывезли из Дастгарда. Отправлена она туда, как ты понимаешь, не с целью экскурсии, а в качестве самого что ни на есть подходящего экспоната. Боюсь, для девушки с такими развитыми способностями это путешествие может оказаться последним... Ноэми находится под стражей в королевской тюрьме под Шаарвилем, король точно будет настаивать на смертном приговоре, и Совет Тринадцати наверняка поддержит его... Что касается твоих кровных родных, они также пребывают в заключении со дня твоего побега, однако точное место их нахождения мне не известно. Убежден, что король нарочно раскидывает всех как-то связанных с тобой людей по разным углам. Он знает, что попробуй ты прийти за кем-то одним, пока ты идешь за следующим — у него будет время, расправится с заложниками. Боюсь, что ты не в силах спасти никого, дитя. Любое твое действие подобно взмаху крыльев бабочки на одном берегу Неймерии вызовет цунами на другом. Мне жаль.

Сарвилл потянулся за бутылочками, Иллая отодвинула их в сторону. В его глазах впервые разбушевалось пламя.

— Дайте мне чертово зелье! Иллая запрягай лошадей, я готов отправляться дальше.

Вастерас передал страннику бутылочку с желтой жидкостью, он залпом выпил содержимое и притаился в ожидании эффекта. В следующее мгновение неведомая сила откинула его назад, и он завалился на спину, застонав от боли и бессилия. Его зрачки расширились, огонь в глазах медведя запылал с новой силой. Все его тело ломило так, будто он упал в ледяную воду. Судороги разом охватили раненного с головы до пят. В этой агонии Сарвиллу казалось, что вместо крови по его венам побежал жидкий огонь, а в следующий момент он потерял сознание.

Иллая посмотрела на старого эльфа испуганными глазами.

— Все хорошо, — поспешил ответить на незаданный вопрос Вастерас. — Через сутки он придет в себя. Завтра, когда он проснется, тебе нужно убедить его в целесообразности строить из себя героя. Башня в Старгорде, за стенами города, на берегу Вечных Вод. Запомнила? Повтори.

И Иллая повторила.

Стало уже слишком темно. Миниатюрная сфера, меняя свои цвета, поднялась выше и спряталась за спину уходящего в горизонт мага. Несколько молний ударили в пустоту, и среди пустыни образовался светло-голубой овал, размером в человеческий рост, искажающий пространство за собой. Он проглотил чародея и исчез. Ветер продолжал грустить о чем-то своем.

*«Что ж. Я долго размышлял над трудным выбором странника... Женщины, к которым он испытывал какие-то чувства, родные — все они стояли на противоположных чашах одних весов и убрать с них кого-то одного, значило позволить упасть кому-то другому. Где было взять ту шкалу, по которой можно было бы легко измерить уровень значимости для него каждого из этих людей и поступить так, как этого требовал бы сухой расчет? Конечно, подход к делу с холодной головой — это выход, но не для человеческой расы. Человеку свойственно все драматизировать, усложнять и переоценивать свои возможности. Как, собственно, это и произошло со столь безобидным ранением, которое чуть не привело весь народ Неймерии к трагичным и непоправимым последствиям. Не знаю,*

*выжил бы странник еще раз при стечении тех же обстоятельств... Ведь заражение было серьезное, а его исцеление до сих пор считают настоящим чудом. Старый эльф, действительно, оказался настолько же велик и богоподобен в своих способностях, насколько предусмотрителен. И когда какой-нибудь любопытный зевака спрашивает у меня, был ли у странника ангел-хранитель в те беспокойные и без сомнения темные времена, я всегда отвечаю — был, его имя Вастерас.»*

*Заметки чужеземца, оставленные в храме, воздвигнутом в Сумеречной Пустоши служителями и послушниками близлежащих храмов Кассандры для заблудших путников.*

Яркий свет солнца пробивался через закрытые веки странника, он сдался и лениво приоткрыл глаза, привыкая к светлому безоблачному небу и солнечным лучам, игриво прыгающим по раскаленной пустыне.

— Очнулся? — мягкий женский голос прозвучал внезапно, нежно и негромко. Сарвилл пробежался глазами перед собой и не нашел молодую волшебницу. Рука упала на лоб медведя из-за его головы так, как и голос — внезапно и нежно. Несколько морщин, появившихся на лбу странника, когда он поднял брови, спрятали капли пота.

Иллайа сидела у его головы.

— Жар прошел, — проговорила она и подала ему воды. Медведь присосался к фляге на несколько минут.

— Сколько я проспал?

— Больше суток, — ответила она, но больше вопросов не последовало. Иллайа поняла, что странник вновь заснул.

Так прошло пять дней. Сарвилл изредка приходил в сознание, пил столько воды, сколько в него влезало вперемешку с настойкой Полесского зелья и снова уходил в сон. Оставленные старым эльфом снадобья творили чудеса — рана затягивалась, кожа приобретала здоровый вид, а с каждым разом, как странник открывал глаза, они становились все яснее.

Сама же Иллайа на второй день, соорудив навес над медведем и огородив его со всех сторон, взяла лошадей и поскакала в сторону Петли Гнома, реки, которая хоть и находилась достаточно далеко от Сумеречной Пустоши, но, по крайней мере, пустыня в той стороне заканчивалась гораздо раньше, чем если бы она выбрала поскакать в любом другом направлении. У нее ушло полдня прежде, чем она настигла оазис.

Маленький прудик, окруженный зеленой растительностью на этой забытой Богами земле, был лучшим, что ей удалось лицезреть в своей жизни. Иллайа не могла понять — толи это действительно был островок необыкновенной красоты, толи ее глаза настолько устали от местных видов, что теперь любому столь несвойственному для этой местности пейзажу она придала бы такое фальшивое значение. В любом случае девушка нашла то, за чем и отправилась в путь — пресную воду. Пока кони утоляли жажду и плескались в пруду, чародейка умылась, а после села на каменный островок посередине и принялась вычесывать из волос песок. Она находила это занятие бесполезным, но сейчас оно позволяло ей скоротать время в томительном ожидании выздоровления странника. От бесконечной езды у нее стерлись бедра, болела спина, а яблоки, которых у них было более чем достаточно, наскучили и вызывали тошноту.

Когда наступала глубокая ночь, Иллайа не могла заснуть и строила из песка корчму в Лисохвосте, которую она, без сомнения, ненавидела. Она вспоминала, как там было омерзительно — безмятежно и в то же время невыносимо тревожно. Наполнившись не самыми приятными эмоциями волшебница с огромным удовольствием разбивала ее в пыль, а на месте незамысловатого двухэтажного деревенского сооружения появлялась главная достопримечательность Дордониини — замок Шаарвиль, которым она восхищалась будучи еще маленькой девочкой и который последний раз видела много лет назад. Каждая деталь замка получалась, на удивление, близкой по точности к оригиналу, и простолюдину ни за

что было бы не отыскать различий. Расположенные вокруг замка каменные статуи — неодушевленные, но словно живые стражи покоя тамошних обитателей — вот чего ей не хватало на месте ее последнего пристанища. Чего-то столь же загадочного и мистического. Того кто был бы призван оберегать ее, даже если бы на самом деле это было не так. Потом на месте одной из статуй появлялся старый эльф. Он возводил руки к небу, и вокруг него образовывалась защитная сфера. Следом появлялись все новые и новые фигуры, между ними происходила какая-то история, на какую у уставшей волшебницы еще хватало фантазии, а потом, с взмахом ее рук, все эти объемные картины осыпались и превращались в небольшую горку, становясь тем, чем они были прежде — мелкими не вызывающими никакого интереса крупинками песка.

Часто ее глаза закрывались от усталости, и тогда она слушала песнь ветров. Ветры всегда напевали разные мелодии. Иногда насвистывали веселые и заводные, в другой раз задували протяжные романтические песни, а по ночам грустили и завывали печальные композиции. Под каждую из этих творений природы Иллая вспоминала соответствующие моменты из своей жизни и ловила себя на мысли, что большинство из них, таких разных по эмоциям, событий она пережила за короткое время знакомства со Спутником. Незаметно для себя она стала называть его именно так.

Каждый следующий день был похож на предыдущий, а настоящего завтра, открывающего новые возможности и несущего в себе то, ради чего любое разумное существо привыкло жить, не наступало. В один момент волшебнице вовсе показалось, что она попала во временную петлю: ветер пел те же самые мелодии, солнце также выкатывалось на небо с утра и заползало за горизонт вечером, кони скакали до оазиса так, как и вчера, вечером возвращаясь обратно, и только яблоки с каждым днем становились все мягче и морщились, подобно всякому старцу с наступлением каждого нового десятилетия.

И это утро не было исключением, Иллая также стояла возле лошадей, гладила их по продолговатым мордам и кормила с рук фруктами, готовясь в очередной раз отправиться к источнику, чтобы напоить животных и запастись водой.

— Сколько времени прошло? — Сарвилл спросил сухим, как песок вокруг, голосом и сбросил одеяло. Теперь рука не болела, а кожа приобрела здоровый розовый оттенок.

Чародейка обернулась. Кобыла недовольно заржала, когда яблоко выпало из ладоней девушки.

— Пять, может быть шесть дней. Я потеряла счет. Как ты себя чувствуешь? — она подошла ближе и увидела, что рана почти затянулась. — Твоя рука выглядит здоровой, а как по ощущениям?

— Лучше. Я чувствую каждое твое касание.

— Хорошо. Ты проспал довольно долго. Тебе понадобится время, чтобы прийти в себя.

— Сейчас я не могу понять, что было сном, а что произошло наяву. — Сарвилл приподнялся и нащупал пустые склянки, наполовину засыпанные песком. — Хм. Значит, Вастерас все-таки был здесь. Бездна! Я надеялся, что это кошмар, — он бессильно рухнул обратно.

— Возьми! — чародейка кинула ему яблоко. — Все гораздо лучше, чем могло быть. Ты жив.

Медведя это не утешило, но со словами чародейки было не поспорить. Он вздохнул и прищурил глаза пытаясь разглядеть яркое светило на небе.

Почти неделя для странника прошла иначе, нежели для его спутницы. Если для Иллаи

все прошедшие дни слились в один кажущийся бесконечным день, то для медведя пролетело всего мгновение.

— Пять дней. — возмутился он, — Что могло произойти в мире за эти несчастные пять дней, пока я лежал тут без сознания? Все что угодно! Иллая, надо спешить в Дастгард... или в Башню Стихий... — неуверенность тенью проскользнула в его словах. Он попытался резко встать на ноги, но голова пошла кругом и ему пришлось помедлить.

— Спокойнее. — она взяла его под руку и помогла привыкнуть к ногам. — Не торопись, дай себе немного времени. Я не хотела затевать этот разговор вот так сразу, как только ты придешь в себя, но ты не оставляешь мне выбора. Помнишь, что Вастерас наказал нам ехать напрямик в Туурин? Но мы туда поедem не сразу, да? Ясно. Ты же понимаешь, что, скорее всего, нам не удастся спасти всех?

— Что ж, тогда скажи мне, как бы ты поступила на моем месте? Кого бы выбрала? Скакать в какую сторону бы принялась? — Сарвилл стряхнул песок с одежды и натянул штаны, заправив в них нижнюю, уже давно не белую, рубаху.

— В сторону Башни Стихий. В Дастгард возвращаться опасно — тебя схватят при первой возможности. Ты даже не успеешь войти в город. Наверняка на выселках осведомлены о награде за твою голову — мы не протянем даже до ворот столицы.

Странник осушил флягу.

— Ты права. Но в другом случае у нас есть возможность спасти трех людей, — он прервался, — пожертвовав одним...

— Ты говорил, что Лиана сильная чародейка. Если мы вытащим сначала ее, она могла бы вернуться с нами и помочь в Дастгарде.

— А Ноэми могла бы помочь нам в Башне Стихий... Вопрос в том, где нам больше понадобится помощь.

— Сколько дней пути до Башни Стихий из Дастгарда? — Иллая за поводья подвела коней ближе к страннику.

Он нахмурился — его мысли заиграли в глазах.

— Двенадцать, четырнадцать...

— Вастерас сказал, что Лиана еще в пути. Если поторопимся, возможно, успеем перехватить ее до того, как она пересечет Петлю Гнома, и тогда король не узнает, что именно ты освободил его дочь. Это сыграет нам на руку — если Его Величество не будет знать кого винить, то и оставшимся у него заложникам ничего не грозит.

— Если он вообще спохватится дочери...

— Это был бы наилучший исход. На месте придумаем, как освободить принцессу и сразу отправимся в Дастгард. Да, мы потеряем несколько дней, зато появится шанс, помочь всем без исключения. Выбор в любом случае за тобой. Решай. — Иллая договорила и шмыгнула носом. Она не понимала, хорошая ли это идея, но на первый взгляд план показался ей удачным. Одна из лошадей дернула головой и игриво, почти беззвучно, застучала копытами по мягкому песку.

Медведь медленно забрался на лошадь.

— По крайней мере, это лучшее, что мы можем сейчас сделать, — произнес он и тронул коня с места.

Волшебница запрыгнула на свою кобылу и послала ее в галоп следом за странником.

Пустыне не понадобилось много времени, чтобы стереть все следы пребывания гостей. Одеяло, которое прежде согревало странника, зарылось в песок. Кактус зацвел — когда

путники были уже далеко из бутона появился первый снежно-белый лист.

\*\*\*

— Смотри. Туда, на восток, — Иллая сделала плавное движение рукой в сторону Девичьей Горы, той, что возвышалась за Петлей Гнома, а ее вершина уходила высоко в небо и пряталась в облаках. — Вот это уже не звезды, это огни в окнах Башни Стихий. Свет сильный, явно созданный с помощью магии. Я слышала однажды, что подъем до башни может занять целый день и что он настолько крутой, что коней путники обычно оставляют у подножия и поднимаются пешком.

— Путники? Скорее обреченные узники большой фантазии Рогара.

— Что ж. Надеюсь, мы успели вовремя и нам не придется испытать последствия всех этих фантазий на себе.

Странник и волшебница разбили лагерь на берегу реки так, что высокие заросли прятали их от чужих глаз, но открывали отличный вид на подножие Девичьей Горы. Между ними, играя тенями, потрескивал костер.

Петля Гнома брала свое начало у Горы Ревности и дугой огибала Девичью Гору, которая и прятала в своих вершинах Башню Стихий. Особо острые на ум картографы дали когда-то такие названия каменным близнецам, расположенным очень близко друг к другу, аргументируя это решение тем, что вершины этих гор не могут существовать друг без друга также, как не могут существовать раздельно два их названия. Реку, будоражащую своим сильным течением всю округу, невозможно было перейти вброд. В этих местах у нее были крутые берега и до самого Туурина имелся всего один мост, ведущий на другую сторону — к башне. Через него и ложился Змеиный Тракт.

Так после недолгих рассуждений странник принял решение наблюдать именно за мостом, потому что в таком случае было бы невозможно пропустить королевский конвой, что являлось недопустимым и рушило бы все их планы на корню. Мост был деревянный, ветхий и скрипучий, по форме напоминая радугу, он отталкивался от одного берега и приземлялся на другой.

Нередко здесь можно было увидеть небольшие рыбацкие судна, отплывавшие от Туурина с целью большего улова. Другие просто наживались на том, что переправляли путешественников из восточного королевства как можно дальше на юг по реке, и те оттуда гораздо быстрее попадали на земли Дордонии. Кто-то и вовсе пользовался этим водным путем только для того, чтобы попасть к озеру Антакриэль и попытаться выловить со дна какую-нибудь диковинку, которую эльфы тщательно оберегают, но почему-то оставили без защиты — за подобного рода информацию горе-охотники за сокровищами не раз отдавали свое последнее накопленное имущество.

Что касается самого восточного королевства — Петля Гнома была отличным торговым путем между городами Туурина. Пуна, Асаи и Старгорд могли своевременно пополнять свои запасы тем, чего в одном городе было в изобилии, а в другом — считалось редкостью. Так, например, Старгорд поставлял соседям металлы дляковки оружия и доспехов, а Асаи развозил по округе особый вид чая, который был запрещен в королевстве потому, что реальность у выпившего его сильно искажалась и заставляла совершать поступки, выходящие из ряда вон.

— Я слышала, что Башню Стихий никто не строил. — Иллая говорила спокойно и размеренно, словно задул легкий ветерок. — Одни утверждают, что раньше у горы было две вершины. Из той, что была ниже, первые наземные гномы выдолбили эту башню, чтобы

показать свое мастерство и могущество тем, кто относился к их появлению на поверхности с пренебрежением и даже некоторой брезгливостью. А еще я слышала версию о том, что какой-то могучий некромант возвел ее из костей тех, кто давно усоп и покоился в окрестностях Девичьей Горы и поэтому эта башня считается сейчас такой неприступной — будто многотысячная армия мертвецов охраняет свои останки от тех, кто попытается нарушить их покой.

— Мы тут уже два дня, — не сдержался странник и кинул косточку в воду. Течение ловко подхватило ее и унесло прочь. — Что, если мы опоздали? Что, если старик дал нам неверную информацию и Лиана уже давно в этой проклятой башне, а мы попросту теряем время? А пойти сейчас на вершину, значит потерять еще два дня...

— Надо выждать еще хотя бы день. Если никто не появится тут завтра, вернемся в Дастгард. В любом случае мы уже сделали выбор и прошедших дней не наверстать.

— Не могу сидеть тут без дела, когда сделать нужно так много, — странник от бессилия бросил в воду еще одну кроличью кость, заросшую мясом.

Округа была наполнена только самыми знакомыми страннику лесными звуками, журчанием сильного течения реки и запахом только что пожаренной крольчатины.

— Могу я спросить тебя... — Иллая потянула руки к костру, чтобы согреться. — Скажи, что для тебя значит принцесса? Я не понимаю твоих намерений. Я вижу, что ты испытываешь чувства к черноволосой чародейке, но вытаскивать из плена мы отправились серебряноволосую.

— Мы были близки. — Ответ медведя был холодным и скупым и нисколько не намекал на продолжение разговора.

Волшебница даже не подумала смутиться, более того, она продолжила настаивать на развитие большой для странника темы.

— Когда мы поможем ей, вы снова сможете быть вместе.

— С чего ты взяла? Нам с ней никогда больше не быть вместе. Слишком много сказано и теперь все, что было между нами — в прошлом. Лиана сама решила разорвать все связи, а поможем мы ей исключительно потому, что только я виновен в том, что сейчас ей сулит бесконечная пытка с печальным концом в виде ужасной и мучительной смерти. — Сарвилл огляделся.

— В таком случае, когда мы спасем принцессу, что дальше? Король пошлет армию, чтобы отыскать свою дочь. Он перевернет всю Неймерию с ног на голову и не успокоится, пока не узнает, что с ней случилось. — Иллая подошла к страннику и посмотрела на беспокойную воду.

— Что дальше? — Сарвилл не знал, что дальше, и некоторое время молчал, непринужденно расшатывая рукой камыши перед собой. — Она может направиться в Творс. Там маги на хорошем счету, а все чародеи со способностями имеют высокие титулы и обязанности при императорском дворе.

— Спрятать ее в стане врага? Здравая мысль. Возможно, король и стал бы искать там в первую очередь, если бы только это был не Творс. Хорошо. А что, если взять ее с собой? Она будет сильным союзником, если все, что говорил Вастерас правда. Быть может вы снова сможете быть вместе.

— Чего ты добиваешься, Иллая? Хочешь поговорить откровенно? Тогда слушай. Если бы я не испытывал чувства вины, то прямо сейчас оседлал бы коня и отправился за Ноэми. — Сарвилл посмотрел на волшебницу пронзающим неприятным взглядом. Она не

ответила.

— Я любил Лиану... — сказал он спустя некоторое время. — Или мне казалось, что любил? Когда я в последний раз видел ее, она призналась, что никогда не испытывала ко мне тех же чувств, и все, что между нами произошло, было для нее не больше, чем обычное развлечение — игра, в которую так интересно играть, будучи в самом расцвете сил. После того откровенного разговора мне следовало сделать какие-то выводы, только вот время выпало не самое подходящее, меня почти сразу заключили под стражу, а там, знаешь, не до дел сердечных. В той ситуации единственное, чего ты желаешь, это не сгнить на том же месте, на котором ты стоишь, ешь и справляешь нужду. Что же касается моих чувств — да, я вспоминал тот разговор не раз после того, как сбежал, и каждый раз это доказывало мне, что мы поступили правильно. Лиана мне как сестра — не больше. Теперь я понимаю.

— А Ноэми?

— Довольно.

Ночь окутала путников морозным ветром, своими сильными и резкими порывами он заставлял их содрогаться. Девушка молчала, скрестив руки на груди и, пытаясь согреться, растирала плечи. Звезды на небе загорались одна за другой, словно отвечающий за их свечение слуга принялся за работу и шел по облакам, прикладывая горящий факел к каждой еще холодной звезде.

— Как думаешь, предсказание Вастераса может сбыться? — волшебница тяжело выдохнула.

— Предсказание? Не будь наивной. Старик бредит. Возможно, он ловко управляет своим языком, но годы не пощадили его ум. Нечто спящее в недрах земли и разбуженное грешниками... небеса рухнут на землю... Не смейся. Из всех чувств на свете он вызвал во мне лишь сочувствие.

— Значит не веришь, — она озабочено посмотрела на него.

— Отчего же?

— Сарвилл, я могу вызвать землетрясение, повелевать землей! Ты можешь управлять огнем! Я клянусь, что, если кто-то многие тысячи лет назад предсказывал это — его тоже называли безумцем! Неужели его история не тронула тебя?

— А если тебе скажут, что гномы размножаются, высиживая огромные яйца у себя в Городе Гор, ты поверишь? — он улыбнулся. — Ложись первой, я останусь нести караул.

Волшебница промолчала и пошла в сторону лежака.

— Поверю, — сказала она, когда уже легла и накрылась одеялом. Сарвилл еще раз улыбнулся, оторвал стебель камыша и затеребил его в руках.

\*\*\*

— Тише, — шепотом произнес странник, прикрыв разбуженной чародейке ладонью рот, чтобы она не закричала от испуга. — Гляди. — Раздвинув заросли, он показал в сторону Девичьей Горы.

У ее подножия спешивались с коней королевские палadini. Ветер трепал знамя короля Рогара, на котором лев вцеплялся в глотку дракону. Люди что-то бубнили, выкрикивали ругательства, стряхивали с себя дорожную пыль и озабочено возводили глаза вверх, устремляя свои взгляды на Башню Стихий. Все дастгардцы, что были на виду, принадлежали к касте воинов — каждый из них был облачен в железные доспехи.

— Мы проспали. Теперь нужно придумать новый план. И как можно скорее, — медведь сжал челюсти так, что на его лице заиграли скулы.

Сперва они хотели перехватить конвой на мосту, где, выждав подходящий момент, чародейка могла бы землетрясением разрушить его и расколоть королевскую охрану на две части — тех, кто уже преодолел мост и тех, кто остался на другой стороне. Так шансов отбить принцессу было бы гораздо больше — две дюжины королевских паладинов хоть и не беззащитные соперники, но они значительно слабее полусотни подобных бойцов. Сейчас же, когда их единственный козырь был бит, оставалось немедленно продумать запасной план, а еще лучше начинать тут же воплощать его в жизнь.

— Я не помню, как заснул, а когда проснулся, паладины уже пересекли реку.

— По крайней мере, теперь нам не придется ее переплывать... Что будем делать? — Иллая протерла глаза — они слезились, болели и не желали полностью открываться.

На небе висела полная луна, временами забредавшая за густые тучи. Было холодно и сыро, а в воздухе пахло влажностью и лошадиными кучами только что проехавшего мимо конвоя.

— Нам ни за что не освободить принцессу с боем. Отряд хорошо обученных паладинов в одночасье разделается с нами, какую бы магию мы не применили, — медведь в отчаянье стукнул по высокой траве перед собой, она закачалась и скоро приняла привычное положение. Он повернулся к лесу, вглядываясь в него и бурно размышляя вслух. — Оставим затею освободить ее? Вернемся за Лианой позже?

— Ты уверен?

— Я уверен в том, что что бы мы сейчас ни придумали, это будет равно самоубийству.

— Но должен же быть какой-то выход? Вспомни кого-нибудь хитрее нас из всех, кого ты встречал раньше. Как думаешь, такой человек смог бы что-нибудь придумать, оказавшись в нашем положении?

— Кто-нибудь хитрее нас не полез бы в эту авантюру вовсе, — Сарвилл наклонил голову, продолжая вглядываться во мрак леса и скрестив руки на груди.

И тут он вспомнил своего близкого друга, алхимика, который всегда говорил, что цепляться нужно за каждый шанс, который предоставляет судьба, а если этот шанс выпал не тебе, то и за него тоже — нет ничего лучше, чем ввязаться в самую сомнительную авантюру, которая имеет хотя бы мизерные шансы на успех и может сделать тебя счастливее, чем был вчера, вспомнил он дословно воодушевляющую речь Седрика в один из последних дней его пребывания на воле — до событий, всем известных.

— Есть! — странник сорвался с места, быстрым шагом, вновь подошел к берегу и выглянул из зарослей. — Кажется, у меня есть план. Сколько, ты сказала, времени занимает подъем на гору?

— Сутки, быть может, меньше.

— Значит, если им понадобятся целые сутки, чтобы доставить Лиану в башню, они сделают привал! — возбужденно проговорил медведь. — Так и есть! Гляди, они разбивают лагерь!

Когда Иллая посмотрела на долину у подножия горы, люди там действительно готовились к ночлегу — они раскладывали палатки и шатры, вбивая колья в землю и разнося глухие стуки по окрестностям.

— До рассвета часа четыре, — продолжил Сарвилл, разжевывая тростинку, которая, откуда ни возьмись, оказалась у него во рту. — Когда все заснут, помешать освободить принцессу смогут только караульные по периметру лагеря и стража у шатра. Нам нужно придумать, как избавиться от них, после чего мы проскользнем внутрь и вывезем ее из

лагеря. Этот план еще лучше первого, теперь мы наверняка можем повернуть все без человеческих жертв, без которых сложно было бы обойтись при землетрясении! Риск минимален, Иллайа!

Странник заходил по поляне, на которой они ночевали уже несколько дней, резвым тяжёлым шагом, наматывая круги, один за другим.

— Боюсь, что вероятность смертей в этом случае более высокая, Сарвилл. Как ты собираешься избавиться от караульных? А что, если они успеют поднять тревогу и нам придется защищаться? Ты же не думаешь, что охрана сама сложит оружие? Без жертв точно не обойдется. Хотя бы тех, кто не будет спать.

— Мы никого не убьем, Иллайа! — он сильной хваткой взял ее за плечи. — Слышишь? Довольно с меня мертвецов. Иначе, зачем это все? За что мы боремся, скажи мне? За людей? Магов? Собственные жизни? Мы боремся за все вместе, а самое главное за то, чтобы никто не умирал вот так, когда для кого-то его смерть облегчала бы существование. Даже если единственным выходом прекратить эту негласную войну с королем, будет его убийство — мы до последнего не сделаем этого. Если только обстоятельства или самые обычные инстинкты нас не заставят. А пока у нас есть выбор — нет. Мы всячески избегаем подобного исхода, ясно?

Он отпустил чародейку и отвернулся тяжело выдохнув.

— Какие у нас еще есть варианты?

Чародейка покорно подошла к нему и притаилась за спиной.

— Есть одна идея, но надо дождаться, пока выставят караул, — ответила она и принялась высказывать свои мысли одну за другой.

План, который родился у зеленоглазой в голове, был непростой, а для того, чтобы углубиться в него подробнее ушло время, за которое королевский конвой, что расположился под Девичьей Горой, успел разбить лагерь и выставить караульных.

Отдыхающие воины ходили меж шатров, пошатываясь и напевая различные военные песни, то и дело, портя их ужасными «ик» прямо посередине какого-нибудь патриотичного куплета. Дикая птица кружила в воздухе в ожидании добычи, которую человек обязательно забудет снять с вертела или выбросит за границу лагеря почти целиком, когда полностью утолит свой голод и потеряет любые чувства, кроме насыщения. Еще через какое-то время голоса, слышавшиеся до этого с разных сторон, в едином порыве напоминающие нечто похожее на один живой дышащий организм разладились и превратились в фальшивящий храмовый хор, впервые певший совместно и режущий слух. Вскоре голоса и вовсе затихли, в воздухе растаял запах жареного мяса, а тлеющие угли запустили в небеса тонкие струйки дыма.

— Как я и предполагал, король отправил с принцессой бессменные четыре дюжины своих паладинов, — шепотом произнес странник, — караульных четверо, и гляди, они не патрулируют вокруг лагеря, а стоят по разным сторонам на страже.

Медведь выглядывал из-за большой каменной глыбы, лежащей совсем рядом с Девичьей Горой, руками опираясь о холодную гладкую поверхность.

— Шатер, где держат принцессу, расположен в самом центре, на случай если пленница решит сбежать, от свободы ее должно отделять множество лучших воинов Дордонии в какую бы сторону она не сочла пойти. Поэтому не имеет значения, с какой стороны и нам попадать внутрь, — продолжил он, — ни с какой из них не будет ни легче, ни тяжелее. Зайдем оттуда — справа.

Молодая чародейка сделала несколько движений пальцами, и платье соскользнуло с ее тела, юркнув в высокую неуютную траву. Естественная красота ее бедер была ничуть не хуже естественной красоты всего остального. Странник, ненадолго задержав взгляд на спутнице, застенчиво отвернулся, а девушка решительно прикрыла руками самые интимные места. Никто из них в эту минуту не проронил ни слова.

Паладин, неподвижно стоящий с восточной стороны лагеря, оглядывал округу умело жонглируя глазными яблоками направо и налево. Ходили слухи, что королевские рыцари благодаря многолетней выучке могут нести стражу сутками, отрываясь только на то, чтобы промочить горло и справить нужду, а первый из них и вовсе, как говорили, закаменел в таком состоянии и до сих пор несет свою стражу внутри старого гномьего Шаарвиля.

Пригорок перед воином хорошо освещался луной и огнями — с одной стороны из лагеря, а с другой с высоты Башни Стихий. Силуэт обнаженной девушки мелькнул в поле зрения королевского стража и спрятался в зарослях высокой травы. Еще раз. И еще. Паладин не реагировал. Он продолжал стоять неподвижно и внимательно изучать большие груди и тонкую талию девушки, погружившись в раздумья о том, как следует поступить — ни один кодекс не давал права смотреть и представлять женские прелести на посту, но и другим пунктом категорически запрещал игнорировать любое подозрительное действие, неся стражу. Но пока он не принял никакого окончательного решения, позволял своему взгляду устремляться на расчесанные волосы, которые ниспадали на лицо и плечи незнакомки. Ее белые ровные зубы засверкали в ехидной улыбке, словно отвечая взаимностью его глазам.

Доспехи легко громыхнули на паладине, когда он повернул голову налево, затем направо. Иллайя уже не переставала ощущать тяжелый взгляд мужчины. Сталь, прятая внутри себя человека, неуверенными шагами двинулась в ее сторону, отмечая каждый свой шаг еле слышным скрежетанием. Девушка, хихикнув, скользнула в кусты. Паладин еще увереннее пошел в ее сторону.

\*\*\*

— Все знают легенду о дриадах из Трепетного Леса, — сказала тогда Иллайя Сарвиллу, излагая идею о том, как можно отвлечь караульных, — в корчме в Лисохвосте я неоднократно слышала эти рассказы. Все мужчины, конечно кроме охотников на дриад, жаждут овладеть одной из них. Они рассказывают, будто лесные девы в постели, словно дикие валькирии. Ночь, проведенная с ними, не забывается никогда, а мужская сила продлевается на долгие годы. Другие говорят будто, если удовлетворить дриаду, она покажет место, где прячет сокровища, накопленные за многие столетия своей бесцельной жизни с тех, кто возжелал ее, но скончался от разрыва сердца, лишь увидев ее прелести наяву — изумруды, жемчуг, алмазы и другие драгоценности, которые пользуются необычайным спросом. Третьи говорят, что она может родить мальчика, истинного воина, того, кому не будет равных, ни в бою, ни в уме. В общем, сколько мужчин прошло через нашу корчму, столько предположений о существовании дриад я слышала. Одно я знаю точно, каждый кто когда-либо слышал подобную историю, жаждет встретиться с дриадой и проверить силу этих предположений на себе. Понимаешь, что я хочу сделать?

— Даже если кто-то из этого отряда и слышал эти байки, Иллайя, то он ни за что не рискнет головой из-за какого-то мифа, — не согласился тогда с ней медведь, — Эти королевские паладины, воины редкой выучки, во время подготовки к службе они проходят тысячу испытаний на выносливость и на верность. Я слышал при посвящении и присвоении высшего звания одного из родителей послушника убивают у него прямо на глазах, чтобы

проверить его верность ордену, а тот не должен и глазом повести. План не сработает, нужно придумывать что-то другое...

— Каждый паладин, прежде всего, мужчина. Я никогда в жизни не встречала мужчину, который бы отказался от женской ласки, а я вовсе не дриада. Только не заводи шарманку про мужеложцев, они тоже готовы на многое ради некоторых из женских приемов. По большому счету выбирать нам не приходится, ведь так?

— Хорошо, а как же другие версии легенд о дриадах? От охотников на дриад. Как, например, та, что после ночи с лесной девой счастливец, получив высшее наслаждение, на утро обнаруживает стрелу у себя в горле. Что если эти рыцари слышали, как раз эту историю?

— Значит он захочет овладеть мной и прикончить, не дожидаясь рассвета. — она сделала короткую паузу. — В любом случае я просто заведу его в лес и скроюсь, а через какое-то время, встретимся вон за той каменной глыбой.

\*\*\*

Как только стражник отошел со своего поста подальше в сторону Трепетного Леса, преследуя молодую чародейку, странник прокрался в лагерь. Среди грязных и замусоленных шатров было тихо. Только ветер изредка завывал в расщелинах скал, возвышавшихся неподалеку.

Увидев, как из одной из палаток вышел паладин, странник нырнул за ящики с провизией, которые также везли в Башню Стихий. «Значит, патруль по лагерю все же есть — тут мы промахнулись», — подумал он, прислушиваясь к монотонному звуку отдаляющихся шагов.

«На случай, если что-то пойдет не так», — он достал кинжал и сильно сжал рукоять — жесткая кожа, окутывавшая эфес, слегка закрипела в кулаке. Затем медведь последовал за патрулирующим стражником, поочередно прячась сначала за ящики, потом за шатры, лошадей, растяжки, на которых сушилось белье, бочки с непонятным содержимым внутри, которое выливалось при малейшем толчке. Далее он долго укрывался за стойкой с оружием Ордена Защитников, пока, наконец, не остановился позади шатра, где за толстой парусиной с внутренней стороны глухо донеслось: «Лори! Лори!».

Двоякие чувства овладели в тот момент его разумом, а сердце заколотилось, как у наивного юнца. Звуки ностальгии, доносящиеся изнутри, согревали и погружали обратно в тот сон, который когда-то начался для него легким счастливым приключением, а закончился кошмаром, в который он поклялся никогда не возвращаться. Сарвилл понял, что безумно скучал по принцессе несмотря на те слова, которыми она не щадила его в их последнюю встречу. Теперь он на собственном примере понимал, что нет ничего сильнее истории, пережитой когда-то вместе.

Медведь бесшумно вспорол ткань и медленно, оглядываясь по сторонам, вырезал небольшое отверстие, чтобы смочь пролезть внутрь — кусок парусины свалился на землю, а через несколько мгновений странник оказался в шатре. Он ничего не видел, кроме нескольких красно-желтых углей, лежащих в самом центре помещения и упрямо не освещающих пространство вокруг.

До боли знакомый и приятный запах ванили перебивал вонь еще дымящегося костра.

— Кто здесь? — послышался женский знакомый голос. — Говори, иначе я закричу! Ну! Что я сказала? Считаю до трех. Паладины явятся сюда в мгновение ока, а тебя порубят на куски и подадут к столу короля еще свеженьким.

В ответ раздался мелодичный свист — тот, на который в Шаарвиле принцесса привыкла выглядывать в окно, тонко улыбаясь своему возлюбленному и по непонятной причине покрываясь мурашками от этого звука с головы до пяток. Темнота вместе с Лианой громко и душераздирающе всхлипнула и зарыдала всеми силами стараясь быть тише и не поднять тревогу. Сарвилл, медленно и осторожно ступая, шел в сторону звуков, которые издавала принцесса, пока не коснулся ее мягкой руки.

Странник немедля обнял пленницу, чувствуя щеками сырость ее щек — она отвечала на его объятия, сильно сжимая свои руки вокруг его шеи, мельтешила ими по его лицу словно пытаясь нарисовать картинку внешности медведя на ощупь, чтобы вспомнить каждую черту его лица и снова почувствовать его рядом. Почувствовать их вместе.

— Это я, Ли. Теперь все будет хорошо, — успокаивал он. — Нужно уходить, у нас мало времени.

— Я люблю тебя, Сар! — шептала она в ответ, не выпуская его из объятий. — Люблю тебя, слышишь! Все, что я сказала тогда в Шаарвиле — ложь! Я безумно скучала по тебе!

Странник не понимал, что именно принцесса хочет ему сказать, да и в этот момент не пытался ни понять, ни слушать ее. В его голове крутились только мысли о том, как им выбраться из вражеского стана и унести ноги до тех пор, пока паладин, приносящий утренний завтрак не спохватится и не поднимет всех на уши.

— Пойдем, у нас еще будет время поговорить об этом.

— Я не могу, — отказала Лиана и выпустила его из рук. — Если бы я могла сбежать, то давно бы сделала это. Я прикована.

Сарвилл повел рукой по щиколотке принцессы и наткнулся на железные оковы, схватившиеся на ее лодыжке — цепь звякнула, когда он потянул за нее.

— У кого ключ, Ли? Если я попробую разбить цепи — вся округа сбежит на шум.

— Не знаю. Может быть у командующего, может у охраны снаружи. Он может быть у кого угодно. Оставь меня. Я благодарна, что ты пришел за мной и мне легче уже от того, что теперь ты знаешь правду.

Сарвилл даже не думал о том, чтобы оставить принцессу.

— Вариантов нет, — он встал в полный рост, — честно говоря, я бы сильно удивился, если бы все прошло по задуманному.

Он растянул цепь по земле, перед этим предусмотрительно убрав в сторону пушистый ковер, вероятно связанный из овечьей шерсти и смердящий даже на расстоянии. Принцесса увидела, что в темноте зажглись два маленьких огонька — странник оказался ей еще ближе, чем она всегда думала, для нее стало истинным открытием то, что в ее возлюбленном сосредоточилась та же сила, что и в ней, разве что другого начала. Медведь направил руку, открытой ладонью, на место, где два из множества звеньев сцеплялись друг с другом намертво — угли, что лежали посреди шатра на мгновение превратились в огонь и тут же погасли. Странник сделал еще несколько попыток, но огонь так и не возродился, чтобы расплавить металл.

— Цепь из трита, — наконец сказала Лиана, когда медведь в отчаянии рассек воздух перед собой, разочарованно выдохнув. — В пределах этого шатра все попытки воспользоваться магией тщетны. Не прошло ни одной ночи с той поры как мы выехали из Дастгарда, чтобы я не попробовала вырваться, но как видишь мне так и не удалось добиться успеха. Уходи, Сар! — Она уже успела пожалеть, что рассказала ему правду о том, что ее слова были ложью, во второй раз подобный трюк точно не возымеет успеха и теперь

странник ни за что не отступится, пока не перепробует каждую возможность выбраться вместе.

— Кузнец! — громче нужного из темноты выкрикнул Сарвилл. — С вами путешествует кузнец? Я знаю, что Орден Защитников не выходит на большак без оружейника.

— Есть. Вернее, был. Я точно видела его днем на прогулке.

Медведь молча выглянул в отверстие через которое попал внутрь, осмотрелся и вылез наружу.

С того момента, как он ушел, прошли считанные минуты, но надежда на его возвращение таяла так быстро словно он отсутствовал целый день. Лиана не могла отвлечься ни на одну другую мысль кроме тех, что были связаны с медведем. Она все время думала о нем, каждой своей мыслью боялась за него, любила его и желала его возвращения. Доказывала сама себе, что больше всего в жизни хочет, чтобы он сейчас снова оказался рядом, чтобы они вместе могли сбежать от всех и у них появился выбор, выбор, который, наконец, они смогут сделать сами — ни король, ни обстоятельства, никто на свете не примет решение за них.

Потом ей стало страшно. Страшно за него. А что, если он не вернется? Только в эту ночь принцесса поняла, за что полюбила странника. Он был храбрым. Не бесстрашным, нет. Именно храбрым. Ее руки помнили, как дрожали его пальцы, перед тем как он принялся освобождать ее, но это не остановило медведя. Страх жил в нем, как и в любом другом здравомыслящем человеке, но не владел им.

— Тревога! — загоготал кто-то снаружи, вырвав принцессу из своих мыслей. — Тревога! В лагере лазутчик!

Ее сердце отчаянно заколотилось и сотрясало изнутри. Больше всего принцессу убивала невозможность встать и кинуться ему на помощь — просто сделать что-нибудь, а не сидеть в кромешной тьме, обездвиженной и бессильной.

В этот раз Боги были милостивы — странник, запыхавшись, влез в шатер. Сейчас она видела его силуэт, а у в руке у него лежал большой молот. Он схватил один из камней, окружавших угли и подложил его под цепь.

— Приготовься, — сказал он, занося кузнечный инструмент, — как только разобьется, нужно будет уносить ноги.

Он ударил несколько раз. Цепь не поддавалась, она гнулась, отскакивала в сторону, но не ослабляла хватки.

Сарвилл судорожно и изо всех сил продолжал колотить по звеньям и вспоминал все, что когда-то знал об этом необычном и упрямом металле. Трит — редкий материал, обладающий свойством блокировать магию, вспоминал он слова своего учителя кузнечному делу, ты и представить себе не можешь, как много моряков отправилось в Бурлящую бездну Жалкого Моря при попытке достать с морского дна хотя бы пуд этого металла, говорил он. В конечном итоге все, кому трит был жизненно необходим, покупали его у купцов с севера за баснословные деньги, а при попытке разведать у них загадку добычи металла, те брали обед молчания и очень скоро покидали город. Многие оружейники со всей Неймерии, во времена Последней Войны между инквизицией и магами, хотя бы однажды пытались выковать из него панцирь, но при первой проверке на прочность металл раскалывался на мелкие осколки и терял всякие полезные свойства при последующей перековке. Поэтому странник точно знал, что вот-вот цепь лопнет — стоит только правильно расположить ее на камне, чтобы от следующего удара она не скатилась в сторону.

Получилось. Несмотря на то, что загадочный материал был сплавлен с более крепким металлом, он легко поддавался, и цепь перестала быть цепью.

— Уходим, — произнес странник, помогая принцессе подняться на ноги.

Чародейка подчинилась и, держа его за руку, направилась следом.

По всему лагерю звенели латы. Командующий Ордена Защитников выкрикивал приказы один за другим, не дожидаясь исполнения первых. Разбуженные среди ночи рыцари разбредались в разные стороны, что-то бубня себе под нос, делились версиями возможных укрытий незваного гостя и приказывали своим оруженосцам в скором времени подать им меч, щит, копьё и коня.

Странник выглянул из шатра. Увидев, что воины рассредоточиваются по всему лагерю, он рассмотрел единственный возможный вариант — бежать напролом, надеясь на то, что ни один из паладинов не осмелится стрелять в них из-за вероятности сразить королевскую дочь насмерть.

Так они и поступили. Как только один из рыцарей заметил две подозрительные фигуры, бегущие из шатра принцессы, он тут же во всю глотку заорал:

— Лазутчик здесь! Все сюда! Все к шатру принцессы!

Крик защитника разнесся по всей долине, заливаясь в уши всех его соратников до единого и на многие версты вокруг так, что даже Иллая услышала его. Она только успела вернуться на то место, где они условились встретиться и надеть на себя платье. В далеком голосе неизвестного рыцаря она слышала, как рушится их план. Она прокрутила в голове все варианты развития событий и не нашла лучшего выхода...

Странник тянул принцессу за собой, не позволяя ни на мгновение сбавить темп. Чародейка бежала на пределе своих возможностей, то быстро перебирая ногами, то припрыгивая и спотыкаясь, еле удерживаясь на ногах. Несмотря на прилично набранный темп, медведь понимал, что уйти далеко у них не получится, даже если учитывать фору, которая у них была.

Три дюжины паладинов в погоне за беглецами растянулись на версту, напоминая равнодушного и хладнокровного удава, преследующего свою жертву. Остальные рыцари седлали коней и пускались в галоп, оставляя пожитки без присмотра, поставив в приоритеты королевскую дочь, которую любой ценой нужно было доставить в Башню Стихий — не исполнить приказ короля было для воинов Ордена Защитников хуже смерти, хотя в этом случае она также безотлагательно настигала их.

Погоня могла продолжаться долгое время, возможно даже она ушла бы далеко за пределы моста, пересекавшего Петлю Гнома, но судьба распорядилась по иному — в один момент глухие раскаты на всю долину не то грома, не то чего-то, поразительно напоминающего природное явление, заставили всех остановиться и поднять глаза вверх. Всех, кроме уносящих ноги Сарвилла и Лианы, которые и не думали останавливаться, зная, что, если паладины настигнут их, второго шанса сбежать не будет.

Девичья Гора гудела и скрипела, пронося затяжной гул над головами людей беспокойным ветром. Паладины, обернувшись на страшный грохот, заморожено глядели на вершину и неуверенно пятились. Высоко в облаках, там, где гора прятала свой пик, громыхнуло, а землю затрясло так, словно с самих небес на подмогу беглецам скачет многотысячная кавалерия.

Очень скоро все смогли убедиться в этом. Только вместо тысяч воинов на лошадях, с развивающимися знаменами и занесенными мечами, на гостей долины на

умопомрачительной скорости неслись, не замечая ничего на своем пути, глыбы заснеженных камней. Некоторые из них по размеру достигали нескольких саженей в ширину и столько же в высоту. Глыбы с грохотом падали к подножию горы, раздавливая расставленные там по случаю привала шатры; коней, которых не захотели или не успели взять с собой; оружейников, что не успели убежать далеко от лагеря. Все, что было на поверхности, в одночасье оказалось буквально стерто с лица земли. Камни, что были меньше по размеру, по инерции катились на тех, кто в погоне успел убежать дальше от лагеря.

Рыцари пустились в бегство от обрушившейся на них каменной лавины, рассыпаясь в разные стороны в надежде, что обвал погребет все, что в другой от них стороне. Не угадал никто. Все до единого оказались погребены заживо под толстым слоем каменной массы. Люди кричали, кони отчаянно ржали и все эти крики со временем превратились в глухие, еле слышные стоны.

Остатки лавины будто встретились с невидимой стеной прямо за спинами принцессы и странника, когда уже настигли их и должны были накрыть толстым каменным слоем. В тот момент Иллайа оказалась рядом и уже опускала трясущиеся от напряжения руки и наполненные слезами глаза. Пыль медленно падала к подножию Девичьей Горы, а снег, круживший в воздухе, таял и исчезал во мгновение ока.

Принцесса обернулась, когда поймала грустное настроение незнакомой девушки и в тот же миг на ее беспристрастное лицо легла гримаса печали. Место, которое не так давно было заполнено жизнью, теперь смердело бездушной пустотой, а смерть разгуливала по долине чинно и без зазрения совести. Лишь редкие глухие стоны с разных сторон напоминали о паладинах.

На какое-то время все трое выживших погрузились в молчание.

— Ты должен был меня оставить! — заговорила принцесса, казалось, обращаясь к горе. Неожиданно и беспокойно. — Я знала многих из этих людей. У них есть дети, жены, матери, — продолжала она, делая продолжительные паузы для того, чтобы набрать пыльный воздух в легкие. — Они просто выполняли свой долг, а мы убили их всех до единого. Сарвилл, скажи мне, разве моя жизнь стоит жизнью всех тех людей, что теперь погребены заживо?

Странник ответил многозначительным молчанием.

— Справедливо ли что в своем походе они должны были защищать меня от опасности извне по пути в Башню Стихий, а на деле я оказалась их истинным проклятием? Выходит, Люция была права на твой счет, когда сказала, что ты затеешь великую войну, и тысячи людей будут умирать...

Сарвилл еще некоторое время молчал, потом отряхнул пыль с плеч и колен.

— Не я затеял эту войну, Ли. — Наконец произнес он. — Война началась тогда, когда на моей шее затянули петлю. Если хочешь, война началась тогда, когда король пожертвовал тобой, отправив на верную смерть в Башню Стихий. Быть может, война началась тогда, когда Хранитель Порядка забрал у меня того, кто спас мне жизнь.

Принцесса не могла знать о ком идет речь, но Иллайа понимала, что в скором времени им предстоит отправиться в Дастгард.

*«Тогда, под каменной лавиной, сошедшей напрямиком с Девичьей Горы, погибли все. Все кроме одного. Мне бы ни за что не удалось настолько сильно прочувствовать всю глубину этого момента, который так значительно и кардинально что-то поменял внутри странника, если бы я сам не побывал на месте происшествия, благодаря истории*

*единственного выжившего, в которую я погружался с каждым его словом все сильнее и сильнее, пока вовсе не стал видеть перед собой образы несчастных и преданных своей клятве паладинов, задыхающихся от сдавленных грудных клеток и истекающих кровью, не в силах выбраться из-под завалов и помочь себе, а вынужденных ждать медленной и неизбежной кончины. Да уберегут Боги от подобной участи любого, кто способен дышать и что-то чувствовать, будь то мужчина, женщина или даже какой зверь. Никто не заслуживает такого исхода, сколько бы грехов на своем горбу он не выносил. Что же касается странника, то он четко понимал и осознавал последствия своего эгоизма, благодаря которому одна милая ему душа осталась на этом свете, отдав взамен себя полсотни других. Тот момент одновременно радовал и пугал его — он добился своей цели, он спас принцессу, и теперь границы его возможностей стали размыты. У него появилось желание проверить, насколько далеко он может зайти, но при этом он не на шутку испугался, поняв, что не испытывает ни капли сожаления от содеянного, и даже убедил себя в том, что цель оправдывает средства, а ответственность за все лежит только на короле и его решениях. Именно тогда, как мне кажется, странник отрекся от прошлого и принял негласный вызов Рогара. Он смирился с тем, что на его пути люди будут погибать и, только добившись своего, он сможет это остановить. А пока. Пока наступила война».*

*Заметки чужеземца, потерянные из городского архива, а затем найденные при обыске тайного логова гильдии воров Дастгарда и переданные на сохранение обратно.*

— Никчемный орден бестолковых воинов! Никто из вас не достоин называться паладином короля! — Рогар в сердцах всадил кинжал, рукоять которого была усыпана рубинами и алмазами, меж ребер вестнику недобрых вестей. Гонец рухнул на ступени, из последних сил зажимая смертельную рану окровавленными ладонями.

Во дворе Последнего Гарнизона — квартала, где базировалась основная и самая большая часть армии короля, служившего в обычные дни тренировочной площадкой, настолько огромной, что там с легкостью могло уместиться двадцатитысячное войско, собрались все воины короны, которые когда-либо вставали перед королем на одно колено и приносили клятву защищать интересы Дордонии ценой собственной жизни.

Передние линии в строю сверкали начищенным до блеска серебром панцирей паладинов — рыцарей, которые базировались в Небесном квартале, но сегодня были призваны королем сюда без пояснения причин и в полной боевой готовности. Войны инквизиции стояли неподвижно, словно каменные статуи и даже их доспехи не шевелились от того, что они вдыхали душный и неприятно пахнущий воздух города. Забрало на лице каждого из рыцарей было опущено и все они были не тысячей мужчин Ордена Защитников, а одним паладином, который в случае гибели воскреснет тысячу раз прежде, чем падет окончательно.

Следом выстроились воины мобильной армии и Последнего Гарнизона — бесконечное множество мужчин и женщин с копьями, луками, мечами, арбалетами, булавами, секирами и щитами, одетых в отличие от предшественников в разнобой и державших строй только так, как они умели это делать на поле боя — безвкусно, но эффективно — в одну линию таких воинов вмещалось в три раза больше, чем в одну линию, в которой сейчас стояли паладины. Они не обучались тому, чтобы замирать в специальной стойке в течение продолжительного времени, плохо поддавались тренировкам и вообще были далеки от того, чтобы думать о том, выдерживают ли они высокую планку перед простолюдинами, которая заставит окружающих уважать их и захотеть к ним примкнуть. Вместо этого они вселяли настоящий ужас. Упорядоченный хаос, который царил в рядах тех, кто не относился к Ордену Защитников и ополчению, предупреждал любого здравомыслящего человека держаться от этой суровой толпы подальше и в тоже время заставлял безмолвно гордиться силой, которая постоянно стоит на границе между хаосом и порядком в их государстве.

Весь разносортный строй королевской армии замыкала горстка, относящаяся к городскому ополчению, — стражники, каждый из которых днем или ночью посменно сохранял порядок в городе и на выселках. В сравнении с основной массой они выглядели более-менее прилично, а у каждого из них на доспехах в области левого плеча был выбит знак квартала, за которым тот или иной страж порядка был закреплен. Сегодня подавляющее большинство несло на плече знак в виде крепости с тремя башнями равными по высоте, а само изображение говорило о том, что человек закреплен за Последним Гарнизонам. Редко меж стражников проскальзывали гербы с солнцем, отбрасывающим волнообразные лучи в разные стороны, с плотно набитым кожаным мешком или с развернутой книгой и другие очень четко отражающие суть остальных кварталов рисунки.

Каждый из воинов хоть и не показывал виду, сегодня изнемогал под палящим знойным солнцем, а дождь, прошедший накануне нисколько не выручал, а даже наоборот, давая

испарину, заставлял еще сильнее изнемогать от духоты. По двору были рассыпаны манекены, набитые соломой и потрепавшиеся в ежедневных тренировках от тысяч колющих и рубящих ударов — сейчас они, как и остальные в Последнем Гарнизоне замерли в беззвучном ожидании королевского гнева. Ни у кого не было сомнений в том, что такой гнусный день обязательно должен закончиться чем-то скверным.

— Вы принесли клятву защищать своего короля и его семью! — гроыхал голос Рогара Вековечного. — И что мы имеем? Ваши братья по оружию и клятве не смогли защитить мою дочь — вашу принцессу! Четыре дюжины! Четыре дюжины лучших воинов Дастварда пали от руки жалкого медведя! — Король краснел от ярости подобно рубинам в его короне и тяжело дышал. — Знаете, что страшнее всего? Его сородичи продолжают оставаться частью Дастварда и угрожать короне в лице Сарвилла Кхолда и в лице каждого, кто имеет отношение к этому треклятому кварталу!

Рогар стоял на самом верху мраморной лестницы, ведущей на пригорок в двухэтажное здание, сооруженное из белого камня, которое со всех сторон было подперто колоннами — здание носило название Дом Войны. Оно являлось постоянным местом проведения военных советов. Также там часто проходили победные пиры или тайные собрания, посвященные делам государства или личным делам какого-нибудь знатного господина, заплатившего в городскую казну значительную сумму ситемов за решение его насущных вопросов. И, конечно, Дом Войны регулярно принимал под своей крышей главный совет Дордонии — Совет Тринадцати.

— Что мне сделать? — продолжал раздувать ноздри король, — Быть может, вместо каждого из вас взять на службу по медведю? Мало кто из них сгодится на королевскую службу? Какая разница, если каждый оборванец сойдет за четыре дюжины таких, как каждый из вас! Я сэкономлю хотя бы на еде! Хранитель Порядка. Прошу вас, поднимитесь ко мне.

Воин, стоявший во главе палладинов, сверкая своим серебряным панцирем и высоким широким щитом, закрепленным на спине, поднял забрало и зашагал вверх по лестнице.

— Служу Вам, Ваше Величество! — произнес Дориан Орегх, когда поднялся на самый верх и преклонил колено перед владыкой, звонко ударив железной перчаткой о свою грудь и покорно склонив голову.

— Сколько лет вы являетесь Хранителем Порядка, господин Орегх? — спросил король, глядя в никуда — сквозь стройные ряды своих воинов.

— Семнадцатый год идет, Ваше Величество! — ответил Дориан, не меняя положения своего тела.

Каждый кто имел отношение к армии короля, приветствуя государя должен был преклонить колено и только с разрешения правителя мог встать на ноги. Сегодня Рогар заставил себя ждать и не отдавал хранителю приказа подняться.

— Семнадцать лет... Именно столько мне было когда я стал королем Дордонии и столько прошло с тех пор, как я правлю на этой земле. Все это время в королевстве царил безмятежный покой и порядок и, если кто-то решался нарушить его — платился за это головой. Но что-то пошло не так, как я задумывал. И я знаю что. Семнадцать лет... Столько было Лиане, когда ее похитил странник. Мистическая цифра... — Рогар по-дружески положил руку на разгоряченную сталь доспеха хранителя. — Господин Дориан Орегх, кто является вашей правой рукой? Кому вы доверяете так, как себе, и кто выполняет ваши обязанности, когда вы отбываете по поручению или, упаси Боги, вас подкосит тяжелая

хворь?

Пот капал с покрытого, от удивления, морщинами лба хранителя, солнце продолжало нагревать тяжелый панцирь Дориана Орегха и с каждой секундой становилось еще жарче.

— Мой сын, Ваше Величество. Санли.

— Вот как? Стало быть, дело семейное. Что ж. Господин Санли, — выкрикнул король, — прошу вас присоединиться к нам здесь — на пороге Дома Войны!

Из первой линии паладинов вышел человек с таким же, как у хранителя, гербом на щите — змея, петляя, тянулась к своему хвосту, образуя символ в виде двух овалов, соединенных по центру щита. Сын Хранителя Порядка поднимался по лестнице тем же шагом, что и его отец и лишь одно отличие было между ними — Санли снял с себя и держал в руке шлем в форме змеиной головы с открытой пастью, показывающей ядовитые клыки у подбородка и над бровями хозяина.

— Служу Вам, Ваше Величество! — произнес он, когда его колено ударилось о мрамор.

— Поднимитесь, господин Санли!

Сын Хранителя Порядка вытянулся в полный рост. Он был высок и худощав, а длинные до плеч золотые волосы растрепались и походили на солому.

— Господин Дориан Орегх, повторите клятву, которую приносит каждый, вступая на службу к королю, — приказал Рогар и отошел в сторону, где сел на специально приготовленное для него сиденье, с выбитым гербом Вековечных на спинке трона.

— Да, Ваше Величество, — хранитель облизнул сухие губы и принялся вспоминать клятву, принесенную им при поступлении на королевскую службу слово в слово. — Сегодня. Завтра. Отныне и до скончания моих дней. Клянусь. Пока грудь наполняется священным воздухом Неймерии, ноги ступают по земле обетованной, а душа еще не нашла пристанища у берегов царства небесного. Клянусь. Король мой и жизнь моя — единое целое, и одно без другого не существует и существовать не может, как море без воды или небо без земли, а земля без неба. Клянусь. Охранять покой государя, моего короля и властителя королевства от любого, чьим разумом злой умысел сумел завладеть, и от того, кто Его великое и безмятежное правление потревожит удумает. Клянусь. Семья моего короля — моя семья. Клянусь защищать каждого из рода королевского, каждого по чьим венам течет голубая кровь с яростью самого свирепого зверя. Жизнь моя отныне и навсегда принадлежит государю, моему королю и властителю королевства. Грудь моего владыки — моя грудь. И если я еще дышу, то и мой государь дышит тоже, иначе быть не должно и быть не может. Клянусь, перед всеми Богами, жизнью и смертью, стоять на страже королевского покоя и нести слово божье с собой через годы. Да здравствует король! Да здравствует священный Орден.

Воины короля терпеливо молчали и слушали клятву, которую каждый из них произносил однажды, а сейчас, едва заметно, шевелил губами, повторяя ее вновь.

— Господин Орегх, моя дочь — ваша принцесса, попала в руки злоумышленника и врага государства, могу я отныне считать вас клятвопреступником за то, что вы не уберегли ее?

Хранитель молчал, но совсем недолго.

— Да, Ваше Величество!

— Вы клялись жизнью и смертью всем Богам. Справедливо ли будет наказать вас за эту провинность, лишив вас, скажем, жизни? Ну или даруя смерть, если вам будет угодно.

Дориан Орегх уже открыл рот, чтобы ответить, но король перебил его широким

многозначительным жестом, поднеся свою ладонь к его рту.

— Прежде, чем вы ответите, — произнес Рогар, — я хочу попросить вас, как человека чести и прирожденного Хранителя Порядка о том, чтобы вы судили сейчас себя так, словно мы говорим не о вас, а о совершенно незнакомом нам человеке. О человеке, который действительно стал угрозой королевству. Не позволяйте мне разочароваться в вас на закате вашей службы. Я повторю свой вопрос. Ответьте мне, хранитель, справедливо ли будет казнить вас за то, что вы нарушили данную вами же клятву?

— Справедливо, Ваше Величество, — ответил Хранитель Порядка, ни выждав ни малейшего мгновения.

— Этого достаточно. Господин Дориан Орегх, я лишаю вас звания Хранителя Порядка, вашего титула, всех земель и владений, отданных вам в дар за время вашей службы короне. Земли и все остальное наследие я передаю вашему сыну Санли Орегху.

Тишина, гласящая в рядах Ордена Защитников, перебивалась поднимающимся галдежом в рядах остальной армии, пока король не поднял руку с жестом, символизирующим молчание.

— Господин Санли, я также назначаю вас новым Хранителем Порядка. А вашего отца приговариваю к смерти!

Толпа загудела. Вся многотысячная разносортная армия из безмятежного отлива превратилась в беспокойный шумный прибой, а король воспользовался моментом, чтобы сказать следующее лично новому хранителю.

— Как и полагается, сынок, приговор необходимо привести в исполнение здесь и сейчас. Вы знаете правила, господин Санли, — перешел Рогар с шепота на умеренный крик так, чтобы его голос разнесся вплоть до самых последних рядов королевской армии. — Хранитель лично заносит меч над головой клятвопреступника!

Рогар Вековечный снова сделал необходимый жест и войско онемело. Только король смог разглядеть, как у Санли Орегха слегка дернулась щека, когда он со всем хладнокровием, что сумел изобразить на своем лице, надел на голову шлем и опустил забрало — пасть змеи сомкнулась. Новый хранитель тяжело вынул из ножен длинный двуручный меч. Лязг стали отрезал оставшиеся в толпе голоса и заставил тишину наступить окончательно.

— Ну! Чего ты ждешь, Хранитель Порядка?

Все, что произошло дальше, не было ни красиво, ни растянуто, как это обычно бывает в небывицах и сказках, в которых каждый имеет право на спасение в самый последний момент. Нет. Все произошло быстро и без лишних эмоций на лицах присутствующих. Мерзко и неприятно. Меч вознесся в воздух и тяжело упал на мрамор вместе с головой Дориана Орегха. Тело рухнуло следом и недостойно развалилось по белоснежной мраморной лестнице, истекая кровью.

Король еще какое-то время наслаждался картиной произошедшего, неприятно скалясь, раздувал ноздри, словно пытаясь уловить нотки запаха смерти, плясавшие в душном воздухе, а потом выбросил в толпу:

— В том, что произошло сегодня, мы с вами можем винить только Сарвилла Кхолда! — загрохотал король, когда обезглавленное тело застыло и наскучило ему. — Смотрите же. Я знаю, о чем вы думаете. Но хранитель был моим близким другом с самого детства! Мы вместе росли, вместе ловили преступников и вместе поддерживали порядок в Дордонии. Мы клялись в верности друг перед другом! И чем все закончилось? Мне пришлось лишиться того, кто был мне как брат. Помиловать его противоречило бы всему, что мы так долго

создавали вместе, во имя Порядка на землях нашего королевства. Истинно говорю вам — медведь заставляет нас предавать свои клятвы! Сколько ваших братьев должно отправиться на тот свет прежде, чем мы остановим изменника? Четыре дюжины? Сотня? Пятьсот? Тысяча? Я призываю каждого из вас добиться справедливости и отомстить за каждую смерть, к которой причастен странник! обнажите свои клинки, воины Дордонии! Направьте свои стрелы на Медвежий квартал, лучники! Пусть он засверкает алыми бликами королевской мести и воспыхает ярким огнем справедливости! Во имя Дориана Орегха! Во имя его светлой памяти, приказываю вам и вашему оружию отведать вкуса медвежьей крови. К вечеру в Даггарде в живых не должно остаться ни одного медведя! Вперед! Вперед!

Армия короля внимательно слушала своего владыку и внимала каждому слову, которое он произносил. Получив четкий и конкретный приказ действовать, толпа загудела, словно неистовая бестия, и понеслась прочь. Рогар спокойно развернулся, указав Санли Орегху следовать за ним в Дом Войны.

\*\*\*

Внутри всюду висели щиты и мечи героев разных выигранных битв, служившие теперь всего лишь декорациями. Для кого-то они были памятью о былых сражениях и наиболее значительных викториях, а для кого-то никчемными безделушками, отличающими Дом Войны от любого другого дома. Высокие окна пропускали внутрь много света и выходили на разные стороны Последнего Гарнизона. Вместо стражи у каждого прохода из зала в зал и из комнаты в комнату здесь стояли доспехи в полный рост и симулировали присутствие городского ополчения.

В зале, куда вошел король, уже ждали одиннадцать старейшин Совета Тринадцати. Они синхронно поднялись на ноги при виде Рогара и также синхронно опустились обратно, когда тот ответил дружелюбным жестом. У всех, как у одного, на плечах висели золотые плащи, а закреплялись они все на шее одной и той же брошью в виде головы дракона.

— Санли Орегх, прошу, займите свободное место. — король дождался, когда воин сядет и продолжил. — Господа, я представляю вам нового Хранителя Порядка, прежний хранитель скоропостижно покинул свой пост.

Король бросил на стол, где была развернута карта Неймерии, разрисованная политическими границами и утыканная миниатюрными фигурками королей соседних государств, сверток, заверенный королевской печатью.

— Это я пошлю императору Туурина, в Старгорд, — сказал он сразу же, как отдышался после выпитого бокала охлаждающего вина.

— Ваше Величество? — отозвался старейшина Медвежьего квартала — старик с аккуратной пышной бородой и маленькими змеиными глазами.

— В этом письме то, что позволит нам раз и навсегда избавиться от Кхолда. — ответил Рогар, вновь прильнув к бокалу с прохладным напитком.

— Господин Дармин, вероятно, хотел узнать подробности вашего плана с возможным последующим голосованием членами Совета Тринадцати за него или против, Ваше Величество. — произнес старейшина Купеческого квартала, господин Тиин, который выглядел несколько ни моложе остальных, но его глаза горели как у подростка, а полностью лысую голову накрывал странный головной убор, напоминающий миниатюрную рыболовную сеть сотканную из золотых нитей.

— В двух словах — здесь скромная просьба к королю Индуину. Она заключается в том, чтобы по доброте душевной и за то, что Дордония простит Туурина долг, накопленный за

последние пятнадцать лет, он объявил врагом своего королевства Сарвилла Кхолда, а также назначил достойную награду людям с востока за любые сведения о нем. — Рогар явно гордился ходом своих мыслей. — В будущем такое письмо полетит и на север. Мы загоним странника, словно бешеного зверя. Он будет прятаться и скитаться до тех пор, пока его же страх не приведет медведя прямо к нам в руки. Но начнем с малого.

— Прошу вас, оставьте мальчишку в покое, — лицо господина Дармина покрылось багрянцем. — В Медвежьем квартале неспокойно с тех пор, как сына охотника взяли под стражу. Люди шепчут, мол, любого из медведей может постичь участь Кхолда, как только Его Величество встанет с утра не с той ноги. Люди плетут интриги, строят заговоры, объединяются в повстанческие группы. Любые наши действия против странника оборачиваются против нас самих. Ваше Величество, с каждым днем все сложнее сдерживать противозаконные настроения бунтовщиков.

Король перебил бы представителя Медвежьего квартала, если бы его мысли не путались от эффекта выпитого вина.

— Ха, — наконец отреагировал Рогар, — что бы мы ни делали, все ведет нас в неспокойные времена, верно, господин Дармин? Я не хочу вас разочаровывать, но через несколько часов Медвежий квартал постигнет участь эльфийских руин. Армия Дордонии уже получила приказ истребить медведей. Первые из них, наверняка, уже пали, пока вы произносили свою уже ничего не значащую речь.

На лицо старейшины упала тень отчаянья, он медленно опустился на колени и зарыдал.

— Прошу, Ваше Величество. Остановите это безумие. Возьмите мою жизнь, но остановите геноцид!

Король был холоден и неуступчив.

— Старейшина Дармин, я подарил вам земли, присвоил титул хранителя, скажите для чего?

Старик не стал отвечать на вопрос, на который никто не ждал ответа. Его бледные от старости глаза медленно опускали и поднимали морщинистые мокрые веки.

— Каждому из вас я дарую земли, титулы, мою благосклонность для того, чтобы вы держали в узде свои кварталы и решали, в том числе, такие проблемы, как интриги, заговоры и все, что может стать преградой моему правлению. И что мы имеем? Медведи строят заговоры, нелюди поднимают восстание, молитесь Вастерас, чтобы мой гнев обошел их стороной! Возьмем за пример Хранителя Небесного Квартала. — король положил руку на плечо одного из своих советников. — монах обучает воинов противостоять мерзопакостной магии, заставляет здоровых мужиков ненавидеть, и никто из Ордена Защитников не хочет поднять там мятеж или вскрыть мне брюхо. Во всяком случае, в открытую. Тогда справедливо рассуждать, что кто-то устал и кому-то пора на покой. Молчите? В таком случае, я полагаю, что прав. Вина за то, что сегодня произойдет с медведями лежит на вас, хранители медведей и нелюдей. На вас и на ваших людях, которых вы не смогли держать в ежовых рукавицах, — он указал жестом подавальнице сменить кувшин вина на другой — полный. — Мы вместе посетим Медвежий квартал через несколько часов и решим, как будем строить дальнейшее сотрудничество, у меня нет полномочий лишать вас права входить в Совет Тринадцати. Кем мы будем, если перестанем следовать писанным законам... Но решить, что с вами делать нам следует, ведь сам смысл существования и предводительства касты медведей потеряет свою актуальность.

Старейшина отвел взгляд и высушил ладонями свое бледное лицо. Остальные

присутствующие неподвижно сидели на своих местах и хранили молчание.

— Ваше Величество, в любом случае, Совет Тринадцати уже осознал, что вправе только высказать свое мнение — окончательное решение останется за вами, как бы то ни было, — наконец разрушил тишину Вастерас.

— Вот и славно. Всегда ненавидел переубеждать совет в обратном, когда ваши взгляды противоречат моим — мы тратим на это слишком много времени. Я уверен, никто не имеет ничего против того, что я, без вашего ведома, приказал казнить прежнего Хранителя Порядка?

Тишина проглотила всеобщее удивление.

— Господин Вастерас, я хочу попросить вас доставить это по назначению. Ответ короля Индуина мне нужен к завтрашнему утру. Даю два дня в случае, если у задницы Его Величества будет много неотложных дел. — Король взял свиток и протянул его чародею, на мгновение остановив взгляд на маленьком кулоне, изящно меняющем цвета. Старый эльф покорно принял послание, слегка кивнув головой.

— Ваше Величество, позвольте слово. — проскрипел миниатюрный старикашка — старейшина Церемониального квартала.

— Говорите. Только предупреждаю сразу, слушать ваших набожных речей у меня нет ни времени, ни желания.

— Я не хочу сказать, что решение с участием Медвежьего квартала было необдуманным и импульсивным... Сделанного не вернуть, да и не останавливать начатое будет более разумным решением, нежели немедленное вмешательство. Остановив геноцид, мы только усугубим ситуацию, получив в самом сердце города общину, затаившую злобу на действующую власть в стране. Я выражу общее мнение присутствующих, если скажу, что наша главная миссия сохранять порядок в Дордонии и содействовать развитию и прогрессу страны, а подобные ситуации выбивают все наши планы из колеи и тормозят процесс. Господа, я предлагаю проголосовать за то, чтобы все решения, принятые Его Величеством, обсуждались среди нас, прежде чем вступали в свою законную силу. Пусть уверенность в том, что, объединившись, кварталы явят собой великую силу, способную свергнуть любого правителя, не славящего святыне законы Великой Касандры, поможет всем нам сейчас принять правильное решение. Кто «за»?

— За!

— За!

— Я тоже «за».

— Бурлящая бездна! Хорошо! — встрял в голосование король. — Лоринг Светоносный, вы будете первым, кто из всей вашей шайки окажется в петле, как только Совет Тринадцати потеряет всякую власть. А следом на эшафот отправятся все остальные, кто противился моим решениям и доверялся тем людям, что шли им наперекор. Некоторым из вас до сих пор хватает ума не спорить со мной. Остальные — наслаждайтесь властью, которая дана вам по праву рождения и возложена на вас согласно древним традициям. Что касается Медвежьего квартала — это не должно мешать нам заниматься насущными делами. Народ неизбежно будет бесноваться и искать виноватых в моем лице и, конечно, в лицах ваших — тут вам время вспять не повернуть. У меня в голове уже созрел план, в котором, как никогда кстати, придется День Петуха. Он поможет горожанам забыть и развеять дурные мысли о власти. Господин Тиин, как идет подготовка к празднику?

Старейшина торговцев поправил воротник и странный головной убор, прежде чем

заговорить.

— Все дастгардские купцы и гости столицы вернутся в город точно к празднику, цены будут повышены, как вы приказывали.

— Цены придется снизить. Точно сделать их ниже прошлогодних, но совсем ненамного.

— За!

— За!

— За.

— Я уже вижу, что большинство поддерживает идею. Продолжайте.

— В Саду Знаний и на Штурмплац откроют статуи, слепленные точно с изображения вашего герба. Статуи находятся уже на пути в Дастгард из Города Гор. За них нам пришлось выложить круглую сумму и воспользоваться деньгами Красного Банка с последующим возмещением золота.

— Ожидаемые траты. День Петуха ни разу не проходил иначе.

— Иначе нет, но то, что нам приходится обращаться в Красный Банк, уже говорит о многом. Королевская казна пуста. Как мы будем возмещать то, что натрапили? — Хранитель Ситемов и относительно молодой мужчина вклинился в разговор и затеребил в руках две потертые золотые монеты.

— И какой выход? Вы же мои советники. Советуйте. Или в делах, действительно требующих вашего внимания, Совет Тринадцати не у дел?

— Мы сможем компенсировать часть затрат, установив на несколько дней после праздника высокие цены на лекарства и снадобья. Услуги лекарей также следует оказывать дороже и с разницей в ту сумму, которая пойдет в казну — несомненно, после праздника это будет самая востребованная ниша и никто не додумается, что Совет приложил к этому руку, если мы заблаговременно предупредим участников, — прозвучала одна из идей откуда-то с другого конца стола, где на одном краю теснились старейшины Портового квартала и Садов Знаний.

— Принято. Дальнейшие моменты вы сможете обсудить позже без моего присутствия — ваши мысли направлены в правильное русло. Господин Тиин, продолжайте.

— Народ в предвкушении праздника, Ваше Величество. Люди на улицах обсуждают наряды, считают дни до начала, ждут иноземных купцов, чтобы закупить подарки. По сравнению с прошлым годом, бочек с вином и пивом в корчмы и купцам на площадь поставим вдвое больше. В честь праздника будет организован рыцарский турнир, приглашения отправлены всем лучшим воинам Неймерии. Также по всей Дордонии и на протяжении всего Змеиного Тракта расклеены приглашения на состязание для странствующих рыцарей. Люди отвлекутся от последних событий, и у Вашего Величества появится больше лояльных поданных. Особенно после сегодняшних событий...

Король в сердцах ударил по подлокотникам своего стула и напыжился.

— Я сказал, что вопрос с тем, что останется от Медвежьего квартала я в силах решить сам с людьми Дастгарда и моими подданными! Чтобы я больше ни слова не слышал об этом!

Все двенадцать хранителей Дастгарда разом замолчали. Они неловко отводили свои взгляды от взора короля, лишь бы не встретиться сейчас с ним глазами — это было бы подобно встрече с диким медведем, который жаждет разорвать тебя на части, и, встав на скользкий путь вызова, можно было вовсе потерять уверенность в том, что уйдешь с совета живым.

— Господин Орегх, — король, чуть остыв, навалился на спинку стула и скрестил руки

на груди, — останьтесь со старейшиной Купеческого квартала после совета, чтобы обсудить количество патрулей стражи на улицах в День Петуха, городского ополчения для столь глобального события будет недостаточно. А к вечеру жду вас в замке. Необходимо решить судьбу моей дочери.

Король Рогар медленно поднялся с места, еще раз окинул всех взглядом и ушел. Королевская стража, уже ждавшая его за дверью, двинулась следом.

\*\*\*

— Говори, сука! — Ладонь размером с лицо тяжело упала на висок — у Ноэми зазвенело в ушах. В окружавших ее каменных сырых стенах любой голос звучал громче, чем обычно, что еще больше раздражало ее усталый слух.

Чародейка не была похожа на себя, ее лицо отекло из-за десятков безжалостных ударов. Правый глаз, ранее излучавший нежный васильковый оттенок, теперь заплыл, а по всему телу — на руках, ногах, спине и груди спели синяки, ушибы и ссадины. Иссиня-черные когда-то блестящие волосы перепутались и обвисли сухими прядями. Огонь факела, освещавший самую малую часть темницы, слепил единственный видящий глаз чародейки. С потолка свисали массивные железные цепи, заканчивающиеся наручами, неровный пол был заляпан небольшими лужами, состав которых невозможно было понять при столь скудном освещении, а ветер задувал меж щелей так, что Ноэми не могла согреть даже грязная ночная рубашка, щедро выданная по прибытию местным тюремщиком.

— Забавно... — произнесла она простуженным голосом. Ее губы потрескались, а под носом сохла струйка густой крови. — Забавно, что вас чуть ли не до смерти пугает какой-то бродяга, как вы его называете, который с помощью магии даже свечки зажечь не может.

Последовал еще один тяжелый шлепок. Чародейка была рада, что ее лицо уже онемело и теперь боль после каждого удара чувствовалась тупее.

— Я думаю, мне не стоит упоминать об этом, ведь ты и сама догадываешься что сдохнешь здесь, как бездомная собака в подворотне. — проскрипел мужчина, медленно закатывая рукава своей черной туники. — Кто отдал приказ спасти медведя? Говори и я буду добр к тебе — твоя смерть окажется легкой прогулкой на тот свет. Или, наоборот, последнее путешествие станет долгим и мучительным, если ты продолжишь утаивать важные сведения.

Ноэми молчала, хотя и понимала, чем грозит ей неповиновение. Когда этот человек впервые вошел в ее темницу он не стал представляться. Это было не нужно — весь его внешний вид говорил сам за себя. Однажды она уже встречала целый отряд из людей подобного рода и твердо решила, что больше не хочет, чтобы их пути пересеклись.

Таких «выродков» по всей Неймерии называют вольными, говорил Вастерас в совсем непривычной ему манере. Вольные за много веков возвели три города на севере материка, которые теперь удачно расположены между двумя морями, Вечными Водами и ограждены от остального мира Пустыми Горами со стороны суши. Обитель беззаконников, которые не чтят ни один закон, существующий за пределами Вольных Городов. Для них нет никаких моральных ценностей, кроме собственной выгоды. Каждый владыка какого бы ни было королевства напрямую отрицает любую связь с этой кастой, но, тем не менее, у каждого монарха на службе есть такой человек — способный проделывать грязные дела на благо страны — тайно и эффективно. В какой-то момент в Тонне — одном из городов вольных — появилась школа, прививающая с раннего детства мальчикам и девочкам инстинкт убийц и обучающая разным хитроумным приемам воровства. Говоря простым языком — это лучшие

преступники Неймерии, да еще и специально обученные. Почему Вольные Города еще существуют? Причину я уже назвал — личная заинтересованность королей и императоров в услугах вольных не дает разуму взять верх и извести чуму с нашей земли.

Этот вольный был смуглым и огромным, раза в полтора больше любого местного горожанина. По косою сажени в плечах можно было догадаться, что его кровь имеет северные корни. До сих пор Холденфелл не был взят разными завоевателями только потому, что один северянин в бою мог положить целую дюжину обученных военному искусству дордонийцев. Яркий голубой цвет, таращащийся из глазницы наемника, контрастировал с его очень темным лицом, которое было исполосовано тонкими шрамами, а вместо одного из глаз на его лице красовалась черная повязка.

Он схватил чародейку за волосы, когда она не ответила на вопрос, и приблизил свое лицо ближе к ней.

— Быть может простыми методами в виде побоев и пыток из тебя ничего не вытащить, ведьма? — произнес мужчина все тем же спокойным и рассудительным тоном, в котором не было ни намек на эмоции и сцепил свои руки за спиной. — Я могу немного побеседовать с тобой по душам? Какая разница, ведь ты все равно не сможешь никому пересказать наш разговор после того, как твое присутствие здесь потеряет свою ценность.

Вольный расстелил одеяло прямо напротив закованной в цепи волшебницы и сел на него, задумчиво осматриваясь по сторонам и принюхиваясь к чему-то неведомому.

— Знаешь, есть много других способов достать информацию, — он зубами вытянул пробку из фляги и принялся жадно поглощать ее содержимое, устроив длинную паузу. — Ты, наверное, слышала про то место, откуда я родом. Все байки! Ничего даже отдаленно похожего на правду нет в рассказах этих купцов, странников, моряков и других, кому якобы удалось побывать в Вольных Городах в качестве гостя. Знай же, туда невозможно попасть, а уйти оттуда и подавно! Там можно только родиться — нет других вариантов. Ну, сама подумай, как долго ты проживешь, оказавшись в обществе убийц и воров, каждый из которых может тебя отравить, перерезать глотку или просто скинуть с холма, в надежде забрать содержимое твоего кошелька? Недолго. Очень. Никто из нас не станет верить тебе на слово, если ты заявишь, что у тебя нет ничего ценного. Сначала любой из вольных удостовериться в твоей искренности самолично, и только потом, возможно, назовет твои слова правдой. Но для тебя это уже не будет иметь никакого значения просто потому, что мы не поверили тебе изначально, а те, кому мы не верим — мрут, как мухи, знаешь ли. Без почестей, привилегий и других таких ненужных смерти традиций. Сегодня ты станешь одной из избранных, тех, которые родились в остальной Неймерии, но знают правду о нас. Только потому, что твой путь лежит напрямую в могилу.

Вольный опять надолго замолчал, вновь почуяв что-то в воздухе и пытаясь уловить каждую нотку того, чем пахло вокруг, и что находил интересным только он.

— В Тонне есть монастырь, где обучают абсолютно каждого ребенка с того самого момента как тот встал на ноги. Это конечно рукопашный бой, искусства боя со всеми известными видами оружия, будь то меч, копье или даже щит — одно из самых лучших, кстати, за счет возможности эффективно обороняться и при этом наносить смертельные удары. По наступлению возраста разума, так у нас называют время, когда девочка способна понести, а мальчик убивать, дети начинают учиться использовать свое главное оружие, — вольный без слов прикоснулся к виску и бросил исподлобья холодный и пугающий взгляд. — Это оружие способно помочь одержать победу в любом бою, в любой ситуации, которая

кажется безвыходной, если правильно его использовать. Сейчас я оказался в ситуации, которая требует от меня смыслённости, потому что как минимум два лежащих на поверхности пути ведут в тупик. Если я забуду тебя до смерти, то так и не получу ответа, а если бездействовать и морить тебя голодом — это также не сработает, потому что ты готова умереть. Однако есть метод, который всегда срабатывает. Рано или поздно, но, безусловно.

Мгновенно и незаметно вольного словно подменили — на месте рассудительного и спокойного человека возник настоящий монстр. Теперь не только его взгляд излучал пугающее безумие и силу, но и выражение, которое повисло на его лице.

— Может быть, я не все предусмотрел, когда начал лупить тебя по лицу. Теперь будет сложно найти человека, у которого на тебя встанет, — мерзкая улыбка выплыла у него на физиономии. — А вообще нет, все-таки я предусмотрел и это. Шолд!

Металлический крик, отталкиваясь от холодных и пустых стен, разлетелся по всей тюрьме, добираясь до самых потаенных уголков шаарвильского подземелья. Если бы голос имел свойство возвращаться, то он вернулся бы ровно через столько, через сколько, заскрипев, отворилась тяжелая дубовая дверь, остановившись там, где из пола выпирал небольшой каменный потертый бугорок. В темницу, тяжело сопя, завалился здоровенный мужчина, ростом раза в полтора превышающий вольного. Он остановился рядом с единственным источником света и плюнул в одну из луж, которая не могла испариться полностью уже несколько недель.

— Вы звали меня, господин? — спросил громила голосом громким, напоминающим говор умственно отсталых.

Шолд был действительно огромным. Ноэми не могла припомнить видела ли она когда-нибудь кого-нибудь подобных размеров. В один момент она даже засомневалась в его принадлежности к человеческой расе. Он стоял, вывалив брюхо наружу и ковыряясь острием кинжала в своих исполинских зубах. Голова Шолда была размером с гигантскую тыкву и полностью покрыта лысиной. Великан был облачен в коричневую кожаную куртку без рукавов, а на поясе у него помимо связки ключей висел кнут. Его черные глазенки были маленькими относительно ко всему, что было связано с Шолдом и бегали по темнице, словно две науськанные собаки, выбежавшие на охоту со своим хозяином.

— Да, Шолд! Подойди сюда. Ближе. — приказал вольный, не отрывая взгляда от пленницы. — Знакомься, это ведьма. Ведьма, это наш тюремщик Шолд.

— Но я же знаком с ней, господин. Она уже много дней находится здесь под моим надзором. — долго подбирая слова произнес гигант и почесал покрытый складками затылок.

Вольный бросил на него раздраженный взгляд.

— Подыграй мне, тупое ты создание! — выпалил он. По глупому выражению лица тюремщика было видно, что тот не понимает, чего от него хотят. — Скажи мне, Шолд, как мужчина, эта ведьма даже в таком состоянии симпатичнее тех шлюх, с которыми тебе довелось иметь интимную связь в местных борделях?

— Интимную что?

— Трахаться, Шолд! Эта ведьма лучше тех, с кем тебе обычно приходится трахаться?

— О да, да, господин! — глаза Шолда сделались большими и в них заплясали огоньки.

Тюремщик переминался с ноги на ногу и всем своим видом источал безграничную радость и предвкушение чего-то волшебного. От одной мысли, что он станет насиловать ее, Ноэми стало противно и вероятно ее бы вытошнило, если бы было чем — вольный попал в точку, когда предположил, что из любой ситуации можно найти выход, если сильно

постараться. Однако чародейка все еще не готова была смириться с поражением и продолжала показывать свое безразличие и готовность ко всему, что предложит убийца ей на испытание.

— Как мы выяснили, Шолду о тебе известно более чем достаточно для того, чтобы сделать необходимое, — обратился вольный к Ноэми, глаза его смеялись, — но мы же цивилизованные люди и нам не пристало вести себя словно мы завсегда в публичного дома — удовлетворять свою потребность с совершенно незнакомыми людьми. Поэтому, ведьма, я хочу больше рассказать о нашем дорогом друге, чтобы времяпровождение сделалось более приятным, а последствия казались более очевидными.

Запястья Ноэми были намертво схвачены оковами, а цепи, свисающие с потолка, зафиксировали ее руки над головой. Ноги ныли, когда она стояла на них, а когда сгибалась колени, болели уже кисти рук. Чародейка понимала, что за игру затеял наемник. Ему не хотелось ждать несколько часов, пока тупое создание наиграется вдоволь, ему хотелось сломать ее быстрее и сэкономить время на охоту за тем, за кого ему в действительности отсыпали пуд королевского золота — за медведем.

— Шолд отличный парень! Сын шлюхи и великана с Расколотого Хребта. Его мать сдохла при родах — этот кусок дерьма родился слишком большим, — противно улыбаясь, вольный по-дружески похлопал тюремщика по плечу и подмигнул пленнице. Шолд противно загромыхал в ответ. — Только подумайте! Какая ирония! Сегодня сын повторит судьбу отца! А через некоторое время, я уверен, наша ведьма повторит судьбу женщины, что подарила жизнь нашему незаменимому великану! Отличная дань уважения твоей матери, не находишь, Шолд?

Тюремщик закивал головой, словно ребенок с нетерпением ждущий разрешения поиграть. Наемник поменялся в лице, приблизился к чародейке настолько, насколько это было возможно, и медленным зловещим голосом зашептал ей на ухо:

— Тех шлюх, которых трахал этот монстр никто и никогда не видел после того, как он покупал их. Двери местных борделей закрыли от него уже больше четырех Долгоночий назад и до сих пор каждый вышибала мечтает о том, чтобы яд не ударил тюремщику в голову и не сподвигнул его нарушить запрет. Голова проясняется, знаешь ли, от одной мысли, что тебе придется иметь дело с этим великаном. И только Боги знают, насколько он соскучился по женской плоти. — Его голос стал еще тише и грубее. — Поэтому ты либо сдохнешь сегодня, либо через некоторое время, когда зачатый им ублюдок полезет из тебя. А я, в свою очередь, позабочусь о том, чтобы ты не смогла ничего сделать с собой. Пусть мысль о неминуемой смерти и о том, что ты явишься виновницей того, что в мире появился еще один монстр, не дает уснуть тебе по ночам и неизбежно ведет только в одном направлении — к концу твоего существования. Молись, чтобы Шолд не рассчитал силы, и все закончилось сегодня, ведьма.

Ноэми ничего не сказала, только встрепенулась от ярости и бессилия, словно выброшенная на берег рыба. Звон цепей пролетел по темнице. Вольный еще шире улыбнулся, наконец почуяв долгожданный запах страха и пошел к выходу.

— Развлекайся, Шолд. — приказал он перед тем, как закрыть за собой дверь. — Тебе нужен наследник, который примет тюрьму после тебя. Наступила пора сделать его и явить миру наследие самого могучего и бессменного тюремщика Дастгарда и замка Шаарвиль — Шолда с Расколотого Хребта.

В комнате их осталось двое. Великан тяжело дышал и уродливо улыбался. Чародейка смотрела на него исподлобья, даже не пытаясь убрать в сторону грязные волосы, которые

падали на лицо и липли к ссадинам, раздражая и вызывая зуд. В какой-то момент ею овладел страх, внутренний голос все время нашептывал о том, что сейчас произойдет, а собственное воображение пугало больше, чем осязаемый здоровенный мужлан, готовый разорвать ее на части. Ощущение того, что стены вот-вот сомкнутся и раздавят то, что от нее осталось не покидало и даже наоборот, нагоняло еще больше тоскливых мыслей о безысходности. Ноэми опустила взгляд, чтобы не видеть тюремщика и вернуть в свою голову ясный ум, надежда на который все еще хранилась где-то в закромах ее разума. Так она стояла, уставившись в серое пространство под ногами, до тех пор, пока тень великана не зашевелилась и не поползла в ее сторону.

Ноги пленницы цепями были прикованы к полу. Полностью обездвиженная и лишённая возможности сопротивляться она погрузилась в свои мысли. «Похоже, чудеса закончились», — в отчаянье подумала она, — «Я все время играла со смертью, в надежде обмануть ее, но в итоге судьба подготовила мне кое-что изящнее самого обычного издыхания. Жестоко».

Великан был уже настолько близко к чародейке, что теперь ее лицо регулярно овеивалось гнилым дыханием, а своей замерзшей кожей она чувствовала жар его тела. Он прикоснулся к груди пленницы своей огромной шершавой ладонью, сделав ей больно. Его редкие зубы оголились в подобии блаженной ухмылки, а вторая рука больно ударила ей в живот.

— Стой! — взвела Ноэми подобно разъяренной львице. Шолда это не только возбудило еще больше, но и заставило воодушевленно взорваться смехом. Чародейка дождалась, пока великану наскучит собственный хохот и совершенно спокойно продолжила, подражая тону оставившего их вольного. — Шолд, верно?

— А? — отозвался он, не спуская глаз с груди девушки.

— Убери от меня свои руки, иначе у твоего хера сегодня будет последнее приключение, — проскрипела зубами она, все еще чувствуя острую боль после удара тюремщика.

— А? — не понял сути пустоголовый Шолд и полностью сорвал с чародейки ночную рубашку, сосредоточено рассматривая нагое тело пленницы, словно кусок яблочного пирога в раздумьях над тем, с какой стороны начать его есть.

Ноэми не в первый раз оказалась в такой ситуации. Любой девочке в тех местах, где она выросла, хотя бы раз приходилось избегать насилия над собой, а в некоторых случаях даже смерти.

— Ты заблудилась, девочка? — сказала тогда одна очень красивая госпожа, взяв ее за руку и нежно погладив по волосам. — Позволь я помогу тебе найтись.

Маленькая Ноэми, поверив женщине, пошла следом и оказалась в темном трюме судна, на палубе которого уже вешали об отбытии. Напротив нее стоял полный мужчина, который улыбался тогда также как сейчас тюремщик — отвратительно и похотливо. Ей было совсем немного лет, но она все поняла.

Корабль затрясло. С полок посыпались бутылки и начали разбиваться вдребезги, тут же источая неведомый аромат на все помещение, переворачивались коробки, из которых вываливался разнообразный товар, который маленькая волшебница часто видела на рынке города, но никогда не могла себе позволить даже дотронуться до чего-то подобного. Борт корабля со всего маху ударялся о пристань, упорно стараясь сделать пробоину. Солёная вода заливалась на палубу и проникала в каюты, заставляя моряков немедленно вооружаться

ведрами и вычерпывать ее обратно в море. Едва они успевали избавиться от пары ведер, как на корабле оказывалось воды многократно больше отправленного за борт. Загадочный шторм продолжался до тех пор, пока маленькая девочка не покинула судно и не утонула в толпе ударенных солнцепеком портовых зевак.

— Слышал, как называл меня вольный, Шолд? — спросила Ноэми совершенно спокойно. Ее рубаша хоть и была разорвана, но до сих пор скрывала большую часть тела чародейки от назойливого взора великана.

— Шлюхой? — громыхнул тюремщик, погладив себя по морщинистому затылку.

Ноэми хотелось осадить его сквернословиями в ответ, облить такой бранью, которую она только могла себе представить и которую вообще когда-либо слышала из уст самых неприятных людей. Достаточно было не останавливаться, и великан не выдержит — разозлиться и сломает ей шею. Она даже знала с чего начать. Сначала оскорбить его мужское начало, плавно переходя к самой сути, а затем как следует остановиться на тех людях, которые подарили жизнь этому чудовищу, надавив на большую мозоль в виде его прямого участия в смерти родных и их незаслуженных мучениях, навлеченных Шолдом, и его появлением на свет. Но она сдержалась. Лишь ком воздуха, застрявший в горле, испарился и перестал мешать.

— Ведьмой. — злобно проворчала она, бросив несвойственный ей дикий взгляд. — Знаешь что-нибудь о ведьмах, Шолд? Позволь, я расскажу тебе подробнее, пока ты не натворил глупостей, ведь обратного пути уже не будет.

Она замолчала, великан смотрел тупым и недоверчивым взглядом.

— Ведьмы занимаются колдовством. Они накладывают проклятия, Шолд.

— И что? — тюремщик не понимал, что хочет сказать пленница, и уже плюнул на ее слова, уверенно снимая с себя тяжелый пояс, на котором крепилось все хозяйство великана — связка ключей, ножны от кинжала, кожаный мешочек с добром, которое любой другой человек в его положении оставлял бы подальше от мест подобного рода, но не бесстрашный или попросту тупой Шолд.

— Слышал что-нибудь о евнухах?

— Про мужиков без яиц слышал, ведьма, а как же, — настороженно и в тоже время гордо ответил великан, кинув ремень в самый центр непонятной жижи, растекшейся по полу.

— А теперь ты услышишь еще кое-что. Если ты еще раз прикоснешься ко мне, я наложу на тебя настолько сильное проклятие, что твое мужское естество посинеет и отвалится еще до Дня Петуха. И тогда даже евнухи будут смеяться над тобой, а хуже этого только то, что ты больше никогда не попробуешь женщины.

Глазенки тюремщика в недоумении забегали по камере.

— Но я... — Шолд долго подбирал слова, то роняя первую букву слова, которое он хотел дальше произнести, то передумывая его говорить, уходил обратно в себя в бесконечном поиске истины, внутри которой и была зарыта главная мысль ошеломленного великана. — Хорош выдумывать!

Великан двинулся с места.

— Тебе же не надо объяснять, что вольный не стал притрагиваться ко мне сам потому, что точно знает, что случится после. Ему дорого свое мужское естество. А тебе разве нет?

— Мне тоже дорого естество! — испуганно взревел тюремщик, словно проклятие уже было наложено и в этот самый момент происходило самое худшее.

— Посмотри туда. — Ноэми кивнула головой в сторону хорошо освещенной непонятной лужи. Вода полилась в направлении Шолда, поднялась в воздух, приняла форму того, что больше всего боялся потерять Шолд и, полетев наземь, расплескалась по каменному полу.

Ноэми хотела сделать представление более продолжительным и эффектным, но силы покидали ее слишком быстро. К счастью и этого великану оказалось достаточно. Под впечатлением от увиденного, он возвел огромные ладони к небу и распластался по полу.

— Шолд не хочет так! — взревел он, пряча огромное лицо своих исполинских ладонях в надежде, что они защитят, если все пойдет не так как планировалось. — Но, если я не выполню приказ господина — голова с плеч.

Тюремщик замотал головой, не справляясь с потоком мыслей, так нечасто гостящих в его голове.

— Вот как мы поступим, — чародейка понизила голос. — Сейчас я буду кричать, чтобы вольный подумал, что ты насилуешь меня, потом ты оставишь еще несколько синяков на моем теле для пущей верности, а когда Шолд позовет своего господина, то скажет ему, что сделал дело и поблагодарит его за предоставленную ему возможность. И тогда твое естество останется с тобой и прослужит тебе еще много лет. Ты понял меня?

Великан динамично затряс огромной головой, держа руки уже между ног. Ноэми указала ему места, куда ее нужно ударить и правдоподобно закричала. Тюремщик несколько раз наградил ее ударами плетью по спине, стараясь не сделать слишком больно, и с опаской поглядывал на реакцию пленницы, внимательно наблюдая за движением ее рук, способных проделывать колдовство в мгновение ока.

Когда все было сделано, тюремщик позвал вольного тяжелыми стуками своих огромных кулаков по двери.

— Так быстро? — спросил тот, когда дверь распахнулась. — Все-таки тот факт, что тебе запретили ходить по борделям, сыграл с тобой злую шутку. Ты хоть подумал о женщине?

Шолд раскрыл рот, вновь не понимая, чего от него хотят.

— Ну да ладно, в конце концов, у тебя не было приказа доставить ведьме удовольствие. Оставь нас.

Великан покорно, склонив голову, покинул темницу. Вольный ровным шагом подошел ближе к Ноэми и осмотрел обессиленную чародейку.

— Готова на все ради выродка? — он попытался заглянуть ей в глаза, ухватив за подбородок. — Сейчас ты останешься надолго в своем гордом одиночестве. У тебя будет достаточно времени обдумать все, что произошло и, если ты решишь пойти мне навстречу, — я пойду навстречу тебе и пришлю знахарку, которая сможет удалить семя великана. Заметь, я уже готов сохранить тебе жизнь.

Вольный сделал круг по темнице, внимательно разглядывая исписанные, изношенные и сырые стены, которые как бы кричали в полной тишине тысячами голосов своих бывших пленников и удерживали их души в пределах этих четырех стен.

— А если ты продолжишь твердо и мужественно стоять на своем, то лишишься жизни. Просто подумай вот над чем. Умерев здесь, ты ничем не поможешь страннику. Скорее, наоборот, заставишь его совершать необдуманные поступки, бросаться на рожон и идти смерти прямо в лапы. Сохранив себя, ты еще будешь иметь шанс, пусть и совсем небольшой, помочь ему добиться справедливости или что вы там пытаетесь сделать. Иногда, сказать правду своему врагу — не самый плохой вариант.

Тут дверь в темницу захлопнулась, ветер, набравший силу благодаря этому резкому движению, сорвался на факел, затушил остатки еле горящего огня и оставил чародейку в полном одиночестве наедине со своими мыслями.

\*\*\*

— А вот и наш провозглашенный Хранитель Порядка, — Рогар поднялся из-за стола, где последний час делил трапезу в компании королевы и, тщательно вытерев руки, бросил салфетку на стол. — Вы голодны?

— О, премного благодарен, Ваше Величество, я сам едва из-за стола, — хранитель чуть заметно кивнул.

— В таком случае следуйте за мной, — сказал король холодно и сухо, казалось, не обратив никакого внимания на слова, которые произнес Хранитель Порядка.

Санли Орегх пошел вслед за своим владыкой в покорном молчании все той же выверенной военной походкой, которой каждый паладин владел в совершенстве и от которой не мог отделаться даже в те минуты, когда не нес службу. Доспехи, в которые он был облачен, дребезжали с каждым его шагом, разнося глухое эхо по полупустым огромным помещениям замка. Высокие потолки и широкие стены Шаарвиля давили и угнетали хранителя. Они были бездушными, потерявшими свою историю перегородками от внешнего мира — неким куполом, благодаря которому семья короля была изолирована от опасности из вне и в то же время лишена любых человеческих эмоций, которые испытывали тысячи жителей Дастварда за пределами этих каменных мертвых стен.

Преодолев невероятное количество комнат для гостей, больших залов, библиотеки, двух кухонь и комнаты для прислуги, они добрались до длинного коридора, стены которого были расписаны разноцветной фреской с изображением берега, переходящего в море с одной стороны, и большого корабля с другой. Высоко над их головами висели люстры, с искусно вырезанными на них узорами, а каждая свеча горела как одна — четко, без затуханий и на одной и той же высоте от подсвечников.

Прямоком из этого коридора они попали в большой зал, который был расписан в черный и белый цвета, поделен на квадраты и охватывал каждую деталь интерьера — мебель, которая находилась здесь, была также под цвет черного и белого. По самому центру стояла больше, чем обычные размеры, шахматная доска с не доигранной на ней партией — белый слон поставил шах, а фигуры, выбитые из игры ранее, небрежно валялись поодаль и ждали своего возвращения в новую игру.

— Любите шахматы? — спросил Рогар, когда они проходили мимо доски, неспешным шагом.

— Мы с отцом часто проводили вечера за этой игрой, — отозвался голос юноши из-за спины короля.

— Игрой? — произнес владыка презренно, процедив сквозь зубы. — Я бы назвал шахматы несколько по-другому. Игрой они являются для тех, кто не видит в них ничего кроме заурядных фигур и черно-белых полей, по которым эти фигуры могут перемещаться. На деле же это ничто иное, как лучшая тренировка перед любой битвой, которые сейчас, как никогда, угрожают нашим спокойным краям. Я раскрою один секрет, который, несомненно, поможет вам относиться к такому времяпровождению подобающе. — Рогар остановился и взял фигуру королевы в свои руки. — Все дело в отношении к шахматам — если вы уступаете сопернику, и вас это никак не задевает, значит, они ничему вас не научат. Если же каждое поражение вы будете расценивать как поражение на настоящем поле боя, то не

сомневайтесь, каждая партия оставит в вас не только много гнева поражения или радости победы, но и непременно научит новым успешным тактикам, которые в будущем помогут в настоящей войне. Эта, как вы выразились, «игра» неотъемлемая часть досуга любого воеводы. Любого, за кого хотя бы один воин готов отдать свою жизнь.

Хранитель Порядка был далеко не глуп, он мог затеять спор на тему того, что лишние эмоции в шахматах могут не сыграть на руку, а наоборот заставить совершать опрометчивые ходы, что приведет еще к более быстрому поражению или бросить вызов королю и предложить партию, в которой он, скорее всего, одержал бы победу, а значит, априори выиграл бы любой спор, касающийся этой злосчастной игры, которой они уделили итак достаточно времени. Поэтому недолго думая, хранитель поправил фигуру коня, слегка съехавшую с черной клетки на белую, и добавил:

— Вы правы, Ваше Величество. Я обязательно пересмотрю свое отношение к... шахматам.

Рогар ничего не ответил. Он поставил фигуру королевы обратно на доску и двинулся дальше. Было ли это одобрением Его Величества за согласие советника с его наставлением или безмолвным огорчением от того, что Хранитель Порядка не доказал и не показал ему ничего нового — юноша не понял. Единственное что произошло в этой комнате после — Санли Орегх на мгновение задержался и переставил фигуру королевы на то место, на котором она действительно стояла до их прихода, в надежде, что когда-нибудь, когда эмоции утихнут, а интерес вернется, партию решат доиграть.

Потом был еще один коридор. Этот оказался короче предыдущего с винтовой лестницей на дальнем конце ведущей вниз. Она опустила их на четыре или пять этажей — у хранителя не было более точного понимания, кроме собственных ощущений. С каждой ступенькой свет становился тусклее, а воздух ставал более влажным. Что-то неправильное для этого великого замка таилось здесь — внизу, что-то чего на самом деле не должно было тут быть, но по какой-то нелепой случайности вместо того, чтобы засыпать все это пространство песком и заложить камнем гномы-строители решили оставить все как есть. Снаружи замок Хранителю Порядка казался куда меньше. Сейчас он был твердо уверен, что путешествие по Шаарвилю на коне не было бы нерациональной идеей.

— Вот мы и пришли. — произнес Рогар, взяв со стены факел. — Вашему взору во всем своем былом величии сию минуту предстанут королевские темницы Шаарвиля. Понимаю, что вопросов от увиденного встанет больше, чем ответов, поэтому дам пояснения на самые популярные из них. Предположите, почему самые грозные и опасные преступники королевства находятся к королю ближе, чем любой из его наивернейших подданных?

— Сделать тюрьму на нижних этажах королевского замка было Вашей гениальной идеей, Ваше Величество. Возьмем городские тюрьмы. Во всех городах подобные места оснащены большим количеством стражи. Таким образом, вероятность побега или мятежа минимальна, хоть и возможна. Теперь король. Королевская свита, к примеру, короля Дордонии насчитывает больше пятидесяти голов самых обученных и верных стражников, а с учетом того, что они станут следующим препятствием для беглеца, после выхода из клетки, то шансы получить свободу шаарвильскому узнику вообще сводятся к нулю.

— Я вижу с этой частью истории вы хорошо знакомы. — заключил король и почувствовал, как вино, выпитое за ужином, расплзается по венам и дает в голову.

— Да, Ваше Величество. Также я отлично осведомлен, что в случае осады королевские тюрьмы могут послужить убежищем для тысяч мирных жителей столицы. Его история —

первое, что изучают все паладины в Небесном квартале.

Король остановился, повернулся к хранителю лицом и рассмеялся.

— Признаться, вы меня приятно удивили. Я ожидал, что буду иметь дело с невеждой, взяв на службу столь неопытного юнца. Однако, вы не во всем правы. Быть может, моя идея и была гениальной, да вот только я быстро сбил сам с себя спесь и понял, что я не той породы, что будет спокойно пережевывать виноград, запивая его тем, во что он бы превратился, будь люди более терпеливы, когда на несколько этажей ниже выжидают своего момента тысячи головорезов, жаждущих перерезать мне глотку.

Хранитель Порядка молчал, бессильно играя скулами на лице и теребя перстень, что красовался на его безымянном пальце, соседними пальцами, как бы постоянно поправляя золотую безделушку.

— После столь бесцеремонного разочарования я обязан сгладить свою вину и рассказать вам текущее положение дел в королевских темницах, — король вновь пошел по узкому коридору, взяв со стены факел, который горел куда ярче первого, а тем, заполнил освободившееся на стене пространство. — Темницы пусты. Здесь есть один тюремщик и этого достаточно для того, чтобы держать в узде самых опасных врагов государства. Благо за последнее время их можно пересчитать по пальцам. Шпионы с запада, востока, севера — все в свое время кончили здесь после того, как говорили то, что мы хотели у них узнать. Лишь Кхолда я недооценил. Запри я медведя здесь и никакого побега бы не случилось.

На пути возникла еще одна лестница, но теперь не винтовая, а самая обычная, ведущая далеко вниз так, что, даже внимательно всмотревшись в самый дальний ее край, Хранитель Порядка не смог разобрать, когда начинаются и заканчиваются эти бесконечные обшарпанные ступени.

— Прежде, чем мы пойдем дальше, ответь мне на один вопрос, — король остановился, но не обернулся к советнику, нарочно оставаясь к нему спиной. — Скажи, что ты чувствовал, казнив собственного отца? Я хочу знать, не воткнешь ли ты мне кинжал в спину, когда подвернется удобный случай.

Хранитель помедлил с ответом.

— Ну? Я перед тобой и, если в тебе есть хоть малейшее сомнение в верности короне, используй этот момент. Используй его, иначе другого шанса может не выпасть. Или же живи всю свою жизнь с грузом потери. Ну что? Время уходит.

— Я не держу зла, Ваше Величество. Ни на вас, ни на кого-либо другого. — Санли Орегх заговорил уверенно, когда король повернул голову, шурясь от дыма факела. — Отец всегда говорил, что смерть ходит за ним по пятам, и он осознанно когда-то сделал этот выбор. Каждый день он прощался с матерью так, словно больше никогда не вернется. Он принес клятву, и я принес ее. Не он сделал это с собой, не я и не вы. Это сделала клятва. Нет ничего важнее законов.

— Ты сделал верные выводы, Санли Орегх. Твой отец гордился бы тобой. Он не ошибся, когда готовил тебя в приемники. — спокойно ответил король. — За мной.

Коридоры в шаарвильских тюрьмах были настолько узкими, что любому, кто ходил по ним казалось, что стены сжимаются и если не поспешить, то через несколько мгновений от него останется лишь мокрое место. Даже двери открывались внутрь камер — проход не позволил бы им распахнуться полностью. Этих дверей было несчитанное количество, и они были покрыты копотью, высохшей кровью и жиром.

— Сегодня я разошелся в своей болтливости. Так получилось, что вы застали меня в

соответствующем настроении. Скажите, что вам известно о страннике? Он же Сарвилл Кхолд и, судя по всему, последний дастгардский медведь. Вы же присоединились к битве в Медвежьем квартале? Не отвечайте, на эту тему побеседуем завтра. Сейчас я хочу знать, насколько вы хорошо осведомлены о победах и поражениях в нашем с ним противостоянии?

— Мне известно почти все. Знаю, как он бежал прямо во время казни, когда все карты были перепутаны восстанием нелюдей, я осведомлен о том, как отряд наемников почти настиг его в Лисохвосте, но поплатился за это жизнями, однако была схвачена одна из его сообщниц, которая, вполне вероятно, представлена вами в качестве одного из экспонатов врагов государства в этих опустевших темницах. Я уверен также, что и мать, и родная, насколько я помню, сестра странника также находятся где-то здесь. Несомненно, Ваше Величество, в ваших руках три козыря.

— В самую точку, хранитель! — восторженно откликнулся владыка. — Скажи мне, как ты думаешь, представляет ли чародейка для нас цену? Медведь дорожит жизнью волшебницы? Нам крайне важно это понимать, потому что...

Король многозначительно замолчал и отворил дверь в темницу, возле которой они стояли все последнее время. Скрип разнесся гулким стоном по окрестным камерам. Хранитель понял все без лишних слов и прошел внутрь, пытаясь не замечать запаха смерти и крысиного помета. Темница была хорошо освещена, а под потолком болталось два женских тела. Санли Орегх приложил платок к лицу и поморщился.

— Ведьма. А кто вторая? — Хранитель Порядка, шурясь, взял со стены факел и начал внимательно осматривать тела.

Ноги смертниц, как и их тела, были исполосованы резаными ранами, покрыты царапинами и синяками. Они висели неподвижно, крепко схваченные за горло свернутыми простынями, а их тени застыли на стене позади.

— Сегодня мне испортили и без того худое утро. — Король вдохнул так глубоко, будто вдыхает запах свежее испеченного лимонного пирога. — У нас остался только один козырь, и тот сомнительный. Мать и сестра странника повесились этой ночью. Чародейка жива, будь она не ладна.

Хранитель решил, что потеря, действительно, была бы не столь значимой, если бы в королевских руках оставался родной по крови странника человек, а теперь приходилось рассчитывать на проходимку, к которой медведь, может быть, и вовсе не испытывает никакой привязанности, и тогда сыграть на его чувствах было бы не только не эффективно, но и, как минимум, выглядело бы достаточно нелепо.

— Видишь ли, Санли, предатели окружают меня. — произнес Рогар диким шепотом и сплюнул на твердую, усыпанную соломой, землю. — Кто-то пронес им простыни и хорошо замел за собой следы. Это как партия в шахматы. Сегодня мне поставили шах! Но следующий ход мой. — он некрасиво улыбнулся. — У тебя есть сутки, чтобы отыскать предателя, посмевшегося пойти против королевской воли — это будет твоим истинным посвящением в Хранители. И помни, слухи о том, что мать и сестра странника мертвы, не должны выйти за пределы этих стен! Слышишь? Начни с тюремщика, только у него есть беспрепятственный доступ ко всем камерам. Хотя я не думаю, что этот болван полез бы в такую авантюру. Разве что ему наколдовали хотя бы немного мозгов...

— У меня есть сутки, чтобы узнать, кто изменник и предать его суду. Важно избежать всякой огласки. Запомнил, Ваше Величество. Прошу вашего позволения приступить к делу.

— Ты неверно запомнил, хранитель. У тебя нет возможности предать его суду, ясно? Я

полагаю тебе известно такое понятие как самосуд? Вот именно по такому принципу должна оборваться жизнь предателя. Тебе ясно?

— Но закон...

— Я еще раз спрашиваю. Тебе ясно?

Хранитель Порядка неохотно, но покорно поклонился.

— Ты быстро учишься, Санли. — король снова причудливо улыбнулся. — Слухи о смерти медведей должны задохнуться в этих стенах, слышишь? Это не менее важно, чем все остальное. Кхолд должен, во что бы то ни стало продолжать думать, что его родичи живы и ждут его в Дастгарде с распростертыми объятиями. Только так мы сохраним в нем надежду спасти их и тогда он сам, рано или поздно, попадает в наши руки. Шах и мат.

— Да, Ваше Величество! — Хранитель Порядка преклонил колени ровно как положено палadini при получении приказа от короля, получил разрешение подняться и вышел из камеры.

— Ну что, медведь? — заговорил король, когда остался наедине с двумя телами женщин, медленно раскачивающихся на простынях. — Я потерял дочь, ты потерял мать и сестру, хоть и не знаешь об этом. Это только начало. Когда-нибудь умрут все, кто нас окружает и тогда... мы останемся один на один..., и я вырву твое сердце, ублюдок!

\*\*\*

Санли Орегх держал путь в самый конец коридора — в ту часть, которую сам тюремщик считал своим основным местом жительства. Там было все необходимое для беззаботного существования в бесконечных лабиринтах шаарвильских тюрем — яркое освещение, лежак, стол для приема пищи с громоздким дубовым табуретом под ним и ночной горшок, предусмотрительно прикрытый старой занозистой доской.

Во время долгого похода по старым и холодным коридорам тюрем Санли Орегх никак не мог отделаться от нескольких мыслей, из которых первая твердила о том, что истинный Хранитель Порядка, такой, каким его задумывали предки, обязан следовать закону и пресекать любые проявления самосуда и, более того, жестоко наказывать за них любого, кто осмелится нарушить правила, ведь Хранитель Порядка и есть сам Закон. Вторая же мысль предупреждала о том, что в столь опасное путешествие ходить одному, по крайней мере, неразумно — если великан окажется преступником, то шансы выжить еще будут, но вдруг след поведет дальше и выведет на целую группу или даже общину преступников? Тогда каждая минута промедления не сыграет на руку, а решение задачи в одиночку вряд ли окажется правильным поступком. А дальше нагромождалась еще целая тьма мыслей, мешавших сосредоточиться и беспросветно застилающих его разум — о бесславной смерти отца, о долгожданном посвящении в Хранители, о решениях короля и других, таких неважных сейчас думок.

Санли Орегх оказался у изголовья лежака, на котором обмяк тюремщик и сладко храпя, раздувал свои большие щеки. Хранитель несколько раз сильно ударил каблуком о каменный пол в надежде пробудить хозяина помещения, но великан не реагировал. Тогда гость подошел, к прячущейся в единственном темном углу, бочке и, зачерпнув ковшом из нее воды, вылил на лицо тюремщика.

— Шолд! Шолд! — завопил великан, вскакивая на ноги достаточно ловко для своей комплекции.

— Взгляни на брошь, Шолд. — сказал Санли Орегх, не убирая правую руку с рукояти меча, а левой указывая на голову дракона, извергающую пламя, изящно вылитую из золота и

приколотую на тунику, — я новый Хранитель Порядка. Меня зовут Санли Орегх. Я пришел задать тебе несколько вопросов.

Великан бросил взгляд на брошь, вырвал ковш из рук гостя и, набрав в него воды, жадно принялся ее хлебать. Когда тюремщик напился, ковш плюхнулся обратно в бочку, расплескав воду по стенам.

— Чтобы между нами не было недопонимания, я сразу скажу, что пришел сюда за ответами и без них не сдвинусь с места. И ты, как понимаешь, тоже. А главная тема нашего общения — мертвые женщины в одной из твоих темниц.

— Мертвы и все тут, — ответил Шолд, усаживаясь за стол. — Чего непонятного?

— Непонятного? Все предельно ясно! Только одно мне не дает покоя — почему вдруг они оказались мертвы? — рыцарь руками оперся на стол, пытаясь как бы надавить на великана, смотря сверху, но даже в этой ситуации они были одного роста. — Если мне не изменяет память, существует кодекс тюремщика и в одном из его пунктов сказано, цитирую «смотритель обязан обеспечить безопасность заключенного на все время его пребывания в зоне изоляции, исключением является обвиняемый, которому вынесен смертный приговор в стенах заключения. Любой другой преступник заслуживает того, чтобы попроситься с жизнью по всем канонам и умереть с честью даже за бесчестный поступок. Другими исключениями являются развратители малолетних, осквернители храмов Касандры, эльфы, гномы и другой выводок мерзопакостных тварей, отличающихся от людей». Конец цитаты. Женщины, которые умерли в твою службу, не попадают под описание исключений.

Шолд встал из-за стола, оказавшись на две головы выше своего собеседника, оскалился и показал свои огромные гнилые зубы.

— Подошли они. Как собаки по переулкам дохнут, так и подошли, — Шолд наградил гостя вонью изо рта. — Тупой что ли или как?

Хранитель побледнел то ли от страха, то ли от злости, то ли от запаха.

— Хорошо, Шолд. Как ты думаешь, — он поменял тактику ровно, как учили наставники, годами готовившие его на роль Хранителя Порядка по распоряжению отца, — они сами повесились, или кто-то им помог в этом нелегком деле в четырех стенах, где кроме чумы и подхватить нечего?

— Сами повесились, — ответил великан и тут же замолк, а лицо его стало каменным.

— Да уж. Похоже, кто-то пронес им простыни прямо у тебя под носом! Я обязан донести королю о твоей некомпетентности. О том, что тюремщик Шолд не способен рассмотреть даже бельмо у себя на глазу.

— С пол хера я бельмо рассмотреть могу, — забрызгал слюнями великан. — Никто мимо меня никогда просто не проходил и не пройдет! Слово великана!

Оба замолчали. Хранитель, сжимая и разжимая навершие своего меча, ждал пока до Шолда дойдет, что он сам себя выдал. Но выражение лица великана не менялось, и Санли Орегх совсем уверовал в то, что тот так и останется здесь до тех пор, пока он не вернется с отрядом паладинов.

— Благодарю, это все что я хотел узнать. — сказал наконец рыцарь. Он осторожно кивнул, медленно повернулся и направился к выходу.

Хранитель Порядка не успел сделать и нескольких шагов, как великан набросился на него и толкнул в спину. Тело паладина словно кукла, набитая опилками, полетело вперед, врезалось в стену и сползло наземь. Шолд взвыл, подняв над головой бочку с водой, и кинул ее в незваного гостя со страшной силой и таким воплем, что вся королевская прислуга

наверху должна была испугаться и забить тревогу. Санли Орегх едва успел откатиться, и бочка разбилась о пол, освободив воду, которая тут же застлала весь пол. Тюремщик не замедлил хода — ход его мыслей в бою был на удивление быстрее любых других — он схватил хранителя за грудки, поднял на несколько локтей от земли и прижал к стене, прихватив одной рукой за горло и начал его душить. Глаза у Хранителя Порядка выкатились из орбит, он начал барахтаться от того, что не удается сделать ни одного глотка воздуха и тут же получил мощнейший удар справа. Удар был такой силы, что оставалось только удивляться тому, что голову не расплющило, а сознание еще осталось внутри. Наверняка, если бы великан ударил спереди, то все было бы уже кончено. Однако сейчас защитник отделался лишь потерей нескольких зубов, которые покинули свое место, булькнув в воде, разлитой по полу.

Великан явно владел преимуществом. Хранитель Порядка осознавал, что при таком превосходстве его смерть — дело времени. Скорее всего, он умрет еще до того, как окончательно истощит свои легкие. Один удачный удар и все, прощай весь тот ворох мыслей, который терзал его по дороге сюда, ведь все уже станет не важно. Беспорядок станет над законом и восторжествует.

И не борьба за собственную жизнь или за победу короля помогла ему продолжить бороться. Ни собственный конец или горе людей, которые будут скорбеть о его утрате. Нет. Только самая настоящая вера в Закон и в то, что только в тандеме с настоящим Хранителем в Дордонии, наконец, воцарится истинный Порядок. И тогда паладин, воодушевившись собственным внутренним голосом, сделал несколько безуспешных попыток врезать великану по лицу и, не дотянувшись до ненавистной физиономии, стал яростно мотать головой в надежде освободиться, но лишь усугубил свое состояние, которое теперь и вовсе было близко к бессознательному.

Когда все попытки вырваться провалились, а голова уже степенно заваливалась на бок, произошло то, что в народе называют волей случая — рыцарь нашел взглядом горящий факел, висящий совсем рядом, до которого при небольшом усилии можно было дотянуться, и из последних сил потянулся к нему. Время было на исходе, великан, казалось, уже просто дожидался, пока трепещущее тело паладина обмякнет и начнет остывать. Но, к удивлению, Шолда, этого не случилось. Хранитель наконец схватился за заветный светоч и несколько раз саданул им великану по морде, оставляя ссадины и ожоги у того на щеке. С каждым ударом хватка тюремщика становилась все слабее. Это позволило защитнику прицелиться и как следует врезать великану прямо в висок так, что тот вовсе ослаб и позволил ему вырваться.

Теперь у Санли Орегха появилось время отскочить на несколько шагов от противника, достать меч и направить острие на, уже бегущего на него, Шолда, заставив того остановиться и замереть, переложив инициативу на человека с клинком. Хранитель сделал несколько выпадов, рубя по тюремщику с разных сторон, но Шолд ловко отбивал всякий удар, летевший в него — клинок отскакивал от железных наручей, издавая глухой стон до тех пор, пока паладин в один из своих очередных замахов в последний момент не изменил направление летящего меча и не рубанул руку великана под самый локоть — там, где не было никакой защиты. Огромная кисть исполинской руки Шолда упала на каменный пол и окрасила воду в красный.

Тюремщик взвыл от ярости и со всей силы ударил обидчика ногой в грудь. Тот снова отлетел назад и сильно остановился, врезавшись спиной в стену. Получил еще раз ногой по

лицу и выронил клинок из рук. Достаточно было еще одного удара, который поставил бы точку в этом поединке и выявил победителя, но вот только разъяренный Шолд вдруг остановился, пошатнулся и в жуткой гримасе оскалил свои гнилые зубы. Кровь, казалось, целыми унциями покидала тело великана, и он, словно чего-то испугавшись, сорвался с места и ринулся прочь, оставляя за собой кровавые разводы, ведущие к выходу.

Хранитель Порядка остался лежать без сознания, опираясь спиной на сырую каменную стену в луже густой смеси воды, смолы, крови и зубов.

\*\*\*

— Твоя жратва, ведьма. — великан бросил на пол железную миску с чем-то отвратительным на вид внутри и тут же расплескавшимся за края посуды. Завоняло тем, чем обычно несло в самой неухоженной конюшне или в любом другом обитаемом животными месте, ограниченном по территории и лишенным возможности регулярно проветриваться.

Чародейка сидела на какой-то бесполезной подстилке, видимо, служащей ей лежачком, которая была крайне промозгла, и могла защитить разве что от грязи, если бы сама не была носителем всех возможных элементов — песка, воды и какой-то непонятной коричневой слизи. Подобрав ноги к себе и обхватив их руками, Ноэми погрузилась в собственные мысли и рассуждала о неведомых планах освобождения, высчитывала долю вероятности того, что ее помилуют или спасут, а также не переставала размышлять о том, как бы не подхватить какую-нибудь смертельную инфекцию, испокон веков прочно засевшую в стенах злополучных шаарвильских тюрем. Ее сильно знобило, и хуже всего было осознание безнадежности и того, что ничто и никто вокруг не поможет ей согреться.

— Воняет дерьмом, — чародейка подобрала самое понятное для Шолда сравнение тому, что он принес. Великан принюхался, расширяя и сужая свои огромные ноздри. — Помнишь наш уговор?

— Все я помню, ведьма, но больше ничего не проси. Увидев нормальное одеяло в этом клоповнике, вольный быстро донесет на меня и мои яйца и без колдовства окажутся подвешенными на петле, тут ума много не надо. Шолд поможет ведьме бежать, а ведьма сохранит Шолду чл... то есть то, что делает Шолда мужиком. Ага.

— Ты быстро учишься, тюремщик. — Ноэми посмотрела на великана большими глазами из посиневших впавших глазниц. — Вообще при настоящей даме нельзя употреблять примерно половину слов из твоего словарного запаса, но это тебе придется изучать уже без меня, но зато с тем... что делает тебя мужиком. Я уйду через неделю. Понятно?

— Понятно, понятно. Пошел я.

— Тюремщик.

— А?

— В одной из здешних темниц сидят две женщины, одна должна быть заметно старше другой — родные странника...

— Родные или не родные — по херу мне. Есть две бабы еще, кроме тебя. И все. В остальных темницах пусто. Или тебе еще крыс пересчитать?

— Сидят в разных темницах? — не отреагировала чародейка на остроумное замечание.

— Вместе они сидят. Король приказал. А ты лешего какого интересуешься? Договор у нас о другом был, я под твою дудку плясать вечно не собираюсь.

— Я знаю, знаю, Шолд. И буду держаться наших договоренностей. Но я вынуждена просить твоей помощи еще в одном деле. Обещаю, взамен ты получишь нечто очень стоящее.

Тюремщик поморщился, но не отвел взгляда и не ушел.

— Я видела, что вольного ты не особо жалуешь. Точнее, если бы у тебя была возможность, то ты пришел бы его на месте, верно? Моя интуиция никогда меня не подводит. — дождалась она безмолвного согласия великана прежде, чем продолжить, — Да только ничего эдакого королевскому наемнику ты сделать не можешь. Но. Я. Могу.

Чародейка уже стояла на ногах и всю мельтешила вокруг великана.

— Хочешь, чтобы мужская сила вольного исчезла? Хочешь, чтобы та кара, которой больше всего ты остерегаешься — на него рухнула?

Великан задумался и покраснел, не скрывая своей растерянности и крайнего интереса к озвученному предложению.

— Как тебе? Ну? Взамен я много не прошу.

— Говори, — медленно произнес великан.

Чародейка облизала сухие губы, собираясь с мыслями.

— Как там узницы?

— Как, как. Сдохнут скоро. Ничего не жрут. Король не хочет, чтобы они сдохли и орет на меня, а потом я ору на них. Так и живем. Пока треклятого медведя не поймают, ничего не поменяется.

— Зайди к ним прямо сейчас и скажи, что через неделю друг Сарвилла поможет им бежать. Это должно придать им сил. Скажи, что отказываться от еды не нужно и что накопить силы надо к побегу. Добудь им все, что они у тебя попросят, но за что никакие подозрения о сговоре на тебя не падут — чистой воды, еды и всего остального. Понял, Шолд?

— Понял, ведьма, — ответил великан. — Еда, вода... и вольный, — он довольно разинул пасть.

— Я выполню свое обещание в день побега. Ступай.

Тогда великан медленно повернулся, расслабленной походкой вышел из темницы, хлопнув за собой тяжелую дверь, и несколько раз провернул ключ в замке.

Мать и сестра медведя были заключены в темнице через несколько дверей вглубь тюрьмы по коридору от того места, где находилась Ноэми. Медведицы провели здесь уже несколько недель и ни один из дней не проходил в спокойствии и умиротворении — то и дело решетка, за которой они сидели, отворялась, и посреди темницы возникал вольный, который их пытал, доводил до слез, рассказывая выдуманную правду о смерти странника или о том, что прямо сейчас за ним отправлен отряд лучших вольных убийц и если они не пойдут навстречу расследованию, то и до них доберется кара за умалчивание и утаивание важных фактов. И ни разу ни сестра Сарвилла, ни его мать, ни дали наемнику ни единой зацепки о планах странника, его сообщниках или безграничных, по его мнению, магических возможностях медведя. Может быть и могли они заговорить, когда отчаянье ощущалось намного острее остальных чувств, да только ни одна, ни другая не имела никакого представления ни о первом, ни о втором, ни о третьем.

Даже если бы все королевские тюрьмы были забиты заключенными под завязку, внешне прокаженные мало чем бы различались — влажные грязные ночные рубашки плотно прилегали к телам женщин, выставляя напоказ изнуренные тела с выпирающими из-под ткани ребрами и ключицами. Их лица были заляпаны темными пятнами, которые могли смыться, а могли и вовсе оказаться синяками, а под сломанными ногтями уже давно собирался толстый слой грязи.

— У тебя нездоровый вид, матушка, — сказала Диодора, убирая с лица матери пучок

седых волос и прикоснулась прохладной ладонью к ее разгоряченной щеке.

— Все в порядке, — быстро ответила Берта, от усталости медленно прикрыв синие веки, и также медленно разомкнула их.

— Мы умрем здесь? — еле слышно спросила девушка, но не дождалась ответа матери.

Значило ли это, что такой исход неизбежен? Или молчание Берты всего лишь временное замешательство, которое вот-вот пройдет и родной голос разобьет тишину вдребезги вместе с самыми наихудшими предположениями, возвестив на всю округу «Конечно, нет!»? Хотелось ли Диодоре услышать на свой вопрос однозначный ответ? Тоже нет. Ведь любой ответ, кроме четкого и утвердительного, был бы страшной ложью, всего лишь вселяющей надежду, которой не суждено было оправдаться. Предполагать сейчас что-то, значило лишь одно — вводить себя в заблуждение и лишать способности здраво мыслить.

— К чему были все эти испытания? Почему Касандра позволила Сарвиллу спасти меня? Чтобы я все равно умерла? Чтобы я осознавала, что умираю?

— Успокойся, милая... — заговорила Берта и прижала к себе дрожащее тело дочери. — Успокойся... Одной Касандре известно, почему так произошло и чем это закончится. Но посмотри, сейчас мы дышим, разговариваем. Я чувствую тебя в своих объятиях, а ты чувствуешь, как мои руки прикасаются к тебе. Мы вместе. Разве ни это сейчас самое главное?

Сквозь дверные щели в темницу попал ветер, заиграв с огнем факела и пустив тени в пляс, которые все это время, притаившись бездвижно, подслушивали узниц.

— Матушка.

— Ммм...

— Король не убил нас, потому что надеется, что Сарвилл придет за нами, верно?

— Это так, — ответила Берта, продолжая разглаживать длинные густые волосы дочери.

— Выходит, когда он придет за нами, а Сарвилл обязательно это сделает, они поймут его, а затем убьют нас всех? — Диодора хлюпнула носом.

Берта вновь оставила вопрос без ответа. Было тяжело осознавать, что мысли, которыми она была озадачена с самого момента их заключения, теперь подобралась и к ее дочери. При любом раскладе смерть оказывалась неизбежной. Касандре угодно взять жертву, но право решать, сколько этих жертв будет за нами, подумала женщина и в каком-то неведомом транс вновь принялась разглаживать волосы дочери.

— Мы должны умереть, — после короткого молчания вдруг заключила Диодора. — Мы попытались обмануть смерть, наивно полагая, что у нас получится, но...

Девушка не успела закончить мысль — ее перебил звук отпирающегося замка. Дверь открылась, и вместе с очередным порывом ветра в темницу завалился тюремщик.

— Мне велено оказать вам любую помощь, какая в моих силах, — изложил великан, — чтобы вы не подошли тут за неделю.

— Кто велел? Король? — отозвалась мать странника.

— Король? Ага! Размечтались! Ведьма велела. — рывкнул Шолд. — Вы так и будете вопросы задавать или чего внятного уже скажете?

— Что за ведьма? Что будет через неделю? — заинтересовалась Диодора.

— Ничего не будет, вашу мать. Надеюсь, ведьма сдохнет к этому времени, и ничего не будет. Ну? Надо чего или хера лысого?

— Простыни принесите, господин. — Берта сказала наобум, продолжая обнимать дочь, и в этот момент почему-то объятия оказались крепче.

— Вы давайте мне тут безо всяких одеял и простыней, я сам еле задницу согреваю. А вольный меня тут же обогреет, как простыни у вас увидит. Есть другие просьбы или катитесь к чертовой матери?

— Поздний уж час, господин. Какого вольного вы хотите здесь увидеть в такое время? Ужин ведь давно уже приносили, господин вольный подавно в какой-нибудь корчме сидит, да и думать о нас забыл. А раз помощь велено нам оказать, то только такая она нам и требуется и никакой больше.

Тюремщик ничего не ответил. Он ушел и вернулся через некоторое время с двумя простынями в своих исполинских ладонях.

— Вот, — сказал Шолд и бросил принесенное на землю. — С первыми петухами заберу. Наслаждайтесь, пока можете.

— Это все. Благодарю вас, господин, — не верила своим глазам Берта, взирая на белоснежные широкие простыни.

— К чему вам эти тряпки сдались? Холодно что ли стало? — заинтересовался великан. — Еды может больше? Иль воды? Мне от вас рекомендация нужна будет, если ведьма спросит, только положительная.

— Чего же вы сразу про воду и еду не заговорили, господин? И от того, и от другого мы не откажемся, — ответила Берта и сбила тюремщика с толку.

Случались моменты, когда Шолду казалось, что он встретил людей более недалеких, чем он сам, и в этих редких случаях он мог позволить себе наградить собеседника подражанием того надменного и презрительного взгляда, которого часто достаивался в свою сторону. И этот случай был одним из таких. Великан показательно выдохнул воздух из своих огромных ноздрей и ушел прочь, ознаменовав свой уход четырьмя поворотами ключа в замочной скважине.

— Матушка... — по щекам Диодоры потекли слезы. Ее лицо не скривилось в бурной истерике от того, что они негласно решили сделать, но глаза были наполнены невыразимой печалью.

— Да, доченька?

— Касандра простит нас за то, что мы собираемся сделать?

— Непременно. Она уже хотела принять тебя в свой мир, но мы неблагодарно отказали ей. Теперь я отдам свою душу за то, что мы посмели противиться воле великой Богини.

— А Сарвилл? Сарвилл простит нас?

— Я не буду тебе лгать в наши последние минуты. Твой брат молод и горяч, он обязательно разгневется, утонет в ярости от непонимания нашего поступка, но с годами... — Берта сглотнула ком, стоявший у нее поперек горла. — С годами он все поймет. А если не поймет — мы будем ждать его в другом мире, более прекрасном и справедливом, где у нас обязательно будет возможность все ему объяснить.

*«О, как мне хотелось расписать все далее произошедшее в мельчайших подробностях, чтобы вы так же, как и я, смогли прочувствовать, каждый момент этой трагедии. Чтобы и у вас была возможность прикоснуться к истории в том виде, в котором она действительно свершилась. Но это было бы слишком жестоко по отношению к любому, кто нашел бы эти заметки. Поэтому я твердо решил, что достаточно вынести один единственный урок с этой страницы истории странника — урок жертвенности. Жертвенности во благо тех, кто никогда не поблагодарит за это и не признает вытекающий из этого героизм, дар предвидеть события и мыслить наперед. Мать и*

*сестра странника могли стать мученицами — теми, чья смерть, преданная огласке, подняла бы дух сторонников медведя и послужила бы тем камнем преткновения, который был так необходим героям того времени. Но... огласки не случилось. Две медведицы продолжали жить в головах и сердцах тех, кто еще помнил о них, и, никоим образом, не предполагал столь печального исхода. Но и отведенной роли им оказалось достаточно. Достаточно для того, чтобы странник скинул со своих плеч груз ответственности и сосредоточился на вещах, которые играли роль для всего мира, а не для отдельно взятых людей».*

*Заметки чужеземца, спрятанные в старой разрушенной избе на Висельн ом холме близ Дастгарда.*

Расшатанная телега скрипом своих колес раздражала округу, нарушая спокойствие еще дремлющего леса. Заяц, сидевший среди зарастающей травой дороги, испугался постороннего звука и ринулся в кусты, потревожив птиц, которые мгновенно, затрепетав своими крыльями, взмыли вверх.

— Через три, возможно четыре дня — по большому счету зависит от погоды — мы будем Дастгарде. — Лиана сидела рядом со странником, свешивая ноги с еле движущейся телеги и смотрела, как из-за горизонта выкатывается солнце.

— Это я и Иллайа будем в Дастгарде, а ты отправишься в Аард, а оттуда напрямиком в любой из городов Творса. — отозвался Сарвилл.

Принцесса не ответила, но странник понимал, что шансов переспорить и отправить ее во враждебную для Дордонии империю с каждым днем становится все меньше, тем не менее у него в голове не существовало плана лучше, поэтому они возвращались к этому разговору снова и снова.

Иногда спор заканчивался безмолвным бойкотом принцессы, в другом случае медведь выходил из себя и обрушивал на нее целую кучу доводов, превращая светскую беседу в нравоучительный нудный и бесконечный монолог, а иногда Иллайа, вмешиваясь в самый разгар ссоры разводила спорящих по разным углам и выносила свой непоколебимый приговор — принять окончательное решение ближе к делу и не забивать этим голову здесь и сейчас.

— Мы в пути уже несколько дней, а ты так и не рассказал, что мы будем делать, когда вернемся в столицу. — заговорила Иллайа, натянув поводья так, чтобы повозка объехала сваленное дерево, ствол которого был обуглен, вероятно, днем ранее во время бушевавшей в округе грозы.

Рядом с телегой плелся гнедой конь Сарвилла, навьюченный тяжелыми сумками и то и дело звучно выдыхал пар, разукрашивая холодный утренний воздух. Вокруг голосили разные птицы, превращая обычно мелодичное соло каждой из них в беспорядочное хоровое, но созвучное пение. Дорога еще не успела высохнуть после прошедшего ливня, поэтому телега двигалась медленно — глина жадно хватала копыта лошадей, пытаясь сдержать их резвый пыл и оседала на деревянных колесах, мешая простому механизму внутри них работать полноценно.

— Нам нужно попасть в Дастгард к сорок шестому дню Расцветания — ничего более конкретного сказать не могу.

— В таком случае мой отъезд в Творс считаю заблаговременно неразумным. Если у вас нет конкретного плана, значит, воспользуемся моим, — Лиана сверкнула своими серыми глазами.

— Мы сделаем так, как скажу я. По меньшей мере, потому, что мы направляемся вызволять из заточения моих близких, а не видаться с твоими. — Сарвилл бросил холодный взгляд на принцессу.

— Тогда я вернусь к отцу в Шаарвиль, — отрезала серебряноволосая девушка, — И пусть он делает со мной все, что ему вздумается. — Она спрыгнула с телеги и побежала в чащу, предусмотрительно придерживая подол платья и ловко перебирая своими бледными короткими ножками. Иллайа остановила повозку и запустила грубую и резкую неизвестно

кому адресованную брань куда-то в сторону столицы Дордонии.

— Бурлящая бездна! Лиана! — странник выругался, уподобляясь кареглазой волшебнице, сполз с телеги и неохотно пошел следом.

Он не побежал сломя голову, безрассудно ориентируясь на мелькающий меж кустов силуэт. Нет. Медведь остерегался потерять принцессу из виду и что хуже всего опасался заблудиться в гуще деревьев Трепетного Леса. Даже при том обстоятельстве, что путников было трое и в случае потери друг друга они могли бы легко найтись по голосам — к тому же солнце только-только встало и впереди был целый день, прежде чем настанет время выбираться из чащи — Сарвилл понимал, что кровожадность холодного леса не стоит недооценивать, он забирал и менее дружелюбно настроенных путников в свой совершенно отличный от их мир.

Странник медленно ступал вперед, с каждым шагом слегка проваливаясь в размякшую от росы почву, он пытался вспомнить как можно больше навыков, что помогали сначала его отцу, а затем ему самому, на охоте. Важна была каждая деталь вокруг — отпечатки сапог на земле, примятая трава, обломанные ветки кустарников, а также различные предметы одежды и части плоти жертвы, которые могли остаться на стволах деревьев, с обломанными под корень ветвями. Важно было также продвигаться бесшумно, ведь самая обычная концентрация и внимательный слух могли подсказать направление, где находится неосторожный зверь гораздо быстрее, чем все остальное.

Чем глубже Сарвилл заходил вглубь лесного острова, тем ближе друг к другу начинали расти деревья, становились кучнее и еще тщательнее загораживали, настырно пробивающийся сюда солнечный свет. Мошकारа взмывала в воздух целым облаком, стоило только медведю неуклюже коснуться какого-нибудь сорняка.

На коре одного из деревьев, стоящем меж хаотично растущих дубов, лип и тополей странник заметил свежую кровь — он обмакнул в нее палец и удостоверившись в своей правоте тут же заключил, что красная жидкость принадлежит принцессе, набегу неуклюже оцарапавшейся о шипастый ствол.

Внезапно с кустов, росших неподалеку, что-то спугнуло птиц — пернатые предательски выдали нарушителя спокойствия, захлопав крыльями и устремляясь под самые кроны деревьев. Сарвилл был почти уверен, что это сбежавшая девушка неуклюже тряхнула куст, поэтому он слегка ускорил шаг в нужную сторону, стараясь не повторить ошибки Лианы, осторожно обходя густые заросли и сильно замедляя ход, когда проходил вплотную к ним. Но медведю было не суждено преодолеть весь задуманный собой же путь до конца — кто-то другой решил это за него. Так, странник наступил туда, куда ступать не следовало...

Поверхность земли, на беглый взгляд казавшаяся твердой и не подозрительной, оказалась ничем иным, как тщательно усыпанным ветками и листьями входом в сырое холодное подземелье. Высота была не больше сажени, но странник, не успев сгруппироваться, все же покалечился и потерял сознание, ударившись головой о землю, как только достиг ее.

— Сарвилл, очнись! Очнись! Слышишь? Ты слышишь? — серебряноволосая чародейка громко и не переставая нашептывала в темноту, со всей мочи прикладываясь ладонями по щекам спутника снова и снова пока один из его разноцветных глаз не заблестел во мраке.

— Что?.. Где мы? — медведь узнал принцессу по голосу — его глаза еще не привыкли к темноте и бесконечно шурились.

— В яме, в пещере, в тоннеле, называй, как хочешь. Место довольно жуткое и мне

хочется поскорее отсюда убраться. Ты был без сознания целый день! — Лиана поднялась с четверенек и начала ощупывать стену, по которой, как она считала, можно было выбраться наружу. — Бездна! Ни одного выступа, который помог бы взобраться наверх!

— Как целый день? — странник приложил пальцы к затылку и тут же отдернул, словно прикоснувшись к открытому огню — рука оказалась в крови.

Он использовал простое заклинание, создав самый слабый огненный светоч, на который только хватило сил, чтобы осмотреться. Почти сразу медведь узнал древние эльфийские руины — белый камень с рунами на языке нелюдей возник перед ним, как только странник встал на ноги. Руны таинственно отсвечивали оттенками серых, голубых, зеленых и золотых цветов. Пол оказался усыпан костями. Не человеческими.

— Кролик или заяц... А этот череп кого-то покрупнее... — странник предполагал вслух слегка водя ладонью по воздуху и направляя свет в нужную сторону. — Это явно медведь...

Лиана все время держалась позади Сарвилла, бросая из-за его плеча тревожный взгляд.

— Медведь? — принцесса возбужденно переспросила. В расщелинах руин сильно загудел ветер.

— Успокойся. Не используй магию. Не хватало, чтобы нас еще и сверху присыпало чем-нибудь неожиданным.

Принцесса не могла совладать с собой, засквозило еще сильнее.

— Этот медведь вполне мог упасть сюда как мы, переломать лапы и умереть от обезвоживания...

— Тут высоты сажень, редкое животное могло бы покалечиться, упав с такой высоты. — хотел возразить Сарвилл, но гудевший отовсюду ветер стих, а значит и принцесса обрела внутреннее равновесие — в споре отпала всякая надобность.

Еще некоторое время странник ходил вдоль стен и внимательно всматривался в руны на них.

В юности, когда другие мальчишки предпочитали рассказы о монстрах и чудищах, населявших Неймерию и вымерших после Вечного Потопа, Сарвиллом владели совершенно иные интересы — он бредил культурой эльфов, не упуская возможности расспросить о древнем народе у каждого путника, которого впервые встречал в Медвежьем квартале. Если же судьба сводила его с самим потомком эльфийского рода, тот тут маленький медведь не терялся и разве что не зубами вцеплялся в собеседника до тех пор, пока у того не кончались ответы на нескончаемые вопросы любопытного ребенка.

Каждый день странник бегал к одному старому эльфу, жившему среди медведей, выведывать еще не услышанные ни от кого тайны и секреты эльфийского народа. Изнуил был поистине стар — никто во всей Неймерии не мог представить как выглядит пожилой эльф, кроме жителей Медвежьего квартала, знавших Изнуила лично — морщины разъедали его благородное выражение лица, зрачки были бесцветными, а передвигаться он мог только с помощью трости, на которую опирался, скрючившись в три погибели и еле переставляя ноги. Эльф был единственным представителем нечеловеческой расы, жившим среди людей — все его городские собратья гнездились в специально отстроенном квартале Нелюдей и покидали его только в самых исключительных случаях, ровно как и принимали там гостей.

Старик любил разглагольствовать перед юным медведем. Бывало, он ждал его на крыльце своего дома в промежутке между полуднем и заходом солнца, чтобы ни терять ни минуты и тут же с его появлением погружался в воспоминания. А когда маленький Сарвилл не прибежал, эльф смотрел мокрыми бледными глазами на потухающее небо и тревожно

постукивал тростью о порог своего дома до тех пор, пока над его головой не загоралось несколько сотен звезд. Потом он медленно разворачивался и пропал за дверь своей лачуги ровно до следующего полудня.

Однажды старого Изнуила нашли мертвым в собственном доме. Никто и не пытался выдать его убийство за естественную смерть. Повесив сначала эльфа, ему отрезали уши и подвесили их вместо золотого кулона, который всегда болтался на его шее и являл собой прекрасную обнаженную эльфийку — одну из эльфийских богинь, память о которой теперь бесследно исчезла. После этого не прошло и двух дней, как дом оказался разграблен, а его стены расписаны мерзопакостными выражениями, а затем разрушены кем-то посильнее. Еще через некоторое время на старом фундаменте один купец отстроил здоровую домину, которую благополучно превратил в хорошо охраняемый склад. Тело эльфа бросили в яму и сожгли вместе с телами другой челяди, которую никто не собирался хоронить, а Дастгард так и не понял, что навсегда потерял несколько страниц истории великого народа.

— Скажи мне, где мы? Что это за место? Ты уже знаешь, как нам отсюда выбраться? — Лиана держалась подле медведя все это время, постоянно озираясь и беспрестанно болтая. — Обещаю, никакой магии, Сарвилл, честно, я спокойна. Я буду спокойна даже если ты скажешь, что это склеп с вурдалаками. — ветер снова загудел в коридорах.

Странник прикоснулся к надписи, мерцающей голубым так, словно каждая руна была жива, а внутри пульсировала самая настоящая кровь. Его руку оттолкнула невидимая сила. Медведь возбужденно забегал глазами по всем стенам, до которых только доставал его взгляд.

— Так! Значит вот откуда появилась магия... — Сарвилл поторопился к рунам, пульсирующим ярко золотым. — Лиана, это невероятно. Кажется, я знаю, что это за место.

Он замер в исступлении как будто не решаясь сделать какой-то важный шаг и в то же время безумно желал ступить в эту неизвестность.

— Это эльфийский храм. Я слышал, что много тысячелетий в подобные храмы приходили паломники Первой Расы со всей Неймерии за силой и знаниями, которые скрыты внутри каждой руны. Оглянись, — он на мгновение оторвал взор от стены и осмотрелся, — здесь нет никаких примитивных источников света. Видишь? Раньше каждый эльф до единого обладал способностями, которые мы сейчас зовем магией и проходя через эти тоннели любой волшебник, прикасаясь к рунам своей стихии, набирался сил и тем самым освещал себе дальнейший путь. Но куда?

— Набирался сил?

— Да, да. Тех сил, которые сейчас маги питают из естественных источников. Эти руны дословно переводятся как: «Огонь», «Вода», «Воздух», «Земля». Вот этот источник я чувствую гораздо острее...

Странник прислонил ладонь к золотым рунам. Помещение в миг осветилось ярким огненным светом, снимая пелену тьмы даже с самых укромных уголков тоннеля. Он почувствовал небывалый прилив сил — вены на руках разбухли, а мышцы напряглись даже на лице. Его тело слилось с чем-то могущественным — у странника возникло ощущение, словно все это время он жил без какого-то жизненно важного органа, а теперь он появился. Сейчас его возможности стали такими, какими и должны были быть всегда, но раньше что-то упрямо мешало им вырваться наружу. В одночасье все знания эльфов, которых медведь так жаждал всю свою жизнь, возникли в его голове, заставили опускаться на колени и хвататься за голову, готовую разорваться от невыносимой боли.

— *Г'алла ваес реа!* — вскрикнул Сарвилл и выпустил огненный шар, обливавший синими языками пламени стену напротив. Его ладони переливались цветами вулканической лавы.

— Все хорошо? — принцесса испуганно попятилась назад.

— Это случилось. Теперь я обладаю знаниями о множестве заклинаний... — он сказал это монотонно, всматриваясь в глубину своих ладоней, после заклинания медленно возвращающих себе привычный цвет. — И еще... Теперь я знаю совсем небольшой кусок истории Первой Расы, который был неизвестен никому из живущих ранее, и это меня тяготит... Я познал то, чего познавать не стоило. То, что почти полностью истребило это великую расу.

Чародейка нерешительно подошла к руне воздуха и уже не слышала попыток странника ее остановить. Серое свечение из стены, плавно нарастающее из небольшого мерцания, в конце концов вспыхнуло с силой, которая на мгновение даже ослепила путников.

— Сарвилл... — Лиана, стоя на коленях, опиралась на угасшую стену. — Это так прекрасно и... печально... Неужели все это правда?

— Безусловно. Все, что ты видела, словно своими собственными глазами — правда. Это неизбежно, Ли. Эльфы знали будущее, и это знание лишило их надежды на безмятежное существование. Великое проклятие получить одновременно безмерно долгую жизнь и те знания, которыми и мы теперь вынуждены обладать...

Сарвилл пришел в себя будто после бурной пьянки — голова гудела протяжными звуками в коридорах храма, которых на самом деле не было. Он поднялся с колен и подал руку принцессе. Когда их ладони соприкоснулись странник почувствовал, что становится еще сильнее — «воздух» питал «огонь», раздувал пламя из крохотного огонька в пылающий пожар.

— Ты почувствовала что-нибудь? — спросил он, вдыхая пыльный воздух руин еще глубже и чаще.

Лиана не ответила. Она прижалась своими губами к его губам и забылась в его объятиях.

\*\*\*

Снаружи было темно. Лес наверху спал глубоким и беззаботным сном. Прислушавшись к нему можно было разобрать угуканье совы, что засела где-то далеко среди деревьев или, например, громко крикнув разбудить тетерева, спящего чутким птичьим сном совсем близко к старому погребенному под землей храму.

Странник в очередной раз дотронулся до рун на стене, чтобы осветить следующее помещение, в которое они вошли. Он вновь ощутил прилив сил, однако с каждым разом эффект от контакта с эльфийскими рунами становился все слабее и слабее, так что теперь медведь прикасался к каждому магическому символу буднично, словно зажигает еще один факел.

Зала была значительно больше той, из которой они пришли. Весь потолок был усыпан искаженными отражениями волшебников — он был построен настолько неровно и таким образом, что прямое отражение вошедших внутрь перескакивало на соседнее зеркало, с него на другое и так далее до тех пор, пока над головой все не покрывалось образами тех, кто потревожил покой этого места. Сейчас большинство зеркал были треснуты или разбиты, поэтому в целом не впечатляли, а только вызывали некоторую тревогу, искажая до неузнаваемости реальные образы гостей.

— Что это за место мы разобрались, — Лиана взяла Сарвилла за руку, — двигаясь из

зала в зал, мы рано или поздно дойдем до выхода, если время не завалило его чем-нибудь неожиданным. — Она мягко улыбнулась и потянула странника за собой.

— Постой! — он подвел ее к расщелине в потолке. — Обещай держать себя в руках. — медведь дождался пока принцесса положительно кивнет в ответ. — Скорее всего, мы попали в ловушку. Видишь, вон там, лежат еще чьи-то останки.

Они подошли ближе к месту, где скопом друг на друге были навалены кости. Жертва стала такой совсем недавно, потому как все вокруг было покрыто внушительным слоем пыли, а эти кости едва успели высохнуть.

— Взгляни на эту. Вот тут.

— Что это?

— Следы зубов. Мощные челюсти... Вот эту кость они раздробили напололам. — Странник пальцем аккуратно раздвинул останки. Вся куча медленно развалилась, разнося глухой костлявый звук по коридорам. — Я догадываюсь, ловушка построена здесь не просто так. Дичь падает в эти темные залы и становится легкой добычей для кого-то или чего-то необычайно сильного и очень... прожорливого. Ступай за мной.

Сарвилл медленно потянул меч из ножен за спиной и двинулся вслед за острием. Как только они попали в следующую залу, эльфийские знаки на стенах тут же принялись приветствовать гостей, пульсируя соответствующими цветами с разных сторон — серыми, голубыми, зелеными и золотыми, странник вновь осветил себе путь, прикоснувшись к золотым рунам.

Эта зала как две капли воды была похожа на первую — в которую они провалились — но отличалась четырьмя разрушенными фонтанами, что когда-то извергали потоки воды из голов невиданных существ, сильно напоминавших страннику орлиные и торчащие по одной из каждого угла. Паутина накрывала добрую часть всего помещения, включая небольшую опрокинутую статую эльфийской богини по центру — точную многократно увеличенную копию кулона старого эльфа, так бесславно покинувшего этот мир.

Они прошли дальше. Следующая зала напоминала купальню — в центре был осушенный бассейн, наполовину засыпанный песком и сухими желтыми листьями. Несколько колонн подпирали высокий потолок — гораздо выше, чем он был в предыдущих помещениях — на котором во весь рост была изображена та же богиня — нагая, купающаяся в пруду возле водопада.

— Странно, — Лиана замедлила ход уставившись наверх, — эта мозаика словно живая... Погляди, Сарвилл. Водопад, что позади эльфийки льется будто и не нарисован вовсе.

Действительно, вода переливалась, струилась и пенилась словно они сейчас смотрели на небеса и наблюдали за тем, что там происходит.

— Это место наполнено магией... или мы наполнили его ею... Красиво, но нам правда надо двигаться дальше, Ли.

Они прошли через еще несколько помещений, каждое из которых когда-то предназначалось для чего-то определенного — одна зала была явным предшественником современных усыпальниц с красивыми белыми саркофагами и местами под урны с прахом усопших, другая служила местом проведения священных обрядов и церемоний с множеством каменных скамеек, рассчитанных на сотню участников и высоким пьедесталом, огороженным пыльными цепями, который сейчас ничего не возвышал, но его архитектура до сих пор завораживала и пленяла. Третья, четвертая, пятая и все остальные залы отличались

друг от друга размерами, мозаиками на стенах и потолках, расположением разрушенных статуй, но чему служили эти помещения раньше, сейчас было не догадаться.

Наконец волшебники дошли до комнаты, совершенно обычной, без рун на стенах, мозаик, и даже количество паутины тут было намного меньше, чем в остальных. Над ладонью Сарвилла, предусмотрительно наколдованный, уже трепетал маленький, но сильно пульсирующий светоч.

— Здесь кто-то живет. — Лиана провела ладонью по столу в надежде обнаружить большое количество пыли и ошибиться в выводе, но вывод оказался верным. — За несколько веков тут скопилось бы больше грязи. — Она показала страннику лишь слегка запачканную ладонь. — Меня настораживает эта большая коллекция человеческих останков...

Комната была обитаемой. Об этом говорило все. Здесь стоял замусоленный стол, грязный и липкий, но без разбросанного на нем хлама и толстого слоя пыли; была придвинута вплотную к стене кровать, в которой за долгое время уже отпечатался силуэт хозяина — большого, похожего на человека существа, ростом раза в полтора превышающим рост странника. Каждое свободное место тут было утыкано самодельными несуразными табуретами, на которых ютились стеклянные тары необычной формы, а внутри них в жидкости болотного цвета плавали человеческие, эльфийские, гномьи и тролльи уши, зубы, сердца и другие органы разных представителей известных и неизвестных рас. Некоторые табуреты, стоящие на пути к двери, через которую вошли волшебники, были свалены и лежали посреди разбитого стекла на каменном полу.

— Успокойся. Как я догадываюсь, это все же разумное существо, а значит, если мы на него наткнемся, у нас будет возможность сперва поговорить...

Медведь прошелся сначала в одну сторону, затем в другую, присел, чтобы внимательнее разглядеть что-то на полу, затем поднялся, повернулся вокруг себя, сосредоточено озираясь и заговорил.

— Просторное помещение. Раньше служило чем-то вроде кладовой для храма. Эльфы умели беречь силы на том, что не было важным. Хоть бы один источник света, а... — он пошел по второму кругу, теперь еще внимательнее осматривая каждый угол и вновь не увидев ничего интересного, вернулся к столу и взял в руки нечто похожее на книгу в мягком переплете. Он попытался стряхнуть с нее пыль, которой там не было. — Гляди, Ли. Похоже на дневник...

Чародейка подошла ближе к страннику и взяла его под руку.

— Восемьдесят седьмой день Долгоночия. — Сарвилл негромко начал читать вслух. — Мороз уходит, а настоящих холодов не было уже и вовсе несколько недель, самое время вернуться в хижину. Теперь то я уж лучше подготовлюсь к следующему Долгоночию, чтобы не пришлось снова возвращаться в эту проклятую деревню, и я наконец смог довести дело до конца. Все необходимое на первое время я купил. Жаль, что нельзя увезти с собой подавальщицу, я буду скучать по ее картофельному супу со шкварками. Тиффона, если ты когда-нибудь прочитаешь это, пожалуйста, сходи ко мне на могилу да принеси одну порцию, я буду безмерно признателен, там все обтекут слюнями... А эти страницы заляпаны кровью и... слиплись. — Сарвилл попытался разъединить листы, но тщетно. — Ага. Вот. Отсюда можно читать подряд.

— Сар, может быть, дочитаем, когда выберемся наружу? Мне здесь не по себе.

— Лиана, мы не знаем где выход, а тут, — странник повертел дневник в руке, — может быть ответ. Не хочу встретиться с тем, о ком не имею ни малейшего представления.

Размерами «это» не похоже на человека. — он бросил взгляд в сторону кровати.

— Ты прав, ты прав, продолжай. — Попыталась успокоить себя чародейка. Ветер загудел где-то снаружи, но Сарвилл уже не слышал.

— Четырнадцатый день Расцветания. Я выехал за границы Дордонии. Пришлось продать одну из лошадей, чтобы докупить все необходимое и оценить тюрунский бордель. Тамошние шляхи ничем не отличаются от наших, разве что берут в три раза больше, да не того, чего хотелось бы, а монет. Ну да ладно, совсем скоро уже доеду, главное, не заплутать. У Осиной Чащи надо свернуть с большака, у двухсотлетнего дуба с содранной корой направо в лес, а там все на юг. Буду ориентироваться по звездам или еще по чему-нибудь. Все помню, как вчера. И месяца не пройдет, как снова начну охотиться на этих тварей. Тридцать седьмой день Расцветания. Добрался до хижины. Весь день пытаюсь протопить, но за зиму хата отсырела и промерзла до основания, мать ее, будь она неладна. По дороге в лесу заметил бесконечное количество следов этих сраных дриад, все время держал лук наготове, но эти грязные твари так и не соизволили показаться. Надо успокоится. Выдохнуть. Дед всегда говорил, что на охоту надобно идти с холодной головой и без капли эмоций... Но клянусь всеми богами, я не вернусь на родину, пока не перебью этих лесных баб всех до одной. Лишь бы... Лишь бы узнать Зойу... Зойа... Малышка моя, кровиночка моя, дочка... Я безумно грущу по тебе, и я вырву тебя из лап этих хищниц, чего бы мне это не стоило. Кроличья похлебка почти готова, наконец-то поем чего-то менее омерзительного. Сорок шестой день расцветания. Почерк изменился, еле могу разобрать. — Сарвилл прищурил глаза и приложил палец к странице. — Суки! Ненавижу! Одна из них пустила стрелу мне в ключицу. Еще бы чуть правее, пробила бы артерию на шее и быть бы мне кормом для лесной живности. Рану обработал, как и чем мог, но стрела, кажется, была заражена ядом или хер пойми чем. С каждым днем общее состояние становится хуже — постоянно тошнит, бросает то в жар, то в холод, обделал уже все окрестности, но рука стала лучше слушаться, а пальцы стали более подвижны и теперь я могу продолжить вести свой дневник. Зато я прикончил одну из них, а вторую ранил и притащил сюда, надеюсь, она не забыла общий язык, если вообще когда-то знала его. Спрошу про Зойу, когда очухается. Безумно приятно вспоминать, как убивал первую тварюгу в этом году. Моя стрела пробила ей легкое, она свалилась с дерева с таким шлепком, словно содержимое давно не убранного нужника плюхнулось на центральную площадь Дастгарда. Ох, как же было приятно видеть ее переломанные ребра, торчащие в разные стороны и слышать, как она захлебывается собственной кровью.

— Больной ублюдок! — не выдержала серебряноволосая чародейка. — Опустите эти нездоровые детали, Сар. Мне противно слушать бред этого сбрендившего охотника на дриад.

Странник послушался, но все равно продолжил читать, но теперь про себя.

Охотников на дриад в Неймерии было не меньше, чем гномов в Городе Гор. Охотниками становились люди, чьих сыновей или дочерей выкрадывали лесные девы. Ходили слухи, что случаи были не редкие, мол, на большаке внимание родителей рассеивалось, и тогда дриады пробирались в спящий лагерь и выкрадывали малышей — мальчиков они заставляли оплодотворять уже готовых понести дев, а затем хладнокровно убивали их, неважно какого статуса, размера или способности убеждения они были — исход был предначертан традициями, пронесшимися сквозь столетия вместе с культурой лесных жительниц.

Из юных же девочек они воспитывали подобных себе — учили быть с лесом одним целым, чувствовать его постоянное присутствие, слышать его шепот и жить с ним по его

правилам. Когда они духовно открывались лесу старшие сестры помогали им приручать первых диких зверей, обращаться с луком, готовить яды для врагов и лекарства для своих.

У мстительных охотников на дриад были даже целые кланы, которые размещались почти в каждом городе материка и имели огромные скидки на оружие, провинцию, коней, ночлег и на все остальное, что еще было необходимо, чтобы хоть как-то сгладить утрату, так же потерявших свои чадо купцов, корчмарей, пекарей и кузнецов. По численности, если всех охотников кто-нибудь решил бы собрать в одном месте, могла получиться армия, превосходящая армию всего северного королевства Холденфелл.

— Тут последняя запись. Без даты. — Сарвилл сел на край кровати и словно попытался вывернуть дневник наизнанку, пока тот не хрустнул и не заставил его остановиться в своих намерениях — теперь дневник не пытался столь же стремительно вернуть листы на свое место. Сарвилл тут же поторопился продолжить. — Сука все время лепечет что-то на своем, вообще не понимает, чего я от нее хочу. Когда произношу имя Зойи, начинает вести себя странно — повышать голос, повторять одно и то же слово на своем вонючем диалекте. Пытал уже как только мог. Бил по лицу и в живот, сломал несколько пальцев на руке, раскаленным ножом ковырял рану, которую оставила в ней моя стрела, выбивал зубы, срезал кожу небольшими частями, но она не говорит, хоть чего с ней выделывай. Делает вид, что не знает нашего языка. Прихлопну ее, да и все тут. Найду более сговорчивую.

— Но как дневник этого охотника оказался тут? Он же не мог взяться из неоткуда?

— Осталось немного, Ли. — Сарвилл снова опустил глаза на рукопись. — Убил. Заколел, как какое-то животное. Вот ребята порадуются за меня, когда я вернусь и протравлю им эту байку. Сейчас поужинаю и зарисую ее обнаженное мертвое тело, чтобы были доказательства. Игнат как обычно потребует подтвердить слова чем-то более весомым — вот и будет тебе, Игнатушка, самый настоящий шедевр. Слава Касандре, мои уроки рисования все-таки начали давать свои плоды. Не думаю, что леди Фарелла была бы сильно счастлива, узнай она, куда я направил все ее знания и практику, но какая хер разница? Соберу коллекцию рисунков, а на старости лет продам все это за огромные суммы таким же лишенным как я и заживу припеваючи.

История охотника на дриад оказалась слишком долгой, волшебники и не заметили, как светоч погас, но разглядеть записи в дневнике можно было уже с большей легкостью — струйки утреннего света, пробившиеся сквозь расщелины в потолке, освещали странное помещение в не менее странном эльфийском храме.

— Гррррх... — жуткое ворчание донеслось из глубины храма. Странник приготовил свой меч. Записки охотника рухнули под ноги, выпустив облако пыли из расщелин в полу, которое развеялась почти сразу же.

— Что это? — Лиана обернулась на звук и выставила руку перед собой.

— Похоже, что мы вот-вот познакомимся с хозяином этого... убежища. Вернулся, как я и предполагал, на заре. — Сарвилл поднял глаза к потолку, чтобы убедиться в правоте своих слов и зажмурился от яркого света. — Пойдем в ту сторону, деваться некуда, там, откуда мы пришли, выхода точно нет. Только держись около меня и не твори глупостей.

Принцесса кивнула, и они медленно зашагали в дверной проем, который находился по другую сторону от того места, через которое путники попали внутрь. Рычание прекратилось, но тяжелое дыхание «неизвестного» можно было хорошо слышать в бесконечной тишине давно мертвого храма.

— Эй! — резко выкрикнул странник, когда они уже находились в большой зале, которая

служила прежним паломникам источником мудрости и знаний, а сейчас являлась не больше, чем заброшенной библиотекой — бесполезным скоплением книг на языке, который могли понять единицы и пригодным лишь для того, чтобы разжечь один из самых знатных костров за всю историю Неймерии.

Вся зала была утыкана внушительными по своим размерам книжными полками, составленными таким образом что, преодолевая библиотеку из одного конца в другой, двигаясь, словно по змееподобному лабиринту, приходилось оставлять позади все жанры литературы, представленные здесь — от «Все о Богах» до «Puarene re Flyauleg».

Тяжелое дыхание неизвестного зверя висело сейчас буквально над каждой ветхой и покрытой толстым слоем пыли книгой.

— Покажись! — напряженно проскрежетал медведь себе под нос, всматриваясь сквозь пространство между «Сокровищами Земель» и «Oofanaly Carate» и пытаясь разглядеть там «нечто».

— Гррррх. — послышалось вновь, но уже совсем близко и одна из полок со скрипом начала валиться прямо на волшебников. Сарвилл, что было сил, оттолкнул принцессу в сторону и сам прыгнул вслед за ней. Полка рухнула рядом и рассыпала миллионы знаний Первой Расы, среди которых не было ни одного знакомого страннику слова, на грязные замусоленные полы.

— Оборотень! — он вскочил на ноги, увидев, как за одной из полок скрылась лохматая изогнутая в горб спина, покрытая густой шерстью. — Оставайся здесь!

Медведь бросился следом за оборотнем, огибая мебель на поворотах как можно дальше и выставляя острие меча в ту сторону, с которой на него теоретически мог накинуться зверь. Огромная зала не показывала своего конца еще долго — он пробежал мимо «Uvebe de grunto», «Gocolitas», «Fanary» и «Yuliscitos» и каждый из этих жанров занимал от двух до пяти длинных полок. И вот, наконец, он остановился напротив «Jitisanogo» — исполинской полки, стоящей прямо перед ним и предлагающей обогнуть ее либо с одной, либо, с другой стороны. Выбирать не пришлось. Оборотень выпрыгнул из-за правого угла, яростно зарычал и встал на задние лапы во весь рост.

Зверь был ростом в полторы сажени с волчьей мордой и некрасивыми огромными лапами, такими будто они были повсеместно сломаны, а потом криво срослись во множестве мест от запястий до самых концов пальцев, а когти достигали четырех дюймов в длину. Все его тело было покрыто грязной редкой шерстью с проплешинами и засохшей кровью. Глаза оборотня блестели красным, как настоявшееся вино.

— Пытаешься смутить меня, словно девку, которую заставили признаться, что у нее начались первые месячные? — Сарвилл медленно направил острие меча в его сторону. Ликантроп заревел еще пуще. — Понимаешь общий язык? Не удивительно... Один твой вид нарушает все каноны и срывает навешенные штампы.

Оборотень сорвался с места. Боясь прыгнуть прямо на меч, он заметался вокруг странника запугивая того ложными замахами своих корявых лап. Сарвилл спокойно сдерживал темп, разворачиваясь на одном месте вслед за мордой зверя, свободной рукой создавая в воздухе искрящуюся массу, которая уже была готова полететь в цель. Огненный шар не набрал достаточной силы — ликантроп почувствовал опасность и ловко выбил меч из рук медведя, заставив странника запустить не набравший всей мощи огонь в грудь оборотня — зверь взвыл от боли и в агонии затрепыхался на полу. Запахло жженой шерстью. Когда волк вскочил на ноги и побежал вокруг жертвы, слабые огненные шары полетели в

него один за другим, заставляя огонь облизывать старинные рукописи и оставлять следы гари на стенах и полках древней библиотеки. Странник выбрал момент и схватил меч уже обеими руками. Крепче. Так, чтобы было не выбить. Теперь он мог сосредоточиться и увернуться от выпада существа.

— Мне интересно, — заговорил Сарвилл, не отпуская внимания, — что же ты не превращаешься в человека? Солнце уже высоко, а тебе словно по боку...

Зверь злобно завыл в ответ — то ли от боли, то ли для устрашения соперника. Сарвиллу показалось, что движения ликантропа стали быстрее и резче. Оборотень побежал вокруг него намного проворнее и теперь странник не успевал за противником, а в один момент вообще пропустил выпад — волчья морда клацнула челюстями прямо перед его лицом. Он среагировал мгновенно, правой рукой вцепившись в горло существа, а левой, которой сжимал рукоять меча, врезал атакующему по подбородку. Затем, отпустив ликантропа, ударил ему ногой в грудь так, что тот отлетел и врезался в стоящую позади книжную полку, повалив ее на пол. Грохот, что случился после этого, разнесся не только по библиотеке, но и далеко за ее пределами, сотрясая покойные до сегодняшнего дня веками помещения.

— Здоровая ты детина, — Сарвилл предплечьем вытер пот с лица, — но, надо признать, уязвимая.

Он тут же занес меч и принялся быстрыми движениями рассекать воздух перед собой, принуждая зверя пятиться. В конце концов, животное почувствовало превосходство человека, заскулило и ринулось прочь.

— Беги, трус!

Забытая библиотека получила встряску на несколько веков вперед и теперь приходила в себя, успокаивая трясущиеся полки, смиренно осаживая, летавшую в воздухе пыль и возвращая в залу тишину, царившую в этом лабиринте вечность.

— Сарвилл, — голос Лианы зазвучал прямо из-за его спины и словно гром среди ясного неба рассеял ощущение пустоты после битвы, — ты слишком болтлив в моменты, когда твоей жизни угрожает опасность. Когда-нибудь это сыграет с тобой злую шутку, милый.

Странник обернулся. Чародейка сосредоточено отряхивала платье.

— И давно ты наблюдаешь за мной? — спросил он, убирая меч в ножны за спиной.

— Я бежала следом с тех пор, когда ты просил никуда не уходить. — ответила волшебница и кончики ее губ вместе с бровями поднялись выше.

Сарвилл хоть и считал, что следует заострить на этом внимание и показать всю важность соблюдения его просьб, но сейчас сил осталось только на то, чтобы в недоумении встряхнуть головой и перейти к делу.

— Ступай за мной, кажется, я знаю, где выход. — Он перешагнул через несколько книг, разбросанных по полу, и обернулся. — Ты идешь? Славно, а то я подумал, что теперь ты решишь, будто я попросил тебя стоять на месте, — он иронично улыбнулся и пошел дальше.

Они двинулись в ту сторону, куда совсем недавно убежал зверь и чем дальше они шли, тем свежее становился воздух. Волшебники понимали, что находятся в забытом храме уже долго — чувство голода напоминало, что давным-давно ушло время вчерашнего ужина, а с тех пор, как они в последний раз принимали пищу, прошло больше суток — жажда мучила Сарвилла еще сильнее, чем тогда, в Сумеречной Пустоши.

Волшебники продвигались по коридорам старинного храма, но теперь, в отличие от тех помещений, которые они преодолели ранее, здесь ничего не напоминало о магии — руны на стенах больше не мерцали магическими цветами, архитектура и обстановка каждого все

также огромного помещения была заурадной и скучной — словно после жаркого лета сразу наступила лютая зима.

Однако каждая зала так или иначе отличалась друг от друга. В одной все было серо и сыро, обшарпанные стены все-также четко и уверенно несли выпуклый потолок, который визуалью постоянно ниспадал на головы гостей. На голом камне стен не осталось ни намек на краску, их либо никогда не облагораживали, либо, с тех пор как комната перестала быть обитаемой прошло гораздо больше времени. Стук каждого каблука отражался одновременно со всех сторон и давил на слух изнеможённого после битвы странника.

Протяженность следующей залы напоминала поле для игры в Сферус — самого популярного развлечения на всем материке, которым увлекались все от мала до велика, а суть ее состояла в том, чтобы верхом на кобыле обежать по периметру все игровое поле, пока шестеро принимающих и подающих не подадут и не примут друг от друга мяч восемь раз. Расстояние между игроками достигало пятнадцати сажений, а размер поля мог оказаться полсотни сажений в длину. Весь пол тут был расчерчен параллельными белыми линиями, а из стен торчали толстые деревянные палки с выщербинами, однако, для чего служили эти тонкости архитектуры древнему роду эльфов, сейчас понять было невозможно.

Пройдя еще дальше, Лиана почуяла аромат липы и замедлила ход на распутье между переходами.

— Выход совсем близко, — она прикрыла глаза и глубоко вдохнула приятный ей аромат, — Чувствуешь?

— Что? — переспросил Сарвилл, не понимая почему принцесса остановилась.

— Божественный запах.

Он принялся, но ничего не услышал.

— Я ничего не чувствую. Если выход рядом давай найдем его скорее, я ужасно хочу чего-нибудь пожевать. Чувствую себя обессиленным как после трехдневной гулянки в «Берлоге».

— Ни капли романтики, — фыркнула волшебница и обогнала медведя, направляясь к лестнице на знакомый запах. Странник поторопился следом.

\*\*\*

В лесу было влажно и жарко, духота висела плотным слоем и душила, каждого посмевшегося потревожить его. Совсем недавно прошел ливень такой силы, что почва даже под деревьями с самой густой листвой превратилась в вязкую жижу подобно заболоченной земле.

Поляна была усыпана разными ягодами — земляникой, черникой, дикой малиной и летней вишней, по листьям кустов которых скатывались последние капли дождя. Для алхимиков, лекарей и травниц здесь было раздолье, все равно что заядлому рыбаку найти клёвое место, где рыба будет ловиться самая разная, а все что понадобится счастливцу, только знать чаще закидывать удочку, да подсекать, когда надо. Знающий человек мог набрать тут целую кипу различных полезных и редких трав — эхопс, тюрель, мать-и-мачеха и календула выглядывали на солнце, прорастая меж сорняков. Под каждым кустом и у каждого дерева в округе на одной стройной ноге тянулись к солнцу грибы — съедобные и несъедобные, большие и маленькие, с малюсенькими, как шляпы на гвоздях, и широкими, как дамские головные уборы, шляпками. На один из таких грибов и упал грязный, запыленный и забрызганный кровью ботинок странника.

— Как же хорошо! — медведь не скрывал своих эмоций, прильнув губами к широкому листу лопуха, выпивая не успевшую стечь с него влагу. — Подойди ближе, я помогу.

Чародейка послушалась и тоже, хотя не совсем ловко, принялась утолять жажду.

— Мы постоянно ходим вокруг да около, остерегаясь затрагивать не совсем приятную тему... — заговорила она спустя некоторое время. — Я считаю, что нам нужно это сделать.

Сарвилл молча смотрел куда-то в неподвижную и спокойную чашу и искренне не хотел начинать этот разговор. Он не знал, чем закончится эта история, хочет ли он слышать мысли принцессы и сможет ли дать ей то, чего она попросит. Сейчас он сам не понимал, что ему нужно.

— Сарвилл... — Лиана дотронулась до его плеча. Странник обернулся. — Скажи мне, что ты чувствуешь?

Он смотрел на нее, не произнося ни слова. Его взгляд был стеклянным и бездушным, менялся на холодный, а затем все, что до этого отражалось в его глазах превратилось в отчаянье и он взорвался.

— Ли, ты отказалась иметь со мной дело, как только появилась первая преграда, да ещё и наговорила всякой дряни! Что я должен сейчас тебе сказать?

— Милый, тогда у меня не было выхода! Ты бы потребовал объяснений, захотел бы долгого разговора, но времени ни на то, ни на другое не было, на кону была твоя жизнь.

— А как на счет «Сарвилл, тебе нужно убираться из города, на тебя охотится мой сбрендивший папаня и его придворная змея. Больше времени на объяснения нет, но я люблю тебя и, если ты меня тоже, не спрашивай сейчас ни о чем, а просто доверься мне и беги».

Глаза волшебницы наполнились слезами.

— Потом я нашла еще бесконечное количество слов, которые стоило сказать, я знаю. Но тогда я не смогла придумать ничего лучше, прости... — она закрыла ладонями лицо.

— Ты же понимаешь, что, находясь под арестом, я не мог выкинуть из головы всю эту ситуацию? Я не понимал, что происходит и та, которую я любил, оказалась просто госпожой из Шаарвиля.

— Любил?

Сарвилл не ответил. Он думал о том, что сейчас чувствует к Ноэми, и это казалось ему чем-то настоящим, чем-то что его действительно притягивало и заставляло желать. В то же время ему было не по себе от мысли, что Лиана осталась совсем одна — без семьи, дома и даже тех проклятых попугаев, которые канули в лету под Девичьей Горой вместе с королевскими паладинами. Странник — единственный кто остался у королевской дочери. Он и этот лес, окружающий их сейчас и проглатывающий каждое слово, вылетающее из их уст. Лес, который словно гадюка сначала подкараулил путников, потом умиротворил своим покоем и тишиной будто впрыснув в их тела яд, а теперь заглатывает их прежних, целиком, не оставляя ни капли правды, той что они знали друг о друге ранее.

— Я просто жил дальше, Ли...

Чародейка хотела сбежать, но бежать было некуда. Она разозлилась на себя, на него, на каждый лист в этом лесу. Странник подошел и крепко обнял ее.

— Я не знаю, что будет дальше. Я не хочу тебе лгать и обещать то, чего исполнить не смогу. Давай просто начнем сначала.

Кусты неестественно колыхнулись. Сарвилл поднял голову и осмотрелся. Стрела, вылетевшая из неоткуда воткнулась в дерево позади них. Наконечник глубоко спрятался в коре дуба. В воздухе засвистело еще несчетное количество стрел, но все, словно нарочно

летели мимо.

— Белокожие, — женский голос на ломаном общем языке доносился отовсюду. — Убирайтесь из нашего леса.

— Дриады, — шепнул Сарвилл и спрятал принцессу за спину.

Но он не успел даже смекнуть, что будет делать дальше. Кто-то схватил его за затылок и ударил о толстый сук, торчащий спереди.

\*\*\*

Кроны деревьев впивались в наполненные влагой тучи, облака готовы были вот-вот разорваться и выплеснуть наружу скопившуюся внутри воду. Сильный ветер срывал листву с секвойядендронов — гигантских деревьев, в высоту достигающих пятидесяти саженей.

Вокруг не было ничего — сплошная чаща, утыканная могучими секвойядендронами, которые вырастали и набирались здесь сил не один миллениум, а ствол одного такого дерева не смогла бы обхватить и дюжина человек, схватившаяся за руки.

Это была поляна дриад, облагороженная лесными женщинами и пригодная для спокойной и умеренной, отставшей от цивилизации, жизни. Земля между величественными стволами, тянущимися к самому небу, была хорошо утоптана, а к коре каждого дерева каким-то искусственным образом, вероятнее всего, магией, были прикреплены толстые ветки, которые в другой ситуации сгодились бы для добротного костра, но сейчас служили чем-то вроде ступеней, превращающихся в высокие лестницы, ведущие к самым вершинам.

Там наверху были сооружены крохотные домики, способные укрыть от дождя и обеспечить крепкий сон, но не более — на вид, внутри не было места даже для свободного разворота. Те же секвойядендроны, которые были еще совсем молоды и лишь слегка походили на своих гигантских собратьев крепко удерживали нечто вроде лежаков на своих ветвях.

Сарвилл очнулся, когда его голова в очередной раз подскочила, на одном из торчащих корней и в очередной раз рухнула на землю, вызывая боль в затылке, тут же расплзающуюся по вискам. Он видел, как две с виду хрупкие девушки, схватив его за ноги, волокут за собой, преодолевая необычное поселение дюйм за дюймом и переговариваясь о чем-то на незнакомом ему языке. Медведь повернул голову направо — одна из лесных женщин тащила принцессу совсем близко, но та, в отличие от него, до сих пор была без сознания и не просыпалась даже тогда, когда ее испачканные серебряные волосы цеплялись за растущую повсюду флору. Странник попытался заговорить, но тщетно, что-то парализовало его тело, вплоть до языка, и ему оставалось только наблюдать.

Вся чаща была заселена не хуже любой столицы. Кто бы мог подумать, что среди цивилизованных стран и городов еще найдется место целому поселению мужененавистниц. Жизнь не оставляла владения дриад даже в сумерки. Кто-то мастерил очередную лестницу в небеса; кто-то оттачивал свое мастерство владения луком и выстреливал стрелу за стрелой в мертвое дерево, когда-то пораженное молнией, но до сих пор полезно служащее своим хозяйкам; кто-то стачивал новые стрелы; возвращался с полными руками ягод и грибов; плескался в небольшом, но глубоком озере; просто наблюдал за закатом и его отражением в воде; а кто-то тащил незваных гостей и нарушителей спокойствия леса, вызывая у остальных невероятный интерес и возбуждение. Реагировали так, конечно, не на чародейку, которая в будущем могла остаться здесь одной из них, а на мужчину, жадно озирающегося по сторонам, рот которого был скривлен онемением. Каждая знала, что возможно сейчас настанет ее время понести дитя, а затем прикончить незнакомца.

— *Thasa faninelle mona.* — Произнесла одна из дриад, и нога Сарвилла шлепнулась на землю, вслед за первой. Чародейку оставили рядом с ним, и теперь он чувствовал ее слабое дыхание.

Лесные женщины перекинулись еще парой слов и затем скрылись из виду, вернувшись позже еще с одной мужененавистницей. На вид по годам той было не больше, чем остальным — пятнадцать, от силы шестнадцать лет. Все ее тело было разрисовано одной сплошной татуировкой, которая, подобно дереву, отбросившему свои ветви и корни по всей плоти дриады, скрывала истинный цвет кожи девушки, показывая лишь крохотные ее части. Красивые рыжие локоны длинных волос нарочно спадали прямо на оголенные аккуратные юные груди, пряча за собой соски, однако все остальные прелести женского тела были прикрыты исключительно темно-зеленой татуировкой.

— *Ikiala spansi efirmum?* — мягким голосом спросила та, которую только что привели.

— *Efirmum tafinus naglle pas.* — ответила другая, с меньшим количеством нанесенной татуировки и Сарвилл уже сделал вывод, что иерархия среди дриад строится именно по этому принципу и, судя по всему, сейчас перед собой он видел Хозяйку Леса и ее преемницу.

Любому неймерийцу было известно, что все лесные женщины подчиняются так называемой «Хозяйке Леса». Каждый охотник на дриад, напившись и спустив последние деньги в очередной корчме, начинал рассказы о какой-то воительнице и считал смыслом своей жизни добраться до нее и испустить из «проклятой» дух, воображая, что тогда-то наконец чокнутые бабы разбегутся в разные стороны и помрут по одиночке, сожранные дикими зверями лютой зимой. По словам охотников, сама организация похищения детей лежит на плечах предводительницы и если хозяйку выбить из игры вместе с преемницей — девой, которая должна занять ее место после смерти, то всему этому жалкому роду в конечном итоге придет конец. Просто потому, что знания о перевоплощении в дриад сохнут вместе с ними. Слухи твердили, что один из баронов Пэры обещал наградить половиной своих земель и сокровищ того, кто принесет ему голову Хозяйки Леса.

Хозяйка Леса низко склонилась над странником и посмотрела в его разные глаза.

— *Ilifa co bellia. Gavanna co Ovissa. Ketr co Grempe. Likansi, falla crapatti lud!* — приказала она.

— *Crapatti lud? Govolly? Uspe laceta draffi ima!* — воспротивилась приказу Ликанси — Сарвилл догадался как зовут преемницу. Хозяйка оголила белоснежные клыки, словно дикая кошка, защищающая свою добычу. Вид у нее стал свирепый, такой, что другие лесные женщины, стоящие вокруг испуганно попятились назад.

Ликанси опустила голову, затем наклонилась и развязала пленников. Сарвилл еле мог шевелить конечностями и, освободившись, первым делом дотянулся и положил руку на пульс принцессе. Пульс был. Медленный и слабый.

По следующему приказу хозяйки дриады подняли пленников, взяли под руки и затащили под самое низкое дерево в этой чаще, но с самой широкой кроной, украшенной густой разноцветной листвой. У этого необычного дерева листья были зеленые, желтые, красные, а самые завораживающие из них блестели светло-синим. Ствол его не уступал толщиной стенам Дастгарда, защищавшим город от покорителей уже несколько тысячелетий.

Сейчас волшебники лежали, облокотившись на дерево, и Сарвилл спиной чувствовал, словно внутри ствола пульсирует настоящая кровь. Те руны, от которых он набирался сил в

храме, обладали лишь малой частью той силы, что таилась в этом необычном секвойдендроне. Он бросил взгляд на Лиану — чародейка пришла в себя и в ответ посмотрела на него опьяненными испуганными глазами.

— Все... хорошо... — процедил странник, не понимая получилось ли у него вымолвить это членораздельно. Испуга в глазах принцессы стало меньше — получилось.

Этим вечером Хозяйка Леса больше не появилась. Лишь спустя некоторое время на опушку пришли четыре дриады, крепко обняли пленников и уснув в той же позе всю ночь согревали себя и незнакомцев.

На следующее утро, когда медведь открыл глаза, дриад уже не было. Лианы тоже. Меч испарился так же, как и все остальное.

— *Ofirelle saque yessa*, — Ликанси произнесла холодным тоном из ниоткуда, как тогда, когда они только выбрались из древнего эльфийского храма.

— Я не понимаю тебя... — Странник осекся, поняв, что вчера не мог говорить, а сейчас речь вернулась к нему. — Где принцесса? Та девушка, что была со мной?

Ликанси грубо схватила его за кисть и повела за собой — странник не сопротивлялся. Для женской руки у нее была самая сильная хватка из тех, что медведь мог себе вообразить. Она вела его той же дорогой, откуда вчера их притащили под Великое Древо — вокруг все также кипела жизнь, каждая дриада занималась каким-то своим очень важным делом, но теперь уже не обращая никакого внимания на мужчину.

Они остановились. Медведь оказался на берегу озера, в котором, он смутно припоминал, вчера купались дикарки. Ликанси плавным движением указала на воду. Через несколько секунд из-под безмятежной поверхности озера вынырнула женщина. Это была Лиана.

— Сарвилл, идем ко мне, вода невероятно теплая! — крикнула она, уронив руки в воду так, что брызги полетели во все стороны.

— Твоей деве здесь нравится, — Хозяйка Леса возникла рядом со странником и глядела в ту же точку, что и он. — Прошу простить мне мое невежество, я — Олара.

— Сарвилл. А чародейка, что плещется в воде, словно ребенок — Лиана. Мы из Дастгарда. — Странник взял протянутое яблоко из рук девушки и сочно надкусил. — Хорошо говорите на общем языке. — отметил он, стараясь не смотреть на ее нагое тело.

— Меня поздно забрали из родительского дома. — Олара присела, подставив ладонь к подорожнику, и дождалась, пока божья коровка переползет на ее руку. — Так что говорить я уже умела, а разучиться не так просто.

Насекомое проползло по ладони лесной жительницы, расправило крылья, поднялось в воздух на уровень глаз Олары, несколько секунд словно ловило взгляд своей хозяйки и улетело прочь, растворившись в воздухе над озером из которого уже выходила принцесса.

— Благодарю за предложение искупаться, — немного погодя обратилась к Хозяйке Леса Лиана, сосредоточено вытряхивая песок из своих сапог, — это была лучшая идея за последний месяц. — Она дружелюбно улыбнулась.

— Я рада, что вы пришли в себя. — Олара дотронулась до кончиков сырых волос чародейки, мгновенно распутав их. — Прошу вас, следуйте за мной. Нам нужно поговорить.

Сарвилл двинулся довольно неохотно в отличие от своей спутницы, что точно наивное дитя доверяла всякому незнакомцу. Они шли медленно. Никто в этом лесу не следил за временем, никуда не торопился и не пытался отжить свое быстрее положенного.

Вскоре они подошли к секвойдендрону, который ночью можно было легко перепутать

с просторной пещерой. Хозяйка Леса пропустила гостей вперед, а сама задержалась снаружи.

Пространства здесь было больше, чем в комнате Лианы в Шаарвиле. У противоположной от входа стены стояло нечто похожее на трон, спинка которого была ничем иным, как сплетением тысячи тонких корней какого-то дерева, отбрасывающая концы в разные стороны и внешне напоминающая спину ежа. Страннику оставалось только догадываться — получилось ли это случайно или вновь не обошлось без вмешательства магии. Стены отражали солнечный свет друг на друга таким образом, что внутри, казалось, было светлее, чем снаружи.

— Что ты делаешь? — Сарвилл раздраженно развел руками, когда они остановились у трона.

— Что? — Лиана округлила глаза и посмотрела на него.

— Эти дриады едва не убили нас меньше дня назад, а сейчас, у меня такое ощущение, ударили тебя головой, чтобы ты вела себя, как ни в чем не бывало, — странник предусмотрительно оглянулся. — Ты можешь использовать магию? Сколько бы я не пытался, у меня не получается зажечь даже невинный огонек.

Чародейка подняла руки, зажимая и разжимая в них невидимую сферу.

— Тщетно. Впервые у меня есть ощущение отсутствия какой-либо магической силы. Это очень странно, Сар.

На лице принцессы закрался страх — она впервые за долгие годы, если не считать короткое путешествие в Башню Стихий, почувствовала себя не в состоянии защититься и удерживать ситуацию под контролем.

— Прошу прощения, что заставила вас ждать. — Хозяйка Леса прошла к своему трону и в тот же момент по разные стороны от нее из земли полезли древесные корни и сплелись в два небольших удобных стула со спинками, но спинками менее экзотическими, чем у нее самой. — Прошу, присядьте.

Гости покорно повиновались. Сарвилл продолжал заметно оглядываться, в надежде отыскать свой меч.

— Это ни к чему, Darrallus. — прожурчала Олара. — Никто не причинит вам вреда Теперь.

Со стены прямо за спиной предводительницы лесных дев сползла гадюка, добралась до ног Сарвилла, несколько раз обвилась вокруг них и уползла в один из углов, где мрак прятал тех, кто искал укрытие.

— Если бы Сеятель Леса не был к вам благосклонен, ты умер бы еще вчера, Darrallus, а Лиану бы уже сегодня ждал обряд воплощения, — продолжала девушка с татуировкой. — Хотя... на счет чародейки еще ничего не ясно...

— Благосклонен? Сеятель Леса? — медведь поднялся на ноги, но отростки жадно и крепко обвились вокруг его стоп, плотно прижав к земле. Он опустил обратно. — Что вам нужно?

— Darrallus абсолютно обычный человек, как и остальные люди, прячущиеся за каменными стенами. — рассуждала вроде бы сама с собой Хозяйка Леса. — Неудивительно, что сказано — узнать Darrallus'а возможность будет не по сложению, иль изречению. Лишь заглянув в глубины тайны, закрыв на видимость глаза, увидишь свет заката полный и в тоже время море льда. Хм.

— Это в переводе на общий язык? Звучит так себе. — Сарвилл выпалил то, что первое

пришло ему в голову. Покровительница дриад мягко улыбнулась. — В оригинале наверняка звучит лучше.

— Хорошую шутку легко испортить, не сумев остановиться вовремя. — Олара встала и замельтешила из стороны в сторону. — Перейдем к делу. Мы не любим чужаков. Люди, что приходили сюда, унесли немало жизней моих сестер. Сейчас и не вспомнить дату начала этой негласной войны между людьми и девами леса. И, как я уже сказала, ты был бы уже мертв, но предсказание первой Хозяйки Леса, которое она получила от Сеятеля — твое спасение и твое бремя.

Сарвилл и Лиана сидели неподвижно, внимательно вслушиваясь в каждое слово собеседницы, не вставляя ни одного своего.

— Знания о появлении первых дриад стерлись их бесконечной передачей от одной покровительницы к другой, — продолжала Олара, — известно лишь то, что Первая Хозяйка Леса владела магией, не относящейся ни к одной из стихий, все ныне живущие и давно забытые расы посчитали тогда ее чаровласой и изгнали из родного дома. Она жила отшельнической жизнью, до тех пор, пока не начала наделять своим даром девочек, заблудившихся в лесу неподалеку от ее хижины. Так дриады стали набирать силу.

— Версия появления дриад в Дастгарде звучит по-другому, — перебила Лиана и отмахнулась от жука, навязчиво летающего вокруг ее головы. Олара подняла брови. — Говорят та ведьма начала похищать людей прямо из домов крестьян на окраинах города и, мол, этой традиции придерживались все ее последователи вплоть до настоящего времени.

Покровительница леса опустила на свой трон.

— Вздор! Мы никогда не похищали детей. Бывают разные случаи — это правда. Например, малютку увозят поближе к лесу из-за того, что не в силах прокормить лишний рот в семье и надеются, что ее сожрет какой-нибудь дикий зверь. Очень редко мы находим так мальчиков. Ваш народ всегда ценил мужчин выше женщин. Иной раз кто-нибудь захочет изнасиловать родную дочь, племянницу или мало ли кого там еще и обязательно выбирает для этого долину глубже в лесу, и мы невольно становимся свидетелями безнравственности. И правда, что в таком случае мы не можем, да и не желаем проходить мимо. — Олара ненадолго задумалась. — Потом все эти пьяницы, извращенцы и женоненавистники трезвеют и провозглашают себя охотниками на дриад, а чтобы оправдать свое жалкое существование лезут на рожон.

— Охотник на дриад, что гнезился в древних эльфийский руинах. Что произошло с ним? — Сарвилл не смог сдержать своего любопытства.

— Грустная история... — глаза Хозяйки Леса намокли, а по щекам покатались слезы. Искренние, но холодные и безэмоциональные, словно она отдавала дань одной из своих сестер и...ничего больше. — Это случилось холодной зимой восемь лет назад. — Взгляд Олары вновь стал жестоким и бездушным. — Тогда я училась у Хозяйки Леса и проходила очередное испытание на границе обитания людей и наших владений. Целый день я оттачивала мастерство стрельбы из лука и искала съедобные ягоды для того, чтобы обеспечить себя едой на несколько дней, а позже забралась на одно из деревьев, чтобы заночевать на нем. Далеко за полночь меня разбудил детский плач, и я, подобно любой из нас, слышащей зов о помощи, последовала на него. На небольшой опушке полукругом толпились мужчины, а один из них натравливал свирепого пса на совсем маленькую девочку — ей было около двух или трех лет, разговаривать она еще не могла, только громко ревела и пыталась убежать, но постоянно наталкивалась на кого-то кто возвращал ее в круг. Мое

сердце не выдержало выяснять обстоятельств, и я пришибла собаку, запустив ей стрелу прямо в горло. Эти герои тут же побросали все лишнее, в том числе бедное дитя, и ринулись прочь. Уж не знаю, чему они хотели научить Зойу, мужской храбрости или чему там еще, но так в итоге ребенок попал к нам. На следующий день мы провели над ней обряд воплощения, и она стала D'oine. И вот, прошлой весной в наш лес вернулся ее отец, будучи охотником. Я узнала его. Это был именно тот человек, который натравливал пса на ребенка. Никогда не забуду его мерзкий хохот и леденящий душу взгляд.

Хозяйка леса, словно снова прокрутила в голове все, что знала о неприятном человеке и продолжила.

— В знак уважения к сестре мы не трогали его и не изгоняли из наших лесов — все время наводили на ложный след и держали поодаль. Но Зойа... Зойа прознала, что сюда пришел ее отец... Кто-то проболтался. Она умоляла отпустить ее к нему, но моя воля была несгибаема, и тогда она нарушила запрет, больше не вернувшись в истинный дом...

— Мы нашли его дневник, — Лиана выпрямилась, — выходит он убил собственную дочь, не подозревая об этом?

— Да, проклятый охотник убил одну из моих сестер и теперь обречен на вечные муки. — глаза Хозяйки Леса засверкали злым холодным блеском, но тут же опустели вновь и успокоились.

— Вы убили его? — спросил Сарвилл.

— Конечно, нет, это не было бы достойным наказанием, — она отвернулась, положив руку на спинку трона и замерла. — Когда девочки проходят обряд воплощения и рожают Дух Леса внутри себя, они не теряют самое главное — кровную связь с первыми родителями, но по той причине, что мы забираем детей, только страдающих от поступков своих близких, рождается сильнейшее из проклятий — если после воплощения родитель еще раз причинит боль своему ребенку он будет проклят. Так и получилось. Охотник, убивший свою дочь, теперь разгуливает по старому храму в обличье оборотня и лишь на короткое время в полдень снова обретает вид человека.

Молчание внутри секвойядендрона разбудило тишину и заставило всех присутствующих зарыться глубоко в свои мысли. У Хозяйки Леса образ Зойи стоял прямо перед глазами, и она в тысячный раз прокручивала в голове ту фразу, которую стоило сказать, чтобы избежать этих трагических последствий. Лиана думала о том, насколько месть бывает слепой и нелепой — вернуться за дочерью и в порыве ярости с головой полной тумана и ложных выводов, лишиться навсегда самого дорогого — того, безграничная любовь к чему когда-то и заставила ступить на эту дорожку, полную извилин, выбоин и камней. Зло зло... И никак иначе. Сарвилл мыслями унесся в бой с оборотнем в древней эльфийской библиотеке и только сейчас понял, что в тех красных безумных глазах была бесконечная боль и безмолвное сожаление. Интересно, понял ли он в итоге, что собственноручно убил свою дочь или охотник уже год бродит по этим руинам, пытаясь понять, за что Боги наказали его?

— Довольно разглагольствовать на тему давно минувших дней, — заговорила Олара, — Darrallus, ты оказался здесь лишь по одной причине. Ворожба уже много веков говорит нам о том, что явится спаситель — тот, чей ум и способности навсегда прекратят войну между дриадами и людьми, расчертит карту всей Неймерии невидимыми границами и позволит всем жить в новом едином мире — Мире Рас. Отныне, когда бы тебе ни понадобилось пристанище, ночлег или любая другая помощь дриад — мы на твоей стороне.

Хозяйка Леса приклонила голову. Из рыхлой твердой земли, извиваясь, точно дремучие

змеи, потянулись отростки. Они вытянулись на уровень пояса странника, а когда сползли обратно, оставили на своем месте длинный меч, острие которого пряталось глубоко в земле.

— Он твой, — покровительница села обратно на трон и сделала движение рукой, указав на клинок.

— Я так понимаю, ваше предсказание как обычно не говорило ничего конкретного? — цинично проговорил Сарвилл и схватил меч правой рукой. Невидимая энергия проползла от лезвия по рукояти и пальцам странника до кисти и предплечья, будто соединив руку и клинок в единое целое. — Хм. Необычное ощущение...

Когда странник с небывалой легкостью вытащил меч из земли, он смог лучше разглядеть магическое оружие. Его взгляд сразу пал на плоское острие, с которого падали мелкие песчинки рыхлой корнями земли. Крестовина была выполнена в виде переплетающихся ветвей деревьев, а короткую рукоять клинка заменяла обнаженная дриада, держащая над головой огромное солнце вместо навершия. Само лезвие было узкое, а ближе к острию становилось еще уже. Дол оказался широкий и неглубокий.

— Мне импонирует твой скептицизм, — Олара поднялась с трона и пошла в сторону выхода, — я и сама не больно то верю в человеческую Касандру, но у меня есть дела поважнее, чем посвящать тебя в нашу веру и, тем более обращать в нее.

— Постой, — Лиана поднялась со своего места, — а как же оборотень?

— А что оборотень? Да, мы живем бок о бок с ним уже год и да, он доставляет нам некоторые неудобства, но теперь он такое же дитя леса, как и мы.

— Неужели вы хотите вот так оставить это? Сарвилл, — она обернулась к медведю и положила ему руки на грудь, — охотник, какой бы тварью он ни был, не заслуживает вечно скитаться по этим руинам...

Странник ловко убрал меч в ножны за спиной.

— Есть способ снять проклятие? — тут же спросил он, как только лезвие прочно зафиксировалось в ножнах.

— Снять проклятие? Вы с ума сошли? — Хозяйка Леса потеряла то спокойствие, которым обладала почти все время их знакомства. — Безумный охотник пришел в наши леса, убил нашу сестру и теперь получает по заслугам, а Darrallus, которого мои предки ждали столько времени, хочет рисковать своей жизнью? Ради чего? Ради прихоти человеческой принцессы, которой взбрело в голову жалеть того, кого жалеть стоит в последнюю очередь.

— Дело не в жалости, — оборвал Сарвилл и сделал навстречу Оларе несколько шагов, — Этот оборотень едва не убил нас. Сколько еще путников и твоих сестер должно погибнуть, чтобы ты решила, что с этим что-то надо сделать? Ты видела человеческие останки там — внизу? Нет? А мы видели их собственными глазами. Я уверен, что убить его невозможно, иначе вы бы давно сделали это. Поэтому еще раз спрашиваю, есть ли способ снять проклятье?

— Есть. — Преемница хозяйки вошла внутрь.

Олара и Ликанси о чем-то спорили несколько минут, то повышая голос до таких высот, что их наверняка слышала вся деревня, то снижая его так, что Сарвилл, пытаясь запоминать некоторые из слов, не мог ничего разобрать.

Наконец Ликанси сделала несколько шагов навстречу волшебникам.

— У проклятья много лиц, постигает лишь убийц, вечность вечностью зовет и в бесконечность просто не уйдет. Кто жизнь свою за тварь отдаст, чья кровь сольется с кровью мертвеца, освободит убийцу — раз, испустит дух навечно — два.

— Я так понимаю, речь идет о добровольной жертве? — Сарвилл скрестил руки на груди. — Общий язык здесь популярнее, чем я думал. Но не популярнее правильного слога.

— Теперь ясно, почему мы ничего не делаем с этим? — Покровительница не отреагировала на колкость странника, а наоборот стала само спокойствие.

— Возвращаемся на большак, Ли, — проскрежетал медведь.

Лиана не спорила. Она вышла наружу вслед за Ликанси. Странник сделал шаг вслед за ними.

— Darrallus, — окликнула Хозяйка Леса, когда никого кроме них не осталось внутри древнего секвойядендрона. Сарвилл остановился. — Эти руины несут в себе темное прошлое и еще более темное будущее. Сделать их безопасными, чтобы в любой момент вернуться за эльфийскими знаниями и силой — не самая удачная идея. Эта зависимость от загадочных рун когда-то погубила всех обитателей этого храма. Не возвращайся туда, слышишь?

Странник не ответил.

\*\*\*

Высокие секвойядендроны остались далеко позади, а их верхушки уже скрывали белые как первый снег облака. Птицы вокруг провожали закат громким и мелодичным чириканьем.

— Ступай прямо, не сворачивай. Солнце всегда должно оставаться строго позади тебя. Ясно?

— Сарвилл, куда ты собрался? — Лиана настороженно схватила его за рукав. — Пожалуйста, не возвращайся в храм. Я тебя не пущу!

Странник грубо схватил принцессу за руку, так, что она застонала.

— Я сказал тебе идти на большак, — он процедил сквозь зубы. Каждое слово кишело ненавистью и злобой. В его глазах забушевали языки пламени.

Чародейка вскинула ладони, но не успела сотворить даже самого простого заклинания — медведь схватил ее за горло и грубо оттолкнул — она упала в высокую не утопанную траву.

— На большак. К Иллайе. — Его тон и взгляд стали мягче. — Я скоро вернусь.

Медведь не дождался ответа и потерялся в высоких зарослях леса.

По ощущениям он шел несколько часов. Точного пути странник не помнил, но ему не приходилось применять ни один полученный ранее навык, чтобы двигаться в правильном направлении — что-то глубоко внутри, казалось, ведет его к храму Первой Расы.

Так и случилось. Очень скоро он уперся в каменную стену древнего эльфийского храма, покрытую мхом, плесенью и паутиной.

Еще некоторое время он двигался вдоль ушедших под землю развалин, то и дело проверяя на прочность тысячелетние, возведенные эльфами, толстые стены, добываясь лишь того, что наземь осыпалась давно не прочно сидящая на них штукатурка. Лес по другую руку был спокоен и чуток, он даже не пытался потревожить заблудшего гостя, лишь шелест листьев под ногами напоминал о причастности к нему.

Наконец медведь добрался до места, где можно было попасть внутрь — расщелина в потолке храма, которых они видели достаточно, когда пытались выбраться наружу, теперь была весьма кстати. Оставалось только правильно рассчитать траекторию прыжка, чтобы не подвернуть ногу, случайно наступив при падении на один из черепов животных, которых там было вдоволь. Сил вблизи развалин у странника стало значительно больше, и он смог сотворить светоч, чтобы внимательно разглядеть все внутри — опасения не подтвердились и

через мгновение он приземлился посреди древних купален.

Он тут же сорвался с места и быстрым шагом засквозил через все уже знакомые помещения, пока не добрался до одной из рун ярко пульсирующей золотым. Его ладонь без промедления прикоснулась к стене. Он почувствовал сильную боль, а затем приятное тепло стало расползаться по его телу. Он опустился на колени и тяжело задышал.

Голоса в голове не давали покоя. Они все время повторяли диким шепотом. «Gafalla lia S'ahi!». «Jisa viety hakiquer ga samacconi...». «Uibo zuletty pova grabi chouna siravi». Шепот повторял одни и те же фразы разными голосами — женскими, мужскими, хриплыми, звонкими, низкими и высокими; разными интонациями — спокойными, безумными, срывающимися на крик или, наоборот, стихающими...

Медведь мог слушать эти голоса бесконечно, сейчас ничто не тревожило его разум. После убийственного и не стихающего желания вернуться назад в руины и сейчас получившего то, что ему было необходимо, его тело успокоилось, расслабилось и развалилось посреди одного из бесконечного количества древних залов. В затуманенном рассудке странника неслись различные видения, и он уже не понимал, какие из них были, какие происходят сейчас, а каким еще суждено свершиться. Одним из этих видений был шорох и свирепое рычание из соседнего помещения. Сарвиллу удалось подняться, и меч дриад выскользнул из-за его спины с небывалой ловкостью и быстротой. Лезвие замерцало ярко-зеленым.

— Мне сказали, ты проклят... — крикнул он в темноту. Тьма съела каждое слово до последнего. — У меня для тебя новости, — медведь заговорил тише и медленно пошел в зал, закутанный во мрак и неизвестность, пустив магический светоч вперед себя.

— А может ты и сам за время, проведенное в обличье оборотня, догадался за что на тебя свалилась эта кара небесная. Но... — странник облизнул сухие губы — Я читал твой дневник...

Зала была огромная, заставленная скамьями, узкими невысокими пьедесталами, алтарями и саркофагами, света хватало только на то, чтобы осветить лишь малую часть помещения. В воздухе смердело гнилью.

— Охотник на дриад, пришедший в этот лес за дочерью, — продолжал он, — и оставшийся тут в обличье оборотня до сих пор, знаешь ли ты кем была та дриада, которую ты кровожадно пытал, а затем прирезал?

Дыхание, казавшееся дыханием самого храма, вдруг замерло.

— Твоя дочь. Дриада, которую ты убил — Зойа!

Зверь душераздирающе завыл прямо за спиной странника. Сарвилл развернулся, одновременно рубя с разворота — лезвие прошло по груди оборотня, рассекая тело слева направо и оголяя кровавые кости. Ликантроп отскочил — рана мгновенно покрылась рубцами и перестала кровоточить. Желтые клыки оголились, в воздухе повисло зловоние, вырвавшееся из пасти проклятого, когда тот зарычал. Медведь, держа клинок перед собой, отскочил назад, перепрыгнул саркофаг и пустил водопад пламени — оборотень попятился, получил огненный шар прямо в морду, заревел и скрылся во мраке.

— Зализываешь раны? — Сарвилл резко бросал светоч из стороны в сторону, пытаясь заметить врага, но тот ловко уходил от каждого всплеска света.

В очередной раз, когда магический источник оказался между двумя пьедесталами, которые ныне ничего на себе не возвышали, оборотень вышел из темноты. Шерсти на морде уже не было и ожогов тоже. Его звериные глаза были наполнены человеческим горем и

животной яростью.

Ликантроп понесся на медведя, потерял кисть, когда меч вылетел снизу, намеренно стараясь срубить конечности существа, но даже отрубленная лапа не заставила его остановиться. Зверь сбил противника с ног и всей своей тушей прижал к полу. Сарвилл не мог пошевелить рукой, в которой ярко-зеленым пульсировал клинок, поэтому свободной пятерней быстро схватил за пасть оборотня, чтобы тот не вцепился ему в горло. Борьба стала еще более жестокой — ярость, вырывающаяся из одного, столкнулась с духом другого.

Силы иссякали. Огромные челюсти с каждой секундой становились все ближе и ближе. Медведь вырвал правую руку, оставив меч лежать на трещинах старого пола, и зарядил кулаком по носу существа. Еще раз. Зверь заскулил, отворачивая морду, выставил длинные когти и занес их над странником.

Холодные и острые как бритва когти, торчащие из целой лапы ликантропа, могли уже несколько раз полоснуть по шее незваного гостя, но зверь все медлил. Еще некоторое время он тяжело дышал, а затем свалился всей тушей на противника, плотно прибив того к полу.

Облик существа начал меняться. Длинная продолговатая морда медленно уходила и превращалась в человеческое лицо, корявая лапа обратилась мужской рукой, а само тело съежилось до обычных человеческих размеров, хотя в целом охотник все-равно был здоровее Сарвилла.

Как только, оборотень вернул себе истинный облик странник смог рассмотреть женскую фигуру, стоящую позади охотника с кинжалом в руках.

— Зачем? — Сарвилл спихнул с себя тело, вскочил на ноги и подхватил девушку. — Это слишком высокая цена! Я бы справился! Слышишь?

— Я просила тебя. Ты не послушал. У меня не было выхода... — цвет ее глаз стал мутным и, казалось, они уже не видели лица медведя.

За короткое время она стала для странника человеком, заставившим его поверить во что-то большее, чем простое стечение обстоятельств и сейчас кровь из ее запястий расплывалась по полу и лишь подтверждала ее веру в него.

— Пожалуйста, исполни свое предназначение, Darrallus. — выдохнула Хозяйка Леса в последний раз.

Дриада перестала дышать и в тот же момент тело охотника, лежащее без дыхания, словно вынырнуло из глубокого небытия, чтобы набрать воздух.

— О, Боги! — охотник откашлялся. — Это закончилось? Неужели это закончилось?! — по его щекам текли слезы.

Медведь опустил тело Олары наземь и закрыл ей глаза.

— Ты — проклятый охотник на дриад, — Сарвилл говорил медленно и злобно, не отводя глаз с мученицы, — сколько ты унес невинных жизней, не найдя другого занятия кроме глупой мести?

Странник поднял меч и приставил острие к щеке, сидящего на полу охотника.

— Постой судить меня, незнакомец. — глаза человека были наполнены слезами, а на лице висела гримаса невыносимой боли. — Что бы сделал ты, ради того, чтобы вернуть собственную дочь? Скажи мне, есть ли на свете хоть один родитель, который хотя бы раз не причинил боли собственному ребенку и хоть раз затем не пожалел об этом? Тебе не понять меня, пока ты не обзаведешься своими детьми. К тому же... Я понес самое жестокое наказание за свой проступок.

— Проступок? — Сарвилл прижал клинок еще ближе так, что кровь засочилась через

маленький надрез наружу. — То, что ты делал с Зойей, когда ее у тебя забрали сложно назвать просто проступком!

Охотник расширил красные глаза, словно не понимая, о чем говорит незнакомец.

— Что? Я не...

Стрела, вылетевшая из тьмы, жадно впилась в грудь охотника. Теперь в обличье человека рана не зарубцевалась — мужчина рухнул на спину и истек кровью. Странник оглянулся.

— Конец истории. — Ликанси убрала лук за спину. — Прощай, Darrallus. Уверена, мы еще встретимся.

\*\*\*

Телега стояла на опушке, недалеко от дороги. Лошади мирно посапывали и лениво рыхлили землю под копытами. Костер пускал клубы дыма в освещенное большой луной чистое небо. В воздухе пахло мясом и овощами.

— Что за хворост вы собрали, что коптит хуже кузнецкой печи? — странник напугал двух девушек, сидящих вокруг костра, бесшумно подобравшись почти вплотную.

— Мы заждались. Вернее даже я. — Иллайа бросила ему копченую кроличью ножку.

Странник сел к костру.

— Ли, прости меня. Я был сам не свой. — он слегка помедлил. — Все эти руны...

— Я понимаю, — принцесса отреагировала мгновенно, отгоняя все его мысли от них. — Только давай не будем никогда возвращаться сюда.

— Вам придется меня потерпеть какое-то время... Очень скоро я захочу вернуться. Пока я этого не чувствую, но это неизбежно. Магия слишком сильная.

Волшебницы промолчали.

— Новый меч? — Иллайа не сдержала любопытства.

— Подарок от Хозяйки Леса. В очередной раз мне предсказали спасти мир.

Иллайа едва заметно улыбнулась.

— У него есть имя?

Сарвилл немного поразмыслил и произнес как бы заклиная.

— «Зойа».

*«Мораль. Это то, что больше всего и всегда привлекало меня в приключениях странника. На примере его странствий можно вынести много уроков, где каждый возьмет для себя наиболее близкий ему. Что же касается меня — спустя столько лет мне все-таки удалось выведать, что произошло по дороге в Дастгард, и именно это знание оказалось самым близким моему духу. Хоть я так и не узнал об истинном начале истории охотника на дриад, но сделать свои выводы это мне нисколько не помешало — как бы жестоко не поступили по отношению к тебе, всегда держать в голове необходимо, что месть слепа и с пеленой на глазах можно мосты сжечь и дорогой невозврата поплестись. Я осознаю это и теперь благодарен тому охотнику, который отдал свою жизнь ради того, чтобы я это уяснил... А что касается самого медведя, то тут гораздо большую роль сыграло древнее пристанище эльфийских магов, которое помогло ему найти много ответов и загадало еще больше загадок, отгадки на которые сейчас есть голове каждого, хотя тогда любому познавшему их хотелось накинуть петлю на голову и удавиться. Простите. Мне до сих пор тяжело от всего что произошло...»*

*Заметки чужеземца, переданные неизвестным человеком в капюшоне служащему в Доме Совета.*

Высокие каменные стены столицы Дордонии с запада сливались с одной из башен замка Шаарвиль и омывались Солнечным Морем уже несколько тысячелетий, непоколебимо выстаивая перед непрекращающимся натиском его сильных приливов. Когда-то возведенные гномами непреодолимые препятствия для любой угрозы с моря были гораздо выше, чем те, что скрывали горожан от различных опасностей со стороны суши, в частности от проникновения в город диких животных, разыскиваемых по всей Неймерии бандитов, изгнанных отовсюду бродяг и, конечно, были главной преградой для армий вражеских королевств и иркарайцев.

Узкие шпили храмов Касандры, которых в Дастгарде было несчитанное количество, протыкали смог, нависший над городом, десятками невидимых уколов и были видны задолго до въезда в городские ворота и наоборот — оказавшись в самом центре столицы Дордонии сложно было увидеть хотя бы одну, тянущуюся к небесам верхушку храма.

Прежде чем попасть в сам город, нужно было преодолеть несколько верст имений пасечников, каменщиков и лесорубов, которые были поставлены плотно друг к другу на всем извилистом пути к воротам города вперемешку с бесконечным множеством лачуг и землянок крестьян, выращивающих на плодородных землях пшеницу, виноград, картофель, морковь, арбузы и другие фрукты, и овощи, позволяющие жителям Дастгарда беззаботно зимовать и без того короткое Долгоночие.

Сегодня ни один человек на пути в город не был занят привычной работой — все пригородные жители разбрелись по домам или корчмам пировать в честь одного из лучших праздников в году.

В восемьдесят первый день Солнцестояния каждый год в Дордонии праздновался День Петуха — день, когда все жители южного королевства прощались с жаркими длинными днями и приглашали зиму к своим порогам. Коренные северные южане гордо твердили путникам из других стран в ответ на их вопрос о нецелесообразности этого праздника, мол, зима в Дордонии не такая лютая, как в других частях севера Неймерии только потому, что они задабривают ее своим гостеприимством и отдают своеобразную дань в виде уважения к морозам, вьюгам и холодному снегу Долгоночия, а олухи из Творса, Туурина, Холденфелла и других государств, считающих великую традицию глупой и дорогой, так и будут каждые полгода кутаться в звериные шкуры, замерзать по пьяни на улицах и приносить мешками свое золото в казну короля Рогара за импорт зерна и выдержанного вина.

Название праздника пускало свои корни глубоко в далекое прошлое, и было никак не связано с истиной. В разгар веселья на улицу тогда еще маленького города выпускали несколько десятков самых прозорливых петухов, а жители толпами сначала искали их, а затем гонялись за непоседами повсюду. Побеждал же тот, кто вернет в клетку птицу с печатью действующего правителя на одной из лап, и тогда ему доставалась милость короля в виде одной просьбы, которую тот должен был удовлетворить — если принцесса была не замужем, то счастливцев мог просить ее руки, чаще это был какой-то высокий титул, но еще чаще всех интересовало только королевское золото. Просьба была прилюдной, победитель изъявлял желание перед всеми жителями города, поэтому король был вынужден удовлетворить всякий каприз счастливца, однако в своих желаниях нужно было быть очень осторожным, иначе вместо исполнения просьбы король мог приговорить наглеца к смерти и

лишить головы, точно петуха на забое и такой исход также не редко практиковался.

Придумали же все это действие во времена Справедливого восстания, когда по домам горожан прятались разыскиваемые по всей стране предатели, а для того, чтобы заставить каждого домочадца покинуть свое жилище не нашлось другого более простого способа. Пока горожане бегали по городу с налитыми жадностью глазами, вылавливая петухов, с надеждой изменить свою жизнь, городская стража обыскивала оставленные ими дома и казнила найденных внутри предателей, а затем король приговаривал к смерти и тех, кто укрывал врагов государства.

Что же касается традиций самого праздника, то сначала он напоминал всеобщую попойку с увеселительной программой в завершении, а позже перерос в традиционный массовый карнавал, начинавшийся с первыми петухами и заканчивающийся двенадцатью часами следующего дня. В этот день никто не выходил на улицу без маски, по одной версии потому, что еще в те годы, когда было положено начало празднованию Дня Петуха народ смекнул для чего Его Величество устраивает такой праздник и сговорился скрывать лица — таким образом, на улице отныне могли появиться даже те, кого ранее должны были легко узнать и у кого прежде не было иного выбора, кроме как остаться в четырех стенах. Другие говорили, что приглашать зиму к порогу своего дома это, безусловно, правильно и необходимо, но подпускать ее в действительности так близко к хозяйству никто не хотел — все считали, что человека, скрывающего лицо под маской, зима не запомнит, а значит обойдет стороной. И та и та версия имели право на существование, и каждый южанин выбирал для себя ту, которая ему самому казалась более верной и истинной.

— Нужны маски, — Сарвилл сидел, опустив капюшон на большую часть лица, и пригубил пива, по вкусу больше напоминающее вино. — Что за отвратительное пойло?

Корчма носила название «За пазухой у короля» и пользовалась высоким спросом как любое другое заведение, не имеющее в окрестностях ни одного конкурента. Лесорубы, каменщики, пчеловоды, пастухи и другие работяги не упускали шанса промочить здесь горло после тяжелого трудового дня.

— А, по-моему, это лучшее пиво, что я пробовала. — Лиана показательно сделала несколько больших глотков и слегка облизнула свои тонкие губы.

— Ли. Я уже неоднократно объяснял, что был сам не свой, и ты видела, как меня выворачивало наизнанку по пути от проклятого эльфийского храма. Лучше наказания за мои грехи не придумаешь, поверь мне. — странник не поднимал головы и все время говорил куда-то вниз.

— Что там на счет масок? — Иллая прервала молчание и заёрзала на стуле. — Ты сам упоминал, что тебя здесь каждая собака знает, а теперь вы сидите и тратите время на пустую болтовню.

В заведении былолюдно. Подавальщицы расхаживали между посетителями как бы перемещаясь от одной страны Неймерии к другой — за одними столами сидели гордые южане, устроившие репетицию перед завтрашним важным праздником, напялив на себя маски и напиваясь до молчаливого сознания, в самом углу о чем-то бурлили воины с Холденфелла, в очередной раз, обсуждая, кто какое мечтает найти опасное приключение, чтобы вернуться на родину с еще выше поднятой по-геройски головой, ну и, конечно, как и во всех корчмах на материке здесь не обходилось без гномов — торговцев, пересекших материк в поисках выгоды. А вся картина никогда бы не оказалась полной, если бы под видом местного люда тут обязательно не скрывались воришки из Вольных Городов и

шпионы засланные из Творса с единственной главной задачей — постоянно докладывать об обстановке в землях Дордонии императору с запада.

— Ты права, — странник согласился и слегка наклонился над столом, чтобы спутницы смогли расслышать его сильно приглушенный голос. — Итак, завтра у нас будет единственная возможность освободить Ноэми — через несколько часов в Дастгарде начнут праздновать День Петуха и уже ночью все, кого мы увидим будут щеголять в масках и это наш самый реальный шанс проникнуть в город незамеченными.

Подвыпившие посетители уже всю рвали глотки распевая похабные песни на всю корчму за что могли поплатиться собственными физиономиями — более трезвые гости кидали в неудавшихся бардов упреки и угрозы, однако до дела они так и не доходили.

— Где достанем маски? — спросила Лиана, точно подстроившись под громкость голоса странника.

— Так как меня тут сразу же узнают, а тебя приметит стража, как только ты пересечешь городские ворота, осталась... — странник уперся взглядом в темноволосую волшебницу — Иллайа, тебе нужно торопиться на рынок, чтобы успеть все купить.

Но волшебница не сдвинулась с места, она вопросительно глядела на собеседника и выжидала какого-то особого момента, чтобы задать важный вопрос.

— Твои глаза. В Дастгарде были еще странники, кроме тебя?

— Бездна! Об этом я не подумал, — губы Сарвилла беззвучно зашевелились. План был так четко продуман, но оказалось, что он упустил самую важную деталь — любой проходимец признает в нем странника, лишь только заглянув в его разноцветные зенки.

— В Медвежьем квартале ты найдешь лавку алхимика, — наконец, сказал он, — спроси там Седрика, он мой друг.

— Привести его сюда?

— Да. Запомни, Седрик. — странник сделал паузу. — Запомнила?

— Да. Я отправляюсь немедленно. — Иллайа встала из-за стола более резко, чем это делали обычные забулдыги, которые никогда и никуда не торопились из мест, подобных этому. — Я вернусь к утру.

— Удачи! Надеюсь, Седрик сможет что-нибудь придумать... Иначе все коту под хвост. — шепотом, как бы говоря с собой произнес медведь, когда за спиной Иллайи уже захлопнулась тяжелая дубовая дверь корчмы.

— Одно дело, — принцесса не выдержала долгого молчания, — проникнуть в замок и освободить чародейку — в этом я не сомневаюсь, ты несчетное количество раз пробирался в мои покои в Шаарвиле, другое дело — покинуть замок с человеком, не ползающим по стенам словно обезьяна...

— Не сможем — значит, будем драться, — медведь отрезал холодным как лед голосом.

Принцесса только фыркнула в ответ.

Галдеж продолжал накрывать всех посетителей, и с каждой минутой страннику становилось все спокойнее. Переживания от того, что он находится среди тех, кто в любой момент может заглянуть под его капюшон и превратить в прах все их планы становились все меньше и в какой-то момент вообще перестали его трогать.

— Я скажу это сейчас. Скажу потому, что другого шанса может не быть, Сарвилл. — вновь не выдержала принцесса. На глазах у нее навернулись слезы, а пальцы на руках едва заметно задрожали, передавая дрожь в голос. — Мне не по себе от того, что ты так относишься ко мне потому, что я просто хотела спасти тебе жизнь. Из-за того, что когда-то

ценила... нет... ценю твою жизнь превыше своей...

— Я знаю, что ты хочешь услышать, Ли... Но я не могу сказать тебе этого... Сейчас. Дай мне время. Завтра мы покончим со всем этим, и тогда может быть...

Лиана встала из-за стола.

— Тебе нужно время? Хорошо. А мне нужно хорошенько выспаться перед завтрашним днем, — сказала она как ни в чем не бывало и выпрямилась, тут же вспомнив все уроки, которым ее учили в замке, а ее взгляд сразу высох и охладел.

Странник кивнул, и они подошли к корчмарю.

— Доброго вечера, хозяин. — Лиана осветила прилавок своей милой улыбкой.

— Вечер добрый, госпожа! Чем обязан буду? — корчмарь ответил монотонно, среагировав каменным уставшим лицом.

— У вас вкуснейшее пиво в округе. — Она положила несколько золотых монет на прилавок. — А комнаты у вас тоже лучшие?

— Конечно, госпожа. Вам до которого? — он расцвел и сгреб монеты в кулак. — Если останетесь до конца Солнцестояния, предложу хорошую скидку.

— Нам на День Петуха, — она снова приятно улыбнулась. — Послезавтра освободим.

— Яснее ясного, госпожа! Путников с каждым годом на праздник в Дастгарде собирается все больше и больше. Все рано или поздно хотят стать частью этого великого действия. Это ваш спутник? — Корчмарь заглянул за спину, бросив взгляд на позади стоящего мужчину в капюшоне. — Медовый месяц? — он оскалил зубы в неприятной ухмылке.

— Да, комнату на двоих, пожалуйста.

— К вашим услугам. — он снова заулыбался и протянул ключ. — Только вот что. Ваше то лицо я уже запомнил до единой черточки, а вот спутнику вашему капюшон снять надобно. Не положено нынче невесть кого на ночлег пускать. Приказ короля Рогара значит. Не больше, не меньше.

Сарвилл поколебался несколько мгновений и снял капюшон. На втором глазу предусмотрительно оказалась натянута черная повязка, означающая для корчмаря лишь одно — очередной гость, который потерял часть своего тела, отстаивая какие-то свои интересы или интересы государства. Он внимательно поглядел на мужчину, скинувшего капюшон, медленно перевел взгляд на стену справа, где висел портрет странника, а рядом исписанный вдоль и поперек пергамент гласил: «Разыскивается Сарвилл Кхолд. Странник и медведь. Исчадие, что от королевского правосудия сумело скрыться и сейчас беззаботно по миру шастающее и зло творящее. Враг государства. Изменник родины. Берегись, если встретился с ним лицом к лицу, и сразу на подмогу зови, дабы король правосудие смог вершить. Узнаешь его непременно по зенкам разного цвета, коих вторых во всей Дордонии не сыщешь. А ежели укрывательством вздумаешь заниматься, так твоя туша рядом с его на виселице болтаться будет». Подпись: «Староста».

— Комната нам нужна и все. — Сарвилл вернул капюшон на место, так и не поняв, узнал его корчмарь или нет.

Хозяин не ответил. Он лишь выпустил ключ из рук, и как ни в чем не бывало пошел обслуживать посетителя, что на другом конце прилавка сопровождал весь их разговор монотонной икотой.

\*\*\*

— Седрик, друг мой, как ты? — Сарвилл обнял алхимика и похлопал того по спине.

— Как я? Не знаю, как повежливее послать тебя в зад с такими вопросами. — Алхимик

широко заулыбался, раздув свои пухлые щеки. — Скажи лучше, как тебя занесло в этот проклятый город, где каждая собака готова обляять тебя и унести весточку своему хозяину за кость?

Странник развел руки и пригласил Седрика и Иллайю расположиться за столом в комнате, которую они сняли на втором этаже.

— Что? Только выпивка? — иронично заметил друг медведя. — Нет даже карты с расписанным планом захвата всей Неймерии и расставленными на ней фигурками королей и командующих армий в миниатюре?

— Не думал, что твои амбиции настолько велики. Боюсь тебя разочаровать, но всю Неймерию можно будет захватить, лишь подняв в воздух твою алхимическую лавку и обрушив ее где-нибудь в центре материка. — Сарвилл улыбнулся и подвинул кружку ближе к другу, наполнив ее до краев.

Алхимик отреагировал широкой улыбкой и прильнул губами к выпивке. Волшебницы молча наблюдали за бесконечными удачными и неудачными остротами лучших друзей, лишь изредка хмурия брови, когда разговор заходил по делу.

— Расскажешь всю историю или только самые важные ее части? Мне безумно интересно узнать, где ты шнырял столько времени, медведь.

— Я непременно посвящу тебя во все, что со мной произошло, но при первом удобном случае. Сейчас времени совсем мало. Я позвал тебя не для обмена любезностями и удовлетворения собственной скуки, хотя и безумно рад тебя видеть. Сейчас мне очень нужна помощь самого зазнавшегося алхимика Дастварда.

Друзья были знакомы с самого детства и очень хорошо чувствовали настроения друг друга и моменты, когда разговор из будничного и легкого перерастал в важный и требующий особого внимания.

— Завтра мне нужно попасть в город, — странник перевел взгляд на маски, скиданные в одну кучу на кровать, — с помощью этих масок. Загвоздка заключается в том, что мои глаза все-равно меня выдадут. Скажи мне, что у тебя есть что-то, что скроет разноцветность моих зенок?

Алхимик задумался. Взял небольшой сундучок, который всегда был при нем, вне зависимости от предстоящих дел, и откинул крышку. Из сундука наружу пролилось слабое разноцветное свечение — внутри были аккуратно сложены флакончики и бутылочки с пурпурной, салатовой, розовой, изумрудной и жидкостями других цветов.

— Бездна! Я не взял с собой того, что нужно, но, кажется, знаю, как тебе помочь... — он с задумчивым видом хлопнул крышкой сундучка. — Не так давно ко мне обратился господин из одного знатного рода. Его сын в следующем году должен сдавать экзамены на поступление в Высшую школу Его Величества Короля Дастварда на лучника по специализации. Это детская мечта мальчишки, которая не оставила его до сих пор и которую его батя жаждет воплотить во что бы то ни стало. Загвоздка в том, что у парня плохое зрение, а с таким зрением разве что с кротами брататься, а не в личную армию короля записываться. И вот однажды этот господин пришел ко мне с просьбой смешать нечто, что вернет его сыну зрение и позволит поступить в школу. Необходимо соблюсти главное условие — никто из профессоров не должен ни о чем догадаться.

— Короче, Седрик, — Сарвилл выразил мнение всех собравшихся в комнате. — А то тебе придется придумывать не только нечто, улучшающее зрение, но и как сделать так, чтобы в городе еще раз отпраздновали День Петуха через неделю, к тому моменту, как ты

закончишь свою душещипательную историю.

— Короче так короче, — Алхимик надул губы. — Я почти закончил работу над «Околориусом» — зельем, которое улучшает зрение, если его закапать в глаза. Кажется, я знаю, что необходимо еще подмешать, чтобы твои зенки стали одного цвета... Правда не гарантирую, что они будут повторять цвет первого или второго. Возможно, у нас выйдет вообще только карий цвет.

— Это то что нужно, Седрик! — Сарвилл похлопал друга по плечу. — Я знал, что ты поможешь. Нехорошо конечно, что мы сорвем у тебя заказ...

— Ты глубоко заблуждаешься, Сарвилл Кхолд, если думаешь, что я не способен повторить былых свершений. Я все записал и мне не составит сложности сварить еще сколько угодно «Околориусов». Только вот... — алхимик замялся. Странник знал, что его друг начинает вести себя подобным образом только когда в великолепном плане существует какой-то подвох.

Однажды, когда они были еще юнцами, Седрик предложил Сарвиллу приударить за одной девицей из Купеческого квартала. Предложение было неспроста — маленький медведь, увидев красавицу на одной из ежегодных ярмарок Солнцестояния, не мог перестать о ней говорить, что сначала очень забавляло будущего алхимика, а со временем наскучило и надоело до такой степени, что он решил помочь другу, убив сразу двух зайцев — избежать круглосуточных разговоров о даме сердца странника, а заодно испробовать одно из своих первых зелий.

План по завоеванию юной особы заключался в следующем. Страннику нужно было выпить особое зелье перед самым разговором с девицей, чтобы запустить какой-то процесс, который будет притягивать собеседницу на уровне инстинктов — как говорил Седрик, ей нужно просто услышать запах. Но, несмотря на весь хитроумный план, медведь догадывался, что за ним стоит нечто, о чем алхимик упорно не хочет рассказывать. Однако желание поболтать с девицей было больше, чем получить ответы на все свои догадки и он отправился в Купеческий квартал.

Едва Сарвилл успел заговорить с девчонкой, как та в ответ уже начала проявлять к нему знаки внимания, взяв за руку и предложив прогуляться вдоль Солнечной аллеи. И все бы было ничего, только вот посреди пути слова, доносящиеся из уст странника, превратились в обычное мычание, а лицо стало покрываться шерстью и как бы сильно он не привлекал девушку на уровне, как говорил алхимик, инстинктов, это не помешало ей до жути испугаться происходящего и броситься наутек. Побочный эффект прошел через какое-то время, но с того момента странник перестал слепо верить всему, что говорит его друг, по несколько раз переспрашивая о последствиях употребления того или иного зелья.

— Что? — Странник сел обратно на свое место.

— «Околориус» я изготавливал с целью улучшения зрения заказчика индивидуально, то есть если зрение у тебя хорошее, боюсь, на некоторое время ты станешь несколько хуже видеть, применив его.

— Насколько хуже?

— Уверена, что ты будешь почти слепой, — отстранено встала принцесса и принялась примерять маску лисы.

— Что ж, выбирать не приходится. Будем ждать тебя тут. Только возвращайся сразу же, как только окочтототам будет готово.

— Околориус! Дурья твоя голова! Когда-нибудь вся Неймерия забудет о проблеме

плохого зрения благодаря несравненному мастеру своего дела Седрику из Дастгарда! — алхимик захватил свой сундучок и удалился.

— И благодаря знатному господину, который ставит интересы свои и своего сына превыше безопасности короля. — Сказал Сарвилл вслед алхимику, когда тот его уже не слышал. — Хотя в данном случае может это и к лучшему...

Следующие несколько часов волшебницы примеряли наряды, в которых должны были выступить на рассвете и маски, которые сделают их еще более очаровательными и загадочными. Подойдя к делу со всей серьезностью, они рассматривали себя в зеркало, стократно обернувшись вокруг своей оси, но так и не пришли к чему-то определенному, решив, что утренняя спешка сделает окончательный выбор за них. Странник все это время пристально глядел в окно, высматривая силуэт Седрика. Он просидел так, не проронив ни слова, до того самого времени пока его спутницы не уснули за очередной девичьей беседой.

Алхимик воротился недалеко за полночь, как и обещал. За окном уже царила непроглядная темень, которая не обращала внимания на редкие факелы, горящие вокруг корчмы и издевательски огибая источники света, накрывала Дастгард и его пригород словно сонную муху своей ладонью.

— Готово. — Седрик несильно хлопнул дверью.

— Тише, — выдавил из себя Сарвилл. — Мы не должны их разбудить. — Он сделал едва заметное движение головой в сторону кровати.

Алхимик вновь достал свой сундучок. Сарвилл увидел пузырек, светящийся пурпурным.

— Капай. Аккуратно. Прямо на глаз. Вот так. Попробуй поморгать, чтобы глаза привыкли. Ну как?

— Вижу действительно хуже, но терпимо. Цвет моих глаз. Он изменился?

Алхимик поднес свечу близко сначала к одному глазу странника, потом к другому.

— Ха-ха. Я гений!

— Тише!

— Ваши глаза, — алхимик перешел на шепот, после того как Сарвилл в очередной раз нервно поднес палец ко рту. — Сарвилл Кхолд, такие же карие, какие описывает Дортмуд Гай в своих работах о цветах глаз «Око за око».

— Отлично! Спасибо, друг, — медведь жестом показал приятелю идти за ним, и они оказались в темном коридоре. — Я хочу попросить тебя еще об одном одолжении. Прямо сейчас я отправляюсь в Шаарвиль. Ты наверняка догадался, что волшебницы собирались со мной, но я не могу подвергать их жизни такой опасности. Поэтому, прошу тебя, задержи их. Они ни в коем случае не должны бросаться мне на подмогу.

— Сарвилл, это уже слишком. — Седрик загородил дорогу к выходу, протянув руку к противоположной стене. — Что ты задумал? Я не позволю тебе лезть на рожон, да еще и в самое охраняемое место во всей Дордонии.

— Ты был тогда на площади, когда меня хотели повесить? Я уже мог гнить в могиле, если бы не человек, которого сейчас я хочу освободить. Ты знаешь, что моя мать с сестрой тоже в королевской тюрьме? Я обещаю тебе, как только мои близкие будут свободны, я покину Дастгард и больше никогда сюда не вернусь.

Алхимик не ответил, его рука сползла вниз и освободила проход.

\*\*\*

Поздний рассвет, в сравнении с предыдущими днями Солнцестояния, не пропуская ни единой детали города, ложился на Дастгард. Сегодня городские ворота открыли раньше

обычного, потому что все жители пригорода в этот день раньше обычного хотели попасть в город — то и понятно, одноименный праздник не мог не начаться с первыми петухами.

Сарвилл шел вдоль Небесной аллеи, усаженной исключительно орхидеями разных цветов — лимонного, синего, зеленого, цвета фуксии, марсала и других оттенков. Растения росли плотно друг к другу, образуя искусный разноцветный ковер по обе стороны мощеной улочки. От одной исполинской каменной скамейки к другой взрослый человек мог перейти, сделав лишь один шаг. По центру на протяжении всей аллеи располагались фонтаны разных форм, бьющие в каменные ковши кристально чистую прозрачную воду. Странник дорисовывал все красоты Небесной аллеи в голове — «Околориус» превратил все вокруг в мутное разноцветное месиво. Черный плащ и капюшон прикрывали его не совсем гражданский вид и эфес, торчащий за спиной. Он остановился у одного из фонтанов, того, где две струйки воды под сильным напором вырывались из пасти огромного разъяренного каменного дракона, создавая подобие пламени, которое на самом деле должно извергаться из чрева мифического существа.

«Еще немного. — Думал он про себя. — Еще чуть-чуть и я вытащу вас отсюда. Матушка. Ноэми. Диодора».

Мысли ушли так же неожиданно, как и появились. Сарвилл медленно побрел дальше.

Небесная аллея вливалась в центральную площадь Дастварда, словно река в соленое море. На площади было не протолкнуться, горожане бесцельно ходили от одного — дышащего огнем факира, до другого — мошенника, который предлагал угадать под каким из трех стаканов окажется камешек после его манипуляций за определенную плату с возможностью утроить свои кровные. Естественно, побеждал только тот, кто первым из всей новоприбывшей толпы решался сыграть в игру — для затравки остальных. В каждой лавке сегодня предлагали беспрецедентные скидки на фрукты, одежду, доспехи, оружие, но только не на вино. Бочки с напитком Богов нынче были расставлены по всему городу, и каждый желающий мог охмелеть за счет королевской казны Его Величества короля Рогара.

Были и более оригинальные развлечения — любой желающий мог потренироваться ловить петухов в специально сооруженном загоне перед главным действием праздника, иные не могли пройти мимо крысиных бегов, хитроумно придуманных магами-самоучками, заговорившими грызунов так, чтобы участники как можно чаще проигрывали ситемы и сетимы, поставив в итоге на более медленную крысу, почему-то выигравшую забег в предыдущей партии. Между всеми этими вырвавшимися на свободу развлечениями по Штормплац расхаживали странствующие циркачи на ходулях, ловко жонглируя шарообразными предметами, то и дело корча гримасы на радость самым юным зрителям.

Странник медленно проходил возле того места, которое еще недавно чуть не стало местом его смерти — сейчас там валялся один из тех, которые за праздник обычно успевают напиться и просохнуть три, а то и четыре раза. Холод пробежал по его спине.

«Ведь все могло закончиться уже тогда. Не было бы Ноэми, Иллаи, дриад, иллюзиониста, сотен смертей... Может Лиана была права, когда посчитала меня вестником смерти? Может вот оно — то место, где я должен был умереть, а теперь подобно эффекту бабочки — все рушится из-за того, что этого не случилось? Все пошло не так, как должно было...»

Герольд возник на сцене.

«Боги, они не удосужились даже сделать новое сооружение, а просто убрали с эшафота лишнее. Смотри не провались, пресмыкающийся перед Рогаром.»

— Во имя Дордони, Дастгарда и от имени Его Величества короля Рогара Вековечного приказываю, — начал рвать глотку герольд, — каждому жителю и гостю столицы отмечать одно из самых важных событий в каждом уходящем году — День Петуха. Мы с вами пережили не одно Долгоночье потому, что не боимся зимы и готовы быть с ней заодно! Зима — не наш враг, зима — друг! По расписанию сегодня...

Сарвилл не стал дослушивать королевскую речь, ибо из года в год в ней менялись исключительно интонация и тембр голоса глашатая. Он поправил темно-синюю маску медведя и пошел дальше.

На пути к замку Шаарвиль его ждал Церемониальный квартал. Квартал, напичканный храмами Касандры, монастырями, в которых прислуживали Богине и бездомными, которых не смел выгнать отсюда даже король. Архитектура зданий была донельзя разная, каждый храм языческих Богов, которым поклонялись несколько столетий назад был просто реконструирован для веры в одну Богиню — появились росписи на стенах, скульптуры прежних Богов были разрушены и на их месте воздвигли статуи Касандры, а колокола с выгравированными образами старых Богов заменены на новые, без гравировки — мало ли что произойдет в будущем...

Все церемонии, исходя из названия квартала, проходили здесь — коронация монархов, их проводы в загробный мир, церемонии Урожая, Тепла и Света. Склеп королевской семьи также находился под одним из храмов глубоко под землей. Склеп этот был построен задолго до появления в Дастгарде людей гномами-строителями и покоил в своих стенах представителей расы гномов. Никто не знал, имели ли упокоенные бородачи какие-либо титулы среди своего народа или их хоронили по другому принципу, но в любом случае все это стало неважно, когда пришли Первые Люди. Все мумии были сожжены по приказу первого человеческого короля, а их саркофаги заменили новыми — на которые плиты с изображением членов королевской семьи делали еще при жизни властителей.

Вот и сегодня на широкой улице Церемониального квартала собирались послушники монастырей Касандры, дабы совершить шествие по городу в честь великого праздника. Вместо масок их лица были покрыты слоем белой краски, а глазницы были окрашены в красный цвет. Одинаково короткие под корень стрижки и светло-зеленые рясы послушников создавали ощущение, будто один и тот же человек каким-то чудным образом сумел создать целый отряд таких же, как он.

«Готовятся к шествию... Чудно. Выдумали себе мнимую цель и преследуют ее. Отдать свою жизнь поклонению и прославлению Богини... Хм. Ради чего? Чтобы после смерти она приняла их души в свой плодородный и солнечный сад? А что с другими, кто не посвятил каждую минуту Ей? Неужели она непременно предаст их бездне? Как же! Кто тогда будет ухаживать за ее виноградниками и очищать от сорняка Её бескрайние сады? Как же все-таки везет некоторым. Кого-то цель выбирает сама, а кто-то извечно ищет ее, всякий раз принимая иллюзию за реальность...»

Страннику казалось, что он бредет уже целую вечность. Пробежать мимолетом от городских ворот Последний Гарнизон, Небесную аллею, Штурмплац, Церемониальный квартал и по Солнечной аллее напрямик к замку Шаарвиль было бы слишком подозрительно в единственный день, когда люди никуда не торопятся и слоняются туда-сюда, за исключением, конечно, главного действия до которого оставалось еще добрых десять или около того часов. Ждать главного события дня не было возможности — в планах медведя было выбраться из замка в этот час суматохи, затеряться среди многочисленных групп,

бросившихся на охоту за петухами и поэтому он всячески коротал время на пути к замку постоянно погружаясь в собственные мысли и неторопливо переходя от одной части города к другой. Вот и сейчас он решил, что у него достаточно времени, чтобы зайти в один из множества возвышающихся над городом храмов Касандры.

Храм был пуст — ни души. Постоянные прихожане сегодня отдавали дань какому-то другому Богу, но не Касандре. Скамейки, расположенные по разным сторонам маленького, но уютного зала были из темного дерева — скорее вырезанные из эбена, нежели дуба. По центру, как и полагается стоял алтарь, усеянный кубками на перевес с учением Касандры — увесистая книга, прицепленная к алтарю. За алтарем, размером во всю стену до потолка, в виде мозаики была изображена та самая Касандра, которой последние несколько веков все от мала до велика в южной части севера Неймерии отдавали почести — нагая дева с ниспадающими до самых бедер волосами своими большими синими глазами, казалось, смотрела на каждого вошедшего в храм, а ее поза представляла собой позу благородной дамы, кружащейся в вальсе, но вместо партнера в ее изящной руке висела гроздь винограда.

«Тихо, — Сарвилл присел на одну из скамеек, не близко к алтарю, но и не у самого выхода. Посередине. — Так тихо бывает перед бурей — так говорит матушка. Не могу представить, что пришлось вам перенести, но скоро все закончится. Обещаю. Один рывок и я увезу вас подальше из этого города, от этого обезумевшего короля. Подальше от места, где вам пришлось наяву побывать в пекле...»

— Неприятности? — спокойный хриплый голос прозвучал из-за спины странника. Сарвилл обернулся. Еле волоча ноги, по проходу шагал монах. Белое лицо, красные глаза, светло-зеленая ряса — все как надо, но от остальных его отличала пышная седая копна на подбородке.

— Я не прихожанин. — отрезал медведь, давая понять, что непричастен к вере и тем более не склонен к разговорам о ней.

— Знаю, — монах сел на первый ряд, но продолжал разговор, будто бы разговаривает не с гостем, а с изображением Богини на стене.

Сарвилл уже собрался уходить — скамья неприятно скрипнула о каменный пол, но монах остановил его.

— Не торопись, я не нарушу твоего покоя, — спокойным голосом произнес старик. Сарвилл сел обратно, не понимая почему — не в одиночестве ему сразу стало по себе. — Неприятности преследуют нас изо дня в день, из года в год, из жизни в жизнь, — Монах продолжал рассуждать как бы сам с собой. — Решил одну неприятность, последовала вторая, решил ее — третья и так далее. В чем смысл бесконечных трудностей? Смысл становится сильнее, мужественнее, опытнее. Но для чего? Вот в чем настоящая загадка. Смысл есть во всем, даже в том, чтобы посещать нужник каждый день...

Старик откашлялся. Сарвилл молчал.

— Неприятности всегда проходят. Другое дело, что не всегда так, как этого желаем мы. Сироты раньше часто ошивались вокруг — дети из приюта и бедных семей. Помню мальчишку... Часто забегал сюда, чтобы попросить милостыню и полазить по карманам. — Монах еле слышно усмехнулся. — Воровал и попрошайничал он не от хорошей жизни — больная мать, да и самому что-то есть надо было. И вот однажды один из прихожан поймал его за руку и сжал кисть так, что кости захрустели. Пригрозил позвать стражу. Другие дети начали бы канючить, хныкать, умолять, отпираться, пытаться вырваться... А этот, хоть бы что! Стоит себе на месте, хлопает зенками. Что с ним не так, подумали остальные? А все с

ним в порядке. Просто он делал, что мог, а что будет — не решал. Умный был мальчонка. Малой, а знал, что загадывать — лишь груз разочарования на плечи вешать. Что с ним случилось...

Старый монах и не думал оборачиваться, он знал, что позади остались лишь пустые скамейки, а случайный посетитель теперь где-то в другом месте.

Сарвилл шел по Солнечной аллее и обдумывал слова монаха. Действительно, все те планы — дожидаться вечера, скоротать время были напрасны, пока те, ради кого он вернулся взаперти. Прикоснуться к Ноэми, обнять мать с сестрой — вот что действительно важно, а остальное будет так, как будет. В этой ситуации каждая минута промедления может стоить им жизни.

Из мыслей его вырвал человек — то ли юноша, то ли девушка, в черном плаще и безликой маске, врезавшись со всей дури. У странника от такого толчка еще пуще все поплыло и потемнело в глазах. Человек, словно не заметив столкновения побежал дальше.

«Надо же. И в такой день в Даствгарде найдутся те, кто не дает себе продохнуть. Тогда может и мне стоит поторопиться?»

Медведь быстрым шагом прошел среди пальм и папоротников, придерживаясь стороны, где тень гуще закрывала его от пекла, направляясь прямо к стенам королевского замка. Около высокой каменной преграды он сбросил плащ — дриада на эфесе заблестела, раскидывая солнечные лучи в разные стороны. Он ловко перелез через заграждение, притаившись за одним из множества деревьев, посаженных по всему саду.

У каждого входа в Шаарвиль стояло по два стражника и невесть сколько шастало внутри. Забрала на шлемах у тех, что стояли у парадного входа были опущены, что играло на руку страннику — угол обзора сокращается и это оставляет мне шансы проскочить незамеченным, думал он.

«Влезу через окно в прежних покоях Лианы, оттуда в тронный зал, а дальше, куда глаза глядят, вход в тюрьму где-то там есть, а значит, я его найду».

Странник не успел до конца продумать план действий, как вмиг очутился в комнате принцессы. Заперто не было.

Здесь все напоминало о ней. Запах ванили в воздухе переносил медведя в те времена, когда они будучи беззаботными подростками, не думая не о чем, днями на пролет запирались внутри и никто им не был нужен. Разум странника хаотично рисовал силуэты времени, которое давно утекло — ее бесконечно глубокие серые глаза из прошлого сейчас впивались в настоящее — в него, стоящего посреди светлой комнаты и не желающего бежать от тех воспоминаний, когда никому не угрожала смерть... Звонкий и мягкий смех принцессы сейчас наполнил комнату и окружил странника, словно погружая в какой-то транс, в котором он должен был что-то непременно понять.

«Ли, почему все это произошло с нами? Когда обстоятельства начали управлять нашими жизнями? Когда мы перестали осознавать, что нами манипулируют и попались в хитроумный капкан, поставленный людьми вокруг, который нас разлучил? Какой же я глупец! Прости меня! Я все понял!»

Медведь схватился за лицо, словно осознал то, что от него скрывали долгое время, и это осознание вмиг превратило его прошлые, казалось бы, правильные поступки в глупые и ошибочные решения.

Теперь странник мог идти дальше.

Бесшумно ступая, так, чтобы под ногами не скрипел пол, он оказался на первом этаже,

где уже был когда-то. Сегодня стражи, патрулирующей замок, не было.

— Странно. Должно быть, День Петуха сыграл мне на руку и здесь, — шепнул он себе под нос и прошел в тронный зал.

— Ты предсказуем, медведь.

Говорил король. В тронном зале ничего не поменялось с момента его последнего появления здесь. Разве что... Иллайа, Лиана и Седрик стояли на другом конце, ближе к королевскому трону, а стража держала лезвия у горла каждого из спутников странника.

Сегодня король был готов к появлению незваных гостей, одевшись отнюдь не для праздника, а в походный наряд — легкие стальные доспехи сидели аккуратно и не хуже обтягивающего костюма, которые так любил Рогар. Меч странника в одно мгновение выскользнул из-за спины, издав глухое шипение.

— Не спеши. Одно неверное движение и вся твоя братия канет в Бурлящую бездну. — Рогар подошел к трону и развалился на нем. — За своими родственничками ты не торопился возвращаться, а как только нам попалась эта чародейка... Я сразу предположил, что ты пойдешь за ней в самое пекло. Я бы пошел. — Король пошло улыбнулся. Тяжелый арбалет лежал около трона, Рогар медленно гладил его по рукояти с вырезанным на ней семейным гербом словно верного пса.

«Ноэми! Где Ноэми? Почему ее здесь нет? Мертва? Оставлена на случай, если мы сбежим?»

— Нет, — тонкий голос внезапно послышался из-за спины странника.

Это была та самая волшебница при дворе короля, вина на которой лежала за все волнения, начинавшиеся в спокойном королевстве, и та, по милости которой Сарвилл сейчас стоял здесь, а не занимался каким-нибудь ремеслом в Медвежьем квартале.

— Ноэми бежала. Сегодня или вчера. Неважно. Она нам нужна на крайний случай. Но ты можешь не переживать. За ней уже послали, — отрывисто промурлыкала женщина. — Какая досада. Имей вы чуть больше терпения — уже скакали бы всей своей шайкой к черту на кулички.

«Читает мысли. Непопулярный фокус, но должно быть все же существующий. Какой бы план не созрел в голове, все будет тщетно. Прочитано. Озвучено. Остановлено. Проклятье!»

— Верно! Мне нравится ход твоих мыслей, медведь. Жаль, что не все всегда понимают это. — она грациозно прошла через весь зал и остановилась возле принцессы.

Пепельные волосы королевской чародейки волнами проливались на ее плечи, а серебряная диадема красивым узором ложилась на голову и блестела тысячами разноцветных камней. На ней было красное платье в пол, а темно-зеленый корсет подчеркивал грудь и талию волшебницы.

— Что у нас в голове? Ммм. Какая драма! Если мы должны умереть — пусть будет так. Только не прогибайся. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя, Сар. — чародейка цокнула словно слегка разочаровавшись в сказанном собой же. — В ее голове эти слова звучат куда лучше, чем из моих уст, ну да ладно — смысл я передала довольно четко.

Она провела рукой по волосам принцессы, взглядываясь в ее глаза, а затем издевательски улыбнулась и сделала несколько шагов в сторону Седрика.

— Нет-нет. — Ехидно проговорила она и со всей силы ударила алхимика по лицу. Удар был поистине мужской, из отпечатавшегося на его щеке кольца хлынула струйка крови. Король молча наблюдал за всем происходящим без капли жалости даже к собственной дочери. — Плохо так думать. С леди так не разговаривают. Даже в мыслях, алхимик. —

Каждую фразу она произносила так, словно свеживала тушку какого-нибудь зверька — с тщательным старанием и напором.

Сарвилл начал глубоко дышать, будто пробежал несколько верст без остановки.

— На твоём месте я бы не думала об этом, — произнесла чародейка, когда подошла к Иллайе. — Если Шаарвиль начнет рушиться... Умрут все. Я бы не была так уверена, обвал крайне неизбирателен в своих жертвах.

— Достаточно, Люция. — король поднялся со своего места. — У тебя сильные спутники, странник — волшебницы и алхимик со своими побрякушками. Да, мы могли бы устроить очередную бойню, из которой ты уже выходил живым и в лучшем случае полегли бы тут все, как в братской могиле, но разве это выход достойный короля и последнего странника Дастгарда? Я предлагаю тебе следующее — выпей содержимое флакона и твои друзья будут жить. — Люция достала флакон с красной жидкостью внутри. Откупорила пробку и передала его Сарвиллу. Запахло чем-то стухшим. — Или... Или я могу отдать прямо сейчас приказ убить всех предателей, и дальше пойдет, как пойдет. Убьешь нас — потеряешь всех друзей, а сам будешь жить — не самая лучшая идея существовать с мыслями о том, что мог спасти всех. А еще может случиться так, что мы убьем тебя и тогда — все напрасно.

«Бурлящая бездна! Это звучит довольно глупо! Нельзя думать... Если бы они захотели сделать из меня жмурика, то не разыгрывали бы этот спектакль. Не думай! Я нужен им живым! Черт! С какой целью? — мысли медведя перебивали одна другую, но сопротивляться собственному разуму он не мог».

— Убить Лиану, — в очередной раз отрезала Люция и противно улыбнулась, бросив взгляд в сторону стражника, который стоял подле принцессы.

Все, что произошло дальше, случилось за одно мгновение, но для странника это испытание тянулось целую вечность.

Стражник рванул лезвие на себя и лицо принцессы застыло в немом ужасе. Алая полоса разделила голову с телом Лианы, и она начала захлебываться, пытаясь сделать хотя бы один глоток воздуха, но все было тщетно... Густая кровь, скапливающаяся на острие меча, опущенного низ, неохотно ниспадала капля за каплей на пол, когда тело чародейки рухнуло наземь. Резко. Неуклюже. И равнодушно. Лианы больше не было.

Сарвилл подобно каменной статуе, не способной пошевелиться, издал крик, наполненный горем, скорбью и... яростью, а в его глазах запылали языки пламени.

— Что ты наделал! — взорвался король и, не дожидаясь ответа, пустил арбалетную стрелу прямо в глаз стражника, убившего принцессу, и его труп покрыл тело мертвой девушки. Крови стало больше.

— Спокойно, Ваше Величество. Пожалуйста. Ваша дочь — необходимая жертва. Медведь должен был понять серьезность наших намерений. И к тому же. Мне не нравились те мысли, что все время гуляли у Вас в голове. — Люция продолжала говорить хладнокровно, слегка шурясь. — Медведь, возьми себя в руки, здесь еще два человека, которые могут пострадать. Ты понимаешь? Хорошо, эти мысли мне уже нравятся.

В следующие несколько минут смерть на цыпочках бродила по тронному залу и никто не делал резких движений, чтобы случайно не привлечь ее — король с каменным выражением глядел на свою чародейку и ждал ее следующего шага, Сарвилл с гримасой, перекосившей все его лицо, боялся пошевелиться и дать волю своим возможностям, Седрик и Иллайа не двигались, ощущая дыхание холодной стали на своих шеях, а Люция

выслушивала перебивающие друг друга мысли всех вокруг, прежде чем сделать окончательный выбор — дать страннику умереть или всеми силами оставить его в живых.

— Значит, я нужен вам живым? — наконец Сарвилл собрался и выдавил из себя.

— Живым или мертвым. Неважно, — в тронный зал вошел Хранитель Порядка — Санли Орегх. Следом ступало три дюжины паладинов и целая толпа зевак, притаившихся следом, видимо, исключительно из любопытства. — Брось меч, и мы придадим тебя суду по всем законам Дордонии.

Личная стража Рогара опустила мечи, а Сарвилла, Седрика и Иллайю обступили люди в тяжелых латах. Меч странника звонко опустился на пол.

— Вы пойдете со мной, а завтра Совет Тринадцати придаст вас суду. Ваше Величество. — Хранитель Порядка слегка приклонил голову, ясно давая понять, что не пойдет ни на какое соглашение, касающееся самосуда, и покинул тронный зал, едва удерживая на лице равнодушие.

\*\*\*

Ноэми сидела все в той же звенящей тишине, крепко сжимая в руках большой десятидюймовый ключ от темницы, который Шолд успел передать ей незадолго до своего исчезновения.

— Вот ключ, — пробубнил тогда великан. — Выйдешь, когда захочется. Сам выводить не буду — мое достоинство мне не понадобится, если из меня пустят кровь за предательство.

На следующий и во все другие дни после этого разговора к ней в темницу бросать объедки на пол со стола королевской прислуги приходил уже другой тюремщик — полная противоположность Шолду — тощий, словно пустынная гиена, но с умом, многократно превышающим ум предыдущего смотрителя. На все вопросы чародейки о Шолде он отвечал презрительными взглядами и хлесткими пинками, куда придется. Тогда Ноэми стала полностью полагаться только на себя и на тот ключ, который открывал ей путь из темницы, но точно не на свободу.

Она уже несколько дней выбирала момент для побега. Считала время, когда тюремщик приносил ей еду, прислушивалась к шагам за дверью, решала в какую сторону побежит, если путь будет уводить в разные, осознавая, что у нее будет лишь один шанс. Одна попытка.

Так тянулся день за днем. Ноэми предприняла несколько попыток бежать, но все они в итоге оказывались неудачными — то шаги тюремщика за дверью начнут отбивать страшный и раздражающий ритм, хотя по всем подсчетам их там не должно было случиться, то крик какого-нибудь очередного попавшегося шпиона заставит дрогнуть руку и достать ключ из замочной скважины, пряча его обратно в выдолбленное отверстие в стене, чтобы дожидаться более подходящего момента для побега. А однажды когда все подсчеты были сделаны верно, дважды проверены и Ноэми уже была готова уходить, ее внезапно взял глубокий сон, и проснувшись волшебница вновь потеряла счет всякому времени — тогда подготовку к побегу пришлось начинать заново.

После очередных трех бессонных ночей у нее, наконец, получилось все правильно рассчитать. Неуступный сон хоть и пытался вновь овладеть Ноэми, но на этот раз она не поддалась ему нарочно наворачивая беспрестанные круги по темнице. Чародейка больно щипала себя за руки, когда хотелось упасть прямо на ходу и сильно сжимала в кулаке ключ от свободы пока кровь не начинала ползти из ладони наружу. Потом она останавливала ее, тем самым скоротав еще немного нескончаемого времени.

Ржавый ключ поворачивался тяжело и неторопливо, однако от этого, казалось, скрип

звучал еще громче, чем если бы Ноэми рванула его резко и быстро подобно одному из тюремщиков, что часто и нехотя заваливались в ее временное пристанище.

Дверь отворилась.

Волшебница осторожно выглянула в коридор — со всех сторон было пусто и мрачно. По пламени на факелах она поняла с какой-то стороны задувает ветер и бесшумно ступая босыми ногами по шершавому камню, пошла в сторону бесконечного мрака, от которого все время пытался убежать огонь.

Коридоры, коридоры, бесконечные однообразные мертвые коридоры. Ветер дул то с одной стороны, то с другой, пытаюсь запутать чародейку и оставить навсегда в бесконечных лабиринтах королевских тюрем. Она не могла ни о чем думать, и все время повторяла про себя одну фразу — «Как такой увалень и тупица, как Шолд, мог здесь так легко ориентироваться?»

Все камеры в этих тюрьмах при стройке гномами тысячелетия назад задумывались для того, чтобы использовать их под сокровищницу — внутри было достаточно помещений, чтобы отделить золото от серебра, нынешний доход от накопленного богатства, исторические ценности от заурядных драгоценных металлов, не говоря уже про оружейную с различной символикой и другие, требующие отдельных помещений, драгоценности. Однако, позже — во времена Великой Осады Дастварда, вся армия столицы держала оборону внутри замка Шаарвиль — глубокий ров, окружавший здание и высокие прочные стены следом за ним, делали крепость практически неприступной для любого завоевателя, а в помещениях сокровищницы расположились все не способные держать оружие — женщины и дети. Именно тогда все золото королевства переместили невесть куда — до последнего об истинном местонахождении королевской казны знал только сам король, а также Хранитель Ситемов.

Ноэми дошла до очередной развилки и остановилась, пытаясь понять — проходила она уже здесь или нет.

— Ушла... — голос звучал прямо из-за угла. Дверь одной из темниц была распахнута. Ноэми беззвучно выругалась — она не отдалилась от своей темницы ни на йоту за все время побега. — Как такое возможно? — вновь зазвучал низкий сильный голос, достойный какого-нибудь гнома с самой чистой родословной.

— Не понимаю, как это могло произойти, господин, — ответил голос более высокий и нервный. — Должно быть, у нее был ключ.

Ноэми посмотрела вокруг, пытаясь понять в какую сторону ей следует идти на этот раз, чтобы вновь не вернуться обратно — гномы явно объяли какой-то защитной магией это место.

— Должно быть..., это дело рук Шолда. Следовало обыскать ее, как только мы узнали о его предательстве. Как давно она могла уйти?

— Не могу точно сказать, господин. Я не заходил к ней со вчерашнего вечера. — голос продолжал дрожать. — Мне велено три раза в день посещать каждого заключенного, я и посещал. Кодекса я не нарушил, стало быть, пришел, как и должно — ровно к завтраку.

— И, верно. — отозвался неизвестный. — Послушай. Я пошлю за беглянкой и доложу обо всем Его Величеству, если, конечно, она еще жива. Но есть дело не менее важное. Сегодня один корчмарь заявил, что в его заведении остановился странник, а с ним еще несколько его спутников. Я знаю, что людей медведя уже схватили и должны были привести сюда для ожидания приговора Совета Тринадцати. Отведи меня к ним, я хочу их допросить.

— Не могу, господин Орегх. Мне жаль, но король лично спускался за пленниками и увел их.

Голос Хранителя Порядка стал раздраженным.

— Ригер, что говорит твой кодекс конкретно о такой ситуации? Дословно.

— Пункт двести сорок восемь. Заключенный имеет право на прием пищи три раза в день и неограниченное количество воды. Тюремщик обязан подавать еду по своему усмотрению, что касается воды — она должна быть у заключенного по первому его требованию.

— Я не про ведьму, Ригер! Скажи мне, какой из пунктов твоего кодекса гласит о том, что король на свое усмотрение имеет право освобождать преступников и уводить их из мест заключения по своей воле?

— Я...я... — тюремщик онемел.

— Пункт четыреста двадцать четвертый кодекса тюремщика гласит, — глаза Хранителя Порядка залились кровью, и он с особым напором и яростью принялся цитировать Закон. — Заключенный не должен покидать мест заключения ни при каких обстоятельствах, за исключением: если назначена дата суда и заключенному необходимо на нем присутствовать; если вынесен смертный приговор и заключенному необходимо ехать на казнь; если заключенный хочет сделать публичное заявление, попросить Суда Богов или предъявить любые доказательства, очищающие Его имя; а также, если в месте заключения случился пожар, наводнение или любое другое бедствие, угрожающее жизни заключенного. Однако поправка гласит, что если заключенному уже вынесен смертный приговор, то смертника нужно оставить в зонах повышенного риска. Все.

Меч звонко выскочил из ножен.

— Мой отец всегда учил меня следовать слову Закона, и ему самому это правило позволило прожить счастливую жизнь и принять достойную смерть. Если делать все согласно этим писанным правилам, будет то, что зовется Порядком, ты понимаешь? Знаешь, что бы произошло с тобой, если бы я нарушал законы? — продолжал поучать Хранитель Порядка. Отвечало только немое тяжелое сопение. Лезвие снова лязгнуло о ножны, и Орегх проскрежетал. — Самосуд! Но закон есть Закон. Замена пребудет на твое место с завтрашними петухами. До того — продолжай нести службу, если не хочешь занять место одного из своих подопечных.

Ноэми услышала все, что хотела услышать и, шлепая босыми ногами по лужам, непонятно из чего побежала в сторону противоположную той, что выбирала до этого и все время думала о том, почему стражу не послали по этим запутанным коридорам — ведь пустив людей с разных сторон преследователи могли попросту загнать ее словно дикого зверя. Наверняка уже проводили такие эксперименты, когда запускали кого-нибудь незнающего эти треклятые лабиринты и засекали время, которое ему понадобится, чтобы выбраться отсюда, но из отсутствия погони вывод один — либо по самым простым подсчетам чародейка уже могла выбраться на свободу, либо... безопасного выхода отсюда нет. Все сводилось к древней магии гномов.

«Почему им не удалось схватить Сарвилла и что за спутники с ним могли быть? Неужели он уже добрался до Вастераса? И зачем ему понадобилось возвращаться? За принцессой? За мной? За родителями? В своем репертуаре — эгоистичный, импульсивный, безрассудный!» Она выругалась вслух, не заметив этого.

Долго блуждая по одинаковым коридорам, в какой-то момент Ноэми опять очутилась

рядом со своей открытой темницей, но на этот раз внутри никого не было. Чародейка подняла с пола маленький камень, которым с самого первого дня в заточении выщарапывала полоски на стенах, чтобы не запутаться в днях — одна полоска каждые три приема пищи и которым много позже закрывала нишу в стене куда прятала ключ, любезно отданный ей испуганным за свое достоинство великаном. Теперь этот камень послужил для того, чтобы оставлять на стенах, где она уже побывала продолговатые полосы, указывающие ей самой направление ее движения и помогающие выбрать другой путь, если она натыкалась на них вновь.

Способ оказался эффективным и через какое-то время Ноэми очутилась посреди широкого коридора, ведущего наружу и являющего в конце себя яркий дневной свет и чистое голубое небо. Решеток не было. Свобода! Надо же, а она надеялась лишь на то, что кто-то по неосторожности забудет запереть главный вход или, в крайнем случае, придется поступать по ситуации, дожидаясь какого-нибудь заблудшего стражника, входящего или выходящего из королевских темниц, а тут такая удача!

Солнце светило прямо в коридор, нагревая камень под посиневшими от холода ногами чародейки. Она подошла к самому краю, посмотрела вниз и остолбенела. Обрыв — волны Солнечного Моря с непрерывным энтузиазмом разбивались о бесконечное количество скал, торчащих из воды, и стекали обратно по стенам замка, уходящим глубоко в бездну. Чародейка почувствовала непреодолимый страх высоты, и в тоже время ее тело стало набираться сил, наполняясь безмятежным спокойствием морских глубин.

Прыгать прямо на скалы было самоубийством, поэтому Ноэми некоторое время копила силы, а потом вытянула руки перед собой так, что ладони оказались нависшими над беснующейся водой. Она сосредоточилась и закрыла глаза. Волны принялись яростнее и чаще облизывать стены Шаарвиля, с каждым разом поднимаясь все выше и выше до тех пор, пока чародейка не упала на колени не в силах выдерживать еще и свое тело — изнутри все горело, боль растекалась по рукам и ногам, била в голову. Еще через несколько мгновений Ноэми не смогла сдержать крик, заглянувший в каждый уголок королевской тюрьмы, который поднял на ноги тюремщика, тут же бросившегося на поиски беглянки.

Прошло достаточно времени прежде, чем смотритель тюрем оказался в том же просторном коридоре, уходящем прямо в небеса, где, стоя на коленях и, тяжело дыша, волшебница продолжала творить свою магию. Сейчас уровень воды внизу был гораздо выше. Ноэми знала, что за спиной кто-то есть, она чувствовала это всем своим изнеможенным телом, поэтому, не дождавшись пока море поднимется еще выше она, даже не посмотрев вниз, упала с обрыва.

*«Я безумно горд тем, что мне удалось узнать такие яркие подробности возвращения странника в Дастгард. Сплетение всех этих судеб поистине великих людей в одном месте под названием Шаарвиль... Истинно говорю вам, это не случайность и не стечение обстоятельств. Это самая настоящая хитроумная задумка Богов и их ловушка для всех этих несчастных людей, вынужденных вести войну друг с другом, тогда как настоящее Зло скрывалось в стороне от их всеобщего взора. Что же касается меня... Я совсем слаб. Меня поразила страшная хворь, название которой я не знаю и боюсь, что мне не суждено рассказать вам эту великую историю до конца... Скитаясь по здешним землям, гонимый навязчивой идеей поведать вам сие изумительное приключение, я вовсе кончил жить собственной жизнью, испытывая каждое приключение вместе со странником, а может и вместо него. Это стало самой большой ошибкой на моем пути. Ошибкой, которая похоже*

*сведет меня, балбеса, в сырую могилу... Я напрочь позабыл, что страннику было суждено преодолеть множество препятствий на своем пути, а меня понесло вслед за ним туда, где я подхватил какую-то заразу. Я лежу здесь уже третий день — воды тут вдоволь, вот только еда на исходе, а ноги так и не желают подчиниться моей воле. Боюсь, что мне недолго осталось. Я хочу просить... просить того, кто идет по моим следам также, как я когда-то шел по пути великого мага и чародея. Прошу. Мир должен узнать эту историю».*

*Недописанные заметки чужеземца, найденные на Дождливом Утёсе среди останков, погрязших в болоте.*

**Конец первой книги.**

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**